

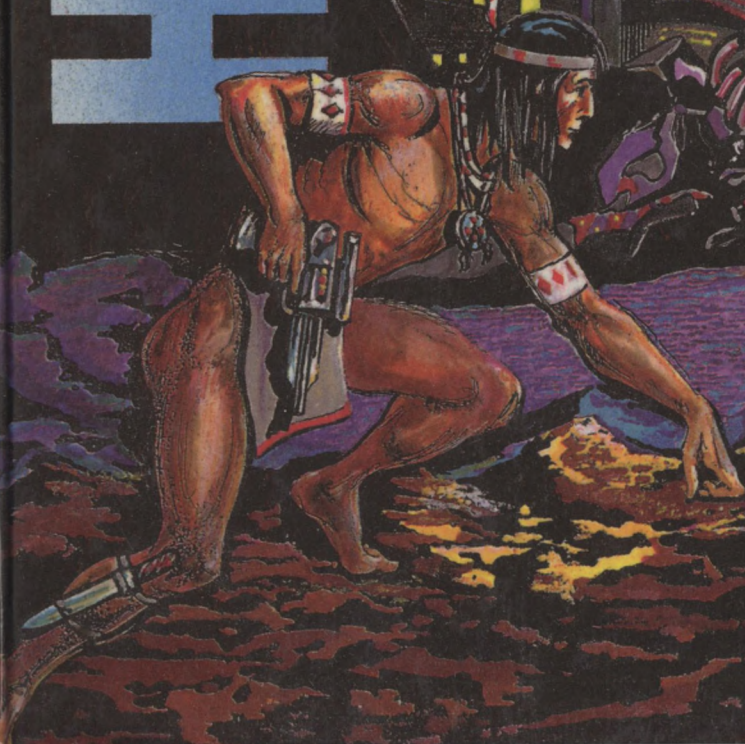
Андрэ НОРТОН

АНДРЭ

НОРТОН

ВОЙНА
ВО ВРЕМЕНИ

ВОЙНА
ВО ВРЕМЕНИ

ИЗБРАННЫЕ
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

АНДРЭ НОРТОН

*том восьмой
книга вторая*

*Патруль не сдаётся!
Ключ из глубины времен*

романы

Издательство «Зеленоградская книга»,
г. Зеленоград
1993г.

ББК 84.7 США
Н49

Нортон Андрэ

Война во времени. Книга вторая: романы/Пер. с англ.
— Зеленоград: Изд-во «Зеленоградская книга»,
1993г. — 352 стр. Вып. 15.

Во второй книге восьмого тома включены произведения
Андрэ Нортон, объединенные автором в цикл
ВОЙНА ВО ВРЕМЕНИ. В этой книге читатель вновь
встретится с агентом во времени Россом Мэрдоком и
его товарищами.

***Печатается с разрешения автора и его литературного агента.
Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом
без разрешения — запрещена. Всякое коммерческое
использование данного издания возможно исключительно
с ведома издателя.***

Н $\frac{4701000.000 - 15}{480 (03) - 93}$ Без объявления

ББК 84.7 США
ISBN 5 — 86314 — 021 — 6

THE DEFLIANT AGENTS

© 1962 by Andre Norton

KEY OUT OF TIME

© 1963 by Andre Norton

© Издательство «Зеленоградская книга», 1993г.

© Пер. с англ. «Патруль не сдается!», Л. Гряднева, 1993г

© Пер. с англ. «Ключ из глубины времен», Д. Арсеньев, 1993г

**ПАТРУЛЬ
НЕ СДАЕТСЯ!**

*Посвящается П. Ш. Миллеру,
который пожелал увидеть
в произведении колонистов-апачей, и
Чарлзу Ф. Келли, который так полюбил повести
об агентах во времени.*

Глава первая

Ни одно окно не нарушало торжественную официальность четырёх стен кабинета. В чопорном помещении не было места весёлым лучам солнца, однако пять лежавших на столе дисков сияли, казалось, сами по себе. Возможно, это светилась и играла энергия будущих событий и перемен, таившаяся в них.

Но эта игра воображения не могла смягчить неумолимые факты бытия. Доктор Гордон Эш, один из четырёх сидевших здесь людей, в угрюмом молчании взиравших на игру света, слегка потряс головой, избавляясь от паутины домыслов.

Его сосед справа, полковник Кэлгаррис, хрипло спросил, подавшись вперёд:

— А всё-таки, тут не может быть ошибки?

— Ты же сам видел показания детектора, — с холодной рассудительностью ответил седовласый пожилой сухопарый человек, сидевший за столом. — Ошибки нет. К этим пяти кто-то точно получил допуск.

— И мы потеряли теперь два реальных шанса из имевшихся, — пробормотал Эш.

В этом-то и заключалась проблема, заставившая их здесь собраться.

— А я-то полагал, что их тщательно охраняют, — упрекнул седоволосого Кэлгаррис.

Непроницаемое лицо Флориана Валдора даже не дрогнуло.

— Были приняты все мыслимые меры предосторожности. Но, к сожалению среди нас оказался крот — заблаговременно внедрённый шпион...

— Кто? — нетерпеливо перебил его Кэлгаррис.

Эш оглядел своих собеседников — полковник Кэлгаррис, возглавлявший часть проекта «Звезда», Флориан Валдор, начальник охраны на станции, доктор Джеймс Ратвен...

— Кэмдон! — выпалил он, сам поражаясь тому ответу, к которому его привела неумолимая логика.

Валдор кивнул.

Впервые за долгое время своей совместной работы Эш заметил выражение растерянности на лице Кэлгарриса.

— Кэмдон?! Но ведь его прислали... — глаза полковника сощурились, — его должны были направить... подсадную утку обязательно бы обнаружили на одной из контрольных станций.

— Ну да, его действительно направили для работы к нам. Тут всё в порядке, — впервые за время разговора в голосе Валдора промелькнул проблеск эмоции. — Он был тщательно законспирирован. Должно быть, его завербовали лет 20, а то и 30 тому назад, с самого начала его поступления для участия в проекте.

— Ну что ж, он действительно оправдал надежды своих хозяев, верно? — проворчал Джеймс Ратвен. Он задумчиво пожевал толстые губы, не отрывая взгляда от дисков.

— И как давно они получили доступ к дискам? — поинтересовался он.

Мысли Эша, весьма болезненно переживавшего столь вероломное предательство, сразу же переключились на этот важный факт. Теперь, когда непоправимый ущерб был уже причинён, оставшееся в их распоряжении время становилось важнейшим фактором в этом уравнении.

— Вот как раз этого мы и не знаем, — с трудом выдавил из себя Валдор, словно стыдясь признаваться в своей неосведомлённости.

— Следовательно, давайте предположим самое худшее — противник получил информацию на самой ранней стадии, — заявление Ратвена по своей сути было столь же ошеломительно, как и шок, пережитый ими, когда Валдор объявил о беде.

— Да что вы! Восемнадцать месяцев назад?! — запротестовал Эш.

Ратвен кивнул.

— Кэмдон принимал участие в проекте с самого начала. Эти навигаторские кассеты кочевали по всем отделам, а новый детектор вступил в действие лишь две недели назад. Это ведь было обнаружено при первой же проверке? — спросил он Валдора.

— Да, при первом же обходе, — подтвердил начальник охраны. — Кэмдон покинул базу шесть дней назад. Но как посредник, он принимал участие в работе с самого начала.

— Но он же каждый раз был вынужден проходить через КПП, — удивился Кэлгаррис. — Я полагал, что там и мышь не проскочит, — полковник просиял от неожиданной мысли. — Может, он и переснял кассеты, а вот вывезти с базы не смог. Его комнату осмотрели?

Валдор недовольно поджал губы.

— Не надо, полковник, — заметил он устало. — Мы с вами не в детском саду. Чтобы подтвердить успешность его миссии, послушайте... — он ткнул клавишу на столе, и в кабинете зазвучал бесстрастный голос комментатора новостей:

— ...опасения за безопасность Ласситера Кэмдона, инспектора космических баз от Комитета Западного полушария, подтвердились при обнаружении останков авиакатастрофы в горах. Мистер Кэмдон возвращался из Звёздной Лаборатории, когда его самолёт потерял связь с аэродромом. Сообщения метеорологов о проходившем в том регионе грозовом фронте вызвали...

Валдор щёлкнул выключателем.

— Это правда? Или всего лишь прикрытие? — удивился вслух Кэлгаррис.

— Может быть и то, и другое. Они, например, могли преднамеренно списать его, когда получили всё, что от него требовалось, — признал Валдор. — Но возвращаясь к нашим проблемам. Доктор Ратвен совершенно прав, подозревая самое худшее. Мне кажется, мы можем преуспеть в нашем проекте лишь исходя из предположения, что

кассеты были выкрадены за прошедшие восемнадцать месяцев. И действовать мы обязаны соответственно.

В кабинете воцарилась тишина. Все погрузились в свои собственные мысли. Эш скользнул поглубже в кресло, его мозг наполнили воспоминания. Начало всему положила операция «Ретроспектива», когда прошедшие особый курс программы обучения агенты во времени снова встали вперёд по историческому прошлому, пытаясь выследить источник потрясающих знаний, которые неожиданно для всего мира вдруг принялись эксплуатировать восточные коммунистические государства.

Сам Эш и его молодой партнёр, Росс Мэрдок, приняли непосредственное участие в заключительной акции, которая открыла тайну, выследив источник сведений не в ранних и позабытых земных цивилизациях, но в потерпевшем катастрофу звездолёте галактической империи. Империи столь древней, что она процветала ещё в то время, когда ледники покрывали большую часть Европы и Северной Америки, а сами земляне ещё обитали в пещерах. Мэрдок, загнанный разведкой красных в один из этих повреждённых звездолётов, случайно вышел на связь с первоначальными хозяевами, которые затем прошли по цепи станций времени красных — нашли грабителей и в отместку уничтожили всю систему их временных станций.

Но инопланетянам не удалось обнаружить западную сеть, и годом позже был начат проект «Фолсом-I». И вновь Эш и Мэрдок, вместе с новичком, апачем Тревисом Фоксом, отправились в прошлое Аризоны и обнаружили там два звездолёта: один разбитый, а другой — нетронутый. При попытке перенести уцелевший звездолёт в настоящее, случайное стечение обстоятельств активизировало пульт управления с курсом, проложенным давно умершим инопланетным навигатором. И группа из четырёх землян — Эш, Мэрдок, Фокс и случайно оставшийся в корабле техник — совершили невольное путешествие по космосу, посетив три планеты, на которых от галактической цивилизации далёкого прошлого теперь остались только руины.

Навигационная кассета, докрутившись до конца, ка-

ким-то чудом вернула их на Землю с грузом подобных кассет, найденных в полуразрушенном здании на одном из миров, в руинах, которые, по всей видимости, когда-то были столицей государства, состоявшего не из областей, стран или планет, а из целых солнечных систем. Да, они привезли целый груз кассет, и каждая — ключ ко многим мирам.

Все эти древние галактические знания оказались сокровищем, о котором земляне не могли и мечтать, несмотря на извечный страх, что подобные открытия могут оказаться оружием во вражеских руках. Состоялась всемирная конференция, на которой с представителями всех стран поделились кассетами, выбранными наугад. Несмотря на столь взвешенный подход, каждое государство втайне оставалось при убеждении, что их соперники получили более лакомый кусок. Эш ни капли не сомневался в том, что в данный момент их собственные разведчики пытались сделать то же самое, что и Кэмдон. Однако это ни на йоту не помогало решению сложившейся ситуации в отношении операции «Кошениль» — части их огромного проекта. Волей судьбы она теперь становилась самой важной.

Некоторые из кассет оказались пустышками, либо слишком повреждёнными, либо вели к мирам, непригодным для землян. Из пяти кассет, которые оказались продублированы Кэмдоном, три были бесполезны для противника.

Но из оставшихся двух... Эш сдвинул брови. Одна из них скрывала в себе цель, работу над которой они вели вот уже в течение двенадцати месяцев: пересечь бездну космоса и основать колонию, успешную колонию, с тем, чтобы использовать её впоследствии как плацдарм для продвижения к новым мирам.

— ...значит, нам надо пошевелиться, — отвлекшись от своих воспоминаний, Эш расслышал только концовку речи Ратвена.

— А мне казалось, тебе потребуется по крайней мере ещё три месяца, чтобы закончить обучение своих людей, — сухо заметил Валдор.

Похожим на сосиску пальцем доктор почесал нижнюю

губу — жест, за которым — Эш знал это по собственному опыту — должна была последовать очередная выходка. Полковник Кэлгаррис тоже насторожился — ему частенько приходилось выступать оппонентом политике Ратвена.

— Мы всё проверяем да проверяем, — заявил толстяк. — Конца и краю проверкам нет. Мы словно черепахи — ползём, ползём, когда надо бы мчаться быстрее борзых. Я предупреждал с самого начала против чрезмерной осторожности, можно подумать, — он обвёл обвиняющим взглядом Эша и Кэлгарриса, — что в жизни не случается импровизаций, что всё всегда делается строго по инструкции. Я утверждаю, что сейчас как раз наступил момент, когда мы должны рискнуть всем, иначе останемся в дураках. Стоит другим обнаружить хотя бы одну инопланетную установку, в которой они смогут разобраться и... — палец переместился с губы и чикнул по горлу, — и с нами покончено. Мы и рыпнуться не успеем.

Среди посвящённых в проект многие согласятся с этим мнением, Эш это знал. Да и в стране, и в правительстве тоже. Публика привыкла к азартным ставкам, которые оканчивались в большинстве своём, удачами. К сожалению, прошлое содержало немало подобных примеров. Но сам Эш согласиться на подобную спешку никак не мог. Он был там — среди звёзд, и не раз только чудом избегал полной катастрофы, и всё потому, что у него не было соответствующей подготовки.

— Моё мнение таково: я предлагаю провести старт в течение недели, — объявил Ратвен. — Я так и доложу Комитету...

— Не согласен, — вступил в разговор Эш. Он бросил взгляд на Кэлгарриса, ожидая поддержки. Однако молчание затянулось. Потом полковник развёл руками и хмуро произнёс:

— Я тоже не согласен, но моё слово ничего не значит. Эш, что необходимо для ускорения времени отлёта?

Ответил Ратвен:

— Мы можем воспользоваться редаксом, как я и требовал с самого начала.

Эш выпрямился, сердито сжав губы и гневно сверкая глазами:

— А я выражу протест... в Комитете! Послушай, мы же имеем дело с людьми — с добровольцами, которые нам доверяют, — а не с лабораторными кроликами.

Ратвен свёл губы в презрительной усмешке.

— Вы все как один сентиментальные души, вы — специалисты по прошлому! Вот скажи мне, Эш, всегда ли ты думаешь о безопасности своих подчинённых, когда посылаешь их на маршрут во времени? И согласишься, путешествие в пространстве менее рискованно, чем путешествие во времени. Эти добровольцы знали, на что идут. Они будут готовы...

— Так ты предлагаешь рассказать им о функции редакса, и что он может сотворить с человеческой психикой? — ответил вопросом на вопрос Эш.

— Именно. Пусть знают всё.

Эша это не удовлетворило, и он хотел высказаться, но Кэлгаррис прервал:

— Ну, если дело дойдёт до этого, то ни у кого из нас нет прав принимать окончательное решение. Валдор уже подал рапорт о шпионаже. Нам остаётся только ждать приказов Комитета.

С видимым усилием, опираясь на подлокотники, Ратвен грузно поднялся с кресла.

— Верно, полковник. А теперь бы я предложил каждому из присутствующих хорошенько продумать дальнейшую работу собственных секторов, — и после этого комментария он протопал к двери.

Валдор выразительно оглядел оставшихся. Было очевидно, что ему не терпится вернуться к прерванной работе, но Эшу не хотелось уходить с пустыми руками. У него появилось предчувствие, что события ускользают из-под контроля, что назревает кризис гораздо более болезненный, чем простая кража документов. Всегда ли врага можно найти на другой стороне мира? Или, может, он рядится в те же самые одежды, живёт под одной крышей и даже разделяет на словах те же цели?

В коридоре он заколебался, и Кэлгаррис, опередив его на пару шагов, нетерпеливо глянул через плечо:

— Не переживай так. Всё равно у нас связаны руки.

— И ты тоже согласен применить редакс? — уже второй раз за последний час Эш испытывал чувство, будто твёрдая почва уходит из-под ног.

— Дело не в моём согласии или несогласии. Суть проблемы теперь в том, что либо мы возьмём верх, либо нет. Если они получили фору в восемнадцать месяцев, пусть даже в двенадцать... — руки полковника сжались в кулаки. — Уж их-то не удержит никакой гуманизм.

— Так значит, ты убеждён, что Ратвен добьётся одобрения Комитета?

— Эш, уж ты-то должен знать. Когда имеешь дело с перепуганными людьми, то они внимают лишь тому, что хотят слышать. Не забывай, доказать, что редакс опасен, мы не можем.

— Но мы же использовали его лишь в строго контролируемом окружении. Ускорить процесс — значит, наплевать на все меры предосторожности. Отправить группу мужчин и женщин в их расовое прошлое и продержать их там слишком долго... Я просто не знаю, чем это грозит, — затряс головой Эш.

— Но ты-то в операции «Ретроспектива» с самого начала, такой великолепный успех...

— Мы действовали совершенно иным образом. Мы ориентировались на специально отобранных людей и возвращали их в те моменты истории, которые исключительно хорошо подходили к их личным темпераментам и ролям, которые они могли сыграть. Верно. Но даже тогда у нас случались неудачи. Ты только вдумайся, используя редакс, мы возвращаем их не во времени, а помещаем умственно и эмоционально в сложившиеся прототипы их собственных предков. А это совсем другое.

Апачи вызвались добровольно и прошли все тесты, которые психологи только могли выдумать, но они ведь американцы сегодняшнего дня, а не кочевники 200—300-летней давности. Если раз нарушить какой-то барьер, то, в конце концов, можно закончить ломкой всех барьеров.

Кэлгаррис нахмурился.

— Ты подразумеваешь... ты хочешь сказать, что они способны регрессировать полностью и потерять всякий контакт с настоящим?

— Вот именно. Образование, специальные тренировки, это всё хорошо. Но я возражаю против полного пробуждения расовой памяти. Возврат к прошлому и тренинг должны идти рука об руку, иначе нам действительно не миновать беды.

— Да, если бы у нас было хоть немного времени... Эш, я уверен, что Ратвен добьётся одобрения своих планов и Валдор его точно поддержит.

— Тогда придётся предупредить Фокса и всех остальных. У них имеется право на выбор.

— Ратвен сказал, что так и поступят, — в тоне полковника сквозило сомнение.

Эш фыркнул:

— Поверю лишь тогда, когда услышу это собственными ушами!

— А не могли бы мы...

Эш обернулся и посмотрел на полковника:

— Ты о чём?

— Ну, ты же сам сказал, что в нашей программе путешествий во времени были свои неудачи. Мы прогнозируем их, принимаем даже когда сердцу больно. Когда мы бросили клич добровольцам для данного проекта, мы предупредили, что работа будет связана с большим риском. Тогда набрали три группы — эскимосы, апачи и гавайцы. Их специально подобрали из-за высокой способности к выживанию в прошлом. Эта способность крайне важна для колонистов на самых различных планетах. Хорошо, эскимосы и островитяне не предназначались для миров на тех кассетах, которые оказались продублированы, но планета Топаз ждёт апачей, и нам только предстоит забросить их туда как можно быстрее. С какой стороны ни посмотри, всё плохо!

— Я обращаюсь прямо к Комитету.

Кэлгаррис пожал плечами.

— Что ж, можешь рассчитывать на мою поддержку.

— Ты как будто не уверен, что удастся чего-нибудь добиться?

— Ну, ты же знаешь наших торгашей. Тебе придётся пошeweливаться, если хочешь опередить Ратвена. Он наверняка сейчас прямоком бросился к Стэнтону, Ризу и Маргейту. Он этого давно дожидался.

— Но есть же пресса. Общественное мнение поддержит нас...

— Эш, признайся, что ты сказал это сгоряча, — отозвался Кэлгаррис внезапно похолодевшим тоном.

Эш залился краской. Нарушение секретности их миссии было сродни богохульству. Он принялся машинально отряхивать брюки.

— Да, — бесцветным голосом буркнул он. — Просто сорвалось с языка. Я свяжусь с Хоутом и буду надеяться на лучшее.

— Тем временем, — деловито вставил Кэлгаррис, — мы примем все меры, чтобы пришпорить наши программы. Я бы предложил тебе отправиться в Нью-Йорк немедленно.

— Мне? Но почему? — подозрительно поинтересовался Эш.

— Да потому, что я не могу покинуть свой пост без приказа. Тем более, что это способно вызвать нежелательную для нас реакцию. Ты лично поводишься с Хоутом и всё ему объяснишь. Ему необходимо знать все факты. Иначе он не сможет противостоять Стэнтону в Комитете. Ты знаешь, чем мы располагаем, и у тебя достаточно авторитета, чтобы с тобой считались.

— Я сделаю всё, что в моих силах, — бодро отозвался Эш.

Полковник почувствовал облегчение, чувствуя, как изменилось настроение коллеги. Кэлгаррис проводил Эша взглядом до бокового коридора, и только потом направился к себе в офис. Сидя за столом в кабинете, он смотрел в пустоту, не видя стен. В голове теснились картины неведёных размышлений. Затем он нажал серию клавиш и углубился в изучение символов, начавших мелькать на экране, встроенном в стол. Потом он решительно вдавил кнопку интеркома и поднёс ко рту микрофон, собираясь

отдать приказ, который бы хоть ненадолго мог отсрочить навалившиеся на них неприятности. Конечно, Эш был великолепным специалистом в своей области, но за ним нужен глаз да глаз. Его частенько подводили эмоции.

— Бидвел, измени расписание для группы «А», пусть отправляются в гипнолабораторию. Немедленно.

И положив микрофон, он снова невидяще уставился в одну точку на стене. Гипнотический сеанс длился три часа. Прерывать его было нельзя. И Эшу не удастся поговорить с рекрутами перед отлётом в Нью-Йорк. Таким образом, Кэлгаррис одним махом избавлялся от излишних сейчас разговоров.

Полковник невольно скривился. Он не испытывал гордости за себя. С одной стороны, он был абсолютно убеждён, что Ратвен возьмёт верх, а с другой — склонялся к тому, что опасения Эша по поводу редакса небезосновательны. Всё это сводилось к старому девизу: цель оправдывает средства. Они обязаны воспользоваться любой возможностью, чтобы Топаз попал под их контроль. Пусть даже планета и была затеряна глубоко-глубоко в глубинах космоса у чёрта на куличках. Но время утекало сквозь пальцы. Их вынуждали играть без козырей. Эш вернётся, но, как надеялся Кэлгаррис, лишь тогда, когда всё так или иначе решится.

Решится, закончится! Кэлгаррис моргнул. Может, с ними уже покончено. Это станет известно лишь когда звездолёт с колонистами приземлится на том далёком мире, который получил кодовое название Топаз.

Глава вторая

В планетной системе жёлтой звезды словно золотисто-бронзовая драгоценность сияла небольшая планета, в атмосфере которой медленно плавала целая сеть боевых станций, запущенных шестью месяцами раньше. Они эффективно перекрывали всякий доступ к планете, способные перехватить и уничтожить любой корабль, не знающий специального кода.

Такова была теория, пока ещё, однако, не проверенная на практике. Среди двенадцати сверкающих точек, плавающих вокруг планеты, неожиданно появилась и тринадцатая, и, ничего не подозревая об опасной паутине, раскинутой в атмосфере, принялась плавно опускаться на поверхность планеты.

Звездолёт, сошедший со стапелей Западного Альянса, пилотировали четверо землян — двое пилотов и двое пассажиров, с нетерпением дожидавшихся посадки. Янтарно-золотистая планета на экране пульта управления росла и приближалась, и вскоре экипаж уже мог различить знакомые по кассете очертания морей, континентов и горных цепей. Знакомые и теперь уже реальные.

Одна из сторожевых боевых станций молниеносно отреагировала на приближение корабля. Сфера боевой станции заняла позицию атаки под треск переключающихся реле, торпеды нацелились на пришельца. Но одно из реле не сработало, и реальная цель отошла от отображённой на боевых планшетах на какой-то миллиметр. Однако на станции слежения никто ничего не заметил.

Один из пилотов вновь прибывшего корабля с тревогой подался вперёд, впиваясь взглядом в экран. Он увидел прямо по курсу размытую глобулу боевой станции. Их ждало столкновение. Он тут же пробежался пальцами по пульта управления, закладывая в бортовой компьютер изменение траектории снижения. Перегрузка вдавила всех в ложемент, и, откидываясь на спину, он успел только хрипло выдать:

— Они... нас... опередили...

Ратвен даже не обратил внимания на слова пилота. Он и сам прекрасно всё понял, взглянув на данные приборов. Его душила слепая злоба на самого себя. Он поставил на карту всё, добиваясь поставленной цели, а теперь представлял собой беспомощную мишень в небесах Топоза, к которому так стремился.

Пилоты лихорадочно прикидывали, что бы ещё сделать в такой опасной ситуации, стремясь избежать бессмысленной гибели в белом облаке плазмы. Ратвен в бессильном

гневе впился ногтями в подлокотники ложементов, а второй пассажир что-то беззвучно бормотал, торопливо шевеля губами.

Далеко в глубинах корабля, за сотнями переборок, в грюме стояла клетка. Один из койотов в ней насторожил уши, затем приоткрыл глаз и осмотрелся. Он чувствовал не голько окружающую его обстановку, но и страх и тревогу, царившие в рубке. Зверь приподнял острую морду и в мохнатой глотке у него заклокотало.

На рычание откликнулся другой пленник. Полные разума жёлтые глаза их встретились. Эти двое были не просто койотами, они сильно отличались от всех остальных своих собратьев — плоды долголетнего эксперимента в попытке соединить разум с природной хитростью, связать мысль с инстинктом.

В течение тысяч лет, с тех пор, как первые кочевые племена проникли на Американский континент, там уже обитал охотник степей, младший сородич волка, чьи природные способности произвели огромное впечатление на аборигенов. В бесчисленных индейских легендах он фигурировал либо как созидатель, либо как ловкач — то друг, то враг, в зависимости от настроения. Для некоторых племён божество, для других — прародитель зла. В венке индейских легенд и сказок чаще всего можно встретить упоминание о койоте.

Под натиском цивилизации койот оказался вытеснен в болота и пустыню. Уничтожаемый ядом, пулями, капканами, всем, что могло только придумать человечество, койот выжил, приспособившись к новым условиям благодаря своей легендарной хитрости. Но койот оставался ловкачом, и даже те, кто обзывал его шакалом, невольно добавляли к его славе рассказы о хитроумных проделках: о пустых капканах, об ограбленных вигвамах, о безуспешных погонах за ним. И его задорное твяканье сопровождало незадачливых охотников, разносясь по вершинам гор, залитым лунным светом.

Более поколения назад человечество выбрало пустыню — «белые пески» Нью-Мексико — в качестве полигона для

ядерных испытаний. И хотя людей можно было защитить от радиационного заражения, подобный контроль просто невозможен за четвероногими и крылатыми обитателями пустыни.

И вот в начале XXI века, когда мифы и легенды древних жителей были преданы забвению, рассказы о предприимчивости и хитрости койотов стали приобретать всё более фантастическую окраску. В конце концов, ученые заинтересовались этим существом, и в ходе экспериментов на практике убедились, что койот действительно обладает всеми теми качествами, которые приписывались его бессмертному тёзке в легендах доколумбовой поры.

Это открытие вызвало настоящий шок у некоторых консервативных умов, ибо койот не просто приспособился к стране белых песков, он эволюционировал в нечто большее, и его уже нельзя было считать просто животным. Первая экспедиция привезла шесть щенков. Койоты по виду, но по умственным способностям — нечто невероятное. Внуки этих щенков и находились сейчас в клетке на корабле. Они стояли, тревожно поводя мордами из стороны в сторону и взвешивая свои шансы на бегство. Посланных к Топазу в качестве глаз и ушей для менее зорких людей, их нельзя было назвать полностью ручными. Пределы разума зверей до сих пор оставались непостижимыми даже для тех, кто их воспитывал, обучал и работал с ними уже со дня их рождения.

В момент, когда паника в рубке достигла своего апогея, глухое горловое клокотание самца перешло в рычание. На упругих, мягких лапах оба зверя приблизились поближе к дверце клетки.

Кроме тех, кто оставался в рубке, и этих двух обитателей клетки на корабле покоилось ещё сорок инертных и неподвижных тел, погруженных в анабиоз. Их сознание было далеко от звездолёта, они отправились в места, где не ступала нога человека, территории, пожалуй, более опасные, чем любая земная твердь.

Операция «Ретроспектива» возвращала людей в прошлое: охота на мамонтов, караваны бронзового века,

завоевания Аттилы и Чингисхана, служба на баржах Древнего Египта. Редакс возвращал людей в прошлое их предков, такова была теория, но в точности этого не знал никто, и только спящие здесь, в анабиозных капсулах, люди могли дать точный ответ: жили они или нет жизнью своих предков — апачей техасских степей XVIII-го века.

Там, наверху, в рубке, пилот, преодолевая чудовищную перегрузку, трясущейся от напряжения рукой пытался дотянуться до особой кнопки на пульте управления. Это была чрезвычайная мера на крайний случай, хотя сам он сомневался в эффективности этого шага. Что последовало за нажатием кнопки, уже никто объяснить не смог. Все, кто находился в рубке, погибли.

На станции слежения, расположенной на Топазе, полыхнули экраны, и когда через пару минут изображение всё-таки восстановилось, картинка оказалась размыта, и трудно было понять, что же на самом деле произошло в космосе.

Изуродованный звездолёт, сумасшедше кувыркаясь, падал на поверхность планеты. Бортовые системы пытались автоматически стабилизировать курс, запустились ионные двигатели, но два из них тут же отключились. Несмотря на всё это кибермозгу звездолёта удалось направить корабль в центр диска планеты.

Со стороны посадки показалась полной катастрофой. Корабль ударился о склон горы и с грохотом и лязгом покатился вниз по скалам, обдирая обшивку и корёжа внутренние переборки, пока не застрял у подножия, завалившись на бок. Однако горный барьер теперь надёжно закрывал его от радаров станции слежения. И в этом им повезло, поскольку наблюдатели, видевшие сцену в космосе, сумели разглядеть только мощный взрыв торпед.

И когда, наконец, корабль замер, наступила гнетущая, мёртвая тишина. Двое пилотов и один пассажир в рубке погибли, так и не дождавшись посадки. Но мощная сила воли доктора Ратвена словно клещами вытянула его сознание из мрака обморока и заставила осознать происходящее. Он обессиленными пальцами начал скрести застёжку

ремня, приковывавшего его к ложементу. Он слышал чьи-то надрывные, полузадушенные стоны, и даже не сразу сообразил, что это стонет он сам. Его избитое, истерзанное тело буквально захлёстывали волны адской боли, вздымавшиеся при каждом его движении. Он терял сознание, потом снова приходил в себя, и всякий раз одна лишь воля заставляла его думать только о том, что он должен успеть сделать перед тем, как мрак смерти окончательно поглотит его.

Наконец ему удалось расстегнуть пояс. Он со стоном перевалился через подлокотник ложемента и ничком свалился на пол, снова потеряв сознание. И вновь могучая воля вернула его к действительности. Преодолевая страшную тяжесть в непослушном, истерзанном болью теле, он пополз в свою каюту по наклонному полу. Он ни о чём не думал, перед ним стояла одна цель: добраться по склону коридора до колодца с лестницей, спуститься на нижнюю палубу и задействовать оборудование, которое пробудило бы всех остальных обитателей этого теперь мёртвого, изуродованного корабля. Стиснув зубы, он полз и полз, временами теряя сознание, до тех пор, пока всё-таки не добрался до своей цели.

Он даже не осознавал до конца ту ситуацию, в которой сейчас находился. Оглушённый болью, он не понимал значения искорёженных переборок и потолков, однажды он прополз по краю скалы, которая, пробив обшивку, прорвалась внутрь корабля. Но даже это не заставило его задуматься ни на секунду. Он полз, зная только одно: необходимо выключить редакс.

Но когда Ратвен наконец добрался до крохотной каютки, внезапно наступившая ясность мысли вернула его к действительности. Он вдруг понял, что теперь, когда его цель оказалась всего в двух шагах, он не сможет собраться с силами, приподняться и отключить анабиоз. Но у него возникла и другая мысль: а зачем все эти мучения и чудовищные усилия? Что, если те, в анабиозе, погибли? Что, если корабль разрушен полностью и всё оборудование выведено из строя? Тогда он остался один на этом разбитом звездолёте, звездолёте, полном мертвецов.

Но сила воли толкала его вперёд и вперёд. Подобравшись к креслу, он правой рукой ухватился за подлокотник и с диким криком от невыносимой боли, которая пронзила всё его измученное тело, сумел-таки подтянуться и навалиться всем телом на край сидения. В глазах потемнело от усилия. Хрипло дыша, он опустил голову, чтобы немного прийти в себя, и когда наконец чёрная пелена стала медленно растворяться, Ратвен собрал остатки сил, поднял тяжёлую, постепенно немеющую левую руку и потянулся к небольшому рычагу на пульте, который был так близко и в то же время так далеко.

Он уже почти дотянулся до него, когда тело сорвалось с сидения. В последнем усилии, уже падая, Ратвен успел ударить по рычагу, и мешком рухнул на пол.

На какое-то время сознание ушло, предоставляя ему благое спасение от муки и боли в чёрной тишине небытия, но он всё ещё не был уверен: удалось ему повернуть рычаг или нет? Ратвен глухо застонал, приоткрывая глаза, но не сразу разглядел каюту, а только постепенно предметы стали проступать сквозь глухую пелену. Он попытался повернуть голову, и взглянуть на положение рычага, но воля, всё это время поддерживавшая тело в напряжении, на этот раз предала его. Он вдруг почувствовал, что больше уже не может бороться с тем спокойным онемением, которое дарила ему смерть. Он ещё несколько раз попытался приподнять отяжелевшие веки, но тьма наступала, и наступала неумолимо, милосердно увлекая его за собой.

Тусклый свет несколько раз мигнул и погас. Темнота, наступившая в помещении с клеткой рассеивалась лишь слабым отблеском света в пяти метрах дальше по коридору. Там зияла довольно большая дыра во внешней обшивке корабля, и сквозь неё до двух острых носов доносились свсжие, новые запахи незнакомой планеты. Двумя днями раньше самец-койот успел надорвать сетку, окружавшую клетку, хотя разум ему и подсказывал, что бегство с корабля — бессмысленно. Однако теперь они получили отличную возможность обрести свободу. Это подсказала

ему та телепатическая связь, которую он так тщательно скрывал всё это время, притворяясь обыкновенной собакой. Теперь наступил момент действовать. Койот стал быстро прорывать дыру в сетке, затем просунул в неё лапу и скинул защёлку. Дверца клетки распахнулась.

Они выбрались из своей тюрьмы и направились к отверстию, из которого доносились самые разные запахи нового дикого мира, мира, свободного от всякого присутствия человека.

Самка, по природе своей более осторожная нежели самец, следовала по пятам. Он же, настороженно наводив уши, бежал впереди, готовый к любым опасностям. Наконец он выскочил из корабля и удивлённо затаивался, приглашая подругу к себе. Однако она не торопилась.

Всю свою жизнь проведя с человеком, она была натренирована проводить разведку и наблюдения только с приказа своих хозяев. Теперь же они остались одни, и это вселяло в неё растерянность и сомнения. Но запахи мёртвого корабля казались ей чуждыми и неприятными, а новый дикий мир манил к себе свежим ветерком и сумеречным светом. Привлекаемая радостным потягиванием своего друга, самка наконец преодолела последние метры и оказалась на свободе.

Из всех приборов корабля выдержал только редакс. Редакс устоял там, где не выдержали остальные продублированные и всячески защищённые устройства. Электричество заструилось по кабелям, активизируя анабиозные капсулы. Однако пятеро из анабиозников погибли ещё во время посадки, оставшись на склоне горы, а трое, не успев проснуться, задохнулись в окружившей их тьме кошмаров. Но в капсуле ячейки, ближайшей к пролому, сквозь который выбрались койоты, благополучно проснулся молодой мужчина. Он сел и огляделся по сторонам полными ужаса глазами. В кромешной темноте он кое-как сумел выбраться из капсулы, на слабых, подгибающихся ногах еле преодолел путь до выхода и обессиленно привалился к двери. Бессознательно, только благодаря

тренировкам, он нашупал замок. Очутившись в коридоре, мужчина помотал головой, пытаясь избавиться от головокружения, осмотрелся, и его неумолимо потянуло к отблескам лунного света в проломе корпуса.

Он сделал несколько неуверенных шагов, но ноги подкосились, он упал и смог только поползти к дыре. Выбравшись наружу, он с трудом взобрался по осыпи глины и земли, которую сгрёб перед собой корпус падавшего звездолёта. Скатываясь по склону, человек задел головой о камень и потерял сознание, распростёршись навзничь среди редких зарослей травы.

Вторая, малая луна Топазы быстро скользила по чёрному звёздному небу, заливая всё вокруг зеленоватым светом. И эти сумеречные лучи упали на мужчину, лежавшего без сознания, превращая его лицо в мертвенно бледную маску. Даже потёки крови, застывшие на лбу, казались чёрными. Луна быстро достигла горизонта и вскоре скрылась за ним, но второй спутник Топазы — первая, большая луна — по-прежнему освещал землю золотистыми лучами. И когда она достигла зенита, среди ночных шорохов разразилось тьяканье.

Под аккомпанемент самозабвенного тьяканья человек очнулся. Он тяжело шевельнулся, затем сел, прижав руку к голове. Глаза приоткрылись, и сквозь застилавший их туман он огляделся вокруг. Но на вздымавшуюся над ним громаду искалеченного звездолёта человек даже не обратил внимания. Вместо этого он поднялся и, спотыкаясь, на непослушных ногах вышел из тени в распадок. В голове у него носилась настоящая крутоверть из мыслей, обрывков воспоминаний и эмоций. Возможно, Ратвен или кто-нибудь из его помощников и смогли бы объяснить ему в чём дело, но в этот момент Тревис Фокс — агент во времени, член группы «А» операции «Кошениль» — казался гораздо менее разумным животным, чем два койота, поглощённые своим ночным ритуалом.

Шатаясь из стороны в сторону, Тревис двинулся навстречу тьяканью, в котором инстинктивно чувствовал что-то знакомое. Этот звук вдруг самым неожиданным

образом отчётливо и ясно прорезал ту круговерть обрывков воспоминаний, которая мешала ему мыслить. Спотыкаясь, падая, вновь поднимаясь, он слепо двигался по направлению звуков.

Там, наверху, на склоне холма, самка настороженно потянула воздух носом и признала в приближающемся запахе знакомый образ жизни. Она нетерпеливо тявкнула на самца, но тот был слишком увлечён своей ночной песней, которую всё тянул и тянул, задрав острую морду к луне и самозабвенно закрыв глаза.

Тревис запнулся и рухнул на четвереньки, мозг словно пронзила раскалённая игла. Пытаясь подняться, он повернул руку, повалился на бок и затих, не двигаясь, уставившись на луну.

Над ним замаячила тень, дохнуло теплом, и звериный язык быстро лизнул лицо. Он откинул руку и, нащупав жёсткую густую шерсть койота, сжал её пальцами — единственный спасительный якорь в сошедшем с ума мире.

Глава третья

Тревис опустился на одно колено и осторожно раздвинул стебли рыжеватой травы. Перед ним раскинулась долина, скрытая вдали золотистой дымкой. Голова от удара камнем невыносимо болела, и то, что ему приходилось всё время напряжённо думать, пытаясь разобраться в окружающей совершенно незнакомой обстановке, вовсе не способствовало хоть малейшему уменьшению её. Мужчина с тревогой и непониманием смотрел на горизонт. Он прекрасно знал, что должен был увидеть совсем другую долину, без этой золотистой дымки и рыжей растительности, но реальность казалась кошмарным сном, и всё в его сознании перепуталось окончательно.

Неподалёку в траве мелькнула серая тень, и Тревис напрягся. Мба'а — койот? Или же его спутниками были духи га-н, которые могли по своей воле выбирать себе форму. И на этот раз странным образом приняли вид

коварного врага человека. Кто они: ндендай — враги, либо далаанбийати — союзники? В этом сумасшедшем мире знать подобное хоть с какой-то достоверностью просто невозможно.

Эйдикье? Он сконцентрировал все свои мысли на этом слове: друг?

Жёлтые, полные разума и осознанной мысли глаза встретились с его взглядом. С тех пор, как он очнулся туманным утром в этой загадочной глуши, его не покидало ощущение, что эти четвероногие, по своей воле сопровождавшие его в бесцельных блужданиях, явно обладали отнюдь не звериными повадками. Они не только не отводили глаз, но и, казалось, каким-то непостижимым образом читали его мысли.

С самого пробуждения его мучала невыносимая жажда, которая перехватывала и жгла горло. И эти двое, упрямо подталкивавшие его в одном направлении, наконец привели его к роднику, где он сумел напиться. И он дал им имена, имена, которые сами собой всплыли откуда-то из тёмных глубин невыразимых кошмаров, которые мучали его с первого же момента, как он очнулся здесь, в совершенно дикой местности, один, без всякой поддержки.

Самку, которая буквально не отходила от него ни на шаг, он назвал Наликидью (Скво, Которая Ходит По Горным Хребтам). Для самца же нашлось имя Нагинлта (Тот, Кто Всегда Разведывает Вперед), который именно так всегда и действовал, время от времени исчезая, а затем откуда-то возникая, преграждая путь и глядя на человека и свою спутницу так, словно что-то хотел сообщить.

Наликидью подбежала к Тревису, высунув розовый язык и тяжело дыша. Но человек был уверен, что это не от бега, её просто что-то сильно волновало. Охота! Вот что!

Она хотела охотиться!

Тревис и сам облизнул неожиданно пересохшие губы. На него вдруг с необычайной ясностью навалилось это яркое впечатление: впереди, совсем неподалёку скрывалась пища, свежая, живой кусок тёплого мяса, только и

ждавшего, когда его убьют и освежают. В нём проснулся зверский голод и в один момент ощущение нереальности и отстранённости исчезло, оставив простоту стоявшей перед ним цели — охота. Вот это он понимал. Его рука потянулась к ремню, но неясная, смутная память подвела его — пояса на привычном месте не было.

И тут он впервые осмотрел себя, обратив особое внимание на одежду. На нём были кожаные штаны с бахромой, которые сливались с высокой травой, свободная рубашка, подпоясанная кушаком, а на ногах — высокие мокасины до середины голени.

Кое-что из всего этого показалось ему знакомым, но детали одежды навесили только смутные, обрывочные фрагменты, и снова возникло странное наложение отдельных воспоминаний, словно из кошмарного сна. Однако все эти неопределённые чувства вытеснило одно, самое сильное и цепкое — страх, страх перед опасностью, которая его поджидала. Один, без оружия, в дикой, неизвестной стране.

Наликидью проявляла явное нетерпение. Отойдя на пару шагов, она обернулась, глянула на него прищуренными жёлтыми глазами, и значение взгляда было удивительно понятным, так, как если бы она говорила словами. Дичь ждала, а она была голодна. Она не сомневалась, что в этой охоте Тревис обязательно поможет ей.

Соревноваться с ней в ловкости и скорости он не мог и тем не менее старался не отставать от неё, двигаясь по рыжей траве небольшими перебежками. Теперь только он окончательно потерял ощущение раздвоенности и понимал, что твёрдая почва под ногами, трава и кустарник, деревья, золотистая дымка на горизонте, закрывавшая долину — всё это было реальным и действительным, как и он сам. А значит, те призрачные сцены, которые то и дело всплывали у него перед глазами, представляли собой чистейшую галлюцинацию.

Даже воздух, который он вдыхал, обладал странным запахом, а может даже и вкусом. Он не был уверен. Он знал, что гипносеанс способен произвести непредвиденные побочные эффекты, но это...

Тревис неожиданно замер, смотря невидящим взглядом на колышущуюся траву, смыкавшуюся за койотами. Гипносеанс! Что это? У него в сознании невольно всплыли сразу несколько пейзажей, словно налагаясь один на другой. Он стиснул ладонями болевшие виски и потряс головой. Нет, ЭТО было реальностью: земля, трава, долина, острый мучительный голод и дичь, ждущая в зарослях. Он заставил себя сконцентрироваться на настоящем, на той части мира, которую видел, осязал, ощущал.

Он всё шёл и шёл за Наликидью, и трава постепенно становилась ниже, но дымка не рассеивалась. Казалось, она висела словно золотистый клубистый туман. И когда он проходил сквозь одно из таких облачков, ему показалось будто он продвигается сквозь рой золотистых, танцующих пылинок. Под прикрытием этой завесы Тревис добрался до полосы кустарников, припал к земле и бесшумно втянул воздух.

Пахло тёплым, живым запахом, который он не признал, но в то же время с лёгкостью отождествил с живым существом. Он протиснулся под нижними ветвями, осторожно раздвинув руками жёсткие листья.

Над небольшим островком травы посреди кустарника туман не висел, и ему удалось разглядеть трёх животных, которые паслись среди зарослей. Они были похожи на антилоп, но настолько разнились в формах тела, что он так и замер, совершенно поражённый. Тела их покрывали пучки длинной шерсти с неровными проплешинами между ними. Или это волосы? Создавалось такое впечатление, словно их кто-то ошипал да и бросил. Невероятно длинные, гибкие шеи, двигавшиеся по-змеиному, увенчивались мощными широкими головами, похожими на жабы. Прямо из лба расходились два загнутых вверх острых рога.

Инопланетная жизнь! Тревис моргнул и поднёс руку к раскалывавшейся от боли голове. Животных было трое. Двое покрупнее и с рогами, а третье — поменьше, с пробивающейся розовой шишечкой на лбу. По всей видимости — детёныш.

Но в размышления Тревиса неожиданно вклинилась

чужая мысль, один из тех телепатических контактов, которые уже не раз предпринимали койоты. Наликидью совсем не интересовала странная форма этих загадочных инопланетных существ. Она хотела есть, и видела перед собой только тёплое, живое мясо, и недоумённо негодовала: почему же так медлит человек.

Он кивнул её мыслям и уже с практической точки зрения стал изучать животных. Главной защитой антилопы была скорость бега, об этом говорили длинные стройные ноги травоядных, а у Тревиса не было никакого оружия дальнего боя. Но в то же время он откуда-то смутно помнил, что антилопа — животное любопытное, и его можно приманить довольно близко.

Однако, внимательно осмотрев грозные рога, Тревис вдруг подумал, что эти животные могут и не спастись от врагов бегством, а отважно атаковать хищника своим грозным оружием. Но ему пришлось отбросить осторожность в сторону. Койотов и его снедал мучительный голод. Он был охотником, а перед ним разгуливало живое мясо на копытах, каким бы странным и отвратительным на вид оно не казалось.

И снова контакт. Нагинлта находился уже на другом конце поляны. Тревис подумал, что если эти существа обратятся в бегство, то наверняка обгонят койотов, не говоря уже о нём, поэтому надо было срочно придумать какой-нибудь план.

Он глянул в ту сторону, где пряталась Наликидью, и оттуда моментально последовало мысленное одобрение. Он вздрогнул. Они явно были не животными, но га-н! И ему следовало относиться к ним, как га-н, и подчиниться их воле. Подгоняемый этими мыслями, Тревис цепким взглядом окинул поляну, прикидывая в уме, как сделать так, чтобы животные не смогли от них убежать.

Без оружия, проигрывая в скорости, они навряд ли поймают антилопу, если не придумают какую-нибудь ловушку. И снова он получил мысленное согласие, сопровождаемое странным чувством, что койоты верят в его ум и силу. И не стоит торопиться, надо всё продумать и

просчитать до мельчайших деталей. Телепатическая связь с койотами с каждым новым контактом становилась всё лучше и лучше, и для него это было странным, новым ощущением, как и весь этот мир.

Невысокие кусты и согнувшиеся гибкие деревца с жёсткими, росшими пучками листьями, окружали полянку стеной, доходя до скалистой расселины, где клубился золотистый туман. Если бы удалось направить антилоп в ту сторону...

Тревис огляделся. Рука задела верхушку камня. Он расшатал его и вытянул из земли, осторожно взвесив на ладони. Камень был тяжёл и удобен — первобытное оружие древнего человека.

Тревис, нахмурившись, неуверенно шагнул к кустам. Эти га-н легко проникают мыслями в его сознание, но сможет ли он сам передать им свои собственные мысли? С зажатым в руке камнем, прижавшись спиной к скале у самого выхода из расселины, Тревис просто и понятно попытался мысленно изложить свой план в надежде, что га-н его услышат. Он не знал, что реагирует на ситуацию точно так, как это прогнозировали учёные далеко за сотни парсек отсюда, и не догадывался, что в эти минуты превзошёл все ожидания тренеров, которые вырастили и обучили этих койотов-мутантов. Сам он думал, что это — единственный способ повиноваться желаниям двух духов, которых он считал более могучими, чем он сам. Он ясно и чётко представил себе расселину, бегущих животных и роль, которую должны были сыграть га-н, если только они захотят.

Согласие — эмоция одобрения была так ясна и ярка, словно кто-то произнёс это над самым ухом. Человек расслабился, ещё раз взвесил камень. Скорее всего для броска у него будет только одно мгновение, и он должен быть готов.

Отсюда кусты скрывали вид полянки, но Тревис словно собственными глазами видел, как койоты припадают брюхом к земле и ползут вперёд, тяжело дыша и вывалив розовые языки.

Ага! Голова Тревиса вздёрнулась. Началось. Койоты погнались антилоп. Он напрягся, с силой стиснув камень.

В ответ на тьякканье койотов послышался странный, ни на что не похожий звук, который он не смог бы описать: нечто среднее между кашлем и хрюканьем. И снова: тья, тья, тья...

Жабья голова прорвалась сквозь кустарник, угрожающе выставив двойные рога, увешанные с корнем вырванной травой. Широко расставленные глаза, молочно-белые, без зрачков, смотрели прямо на него. Но Тревис сомневался, что животное видит его, поскольку оно, набирая скорость, неслось к расселине. За ним бежал телёнок, и звук, который раньше слышал человек, срывался с тонких, плоских губ детёныша.

Не сбавляя бега антилопа качнула головой. Жабья морда припала к земле, и теперь острые длинные рога были направлены прямо на Тревиса. Он оказался прав, предположив, что животное с таким мощным оружием способно атаковать, и теперь оно, не на шутку разъярённое, неслось прямо на него, намереваясь проткнуть его насквозь.

Одним движением Тревис швырнул камень и бросился в кусты, обо что-то запнулся и полетел на землю. Он быстро вскочил, ожидая в любую секунду удара копытом или рогом, однако разъярённое животное исчезло. Лишь слева от него трещали и колыхались кусты, в которых билось в последней агонии умирающее животное. Где-то в устье расселины мелькнул белый хвост — телёнок удрал. В кустах затихло.

Не затаился ли зверь? Апач глянул сквозь кусты и только теперь обратил внимание, что отчаянное тьякканье продолжается, не смолкая ни на секунду. Похоже, там шла битва. Словно в подтверждение его мыслей появилась вторая антилопа, которая пятилась, наклонив голову и выставив вперёд рога, отступая под натиском двух койотов. Они то бросались на животное, то отступали, отпрыгивая назад, но убежать ему не давали, атакуя с двух сторон.

Один из койотов поднял голову, взглянул вверх по склону и гавкнул. И тут же, как по команде, оба они снова

бросились теснить животное, но на этот раз с одной стороны, оставив ему тропу для отступления. Зверь сделал выпад, от которого койоты легко уклонились, а потом с невероятной грациозностью развернулся и вихрем бросился в расселину. Койоты его больше не преследовали.

Тревис вышел из-за кустов и приблизился к тому месту, где рухнуло другое животное. Поведение койотов убедило его в том, что теперь никакой опасности нет, иначе они бы не позволили другой антилопе сбежать.

Глядя на подрагивающее, умирающее тело, Тревис подумал, что удар камнем оказался как нельзя более метким. Он ошеломил животное, и оно проломило себе череп, на бегу врезавшись в скалу. Слепая удача или могущество га-н? Он невольно подался назад, когда койоты приблизились и принялись обнюхивать добычу. Это была скорее их добыча, чем его.

Убитое животное дало им не только пищу, но и, что более важно, оружие для Тревиса. Ему удалось сравнительно легко выломать двойной рог из треснувшего черепа. Воспользовавшись камнем, Тревис обработал рога. Теперь у него появился один короткий кинжал и длинная пика, которой он мог бы справиться с любым врагом.

Наликидью игриво задела его хвостом, прошла к воде и принялась церемонно лакать. Потом уселась на задние лапы и принялась наблюдать, как Тревис тщательно шлифует камнем рог.

— Нож, — сказал он ей, — это будет мой нож. А потом, — он окинул взглядом деревья вокруг, — потом я сделаю лук. С луком мы будем лучше охотиться.

Самка зевнула, полуприкрыв жёлтые глаза. От неё так и веяло умиротворением и сытостью.

— Нож, — повторил Тревис настойчиво, — лук.

Ему требовалось оружие, без него никак нельзя! Но почему? Он перестал шлифовать, рука так и замерла, не закончив движения. Странно... Жабьеголовая антилопа атаковала его, но ведь он успел уклониться. К тому же не животное охотилось на него, а он. Так почему же его мучит этот страх?

Он плеснул на разгорячённое лицо водой из родничка и потёр шею. Наликидью перешла на травку, улеглась, подмяв мягкие стебли под себя, и положила голову на лапы. Тревис присел на корточки и, задумчиво глядя на переливы ручейка, попытался разобраться в собственных мыслях.

Окружающая природа была чужда ему и совершенно не походила на то, что он знал. Но всё это вокруг — неоспоримая реальность. Он помог убить эту антилопу, в желудке переваривалось сырое мясо, сломанный рог лежал рядом, всё это было осязаемо и реально. А значит, все остальные воспоминания, картины мира пустыни и саванн, где он кочевал со своим племенем, ездил на лошадях и участвовал в набегах, были нереальными, или то место находилось слишком далеко от страны, где он теперь оказался.

Однако между этими двумя мирами не чувствовалось никакой границы. В какой-то миг он возвращался из успешного набега против мексиканцев... Мексиканцев! Тревис вдруг насторожился, как гончая, нащупав кончик ниточки, которая могла помочь распутать утомительный клубок загадок.

Мексиканцы... А он был апачем, одним из народа орла... Нет, нет!

Его опять прошиб холодный пот. Нет, это не его прошлое. Его зовут Тревисом Фоксом, он из конца двадцатого столетия, а не кочевник конца восемнадцатого века. Член группы «А», он участвует в научном проекте!

Сначала пустыня Аризона, а теперь это. Миновало какое-то мгновение, и он перенёсся из одного мира в другой. Апач огляделся с растущей тревогой. Погоди! Стояла кромешная тьма, когда пустыня кончилась, он лежал в странном ящике, потом коридоры, лунный свет, чужой и далёкий.

Ящик, коридор с гладкими стенами, в конце пути — чуждый мир...

Наликидью приоткрыла глаза, подняла голову, пошевеливая ушами, и уставилась на осунувшееся лицо человека, затем нетерпеливо заскулила.

Тревис подхватил с земли костяное оружие, поднялся и засунул его за кушак. Наликидью присела и, склонив голову, следила за ним. Человек двинулся обратно, отыскивая свой собственный след, а койот потрусил за ним, звонко твякнув, привлекая внимание самца. Тревис даже не обратил на это внимания. Он был слишком озабочен своими мыслями.

Солнце припекало, летающие создания то и дело вспархивали совсем рядом, один раз койот предупреждающе зарычал, и человеку пришлось свернуть с тропы в сторону. Он бы, наверное, так и потерял обратную дорогу, если бы его не вывели койоты.

— Кто вы? — даже сорвалось у него однажды, потом, подумав, он решил, что лучше было бы спросить: «Что Вы?» Койоты не были животными или, по крайней мере, в них присутствовало что-то неординарное. Часть его памяти, та часть, которая помнила пустыню, утверждала, будто это духи, однако другая половина его существа была уверена... Тревис потряс головой, решив принять их за тех, кем они и были — верными союзниками в чуждом мире.

День склонялся к закату, а Тревис всё ещё не достиг конца пути. Чувство необходимости гнало его по холмам и распадкам. Золотистый туман поднимался теперь над вершинами близких гор, и они не походили на горы его памяти. Серо-коричневые хребты, суровые, словно обутленные черепа, скалившие зубы в посмертной угрозе.

Преодолевая усталость, Тревис взобрался на пригорок. Выше на фоне неба вырисовывались силуэты обоих койотов. Когда он достиг этого места, сначала один, а потом и второй койот задрали морды к небу и разразились хныкающим воем — ритуал, составлявший часть их другой жизни.

Апач посмотрел вниз и, похоже, отчасти нашёл ответ на мучившую его загадку. Он узнал искореженную массу металла на склоне — звездолёт! Холодный ком страха стиснул внутренности, и голова запрокинулась в небо. Из груди вырвался крик, такой же безутешный и тоскливый, как и у сопровождавших его койотов.

Глава четвертая

Языки огня — старейшего союзника человечества, его оружие и инструмент — высоко вздымались над нагими камнями горного склона. Их отблески выхватывали из темноты сидевшие вокруг костра фигуры — человек пятнадцать. Чуть поодаль под защитой пламени и полукольца мужчин расположились женщины. Все они были похожи друг на друга, одной расы: невысокие крепыши с чёрными длинными волосами до плеч, жилистые бронзовые тела. Все они были молоды, многим около тридцати, некоторые даже ещё в юношеском возрасте. Кроме того, схожесть проступала и в том, с каким вниманием и тревогой на осунувшихся лицах они слушали Тревиса.

— ...значит, это должен быть Топаз. Кто-нибудь из вас помнит посадку на звездолёт?

— Нет, лишь только когда пробудились, — по ту сторону костра в темноте шевельнулся чей-то подбородок. Гневный взгляд скрестился с глазами Тревиса.

— Это какие-то происки пинда-лик-о-йи, белоглазых. Они никогда не поступают честно. Они с лёгкостью нарушают свои слова, как человек переламывает прогнивший сучок. Их слова столь же гнилы. Это ты, Фокс, заставил нас слушать их.

Среди женщин пробежал шепоток.

— Братья, разве я не сижу здесь с вами в этой странной далёкой глуши? — возразил он.

— Не понимаю, — один из апачей поднял ладонь, прося внимания. — Что с нами произошло? Мы побывали в мире древних апачей... Я, Джил-Ли, сопровождал Кучилло Негро в набеге на рамос. И внезапно я оказался здесь, в разбитой лодке, а рядом со мной — мертвец, который когда-то был моим братом. Как же я перенёсся из прошлого нашего народа и оказался в другом мире, среди далёких звёзд?

— Трюки пинда-лик-о-йи! — первый говоривший гневно сплюнул в огонь.

— Причина кроется в редакции, так мне кажется, — ответил Тревис. — Я слышал, как об этом рассказывал

доктор Эш. Новое изобретение, способное заставить человека вспомнить не своё прошлое, а прошлое его предков. И на корабле мы, наверное, находились под его воздействием, переживая жизни наших предков двести и более лет назад...

— Но зачем? — поинтересовался Джил-Ли.

— Чтобы больше походить на наших предков. Наверное, за этим. Редакс — составная часть проекта, в котором мы принимали участие. Для освоения новых миров необходим иной тип людей, чем ныне живущие на Земле. Мы позабыли или утратили какие-то качества, необходимые для противостояния опасностям неосвоенных пространств.

— Ты, Фокс, признал, что уже побывал на звёздах раньше, и тебе встретились опасности, о которых ты говоришь?

— Да, верно, вы слышали о трёх планетах, которые мне пришлось невольно посетить. И разве вы не вызвались добровольно участвовать в проекте ради новой и удивительной жизни?

— Но мы не соглашались, чтобы нас погружали в шаманские сны и засылали без нашего ведома Великий Отец только знает куда.

Тревис кивнул.

— Деклай прав. Но я знаю не больше вашего, зачем это было сделано и почему звездолёт потерпел аварию. Мы все обнаружили тело доктора Ратвена в каюте с редаксом и больше ничего. Никаких сведений, зачем нас послали сюда. Звездолёт починить невозможно, и мы должны остаться.

Вокруг костра воцарилось молчание. Позади остались несколько дней бурной активности, ночи лихорадочного сна, не дававшего отдыха изнурённым телам. Возле скалы были сложены контейнеры с припасами, которые им удалось отыскать в обломках звездолёта. Не сговариваясь, они единодушно решили покинуть место смерти, согласно древним традициям своего народа.

— Этот мир не заселён людьми? — хотел знать Джил-Ли.

— Пока были найдены только следы животных, а га-н больше ни о чём нас не предупреждали...

— Эти злые духи! — Деклай снова яростно сплюнул в огонь. — Я считаю, мы не должны иметь дел с ними. Мба'а не являются друзьями нашего клана.

По рядам сидящих пробежал одобрителный говорок. Тревис насторожился. Как же всё-таки на них повлиял редакс? По своему недавнему опыту он помнил это странное двойственное ощущение мира, ощущение, доводившее его чуть ли не до тошноты, когда воспоминания накладывались друг на друга. Он начинал подозревать, что для многих присутствующих здесь возвращение в прошлое прошло отнюдь не гладко и безболезненно. Джил-Ли искренне пытался разобраться в происходящем, в то время как характер Деклая чуть ли не полностью заместился его предком, который в своё время участвовал в набегах с Викторией, либо с Магнусом Колорадо! Тревиса обдало холодком предчувствия, что очень скоро противостояние прошлого и настоящего внесёт раскол в их маленькую группу.

— Злые духи или га-н... — впервые подал голос индеец со спокойным лицом и глубоко запавшими глазами. — Я вижу, из-за редакса мы все разошлись во мнениях, так что давайте не будем торопиться. В мире пустынь нашего народа я помню мба'а, они были хитры и изворотливы. Они охотятся с барсуком, и пока барсук разрывает нору мускусной крысы, что же делает мба'а? Ждёт с другой стороны терновника и ловит всех тех, кто выскакивает ему под лапу. Между ним и барсуком нет войны. Та парочка, что затаилась по ту сторону костра — взгляните, братья — они такие же охотники, как и мы, и они — наши друзья. В странном и чуждом мире негоже отбрасывать помощь кого бы то ни было. Давайте не будем вспоминать старых легенд, ведь они могут не совпадать с сегодняшним днём.

— Осторожный Олень говорит справедливо, — согласился Джил-Ли. — Необходимо найти подходящее место для лагеря, которое легко защитить. Ведь мы совсем не знаем здешних мест, может быть, мы вторглись на чью-то

охотничью территорию. Нас очень мало, так давайте же учиться осторожности лисы, пока наши ноги ступают по неизвестным тропам этого мира.

Тревис внутренне вздохнул с облегчением. Осторожный Олень, Джил-Ли... На этот раз их здоровые слова повлияли на настроение всей группы. Если кого-нибудь из них удалось бы выбрать халд-зилом — вождём клана, они бы все были в безопасности. У него самого отсутствовали подобные амбиции, и в любом случае, ему не хотелось давить на сородичей слишком сильно. Ведь это по его просьбе они все оказались участниками проекта, и он попадал под двойное подозрение. Особенно в глазах тех, кто думал так же, как Деклай, считавший его предателем извечных традиций.

До сих пор возражений оказалось гораздо меньше, чем он ожидал. И хотя братья и сёстры собрались в эту единую команду, подчиняясь тяге семейных уз, на самом деле они не были настоящим единым кланом, будучи представителями разных ветвей одного племени.

Надо сказать, что на Земле они все были наиболее прогрессивным авангардом своего народа, в узком смысле этого слова языка бледнолицых. Все они воспитывались и росли в мире последнего слова техники, но их всех отличала тяга к приключениям, выделявшая их среди остальных. Они добровольно и вполне успешно преодолели все мыслимые и немыслимые тесты, но вот редакс...

Зачем же к нему всё-таки прибегли? И чем был вызван перелёт? Что же заставило доктора Эша, Мэрдока и полковника Кэлгарриса — которых он знал, и которым доверял — отправить их без всякого предупреждения на Топаз. Было ясно одно — произошло нечто, позволившее доктору Ратвену изменить ход проекта.

Оживление вокруг костра вывело Тревиса из размышлений. Мужчины поднимались, переходили в тень и там растягивались на одеялах. Кроме одеял на звездолёте нашлись запасы оружия: ножи, луки, колчаны, полные стрел. Концентраторов оказалось немного, и уже завтра надо было начинать охоту...

— Зачем же всё это с нами сделали? — возле Тревиса появился Осторожный Олень. Он присел, и глаза его устремились на догорающий костёр. — Хотя я лично не думаю, что ты посвящён. От нас ото всех скрыли...

Тревис ухватился за эту мысль:

— А что, есть такие, кто утверждает, что я знал и согласился?

— Мы все были как один в наших мыслях и в наших желаниях. Теперь же мы стоим на разных ступенях небесной лестницы, соответственно характеру каждого, лестницы, по которой нас направили пинда-лик-о-йи. Один здесь, другой — там, а кто-то ещё выше... — и он пальцем прочертил в воздухе ломаный зигзаг. — И в этом таится опасность...

— Твоя правда, — согласился Тревис. — И тоже верно, что я ничего сам об этом не знаю. И что я делю эту лестницу вместе со всеми.

— Верю тебе, но лучше не уподобляться скво, мешающей кипящую уху, а отойти в прохладную тень высоких деревьев...

— К чему ты клонишь? — настаивал Тревис.

— Я хочу сказать, что среди нас ты единственный пересёк звёздные тропы, и поэтому тебе легче принимать всё новое. Нам нужен разведчик, к тому же койоты с радостью бегут по твоим следам, и у тебя нет страха перед ними.

Это была хорошая идея — выслать его на разведку подальше от лагеря, а у Осторожного Оленя будет время более тесно сплотить людей на воображаемой лестнице.

— Я выступлю утром, — согласился Тревис. Он мог бы отправиться и сейчас, но просто не в силах был заставить себя покинуть гостеприимный огонь и лишиться себя общества.

— Ты можешь взять с собой Цуая, — предложил Осторожный Олень.

Тревис промолчал, ожидая продолжения. Цуай был самым молодым, ещё неоперившимся юношей. Двоюродный родич Осторожного Оленя.

— Необходимо, — объяснил Осторожный Олень, —

узнать как можно больше об этой земле. И это всегда было в традициях нашего народа, что молодежь следовала след в след за мудрыми воинами. Ведь мало знать тропы, надо ещё перенимать мудрость старших.

Тревис разгадал намёк, крившийся за этими словами. Может быть, беря с собой на вылазки молодёжь, ему удастся воспитать своих последователей. Среди апачей вождями становились только благодаря своим заслугам. Тревис не собирался брать на себя обязанности вождя, но и не хотел, чтобы сплетни сделали из него изгоя. Изгнание из клана для апача было подобно малой смерти. Он должен завоевать на свою сторону тех, кто при случае мог бы поддержать его, когда Деклай и ему подобные перейдут от ворчания к открытой враждебности.

— Цуай — прекрасный ученик, — согласился Тревис. — Я буду рад его компании. Мы выступим на рассвете...

— Вдоль горного хребта? — спросил Осторожный Олень.

— Если искать место для постоянного лагеря, то да. Горы всегда обеспечивали надёжную защиту для нашего народа.

— Так ты считаешь, что здесь небезопасно?

Тревис пожал плечами.

— В этом мире я путешествовал только один день. Никого кроме животных не видел, но думаю, это вовсе не означает отсутствие врагов. Планета была среди кассет, что мы привезли с другого мира, а значит, её знали те, кто когда-то путешествовал от звезды к звезде, как мы по дорогам от племени к племени. Если путь к этому миру оказался записан на кассету, то для этого была причина, неизвестная нам. И эта причина до сих пор остаётся важной.

— И всё же это было так давно, — задумчиво произнёс Осторожный Олень. — Что это за причина, способная пережить века?

Тревис припомнил два чужих мира из прошлого. Один представлял собой пустыню, обитаемую странными зверьми — или, может, они когда-то были разумными? —

которые толпами появлялись в ночи из песчаных нор и нападали на звездолёт. Второй мир — с руинами колоссального города, погребёнными под пышной растительностью джунглей. Это там он сделал духовые трубки из нержавеющей металла в качестве подарка для крохотных крылатых людей — да и были ли они людьми? И там, и тут всё это были остатки древней галактической империи.

— Трудно судить о чужих мирах, — ответил он серьёзно. — Тем более, об империи таких масштабов. Если нам кто-нибудь встретится, мы должны проявлять осторожность. Но первым делом, конечно, надо найти подходящее место для лагеря.

— Да, возврата домой для нас нет, — заявил Осторожный Олень.

— Почему ты так думаешь? Ведь не исключено, что за нами прилетят...

Собеседник заглянул ему в глаза.

— Когда ты жил в снах, кем ты был?

— Воином: набеги... жизнь...

— А я... я был с го'нди, — отозвался Осторожный Олень.

— Но...

— Ведь бледнолицие уверяли нас, что подобная власть — власть вождя — не существует?! Да, пиндо-лик-о-йи много болтают, бледнолицые вечно заняты, уткнулись в свои инструменты, машины, и не способны глаз оторвать и посмотреть на окружающее. А тех, кто думает по-другому, чьи достоинства нельзя измерить привычными рамками, тех называют глупыми мечтателями. Но не все бледнолицые так считают, Тревис. Например, доктор Эш, он понемногу начинал прозревать.

Может быть, и я всё ещё стою на середине лестницы в прошлое, но я уверен в одном: для нас обратной дороги нет. Наступит время, когда из семени прошлого прорастёт что-то новое, и я верю: ты заслуживаешь стать наставником юности, этого нового. И прошу тебя, возьми Цуая, а в следующий раз — Льюпа. Ибо молодым, кто как тростник гнётся по ветру слов, нужно дать твёрдую опору.

Тревис вновь почувствовал ожесточённую борьбу в себе.

Борьбу между его культурой и диким инстинктом, так же как мысли и образы, заложенные редаксом, воевали в нём с представшей перед ними реальностью. Но теперь он чувствовал себя гораздо уверенней, чем в ночь первого пробуждения, и больше доверял своим ощущениям. Он знал также, что никто из апачей не признает в себе силу го'нди, власти духа, известную одним лишь великим вождям, если только она действительно не гнездится в его груди. Может, эта власть и была химерой снов о прошлом, но её влияние неоспоримо здесь и сейчас. Тревис не сомневался, что Осторожный Олень безоговорочно верил в свои слова, и эта вера передавалась другим.

— Это росток мудрости, нантан...

Осторожный Олень тяжело покачал головой.

— Нет, я не нантан, не вождь. Ты мне льстишь. Но я уверен в некоторых вещах. Ты тоже способен верить в то, что у тебя внутри, мой младший брат.

На третий день, двигаясь к востоку вдоль горной цепи, Тревис наконец сумел найти, как ему показалось, подходящее место для постоянного лагеря. Неподальёку проходил каньон, по которому протекал небольшой ручей. К нему сходилась множество звериных следов. По целому ряду крутых уступов он взобрался наверх и обнаружил растущий на склоне подлесок, из которого можно было нарезать жерди для типи. «Вода и пища под рукой, — размышлял Тревис. — Крутые уступы легко защитить от врагов, и даже Деклай со своими сторонниками признал бы такое место самым удобным для лагеря».

Выполнив свой долг перед кланом, Тревис мог теперь позволить потратить время на обдумывание собственной проблемы, вот уже который день мучившей его. Навигационные карты к Топазу были введены в кассету давно исчезнувшими людьми, таким образом, планета явно была очень важна для них. Но почему? Однако пока он не увидел на планете никого, кто по своему разуму превосходил бы жабьемордых. И его не покидала мучительная мысль, что во всём этом крылось нечто таинственное. Это подозрение не давало ему покоя ни днём, ни ночью. А может, Деклай

прав, когда обвинил его в том, что он слишком уж безоглядно следует по стопам пинда-лик-о-йи? Ведь Тревис вполне готов был довольствоваться обществом одних койотов, одиночество среди дикой и незнакомой природы нового мира не казалось ему таким уж подавляющим и пугающим, как для других членов клана.

На четвёртый день после того как раскинули постоянный лагерь, Тревис возился со своим вещмешком, когда рядом с ним присели на корточки Джил-Ли и Осторожный Олень.

— Собираешься на охоту? — первым завёл разговор Осторожный Олень, непостижимым взглядом следя за сборами.

— Только не за свежим мясом, — откликнулся Тревис.

— Чего же ты опасаясь? Что ндендай — враг людей — считает эту землю своей? — настороженно спросил Джил-Ли.

— Твои слова могут оказаться пророческими, — ответил Тревис. — Но сейчас я собираюсь охотиться совсем за другим. Я хочу узнать, чем был этот мир раньше, многие поколения назад, и почему путь к нему был нанесён на космические карты, которые привели наш звездолёт сюда.

— И ты уверен, что это знание способно принести нам пользу? — задумчиво протянул Джил-Ли. — Что оно наполнит мясом наши желудки, даст кров нашим телам, дарует жизнь нашему клану?

— Это всё вполне вероятно. Незнание — вот что может оказаться бедой.

— Справедливо. Незнание всегда сродни беде, — согласился Осторожный Олень. — Но лук, который пригоден для силы одного воина, может не подойти другому. Помни об этом, молодой брат. И, кстати, ты отправляешься в путь один?

— Вместе с Нагинлтой и Наликидью я не одинок.

— Возьми с собой Цуая. Четвероногие помощники хороши для того, кому они преданы и уважают. Однако плохо, когда человек уходит один от своего клана.

Ну вот, опять это проявление монолитности у клана,

чего он, Тревис, не всегда разделял. С другой стороны, молодой Цуай помехой не станет. Юноша уже доказал зоркость глаза, быстроту ума, интерес ко всему новому, так несвойственный остальным.

— Я собираюсь найти тропу сквозь горы. Это может стать долгой дорогой, — из вежливости запротестовал Тревис.

— Ты думаешь вести поиск на севере?

Тревис пожал плечами:

— Не знаю, да и как я могу предполагать? Надо же выбрать какое-то направление.

— Цуай пойдёт с тобой. Он молчалив среди старших, как и положено юнцу, но его мысли так же свободны, как и твои, — заключил Осторожный Олень. — Я вижу в нём такую же беспокойную тягу к новым местам.

— И ещё, — Джил-Ли поднялся. — Не заходи далеко, брат, чтобы не потерять обратной дороги. Это огромный мир, и мы здесь — как песчинка на берегу озера.

— Это я тоже знаю, — Тревис понял двусмысленность слов Джил-Ли, и тот скрытый намёк, который остался невысказанным.

На второй день пути они вышли на перевал, как и надеялся Тревис. Под ними распростёрлись долины, одетые в тёмный янтарь. Но теперь Тревис знал, что это трава, как и в южных долинах. Цуай указал подбородком:

— Просторно. Здесь только и разводить коней, да скот.

У Тревиса мелькнула мысль: а найдётся ли в этом мире животное, подобное коню?

— Ну что, спускаемся? — нетерпеливо спросил Цуай.

Степям, раскинувшимся перед ними, казалось, не было ни конца, ни края. Ровная, гладкая равнина без малейшего признака зданий или построек, голая, открытая всем ветрам. Но она манила его своей загадочностью.

С вершины перевала равнина казалась близкой, но им пришлось спускаться целые сутки. И только в середине утра второго дня предгорья остались у них за спиной. Они прямо-таки окунулись в густое море травы, которая скрывала их по пояс. Впереди, там, где бежали койоты, зигзагами

волновались золотисто-рыжие заросли. Молча пробираясь сквозь траву, Тревис неожиданно обратил внимание на странное жужжание.

Неподалёку он заметил небольшую проплешину в траве, на одной стороне которой жужжал и копошился рой насекомых. При их приближении, они взмыли вверх коричневым облачком.

Тревис коротко ахнул. Ему не верилось собственным глазам. Цуай опустился на колено, потом обернулся к Тревису с широко раскрытыми от изумления глазами и возбуждённо выпалил:

— Тревис, лошадиный навоз. Ещё свежий.

Глава пятая

— Прошла одна лошадь, неподкованная и со всадником. Она прошла оттуда, со стороны степей, причём неслась галопом так, что даже охромела. Здесь они останавливались на короткий привал. Где-то на рассвете... — подытожил Тревис со знанием дела, вспоминая приобретённый под воздействием редакса опыт воина.

Наликидью и Нагинлта, так же как и Цуай, стояли полукругом и внимательно вслушивались в речь Тревиса, словно понимая каждое слово.

— И вот ещё, — Цуай показал рукой на след, оставленный неизвестным всадником. Отпечаток ноги был смазан, будто кто-то пытался его скрыть.

— Да, вижу. Всадник невысокого роста, к тому же лёгкий. И похоже, чем-то перепуган.

— Пойдём по следу? — спросил Цуай.

— Пойдём, — согласился Тревис. Он взглянул на койотов и постарался ясно сформулировать в сознании обращение к ним. Он пытался объяснить им, что этот след очень важен для апачей, что по нему надо идти, и что если койоты сумеют увидеть всадника раньше людей, они должны сообщить об этом. Поняли они или нет, внешне это никак не отразилось на их поведении. Койоты просто исчезли в густой траве.

— Тогда, значит, здесь есть и другие, — прокомментировал Цуай, когда они с Тревисом пустились в обратный путь к горам. — Может быть, даже второй звездолёт.

— Эта лошадь, — задумчиво покачал головой Тревис. — Не помню, чтобы о них в проекте шла речь.

— А может, они всегда жили здесь?

— Вряд ли. В каждом мире своя особая эволюция. Но мы отыщем правду, когда встретимся с этой лошадью и её наездником.

На этой стороне гор было значительно теплее, и равнинный зной, накатывавшийся волнами, душил и утомлял. Тревис подумал, что неизвестная лошадь, вероятно, примется отыскивать воду, если всадник опустит поводья. Откуда они прибыли? И почему всадник так панически спешил?

Здесь степь была весьма неудобная: рытвины, холмы, пригорки; и изнурённая, хромая лошадь, похоже, выбирала путь полегче. И, кажется, всадник не мешал ей в этом. В одном месте земля оказалась довольно рыхлой, и Тревису удалось различить ещё один след. На сей раз его не пытались стереть, и по следу Тревис понял, что небольшого роста всадник носил сапоги. Здесь он спешился и вёл лошадь под уздцы, шагая широким, размашистым шагом.

Они крались по следам в обход скалистого выступа, когда наткнулись на поджидавшую их Наликидью. Она лежала, довольно вывалив розовый язык, и Тревис сразу же заметил какой-то небольшой мешок между лапами. Насколько можно было догадаться, койот вытащил этот странный предмет из неглубокой ямки под кустом, немного проволочив его по рыхлой земле. Похоже, что койот вытащил свой трофей только что. Тревис присел и, не касаясь руками, внимательно осмотрел свёрток.

Мешок был сделан из кожи, вероятно, кожи одного из жабьемордых, судя по пятнистой расцветке и пучкам длинных волос, оставленных на дне. Он был сшит из двух кусков кожи искусным мастером, знатоком своего дела, а закрывавший его клапан через край пристёгивался ремнями к бокам. Нагнувшись поближе, апач втянул в себя

воздух: смесь запахов — самой шкуры, лошади, дыма и другие, для него непонятные. Он развязал клапан и разложил перед собой содержимое.

Внутри оказалось довольно много вещей: рубашка из некрашеной серой овечьей шерсти с широкими рукавами; пышная, короткая куртка из тёмного вельвета. Тревис осторожно потёр ткань пальцами. Куртка была расшита, и Тревис безошибочно признал в вышивке сцену охоты. Земной олень с ветвистыми, развесистыми рогами, наклонив голову к земле, отбивался от нападавшей на него пумы. Сценку окаймлял геометрический узор, который мучительно что-то напоминал. Тревис тщательно разгладил куртку на коленях и сосредоточился, пытаясь припомнить, где же он видел нечто подобное... Книга! Иллюстрация в книге! Но что это была за книга и когда он её видел, апач никак не мог припомнить. Во всяком случае, это было очень давно, и вдобавок подобный узор его народом не использовался, это точно.

Внутри куртки лежал свёрнутый небесно-голубой, шелковистый на ощупь шарф. Такой голубой, как небесный свод Земли, так отличавшийся от золотистой вуали над головой здесь. Там же оказался и кожаный кошель с прекрасными красочными аппликациями. Высокое мастерство, Тревис сразу понял это. Внутри кошель оказались миска, нож и ложка, лезвие тусклого металла, роговые рукоятки украшены резными конскими головами с крошечными глазками из блестящих драгоценных камней.

Личные вещи, которые были очень дороги владельцу, и потому, когда их пришлось оставить, то он упрятал их поглубже, надеясь отыскать по возвращении. Тревис аккуратно, как лежало, сложил всё обратно в мешок. Его всё ещё мучало чувство неудовлетворённости и беспокойства. Он пытался вспомнить увиденный узор. Что-то в нём настаивало.

— Кто? — Цуай одним пальцем прикоснулся к мешку.

— Не знаю. Но это явно люди нашего мира.

— Да, то был олень, — задумчиво согласился Цуай. — Хотя рога вышиты неверно. А вот пума изображена просто

прекрасно. Мастер, который всё это делал, великолепно разбирается в животных.

Тревис зашнуровал мешок, но прятать его не стал, а присоединил к собственной поклаже. Если им не удастся настичь беглеца, то Тревису хотелось снова вернуться к узорам на куртке и постараться во что бы то ни стало всё-таки заставить себя вспомнить: где и когда он видел подобное.

Распадок, в котором они обнаружили мешок, вёл вверх, и следы шли всё дальше и дальше. Тревис без труда заметил, как всадник и лошадь всё больше и больше уставали, замедляя шаг. Второй мешок они обнаружили прямо на тропе. Его сбросили, даже не сделав попытки спрятать. Наликидью первой подбежала к нему, села рядом и принялась облизываться, тыча в него носом.

Тревис поднял влажный мешок, от которого пахло как-то странно, словно прокисшим молоком. Он приоткрыл его и, проведя пальцем, понюхал. Нет, это было не молоко, да и бурдюком это тоже назвать было нельзя. Тревис вывернул мешок наизнанку, но ничего не нашёл и, повертев в руках, швырнул его койоту. Наликидью тут же накинулась на него и, вцепившись зубами, принялась трясти, грызть, а потом слизывать прокисшую влагу.

— Здесь они останавливались на отдых, — деловито заметил Цуай. — Теперь уже скоро.

Тревис кивнул. Но теперь они уже вошли в пересечённую местность, где легко можно было спрятаться и проследить за тропой. Тревис постоял, пристальным взглядом внимательно изучая распадок и поросшие травой склоны, а затем решил, что им лучше всего оставить хорошо видимый след беглеца, подняться по восточному склону и пройти параллельно тропе. В этом лабиринте скальных выступов, проплешин и маленьких рощиц это представлялось нелёгкой задачей.

Тревис подал сигнал, Наликидью в последний раз лизнула мешок, взглянула на человека, а потом внимательно осмотрела холмистый распадок, поросший тёмно-янтарной высокой травой. Затем упруго поднялась

и потрусил вперёд. Она с Нагинлтой отправится в разведку, обшаривая местность, в то время как люди поднимутся по склону распадка, петляя между лабиринтами скальных отрогов.

Тревис стащил рубаху, аккуратно сложил её и подоткнул под кушак, совсем как его предки перед сражением. Затем он спрятал оба вещмешка — свой и Цуая — в кустах, при них остались только луки, колчаны, переброшенные через плечо, и ножи с длинными лезвиями. Словно тени они принялись скользить вверх по склону, двигаясь от укрытия к укрытию, и их бронзовая кожа сливалась с травой.

По мнению Тревиса до заката оставалось не меньше часа. Им предстояло отыскать незнакомца на лошади ещё до темноты. Уважение Тревиса к беглецу шаг за шагом росло. Может, этого неизвестного и гнал страх, но тот, как видно, сохранил присутствие духа и всё дальше углублялся в местность, которая могла его защитить и укрыть. Если бы только Тревис мог вспомнить: где же он видел эту сцену, так искусно вышитую на куртке; он интуитивно чувствовал, что за этим крылась какая-то важная для них мысль.

Цуай скользнул под раскидистое приземистое дерево и исчез. Тревис поднял руки и прошёл сквозь заросли кустарника. Они всё дальше и дальше уходили на юг, пробираясь среди низкой поросли. Одинокое возвышающийся пик горы служил им неплохим ориентиром, и время от времени они останавливались, чтобы сверить маршрут, а заодно и осмотреть местность в поисках беглеца. Путь этот был нелёгок. Несмотря на приближающиеся сумерки жара не спадала, они взмокли, хотелось пить, к тому же жёсткие ветви кустарника то и дело задевали голую кожу, оставляя на ней болезненные царапины.

Тревис, изгибаясь как змея, протиснулся меж двух больших валунов и тут же, припав к земле, залёг, уперев подбородок на руку. Плечи и голову нещадно жгло солнце, а свешивавшиеся из наголовной повязки пучки янтарной травы скрывали лицо.

Несколько секунд назад он перехватил мысленное предупреждение от одного из койотов. Те, кого они

искали, были теперь совсем рядом, где-то впереди, оба животных залегли в засаде, ожидая указаний. И ещё один намёк уловил Тревис в их телепатической вести. То, что нашли койоты, было им знакомо и говорило лишь о том, что беглец, по всей видимости, — землянин, а не уроженец Топоаза.

Прищурив глаза, Тревис терпеливо отыскивал воспринятое место. Его уважение к беглецу возросло ещё больше. Будь у них достаточно времени, они бы с Цуаем нашли укрытие и без помощи койотов, но с другой стороны, надвигалась ночь и они могли бы потерпеть неудачу, ибо беглец буквально зарылся в землю, воспользовавшись какой-то маленькой расселиной в горном склоне.

Однако больше всего удивляло другое: если даже человек спрятался, то куда же девалась лошадь? Поблизости никого нигде не было видно. Только кое-где опытный, зоркий глаз охотника и воина различал отогнутую или сломанную веточку, оборванный листок. Тревис вдруг подумал, что беглец, который так торопливо бросился прятаться, мог бояться преследования не по земле, а по воздуху. А может, беглец боялся, что преследователи направятся в обход, по склонам распадка, где сейчас и находились апачи? Тревис задумчиво пожевал кожу запястья. А не могло ли получиться так, что днём беглец затаился где-нибудь в надёжном укрытии и заметил своих преследователей? Но нет, никаких признаков этого не было, да и койоты уже давно об этом предупредили бы. Глаз и ухо человека обмануть легко, но Тревис доверял чутью Нагинлты и Наликидью.

Нет, предположение, что незнакомец, залёгший поблизости, ожидает апачей, можно было смело отмести в сторону. Однако он явно опасается, что кто-то или что-то может напасть на него с высоты. С высоты... Тревис повернул голову и подозрительно оглядел вершины холмов, окаймлявшие распадок.

В своём долгом путешествии по горам, через перевал и по этой огромной равнине, они ещё ни разу не встретились с реальной опасностью, которая могла бы им действительно угрожать. Встречались, правда, иногда следы

неизвестных животных, некоторые среди них, вероятно, и были опасны, но только раз койоты ворчанием предупредили его об этом. Но этот беглец предпринимал предосторожности, явно рассчитанные не на хищников, охотившихся в равнинных землях с помощью зрения или нюха, а против разумных существ, которые преследуют его.

И если странник ожидал нападения с высоты, то Тревису и Цуаю тоже следовало бы держаться настороже. Тревис внимательно оглядывал лежащие впереди холмы, всматриваясь в очертания равнины и стараясь дюйм за дюймом изучить пространство, которое им предстояло пересечь. И если раньше он страстно желал дневного света, то теперь наоборот, он только и ждал наступления сумерек с их полутонами и спасительными тенями.

Он закрыл глаза, и, сконцентрировав всё своё внимание, попытался мысленно представить все подходы к убежищу беглеца. Когда же он понял, что память его сработала чётко, и запечатлелись все детали пейзажа, Тревис отполз обратно за валуны, сев на колени, сунул два мизинца в рот и, прищёлкнувая языком, подал условный сигнал. Как они заметили, так обычно кричали небольшие, всего с ладонь величиной, пушистые зверьки, обитавшие на этих высотах. Они походили на небольшой шар с перьями, но на самом деле носили прекрасную шелковистую, мягкую бурую шёрстку, с помощью которой они ловко прятались в кустарнике и траве. Зверьки имели довольно коротенькие ножки, но, двигаясь с удивительной быстротой и изяществом, вели себя так нахально и смело, что было, как правило, присуще только существам, не имеющим природных врагов.

Из-за ствола упавшего дерева призывно замахала рука Цуая.

— Он прячется, — прошептал Цуай.

— Опасается угрозы сверху, — добавил Тревис.

— Но не нас, сдаётся мне.

Значит, Цуай тоже пришёл к такому выводу. Тревис попытался мысленно прикинуть время наступления суме-

рек. Он уже заметил, что при заходе солнца Топоза наступает момент, когда последние лучи, вырываясь из-за горизонта, отбрасывают причудливые, скачущие тени, играя на золотистой дымке. Это время больше всего подходило для их действий. Тревис всё это объяснил, и Цуай охотно кивнул.

Они уселись на землю, прислонившись спинами к тёплому валуну и используя ствол дерева в качестве прикрытия, и принялись поглощать свой рацион, дожидаясь сумерек. Эти безвкусные кубики только утоляли голод, давая им энергию, но пустой желудок по-прежнему требовал свежего мяса.

Они поочерёдно чуть вздремнули. Последние лучи солнца всё ещё скрашивали небо, когда Тревис решил, что образовавшиеся тени могут послужить достаточным укрытием. Он не имел представления, какое оружие может оказаться у беглеца, и потому предпочитал действовать с особой осторожностью. Хотя в качестве передвижения тот использовал лошадь, у него вполне могли оказаться винтовка или пистолеты.

Для рукопашного боя луки апачей представляли собой небольшую ценность, но вот ножи были просто незаменимы. И всё же Тревису хотелось взять беглеца в плен без кровопролития, в надежде получить так нужную им информацию. Поэтому он даже не вытащил нож из-за кушака, когда они двинулись вперёд быстрыми перебежками, скрываясь в полутенях сумеречного света.

Тревис нырнул в фиолетовую тень и неожиданно впереди блеснули жёлтые глаза Нагинлты, который уже поджидал его. Тревис махнул рукой и постарался как можно более чётко поставить задачу, которую предстояло выполнить койотам во время нападения. И тут же остроухий силуэт койота растворился в сумерках. Где-то наверху дважды прокричало пушистое маленькое существо — условный сигнал. Цуай вышел на исходную позицию. Неподдалёку разразилось сначала тьякканье, постепенно перешедшее в вой, а потом во всхлипы — койоты принялись за дело. Концерт удался на славу, Тревис, не теряя ни

минуты, бросился вперёд. Заржала испуганная лошадь, послышался глухой стук копыта о гальку, куст, прятавший беглеца, заколыхался, рухнула часть веток навеса.

Тревис нёсся как на крыльях, беззвучно отталкиваясь от земли ногами, обутыми в лёгкие мокасины. В этот момент койот выписал особо залиvistую руладу, закончив свой живописный вой на самой высокой ноте. И когда он внезапно замолк, в наступившей тишине по всему распадку покати́лась волна эха, рассыпалась осколками и растворилась в дали. Тревис напрягся перед броском.

Градом посыпались сучья, образовывавшие укрытие, и из впадины вздыбилась лошадь, её голова хорошо стала видна на фоне темнеющего неба. Размытая, неясная фигура беглеца металась вниз, пытаясь осадить встревоженное, испуганное животное. Как видно, оружия у него не было. Момент самый подходящий.

Тревис прыгнул. Ловкое тело опытного охотника сгруппировалось в броске. Руки сработали быстро и автоматически — одной перехватив горло, а другой притиснув руки беглеца к корпусу. Тот отчаянно забился, крик боли и страха сорвался с его губ, он попытался вырваться, но Тревис крепко держал жертву. Однако устоять на ногах ему не удалось. Он повалился, увлекая за собой незнакомца. Пыхтя и борясь, они покатались под ноги лошади, и только тогда, наконец, Тревису удалось уложить его на лопатки, прижав предплечьем горло, а правой давя на диафрагму.

Тяжело выдохнув, противник бессильно обмяк. Но Тревис не спешил его отпускать, незнакомец дышал тяжело и надрывно. Он явно находился в сознании, прибегнув к уловке. Тревис напряжённо замер, вслушиваясь в окружающие его звуки. Он слышал, как подбежал Цуай, подхватил лошадь за поводья и, ласково поглаживая по лбу, принялся успокаивать её. Ничего этого Тревис видеть, конечно, не мог, потому что уже наступила темнота, и только острый слух воина подсказывал ему события во всех деталях.

Незнакомец по-прежнему лежал неподвижно, не про-

являя никакой активности. Так можно и до утра обниматься, с неожиданным весельем подумал Тревис, и стал медленно ослаблять хватку. Похоже, противник только этого и ждал. Он попытался вырваться, но его реакции было далеко до ловкости и быстроты настоящего воина. Одним движением Тревис перехватил его и, перевернув незнакомца на живот, свободной рукой сжал невероятно тонкие запястья.

— Кинь верёвку, — окликнул он Цуая.

Юноша подбежал с запасной тетивой, и в несколько секунд им удалось скрутить беглеца, который теперь даже и не сопротивлялся. Тревис перевернул пленника на спину и, ухватив за волосы, приподнял голову, стараясь разглядеть получше лицо в тусклом свете луны. Неожиданно волосы рассыпались, и Тревис с удивлением заметил, что это длинная коса. Теперь он сумел разглядеть лицо пленника. Оно было пыльным, но по обеим щекам пробегали чистые дорожки слёз. Большие светлые глаза смотрели на него с яростью и ненавистью, и Тревису вдруг стало ясно, что эти слезы — слезы гнева и ненависти, а отнюдь не страха.

Несмотря на грубые мужские штаны, заправленные в кожаные сапоги с закрутлёнными носками, и груботканную накидку, их пленником оказалась женщина, и не просто женщина, а молодая и очень привлекательная. И, учитывая ситуацию, весьма разгневанная. Правда, за этим гневом и яростью Тревис почувствовал страх, страх человека, который обречён бороться против сильного и хитрого врага без всякой надежды победить. Прошло несколько секунд, и когда наконец пленник разглядел лица тех, кто на него напал, гнев и ярость сменились удивлением. Тревис понял, что она ожидала нападения других людей, вот почему её так поразила их внешность. Розовый язычок деликатно облизнул припухлые губы, и в больших глазах появился страх, но уже перед неизвестностью, которая её ожидала.

— Кто ты? — спросил Тревис по-английски.

Последовавшая реакция рассеяла все сомнения, что она

могла быть не с Земли. Она взволнованно ахнула, невольно дёрнувшись под его руками.

— Кто ты? — со странным, тягучим акцентом переспросила она Тревиса. Стало очевидно, что английский ей чужд.

Тревис потянул её за плечи, она забилась, пытаясь высвободиться, но тут же затихла, поняв, что он просто помогает ей сесть. Страх исчез, и теперь она оглядывала обоих мужчин с острым интересом.

— Вы не принадлежите к сыновьям Голубого Волка, — решительно заявила она.

Тревис усмехнулся.

— Я — Фокс*, — сказал он, для верности потыкав себя в грудь. — И койоты — мои братья, — он щёлкнул пальцами, и две небольших тени беззвучно выросли из темноты. Её глаза широко раскрылись от удивления. Как видно, только теперь она осознала связь между койотами и нападшими на неё людьми.

— Эта женщина тоже из нашего мира, — высказался Цуай, оглядывая пленницу с нескрываемым интересом. — Но она не принадлежит ни одному из наших кланов.

Сыновья Голубого Волка? Мысли Тревиса вновь вернулись к удивительно знакомой сцене, увиденной на куртке. Кто же называл себя таким замысловатым прозвищем... где и когда?

— Так чего же ты боишься, дочь Голубого Волка? — задал он вопрос.

Кажется, этот вопрос задел чувствительную струну. Глаза снова наполнились животным страхом. Она запрокинула голову, вглядываясь в потемневшее ночное небо.

— Флайер! — её испуганный голос прозвучал тихо и приглушённо, словно она опасалась, что даже малейший шёпот может донестись до звёзд, которые только начали выступать на чёрном покрывале неба. — Они выследят. Прилетят. Я не успела вовремя добраться до гор.

Нотка отчаяния, проскользнувшая в её голосе, пронзи-

* Фокс (англ.) — лиса (прим. ред.)

ла Тревиса словно раскалённой иглой, он вдруг невольно обнаружил, что сам цепким взглядом обшаривает чёрное небо в поисках невидимого врага. Её уверенность была так очевидна и убедительна, что он безоговорочно поверил в эту смертельную опасность с высоты.

Глава шестая

— Наступает ночь, — медленно проговорил Цуай по-английски. — Те, кого ты боишься, охотятся в ночи?

Она мотнула головой, сбрасывая со лба длинную прядь волос.

— Им не нужны такие глаза и носы, как у ваших псов. У них есть специальные машины...

— Тогда зачем нагромождать такую кучу ветвей? — Тревис подбородком указал на обвалившийся навес.

— Они не всегда полагаются на приборы, а значит, остаётся надежда. По ночам они освещают землю мощным лучом. Нам не удалось забраться в холмы слишком далеко, чтобы оторваться от них. Богатур охромел, и мы не смогли далеко уйти.

— А что же такое находится в этих горах, что даже те, кого ты боишься, не отваживаются к ним приблизиться? — продолжал допрашивать Тревис.

— Понятия не имею. Я знаю только одно: те, кто успевают уйти достаточно далеко в горы, могут уже не опасаться дальнейших преследований.

— Хорошо, я повторяю свой вопрос снова: кто ты? — апач наклонился вперёд, освещаемый тусклым светом всходящей луны, его лицо оказалось в дюйме от её глаз. Взгляда она не отвела. Женщина гордая и независимая. Поистине дочь вождя, решил Тревис.

— Я принадлежу к народу Голубого Волка. Нас перенесли сюда по звёздным тропам, чтобы сделать этот мир безопасным для... для... — пленница заколебалась и на её лице появилось озадаченное выражение. — Была причина... мечта... Нет, есть мечта, и есть реальность. Меня зовут Кайдесса из Золотой Орды. Но временами я вспоминаю странные вещи, например, как этот удивительный язык,

на котором я сейчас говорю. Я и не подозревала, что способна понять его.

— Золотая Орда! — ошарашенно воскликнул Тревис. В одно мгновение он все понял. Узоры, сыновья Голубого Волка, всё сходилось: скифское искусство, орнамент, который с такой гордостью носили воины Чингисхана. Татары, монголы, кочевники, которые вышли из глубин степей и изменили ход истории не только Азии, но и Средней Европы. Воины, которые выступали под бунчуками Чингисхана, Тамерлана, Субудая!..

— Золотая Орда... — повторил Тревис. — Это давняя история другого мира, дочь Волка.

Он уловил её странный, потерянный взгляд. На пыльном лице отразилась растерянность.

— Я знаю, — прошептала она еле слышно. — Мой народ живёт меж двух времён и многие этого не осознают.

Присевший рядом с ними на корточки Цуай тронул Тревиса за плечо.

— Редакс?

— Либо его аналог.

Тревис был абсолютно убеждён в одном: в проекте с их стороны участвовали три группы — эскимосы, жители тихоокеанского острова и апачи — и не было места для монголов. Лишь одна нация на Земле могла остановить свой выбор на подобных кандидатах в колонисты. От такой мысли словно ток проскочил по его телу. Он невольно вздрогнул.

— Так значит, ты красная, — он пристально вглядывался в её лицо, желая определить, какое впечатление произведут его слова. Но выражение лица девушки не изменилось.

— Красная... красная... — повторила она, словно это слово было ей незнакомо.

Тревиса всё это не на шутку встревожило. В любой колонии красных, если они действительно основали здесь колонию, обязательно должны были оказаться техники, владеющие отменной техникой, которая легко могла бы выследить беглеца. И если единственной преградой для их

техники могли послужить горы, то он намеревался этим воспользоваться и прекрасно представлял, что необходимо сделать, если даже им придётся идти всю ночь кряду. Он переговорил с Цуаем, и тот мгновенно согласился.

— Лошадь совсем охромела, она не сможет идти с нами, — напомнил юноша ещё об одном препятствии.

Тревис некоторое время колебался. Его родовая память подсказывала, что со времён завоевания испанцами Американского континента, конь всегда служил для индейцев символом богатства и процветания. Апачам частенько приходилось выкрадывать их у испанцев. И теперь ему казалось неразумным и неправильным оставлять здесь, среди степей, больное и хромое животное, которое вполне могло бы ещё послужить делам клана. Однако в то же время он прекрасно понимал, что времени им терять нельзя, любая помеха или отсрочка может их погубить.

— Что ж, коня придётся оставить здесь, — наконец заявил он с горечью.

— А скво?

— Она пойдёт с нами. Мы должны узнать всё, что можно, об этих людях, и зачем они здесь. Послушай, дочь Волка, — Тревис, наклонившись, в упор посмотрел в лицо женщине, стараясь подчеркнуть всю важность того, что он сейчас скажет, — ты поднимешься с нами в горы, и чтобы никаких трюков.

Он вытащил нож и угрожающе провёл им перед её глазами.

— Я и так собиралась в горы, — спокойно возразила она, кажется, её страх прошёл окончательно. — Развяжи мне руки, храбрый воин. Уж такому отважному бойцу нечего бояться слабой женщины.

Рука Тревиса мгновенно скользнула, и в его пальцах блеснуло длинное узкое лезвие ножа, который он вытащил из складок её одежды.

— Вот теперь я действительно тебя больше не опасаюсь, дочь Волка, потому что вытащил твои клыки, — заметил Тревис многозначительно.

Он рывком поднял женщину на ноги и быстрым движе-

нием перерезал тетиву, стягивавшую её запястья. Тревис дал знак койотам отправляться вперёд на разведку, а сами они втроём двинулись следом, держа путь к горам. Они шли молча: впереди Тревис, затем монголка, Цуай завершал маленький отряд.

Взошли обе луны. Первая, жёлтая, заливала ночные окрестности золотистым светом, вторая, зелёная, довольно быстро катилась по небу и уже достигла зенита, её тусклый свет придавал всему происходящему таинственный и странный оттенок. Однако Тревис не очень тревожился по поводу наземных опасностей. При свете двух лун равнина хорошо просматривалась далеко вперёд, к тому же койоты могли в любой момент предупредить его телепатически. Но над ними довлела воздушная опасность, и Тревис торопился побыстрее миновать предгорье. Поэтому шёл он размашистым шагом, задавая темп, не останавливаясь и не разговаривая. И только когда они к середине ночи уже поднялись довольно высоко по перевалу и остановились у небольшого горного ручья, чтобы передохнуть и напиться холодной, чистой воды, Тревис принялся расспрашивать девушку.

— Так почему же ты покинула жилище своего народа?

— Меня зовут Кайдесса, — строго поправила она его.

В ответ он только хмыкнул.

— Ты видишь перед собой Цуая из племени апачей. Меня же зовут Фокс, — он назвал английский эквивалент своего племенного имени.

— Апачи... — несмотря на акцент, она попыталась уловить правильное произношение. — А кто такие апачи?

— Индейцы, — пояснил он терпеливо. — Но ты не ответила на мой вопрос, Кайдесса. Так почему же ты скрываешься от собственного племени?

— Только не от племени, — решительно мотнула она головой. — А от тех, других. В общем, всё так... ох, ну как же объяснить, чтобы вы поняли, — она беспомощно развела мокрыми от воды руками. — Есть моё племя из Золотой Орды, хотя иногда вспоминаются странные обрывки иной жизни. Есть также люди, которые живут в

Небесной Лодке. Они во всём полагаются на машину, и мы думаем те мысли, какие им нужны. Кстати, а отчего, — она внимательно взглянула на Тревиса, — мне хочется вам всё рассказать? Странно. Ты сказал, что вы — индейцы, быть может, мы враги? Мне смутно вспоминается, что мы...

— Давай условимся, — прервал он её, — апачам и Орде нечего делить здесь и сейчас, кем бы мы там в прошлом ни были.

Это было сущей правдой. По своим обрывочным воспоминаниям Тревис помнил, что сами они — индейцы — в незапамятные времена пришли в Америку из Сибири. И несмотря на каштановые волосы и серые глаза эта девушка вполне могла оказаться его дальней родственницей.

— Вы... — пальцы Кайдессы прикоснулись к его руке.
— Вас тоже послали к звёздам. Разве не так?

— Так, — ответил он.

— И вами тоже управляют с Небесной Лодки?

— Нет, мы свободны.

— Как же вы сумели стать свободными? — поразились она.

Тревис заколебался, ему не хотелось говорить о повреждённом звездолёте и упоминать, что его племя не обладает приличной защитой против монгольской колонии.

— Мы ушли в горы, — уклончиво ответил он.

— Значит, ваши машины вышли из строя, — залилась смехом Кайдесса. — Ах, они так велики, так могучи, эти люди машин, но сколь же они ничтожны и слабы, когда машины перестают им повиноваться.

— Такое произошло с вашим лагерем? — осторожно поинтересовался Тревис. Он не был уверен, куда она клонит, и не отваживался расспрашивать её более подробно, боясь обнаружить собственное невежество.

— Машина, которая управляет нашими мыслями, может действовать только на определённом расстоянии. Мы обнаружили это в первые же дни высадки, когда некоторые охотники отправились в леса и больше не вернулись. С тех пор охотники всегда выходят на охоту в сопровождении флаера, на котором есть машина. Но мы-то теперь знаем!

— ладони Кайдессы сжались в кулачки. — Мы поняли, что если только удастся вырваться за пределы её действия, то нас ждёт свобода, и мы придумали план. И вот девять или десять ночей назад эти другие были чем-то взбудоражены. Они все собрались в небесной лодке у своих приборов, что-то случилось... на время все их машины уснули.

— Джагатай, Кучар, мой брат Хулагир, Менлик,.. — загибая пальцы, перечисляла она имена. — Они напали на табун и умчались в ночь...

— А ты?

— Я тоже должна была ехать с ними, но Алджар — моя сестра и жена Кучара... подходил её срок, и бешеная скачка могла погубить и её, и ребёнка. Я осталась. В ту ночь родился её сын, но возможность побега испарилась. Машины заработали опять. Мы могли только мечтать о воле, — она прижала кулачки к груди, а потом упёрлась в них лбом, — но машины надёжно держали нас в лагере. Мы знаем только одно, что стоит нам достичь гор, и мы найдём наших родичей, обретших свободу.

— Но ты же здесь. Как тебе удалось сбежать? — хотелось узнать Цуаю.

— Они прекрасно знали, что я бы сбежала, если бы не Алджар. Они сказали, что заставят поехать Алджар, если я сама не соглашусь привести их к брату и всем остальным. Я знала, что должна взять в свои руки меч долга и выйти на охоту вместе с ними. Я посылала мольбу духам воздуха, прося помощи, и они смиростивились надо мной,.. — в её глазах мелькнуло восторженное удивление. — Мы ехали по степи, в густых зарослях, и травяной шайтан атаковал вождя отряда. Его мысленный контроль ослаб, и тогда я помчалась. Лишь небеса надо мной знают, как я мчалась. Я погоняла коня беспрестанно, думая только о бегстве. Те, другие, не так хорошо знают лошадей, как мы — народ Волка.

— Когда это случилось?

— Восемь солнц назад.

Тревис произвёл мысленные подсчёты. Время поломки машин в лагере красных, похоже, совпадало с моментом

катастрофы их звездолёта. Имелась ли между этими двумя событиями какая-либо связь? Вполне возможно. Вероятно, корабль апачей участвовал в какой-то схватке с их кораблями, прежде чем рухнуть с другой стороны горного хребта.

— Ты действительно знаешь, где в этих горах прячутся твои братья?

Кайдесса с горечью покачала головой.

— Знаю только, что я должна двигаться всё время на юг, и когда достигну самого высокого пика, развести на северном склоне сигнальный огонь. Но я не могу поступить так сейчас. С флаера этот огонь легко заметить. Я знаю, они идут по моему следу, я дважды видела погоню. Послушай, Фокс, я хочу попросить об одолжении — я, Кайдесса, старшая дочь хана. Я верю, что ты, как и мы, воин и отважный боец. Может быть так, что наши машины не способны управлять твоими мыслями, ибо ты никогда не попадал под их чары и в тебе не течёт наша кровь. Я прошу, если они приблизятся настолько, что смогут послать мне призыв, зов, которому я повинуюсь словно рабыня, привязанная арканом к лошади, то свяжи меня по рукам и ногам, и не отпускай ни за что на свете, несмотря на все мои просьбы и угрозы. Это буду не я, потому что я не хочу идти в неволю. Поклянись огнём, который изгоняет демонов.

То отчаяние, которое сквозило во всех её словах, заставило Тревиса поверить в её искренность. Она верила в ту опасность, о которой рассказывала, и боялась её больше, чем смерти. Права ли она насчёт его иммунитета против этого страшного зова? Тревис пока этого не знал, но проверять верность предположения девушки на собственной шкуре у него желания не было.

— Нам неизвестна клятва огня племени Голубого Волка, скво. Но я могу поклясться Тропой Молнии, — его пальцы сжались, словно стискивая священное для его племени обугленное молнией дерево. — Я клянусь этим.

Она испытующе заглянула ему в глаза и удовлетворённо кивнула.

Беглецы покинули ручей и снова направились к горам, слегка свернув, чтобы выйти на заросшее травой ложе пересохшей реки. В ночи раздалось глухое ворчание. Все замерли. Предупреждение Нагинлты было недвусмысленным — впереди ждала опасность, и нешуточная.

Свет двух лун создавал странное впечатление нереальности, сумрачные тени двигались и колыхались словно живые. Несмотря на яркие лучи, там, впереди, среди холмов и пригорков, острых скал и огромных валунов, в расселинах между скалами, могли таиться всевозможные опасности. Начиная с четвероногих хищников, охотившихся за своей добычей по ночам, и заканчивая большим военным отрядом.

Темнота шевельнулась. Мягкая шерсть Наликидью прижалась к ногам Тревиса, обратив его внимание на участок тени впереди слева. Там чернело огромное пятно мрака, где мог затаиться действительно опасный противник. Молчаливый, беззвучный контакт, установившийся между койотами и человеком, подсказал Тревису, что так оно и есть. Там, впереди, в тёмном пятне тени пряталась смертельная для них опасность.

Что бы там ни скрывалось, не находилось в засаде, оно начало проявлять нетерпение, когда вдруг жертвы перестали приближаться, получив сообщение койотов.

— Слева... за тем остроконечным каменным выступом... в тени.

— Ты видишь... — изумлённо спросил Цуай.

— Нет, но его видят мба'а.

Они держали луки и стрелы наготове, но в темноте это оружие практически не могло пригодиться, разве что зверь окажется на одном из освещённых луной участков.

— В чём дело? — выдохнула Кайдесса.

— Нас кто-то поджидает впереди.

Остановить её Тревис не успел: она сунула пальцы в рот и пронзительно свистнула. В тени что-то шевельнулось: неуверенно и настороженно.

Тревис тут же пустил стрелу, и Цуай сделал то же самое. Раздался пронзительный вопль, нарастающий и жуткий, и Тревис даже невольно поёжился. Но передёрнуло его не от

самого звука, а от мысли, что там, в тени камней, мог оказаться человек.

Зверь вывалился на освещённый участок — на четырёх конечностях, серебристый, гигантских размеров. Он вздыбился на задние лапы, с отчаянием пытаясь передними сбить стрелы, засевшие в плече. Человек? Нет, но в гиганте прослеживалось нечто человеческое, от чего у всех троих озноб пробежал по коже.

Словно на медвежьей охоте койоты бросились на зверя. Нагинлта цапнул животное и тут же отскочил, когда огромная лапища с размаху попыталась поддеть его. Тут же подоспела Наликидью и принялась кидаться на зверя с другой стороны. Тот ревел, неуклюже поворачивался из стороны в сторону, забыв о стрелах и людях. Койоты явно давали возможность охотникам выстрелить ещё раз. И Тревис, испытывая необъяснимое чувство ужаса и отвращения, выстрелил с ходу, даже не целясь.

Цуай и Тревис, должно быть, выпустили в него с десятков стрел, прежде чем зверь рухнул на землю, и Нагинлта вцепился ему в глотку. Но тут же отскочил в сторону, поскольку смертельно раненый зверь ударил его лапой по голове, успев разодрать ухо. Вскоре гигант затих, и Тревис осторожно приблизился. Этот запах...

Как орнамент на куртке Кайдессы напомнил ему о чём-то земном, так и эта вонь показалась ему знакомой. Где же, когда он встречал этот запах? В его памяти он связывался с темнотой, безлунными ночами и опасностью. И внезапно он ахнул.

Те два мира, осколки исчезнувшей звёздной империи, на которых он невольно побывал два года назад. Те звери, жившие в темноте на пустынном мире, где они впервые приземлились. Да, звери, чьё происхождение им так и не удалось установить. Были ли они дегенерировавшими остатками когда-то разумных существ, или же они были животными, сродни человеку, но всё-таки животными?

Гориллообразные, владыки ночи мира пустынь. Они встретились тогда — и тоже ночью — среди руин города, бывшего последним пунктом остановки того звездолёта.

Становилось ясным лишь одно, что они являлись частью исчезнувшей цивилизации. И предположение Тревиса о важности Топазы теперь получило подтверждение. Этот мир вовсе не был пуст для давно сгинувших космических путешественников. У планеты имелось своё, особое предназначение, в противном случае это существо здесь бы не обитало.

— Шайтан! — Кайдесса скривилась от отвращения.

— Тебе он знаком? — спросил Цуай Тревиса. — Кто это?

— Не знаю, но это существо осталось после империи звёздного народа. Я уже встречал его на предыдущих двух мирах.

— Человек? — Цуай критически осмотрел тело. — Ни одежды, ни оружия, но ходит прямо. Похож на гризли, на очень большого гризли. Опасный зверь, да.

— Если они охотятся группой, как и на остальных мирах, то это действительно может быть опасно, — Тревис припомнил, как эти существа толпами атаковали их звездолёт на пустынном мире, и озабоченно огляделся. Пусть даже койоты успеют их уловить, однако они не смогут противостоять нескольким громадинам. Им лучше затаиться в каком-нибудь надёжном месте и переждать остаток ночи.

Нагинлта привёл их к нависающей скале, под которой они могли спрятаться. Подступы же к убежищу хорошо просматривались, и в случае нападения они могли легко отстреливаться стрелами. И Тревис знал, что залёгшие поодаль койоты предупредят людей задолго до появления этих существ. Втроём они забрались под скалу, прижавшись друг к другу. Они прислушивались к тихим звукам ночных гор и всякий раз вздрагивали, когда слышался шорох, писк, треск или ворчание. Но мало помалу они начали расслабляться, привыкая к тишине.

— Не стоит тратить драгоценное время. Мы все устали, пусть двое спят, а один сторожит. Утром предстоит долгий переход.

Апачи сторожили по очереди, а монголка, сначала попытавшись протестовать, потом свернулась в клубок прямо на земле и уснула.

В предрассветный час дежурить выпало Тревису. Он уселся поудобней, скрестив ноги и прислонившись спиной к скале, и принялся размышлять о ночном звере-гиганте, когтей которого им довелось избежать. Две предыдущие встречи с этими существами произошли в древних руинах империи. Не имелось ли и здесь неподалёку каких-нибудь руин? Ему страстно захотелось удостовериться в этом наверняка. С другой стороны, существовала проблема монгольского поселения. Он нисколько не сомневался, что стоит красным заподозрить существование лагеря апачей, как они приложат все усилия, чтобы уничтожить или хотя бы пленить американцев. Следовало предупредить своих как можно быстрее.

Девушка зашевелилась, просыпаясь, и медленно подняла голову. Он мельком взглянул на неё и уже стал отворачиваться, когда неожиданно для самого себя заметил в ней нечто странное. Глаза Кайдессы, совершенно лишённые мысли, невидяще смотрели в одну точку прямо перед собой. Затем она поднялась и словно лунатик, медленными шажками двинулась прочь от убежища.

— Что?.. — это пробудился Цуай.

Однако Тревис уже действовал. Он подбежал к Кайдессе и схватил её за плечо.

— В чём дело? Куда ты идёшь?

Она не ответила. Похоже, она вообще не слышала его. Апач схватил её за руку, но девушка с силой вырвалась. Он поймал её запястья. Кайдесса вроде бы перестала сопротивляться, но то и дело порывалась идти дальше, пытаясь высвободить руки.

Мозговой контроль! Он припомнил отчаяние в её голосе, когда она просила помощи, и свою клятву. Индеец подставил девушке подножку и бережно уложил её на землю, продолжая держать за запястья. Она всё ещё пыталась высвободиться, но делала это как-то пассивно и молча, словно даже и не замечая самого Тревиса, который как бы был всего лишь досадной помехой, которую необходимо преодолеть.

Глава седьмая

— Что случилось? — Цуай лёгким прыжком вскочил на ноги и оказался рядом с Тревисом, удерживавшим бьющуюся девушку.

— Похоже, что машина, о которой она упоминала, держит в плену её волю, — выдохнул Тревис, прикладывая все силы, чтобы удержать её. — Её невидимый зов тянет Кайдессу, словно телёнка на аркане.

Оба койота поднялись и с любопытством наблюдали за странной сценой. Однако по их спокойному поведению Тревис понял, что поблизости никого нет. Что бы ни захватило душу Кайдессы в плен, койотов это не затронуло. Апачи тоже ничего не чувствовали. Так что, возможно, излучение действовало только на народ Кайдессы, как она и думала. Далеко ли машина? Не должна быть слишком близко, иначе койоты почувствовали бы что-то неладное.

— Такой мы не можем взять её с собой, — заговорил Цуай. — Разве что связать и понести на себе. Она принадлежит их клану. Так почему бы не отпустить её, или, может, ты опасаясь, что она может всё разболтать? — при этих словах его рука легла на рукоять ножа на поясе. Тревис прекрасно понимал, что движет юношей. В давние времена пленника, способного принести неприятности, кончали без лишних разговоров. В Цуае эта память была жива.

Тревис отрицательно покачал головой.

— Не забывай, в горах прячутся её родичи. Мы добьёмся того, что за нами начнут охотиться сразу две волчьи стаи, — весомо произнёс Тревис, стараясь обратиться непосредственно к инстинкту самосохранения и здравому смыслу юноши. — Но ты прав в одном — раз она так откликнулась на зов, то мы не сможем заставить её идти с нами. Ты пойдёшь обратно один, расскажешь Осторожному Оленю обо всём, что мы видели, и пусть он примет меры предосторожности против этих беглецов-монголов и красных.

— А ты?

— Я попытаюсь найти, где прячутся беглецы и узнать всё, что возможно. Нам могут понадобиться союзники...

— Союзники? — Цуай презрительно сплюнул. — Апа-

чам не нужны союзники. Мы и сами способны защитить свою землю, как в этом уже давно убедились на своих скальпах пинда-лик-о-йи.

— Луки и стрелы против ружей и машин? — ядовито поинтересовался Тревис. — Я слышу речь не воина, но юнца. Настоящий воин не хвастает. Он прежде всё разузнает, и лишь потом станет говорить. Сообщи Осторожному Оленю обо всём, с чем мы встретились. И скажи, что я вернусь, — Тревис произвёл быстрый подсчёт в уме, — через десять солнц. Если меня не будет, не ищите. Клан слишком мал, чтобы рисковать многими жизнями ради одной.

— А если эти красные захватят тебя?..

Тревис как-то неприятно оскалился.

— Они ничего от меня не добьются! Или ты думаешь, их машины способны уловить мысли мертвеца?

Конечно, он вовсе не считал, что его будущее оборвётся так внезапно. Но и лёгкой добычей для красных быть не хотел.

Цуай отобрал свою долю припасов и отказался от сопровождения койотов. Несмотря на всю любовь к животным и лёгкое с ними обращение, он испытывал мало симпатии к умным койотам, немногим больше, чем Деклай со своими союзниками. Не оглядываясь, Цуай двинулся по тропе, ведущей к перевалу. Рассвет уже занимался над вершинами гор, и первые солнечные лучи осветили скалистые склоны, наполняя воздух светом и теплом.

Тревис присел рядом с Кайдессой. Он привязал её крепко-накрепко к небольшому деревцу, и девушка всё это время рвалась и бессмысленно мотала головой из стороны в сторону. Как видно, зов машин не прекращался ни на минуту, и Тревис чувствовал, что пройдёт ещё некоторое время, и она окончательно выбьется из сил.

Прошло не меньше часа, Кайдесса постепенно слабела, пока, наконец, не сползла, тихонько подёргиваясь. Тревис размахнулся и ловким, опытным приёмом ударил её по сонной артерии. Девушка затихла. Он развязал её и бережно положил на траву. Теперь всё зависело от того, какую

дальность действия имела эта дьявольская машина. Из поведения койотов он заключил, что люди, использовавшие эту машину, приблизиться не пытались. Возможно, они даже не знали, где находится их жертва: раскинули где-нибудь лагерь, включили машину и ждут, когда жертва сама придёт на их зов под воздействием мозгового контроля.

Тревис прикинул, что если бы ему удалось перенести Кайдессу подальше в горы, то рано или поздно они окажутся вне пределов досягаемости излучения, и когда она придёт в сознание, то опять станет свободна.

Девушка оказалась отнюдь не лёгонькая, однако, будучи привычным, Тревис рывком поднял её себе на спину и, сгорбившись, двинулся по тропе. Койоты тут же умчались вперёд.

Тревис быстро обнаружил, что поставил себе непосильную задачу. Неровная тропа и тяжесть девушки заставляли его тащиться словно черепаха. Но по крайней мере, у него было время обдумать свои дальнейшие шаги.

До тех пор, пока красные господствуют на этой стороне гор, его клан будет в опасности. Луки и ножи против винтовок. Это лишь вопрос времени: красные так или иначе всё равно обнаружат поселение апачей, то ли естественным путем, в ходе исследования планеты, то ли в поисках собственных беглецов.

Апачи могли бы отойти дальше на юг, оттянув таким образом возможность обнаружения, но это лишь отсрочит неизбежную конфронтацию. И к тому же, сумеет ли ещё Тревис заставить клан поверить ему. Это тоже представляло проблему, и немалую.

С другой стороны, если бы имелась возможность хоть как-то противостоять этим надсмотрщикам с Небесной Лодки... Тревис неожиданно почувствовал, что эта мысль нашла отклик в его душе. Он мысленно уцепился за неё и принялся крутить на все лады, прикидывая и так, и эдак, как Нагинлта теребит добычу. Врождённая осторожность протестовала против такого подхода, ведь в лучшем случае успех балансировал на грани между невероятностью и

невозможностью. Но слишком уж сильно его привлекали такие мысли.

Девушка на спине чуть пошевелилась и застонала. Тревис ускорил шаг, чтобы поскорее добраться до скального выступа, сильно обветрившегося под воздействием ветров и дождей. За ним можно было надёжно укрыться от возможного наблюдения снизу. Совсем запыхавшись, он вовремя успел добежать до валунов, опустил девушку на землю и, присев, принялся ждать.

Кайдесса снова застонала и поднесла руку ко лбу. Глаза её всё ещё оставались полуоткрытыми, и Тревис не мог определить, то ли она пришла в сознание, то ли нет.

— Кайдесса, — позвал он мягко.

Веки приподнялись, и теперь он был уверен, что она наконец пришла в себя. Однако в её взгляде он прочитал удивление и испуг. Она явно его не узнавала.

— Дочь Волка! — негромко, но повелительно проговорил он. — Попытайся вспомнить!

Она нахмурилась, лицо скривилось от напряжения, едва слышно она прошептала:

— Ты... Фокс.

Тревис облегчённо хмыкнул и его тревога улеглась. Значит, она всё-таки помнила кое-что.

— Верно, — кивнул он довольно.

Но она уже, почти не обращая внимания на него, озадаченно оглядывалась по сторонам.

— Где?..

— Мы поднялись выше в горы.

Удивление уступило место панике.

— Как я здесь оказалась?

— Я тебя перенёс, — вкратце он обрисовал события, что произошли на рассвете.

Ладонь со лба скользнула к губам, она закусила зубами пальцы, и в округлившись серых глазах мелькнули страх и отчаяние.

— Теперь ты свободна... — сказал Тревис полувопросительно.

Кайдесса кивнула и отняла руку ото рта.

— Ты унёс меня от охотников. Они над тобой не властны.

— Я ничего не слышал.

— Это не слух, это надо чувствовать, — её всю передёрнуло. — Пожалуйста, — рука её вцепилась в подвернувшийся камень, и она тяжело поднялась. — Пошли... пошли скорее! Они попытаются снова...

— Послушай, — решил до конца уяснить для себя Тревис одно обстоятельство, — могут ли они как-нибудь определить, что ты снова сбежала?

Кайдесса отрицательно покачала головой. В глазах застыли паника и ужас.

— Что ж, тогда нам придётся просто идти, — Тревис обвёл взглядом холмы, поросшие лесом. — И попытаемся удержаться вне пределов их досягаемости.

«И подальше от перевала», — добавил он про себя. Рисковать безопасностью племени и вести врага к перевалу он не мог. Поэтому ему придётся направиться на запад или где-нибудь затаиться, пока они окончательно не убедятся, что Кайдесса вышла из-под влияния этой машины. Он прикинул, что шансы повстречаться с её родичами, либо натолкнуться на гориллообразных существ были примерно равны. Им нужна была вода и пища, а у Тревиса осталось всего с полдюжины концентратов. По крайней мере, в поисках воды можно было положиться на койотов.

— Идём, — Тревис поманил Кайдессу и жестом пропустил её вперёд. Она начала быстро взбираться по склону. Тревис последовал за ней, внимательно следя за девушкой. Он не хотел упустить момента, если зов машины вновь захватит её.

Однако, поднимаясь всё выше и выше в горы, Тревис начинал чувствовать, что утренний марш-бросок с Кайдессой на спине не прошёл для него бесследно. Он стал слишком быстро уставать, дыхание сбивалось, ему приходилось то и дело останавливаться, чтобы дать себе немного отдохнуть. Он заметил, что отстаёт от девушки, которая уходила всё дальше, не дожидаясь его. К тому же койоты, убежавшие далеко вперёд, временами возвращались и с

недоумением смотрели на него, словно не понимая: чего это он так медленно плетётся. Но терпения ожидать Тревиса им не хватало, и они снова убегали дальше по тропинке, разведывая путь.

Преодолевая наваливавшуюся усталость и тяжесть во всём теле, Тревис осознавал, что койоты чем-то взбудоражены и выказывают явную настороженность. Но все попытки мысленно связаться с ними и получить какую-либо информацию ни к чему не привели. Они то ли не могли, то ли не хотели ничего сообщать ему. Поэтому Тревису ко всей своей усталости приходилось ещё и постоянно быть начеку, испытывая тревогу за свою безопасность.

Они уже несколько минут как взбирались вверх по крутой тропинке, ведущей мимо нагромождения валунов, когда вдруг он осознал, что во всём этом окружении есть что-то неестественное. Конечно, эта расселина в складках горы могла быть и природным образованием, но только сейчас Тревис заметил то, что уже несколько минут назад насторожило его инстинкт воина и охотника. Местами склоны и дно расселины были выровнены и приглажены. Сомнений быть не могло — они шли по искусственной дороге.

Тревис в несколько шагов догнал Кайдессу и придержал её за плечо. Неизвестно почему, но Тревису не хотелось сейчас говорить, вероятно ощущение опасности в нём было слишком сильно. Кайдесса удивлённо обернулась и ещё больше изумилась, когда Тревис неожиданно опустился на корточки и провёл ладонью по видимым бороздам, проведённым неизвестным инструментом по краям дороги. Древняя дорога! Она вела куда-то, но куда? Если кто-то пошёл на такие затраты, то дорога должна привести их к чему-то важному. Неужели ему удастся совершить открытие? У Тревиса заколотилось сердце, во рту от волнения пересохло. Он почувствовал, что именно эта тайна влекла его в горы всё это время с момента посадки. У него мелькнула мысль, что сейчас, быть может, он находится в каком-нибудь шаге от разгадки тайны этой древней планеты.

— Ты чего? — Кайдесса присела рядом, непонимающе оглядывая стены прохода перед ней.

— Это было высечено человеком, и очень давно, — зашептал Тревис и сам себе удивился. Со времён строительства этой дороги миновали тысячелетия. Кто его мог теперь слышать?..

Кайдесса тревожно заозиралась, поддаваясь настроению Тревиса.

— Кто они? — её голос тоже упал до шёпота.

— Послушай, — Тревис развернул её к себе, — твой народ или красные, они нашли здесь что-нибудь? Древние руины, скажем?

— Нет, — Кайдесса машинально принялась водить пальцем по земле. — Но мне помнится, они что-то искали. Ещё до того, как они обнаружили, что мы способны освободиться от действия машин, они рассылали охотничьи группы в разные стороны. Когда охотники возвращались, их всегда расспрашивали, что они видели на своём пути. Неужели они искали старые руины? Но какая польза от нагромождения битых камней?

— От самих по себе камней никакой. Разве что знания о людях, которые в древние времена строили города. Но вот то, что можно найти среди камней — это ценно, очень ценно.

— Откуда ты знаешь, что можно найти среди них, Фокс? — удивлённо спросила Кайдесса.

— Да потому что мне доводилось видеть дома звёздного народа, — рассеянно заметил он.

Для него эти неприметные борозды на склоне дороги значили много. Он должен, он просто обязан пройти по ней и выяснить всё до конца.

— Ну давай, посмотрим сначала, куда этот путь нас заведёт.

Не полагаясь на телепатическую связь, Тревис сунул пальцы в рот и четырежды свистнул условным сигналом, изображая призыв маленького пушистого существа — обитателя холмов. И через несколько секунд два коричневых койота вынырнули откуда-то из-за валунов и

выжидающе уставились на человека. Тревис сосредоточенно, переводя взгляд с одного животного на другого, попытался мысленно передать им свою просьбу.

Впереди могли лежать руины. Во всяком случае, он искренне надеялся, что это так. Но по своему опыту он уже знал, что любые руины могут оказаться опасной ловушкой для людей. И если в них вдруг обнаружатся гориллообразные, койоты должны были предупредить его.

Словно по команде койоты развернулись и опрометью бросились прочь, скрывшись за изгибом дороги. Кайдесса и Тревис неторопливо поднялись и направились за ними.

Ещё издали до них донёсся шум падающей воды, и когда беглецы завернули за небольшую скалу, перед ними открылся прекрасный вид небольшого, но очень высокого водопада. Вздвигались брызги, словно беловатый туман висел над дорогой. Стало свежо и прохладно. Жаркие лучи солнца искрились в миллиардах водяных бисеринок, висевших в воздухе, создавая радужный полукруг. Тревис залюбовался этим великолепным зрелищем, но неожиданно почувствовал в открывшейся перед ними картине что-то странное и непривычное. Он даже не сразу понял, что в отличие от земных радуг, золотистое небо Топаза поглощало жёлтые и оранжевые тона. Тревис невольно глянул на Кайдессу, которая с удовольствием подставила ладони под падающие капли, воздев руки словно языческая жрица. И когда кожа покрылась мелкими блестящими капельками, она прижала ладони к лицу и довольно рассмеялась.

Водянистый туман увлажнил камни, которые теперь скользили под ногами. Тревис отстранил Кайдессу подальше от края провала к стене скалы, боясь, как бы она не упала. Насколько он мог судить, дорога проходила под навесом водопада и выходила на другую сторону реки. Однако под самой скалой тропинка была слишком узка и ненадёжна, мокрые камни предательски скользили, поэтому им пришлось двигаться осторожно, шаг за шагом, прижавшись к скале спиной. Когда же они наконец миновали опасное место, то снова окунулись в радугу и водянистый мерцающий туман.

То ли природа, то ли древний зодчий тому виной, но чуть в стороне от водопада обнаружилась небольшая впадина, заполненная кристально-чистой водой. Тревис с удовольствием напился, так что даже зубы заломило. Он наполнил флягу, а Кайдесса принялась умываться.

Она подняла к нему блестящее от капелек воды лицо и что-то проговорила, но Тревис ничего не расслышал за шумом водопада. Тогда она коснулась губами самого его уха и прокричала:

— Здесь место духов. Чувствуешь их силу, Фокс?

Какое-то мгновение он действительно что-то ощущал. Это был гигантский водопой, нескончаемый поток бурлящей, чистейшей воды с гор. И для него, сына апачей, рождённого в пустыне, это был дар духов, который невозможно было воспринимать как само собой разумеющееся. А лишь как удачу, ниспосланную путнику. Радуга... священный знак народа духов... В памяти Тревиса ожили старые легенды.

— Я чувствую, — торжественно сказал он и кивнул, словно подтверждая собственные слова.

Они двинулись дальше по высеченной в склоне дороге пока не наткнулись на осыпь, перегородившую путь. Тревис быстро взобрался по осыпи, таща за собой Кайдессу. Она неловко оступилась, упала и ободрала руки. Перевалив через осыпь, они стали спускаться. Из-под ног покатались камешки, поднялась пыль, оседая на лицах. Когда же они миновали это неожиданное препятствие, и Тревис глянул вперёд, то увидел небольшой участок ровной дороги, за которым начиналась лестница. Он подошёл к ней и внимательно осмотрел. Полуразвалившиеся, древние ступени лестницы имели странную, скошенную форму, словно она строилась не для земных ног. Эта мысль и скользнула у Тревиса, когда он начал неуверенно по ним спускаться. Идти было весьма неудобно, ноги готовы были соскользнуть в любой момент, поэтому они с Кайдессой ступали очень осторожно, держась за стены.

Лестница привела их к каменной арке, явно высеченной древними мастерами, открывающей вход в туннель. Тревису даже показалось, что он видит какое-то странное,

иссечённое дождями и ветрами, изображение. Но толком разглядеть его он так и не смог.

Проход вскоре вывел их к долине, и отсюда, с высоты горы, золотистый туман, клубившийся над горизонтом, скрывал пейзаж словно полупрозрачным покрывалом. Но сквозь него проступали неясные очертания каких-то строений. Наконец-то Тревис нашёл то, что искал. Однако в отличие от древних руин на других планетах, этот город остался почти нетронутым.

Туман накатывался медленными волнами, то обнажая башни, то снова скрывая их от постороннего глаза. В какую-то минуту Тревис разглядел круглые окна, размещённые словно по углам ромбов на каждой стороне зданий. Но он так же заметил, что никаких трещин в каменных кладках не было, никакой растительности, никакой травы. Ничего того, что могло бы подсказать возраст этого города. К тому же архитектура сооружений разительно отличалась от того, что ему доводилось видеть на всех других планетах.

Тревис ступил на ровную, ведущую к башням дорогу, выложенную зелёными и жёлтыми плитами в шахматном порядке. Эти плиты, к их удивлению, оказались совершенно нетронутыми временем. Только в одном или двух местах ветром нанесло песок.

Башни и облицовка площадей были выстроены из того же зелёного камня, что и плиты дороги. Он чем-то напомнил Тревису нефрит, если вообще нефрит можно добывать в таких количествах, чтобы строить из него огромные здания. Наликидью последовала за ними, и Тревис ясно слышал постукивание её коготков о плиты. Казалось, в этом городе стояла невероятная тишина, словно сам воздух приглушал и поглощал любой звук. Ветер, сопровождавший их весь день, остался там, в горах, за расселиной.

Однако здесь присутствовала жизнь, во всяком случае, Наликидью сообщила об этом своей привычной манерой. Но койоты ещё и сами не знали, как отнестись к этой форме жизни. В них боролись настороженность и любопытство. Самка, прищурившись, задрала морду и

пристально уставилась на одну из башен. Тревис и сам почувствовал чьё-то присутствие, когда его взгляд скользнул по круглым окнам.

Они располагались довольно высоко над землей, и как ни вглядывался Тревис, он никак не мог найти входа в башню. У Тревиса мелькнула мысль: не стоит ли ему поближе подойти к башне и внимательно осмотреть её со всех сторон в поисках входа. Низкий слоистый туман и сообщение Наликидью вызвали в нём неприятные подозрения. Здесь, на этом открытом месте, посреди дороги, он мог оказаться отличной мишенью для кого-то или чего-то скрывающегося там, внутри башни.

Тишину неожиданно прорезал гулкий звук. Тревис от неожиданности вздрогнул, и уже через секунду нож очутился у него в руке.

Двойной дуплет... гроыхание... покатилося нарастающее эхо.

Кайдесса запрокинула голову и позвала. Её клич взмыл вверх, словно отталкиваясь от стен долины. Потом она пронзительно свистнула тем самым свистом, которым она вызвала гориллоподобное существо, и ухватила Тревиса за рукав, сияя от радости.

— Мои сородичи. Идём, это мои братья.

Она потянула его, а потом бросилась бежать без всякой опаски огибая основание ближайшей башни. Тревис последовал за ней, боясь потерять её в густом тумане.

За тремя башнями вновь открылась площадь. В этот момент туман чуть рассеялся, и они увидели вторую арку ярдах в двухстах впереди. Непрекращающееся гроыхание, казалось, словно магнитом притягивало к себе Кайдессу. И Тревису ничего не оставалось делать, как следовать за ней.

Койоты, не отставая, бежали за ним ленивой трусцой.

Глава восьмая

Они прорвались сквозь последнюю завесу тумана в дикое переплетение травы и кустов. Койоты возбуждённо взлаiali, но было уже поздно. Откуда-то сверху на Тревиса

свалилась широкая петля аркана, сшибла индейца с ног и потащила за пустившейся в галоп лошадь.

Койот припал к земле и метнулся прямо на лошадь, стараясь вцепиться в неё зубами. Тревис забарахтался в петле, пытаясь встать, в то время как лошадь вскинулась на дыбы и, не обращая внимания на пытавшегося сладить с ней всадника, заржала, отбиваясь от койота. Сквозь всю эту суматоху, Тревис ясно услышал дикий, пронзительный крик Кайдессы. Но что она кричала, он понять не мог.

Тревис привстал на колени и, кашляя от попавшей в горло поднимающейся пыли, попытался напрячь мускулы и скинуть с себя аркан. Койоты метались вокруг Тревиса, нападая на лошадей и не давая им возможности успокоиться. Всадники, едва держась в сёдлах, так и не смогли воспользоваться арканами и ножами.

Кайдесса, протиснувшись между лошадьми, подбежала к Тревису и расслабила петлю. Ему наконец удалось как следует вдохнуть воздуха. Она не переставала кричать, и хотя Тревис не понимал ни слова, он догадался, что она кроет своих родичей на чём свет стоит.

Тревис поднялся на ноги как раз в тот момент, когда всадник, поймавший его арканом, наконец сумел справиться с лошадь, успокоил её и спешил. Он подошёл к ним, держа в руках конец аркана.

Монгол был дюйма на два ниже Тревиса, с моложавым лицом, хотя с верхней губы свисали длинные, тонкие усы. Штаны были заправлены в высокие сапоги красной кожи, а куртка расшита красочным рисунком, наподобие того, что был у Кайдессы. Несмотря на жару, голову покрывала меховая шапка, тоже разукрашенная ало-золотым орнаментом.

Не отпуская аркана, он подошёл к Кайдессе, оглядел её с ног до головы и потом задал вопрос. Она нетерпеливо дёрнула за аркан у него в руках, койоты заворчали, однако апач понял, что они больше не считали опасность непосредственной.

— Это мой брат Хулагир, — бросила Кайдесса через плечо. — Ему неизвестна твоя речь.

Хулагир не только не понимал. У него к тому же кончилось терпение. Он вдруг дёрнул за аркан с такой силой, что Тревис чуть было не полетел кубарем. Кайдесса же, вцепившись в верёвку, принялась тянуть её на себя, кляня при этом брата. Услышав перебранку, приблизились и остальные всадники и теперь наблюдали за странной сценой.

Благодаря попыткам Кайдессы перетянуть канат, Тревису удалось расправить плечи и ослабить петлю. Не пытаясь освободиться, он стоял и внимательно оглядывал подъехавших всадников. Их было пятеро, не считая Хулагира. Поджарые мужчины, с обветренными лицами, узкоглазые, обносившаяся одежда у троих была залатана кусочками кожи. Помимо изогнутых мечей они имели на вооружении по два лука на каждого — длинный и короткий. У одного из всадников была пика, из-под наконечника которой свисали длинные пряди волос. Тревис оценил в них опытных воинов, но пришёл к выводу, что в равном бою апач не только может сразиться с монголом, но и легко победить.

Апачи никогда не относились к безрассудным воинам, подобно шайенам, сиу или команчам. Превыше всего апачами ценилась воинская мудрость, они всегда оценивали шансы за и против, широко пользовались засадами, ловушками и характером местности в качестве нападения и защиты. Пятнадцать умелых воинов апачей во главе с вождем Геронимом в течение целого года гоняли по полям пять тысяч мексиканских и американских солдат.

Тревис смутно помнил рассказы о Чингисхане, его блистательных генералах, которые прошли через всю Азию до Европы, не проиграв ни единого боя. Но то была война, питаемая неистощимыми людскими резервами безбрежных степей. И он сомневался, что даже это людское море могло бы затопить пустыни Аризоны, заселённые независимыми племенами индейцев, возглавляемые такими вождями как Викторио, или Магнусом Колорадо. Правда, бледнолицым удалось это сделать — благодаря превосходству в оружии и неумолимому бегу времени. Но лук против

лука, нож против меча, хитрость против хитрости — вполне можно было бы потягаться...

Хулагир гневно отбросил аркан, а Кайдесса торжествующе повернулась к Тревису, расслабила петлю и бросила её на землю. Апач упругим шагом прошёл меж двух всадников и подобрал обронённый лук. Койоты последовали за ним, и когда Тревис повернулся лицом к монголам, звери, прижимаясь к его ногам, принялись теснить его назад, к арке.

Монголы развернули лошадей и теперь тоже смотрели на Тревиса, глядя сверху вниз с совершенно невозмутимым видом. На их раскосых лицах нельзя было прочесть никаких чувств.

Мужчина с пикой поигрывал оружием, как видно, размышляя: а не проткнуть ли этого чужака. Но тут к Тревису пробилась Кайдесса, за пояс таща за собой Хулагира.

— Я рассказала, что произошло между нами. И объяснила, что ты — враг наших врагов. Будет замечательно, если вы все сядете вокруг костра и поговорите по душам.

Вдали опять раздался приглушённый грохот барабана.

— Ты согласен? — полуутвердительно спросила она.

Тревис оглянулся. Он, наверное, мог бы успеть добратся до густого золотистого тумана, который теперь покрывал зеленоватые каменные башни города сплошной пеленой. Но апач подумал, что если только его клану и монголам удастся заключить перемирие, то единственной реальной опасностью останутся красные. Земная история убедительно доказывала, что война на два фронта чаще всего оканчивается плачевно.

— Я согласен, но я понесу это, — он потряс луком, чтобы Хулагир мог понять значение его слов. — И никаких арканов.

Сматывая верёвку, Хулагир медленно перевёл взгляд с лука на Тревиса и затем, поняв слова, неохотно кивнул.

По приказанию Хулагира к Тревису подъехал мужчина с пикой. Он оттянул ногу в стремени и подал апачу руку, приглашая его на коня. Тревис в одно мгновение уселся за

спиной монгола, Хулагир залез на своего коня, а Кайдесса села позади брата.

Они поскакали. Тревис оглянулся и с удивлением увидел, что койоты, которые так и стояли у арки, даже не двинулись с места. Апач махнул им рукой и свистнул. Те не шелохнулись, провожая взглядами удаляющуюся группу всадников. Потом, так и не ответив на его призыв, они развернулись и исчезли в золотистом тумане. На какое-то мгновение Тревису страстно захотелось спрыгнуть с лошади и побежать вслед за ними. И это желание поразило его. Он даже не предполагал, что может настолько привязаться к койотам и зависеть от них. Ведь Тревис считал, что он не относится к людям, которые подчиняют свои желания и поступки мба'а, сколь бы разумными они не казались. Мир был уделом людей, и койотам в нём не было места.

Через полчаса Тревис сидел в лагере монголов. Он насчитал пятнадцать мужчин, с полдюжины женщин и двух детей. На взгорке, рядом с их юртами, не так уж отличающимися от типи клана Тревиса, покоился примитивный барабан — огромная шкура, натянутая на выдолбленный ствол. Рядом сидел длинный тощий монгол в конусообразной шапке и красном балахоне с веревочным поясом, с которого свисали крошечные черепа животных, отполированные куски камня и резного дерева.

Именно его усилиями рокочущий гул прокатывался по всей округе, напоминая взрывы. Были ли это какие-то сигналы, или просто ритуал, Тревис не был уверен, хотя и догадывался, что барабанщик был, по всей видимости, шаманом, а значит, обладал немалой властью среди монголов. Обычно им приписывалась способность предсказывать будущее, а также связь с духами в старые времена великих орд.

Тревис попытался оценить эту небольшую группу. Все они, как и апачи, были молодыми и здоровыми. К тому же он заметил, что Хулагир занимает в племени определённое положение, возможно, даже считается вождём.

После того, как отгремело последнее эхо, шаман спрятав палочки и спустился к костру в центре лагеря. Он

оказался несколько выше, чем его соплеменники и худ до невозможности. Его вытянутое, худое лицо было тщательно выбрито, а от природы изогнутые брови придавали ему странное выражение, словно он на всё в жизни смотрел скептически. Позвякивая своей шаманской коллекцией на поясе, он приблизился к Тревису и принялся внимательно рассматривать апача.

Тревис принял вызов, выдерживая дуэль молчания. В упор взглянув в прищуренные, зелёные глаза, он понял, что если Хулагир и был вождём, то этот шаман, в качестве советника, не уступал ему ни в мужестве, ни в храбрости, ни в уме.

— Это Менлик, — Кайдесса сидела вместе с другими женщинами вдали от костра, однако Тревис отчётливо расслышал её комментарий.

Хулагир что-то недовольно проворчал на сестру, но это не произвело на неё никакого впечатления. Она только ответила ему что-то задиристым тоном. Но стоило шаману поднять руку, как они тут же прекратили свару.

— Ты — кто? — подобно Кайдессе, Менлик говорил по-английски с сильным акцентом.

— Тревис Фокс из племени апачей.

— Апачей, — медленно, в раздумии повторил шаман. — Значит, ты с запада. Американского запада.

— Ты много знаешь, человек, говорящий с духами.

— Вспомнилось. Временами приходят воспоминания, — вскользь рассеянно заметил Менлик. — И как же апач нашёл свою дорогу среди звёзд?

— Так же, как и Менлик со своим народом, — высказался Тревис. — Вас послали заселить эту планету, так же и нас.

— И много вас? — быстро спросил Менлик.

— А разве орда здесь малочисленна? Разве для заселения целого мира достаточно послать одного, трёх, десять человек? — отпарировал Тревис. — Вы владеете севером, мы же — югом.

— И на них не действует машина! — воскликнула Кайдесса поодаль. — Они свободны!

Менлик посмотрел на девушку и сдвинул брови.

— Женщина, не вмешивайся в дела мужчин. Держи свой болтливый язык за зубами.

Кайдесса вскочила и, сердито топнув, подбоченилась.

— Я — дочь Голубого Волка. Мы все здесь воины — и мужчины, и женщины. И так будет всегда, до тех пор, пока орда не станет свободно кочевать по пастбищам огромных равнин. Эти апачи завоевали свою свободу. Пора бы наконец понять это и хотя бы попытаться узнать: как же им это удалось.

Выражение лица Менлика не изменилось. Он только прикрыл глаза, когда по монголам пробежал одобрительный шепоток. Многие понимали английский достаточно хорошо, чтобы перевести сказанное Кайдессой для остальных. Тревис удивился. У него мелькнула мысль, что все эти люди, теперь ведущие полудикий образ жизни, когда-то были весьма образованными в европейском понимании этого слова. Они даже владели языком народа, который считался основным их врагом.

— Так значит, вы кочуете к югу от гор? — продолжил свои вопросы шаман.

— Да, это так.

— Тогда как же ты оказался здесь?

Тревис равнодушно пожал плечами:

— Затем, зачем любой другой человек стремится путешествовать. Ведь в нас заложено желание увидеть, что может лежать по ту сторону...

— ...или провести разведку перед выступлением воинов, — отрезал Менлик. — Между твоими правителями и моими мира нет. Вы хотите забрать наши пастбища и стада сейчас, или только думаете об этом?

Тревис ответил не сразу. Он обвёл презрительным взглядом собравшихся вокруг, изобразив на своём лице демонстративную усмешку.

— И это твоя орда, шаман? Пятнадцать воинов? Должно быть, многое переменилось со времён Темучина, если вы скатились до такого.

— Да что ты можешь знать о Темучине, ты, человек без предков, безродная собака с запада!..

— Что я знаю о Темучине? Он был вождём воинов, а не

баб. И стал великим Чингисханом, повелителем Востока. Но и у апачей тоже были свои вожди, кочевник бесплодных степей. А я был среди тех, кто вихрем пронёсся сквозь две нации вместе с Викторией, который рассеивал противника, как ветер развеивает пыль на дороге.

— Ты горазд болтать, апач,.. — в голосе шамана уже явно прозвучала угроза.

— Я говорю как воин, шаман. Или ты настолько привык разговаривать с духами, что уже позабыл, как разговаривают с мужчинами?

Тревис понимал, что своим ответом он раздражает шамана и вызывает в нём гнев, но в то же время он надеялся, что правильно оценил характер и темперамент этого народа. Отвечать им смело и открыто — единственный способ произвести на них должное впечатление. Они не станут вести переговоры со слабыми и малодушными, а Тревис, настолько сам мог судить, и так уже во многом проигрывал в их глазах. У него не было лошади и сопровождения, к тому же всё его оружие составляли нож и лук со стрелами. Он также понимал, что монголы, только недавно освободившиеся от мысленного подчинения машинам и захватившие эту землю, пытались самоутвердиться, и потому весьма подозрительно относились ко всему, что выходило за рамки обыденного. Они ревностно охраняли покой своей земли, а он вторгся к ним в лагерь и находился теперь среди них один, фактически беззащитный. Именно поэтому Тревис видел единственный выход из создавшегося сложного положения — утвердиться среди них как равный среди равных, а затем постараться убедить их, что апачам и монголам имеет смысл заключить союз против красных, которые контролировали лагерь среди северных прерий.

Менлик снял с пояса какую-то резную палочку и принялся размахивать ею перед носом Тревиса, что-то бормоча про себя. Его это озадачило. Не могло ли так получиться, что шаман слишком сильно углубился в собственное прошлое и теперь искренне верил в своё сверхъестественное могущество? Или же всё это предпри-

нималось лишь для того, чтобы произвести впечатление на внимательно наблюдающую аудиторию.

— Ты что, призываешь на помощь своих духов, Менлик? Так знай же, апачи дружат с га-н, духами не менее могущественными. Спроси Кайдессу, кто охотился с Фоксом среди равнин?

Как это ни странно, слова Тревиса подействовали отрезвляюще. Менлик прекратил махать палочкой и повернулся к Кайдессе.

— Он охотится с волками, которые думают как люди, — охотно пояснила Кайдесса то, о чём шаман не мог спросить в открытую. — Они всегда уходили вперёд и предупреждали о малейшей опасности. Они не духи, а реальные существа из плоти и крови.

— Любой способен научить собаку разным трюкам, — сердито сплюнул Менлик.

— А что, разве простой пёс может повиноваться командам, которые не произносятся вслух? — задорно парировала Кайдесса. — Эти коричневые волки появляются и садятся, смотрят прямо в глаза. И тогда он знает, что кроется в их мыслях, а они знают, чего он хочет от них. Наши сторожевые псы такого не умеют.

По лагерю снова прошелестел говорок. Менлик поморщился и повесил палку обратно на пояс.

— Если ты человек власти, такого могущества, — проговорил он медленно и с расстановкой, — тогда ты можешь в одиночку отправиться туда, где можно разговаривать с духами, — в горы.

Менлик обернулся и что-то бросил через плечо на своём языке. Одна из женщин поднялась и нырнула в юрту, а через несколько секунд появилась снова, неся в руках полный бурдюк и чашу, вырезанную из рога. Кайдесса приняла рог и подставила его под льющуюся из бурдюка белую жидкость. Затем она с поклоном преподнесла чашу Менлику, который, что-то скороговоркой проговорив, закрутился вокруг самого себя, опытными движениями проливая по капле на землю. Затем он сделал глоток и передал рог Тревису.

Апач почувствовал тот же самый кисловатый запах, как и у мешка, который они нашли, когда преследовали Кайдессу. Откуда-то неожиданно всплыло воспоминание, и он понял, что ему дали — кумыс, забродившее молоко кобылиц, бывшее и вином, и водой степей.

Он заставил себя отпить. С непривычки кумыс показался ему просто отвратительным, и он тут же передал рог обратно Менлику. Шаман опустошил чашу одним глотком и церемония на этом закончилась. Он жестом подозвал Тревиса к огню, ткнув рукой в сторону казана на углях.

— Отдыхай... ешь, — бросил он.

Сгушалась ночь. Тревис сел на траву, скрестив ноги, и расслабился. Он мысленно прикинул, как далеко за это время ушёл Цуай. Вероятно, сейчас юноша уже перешёл через перевал, и теперь спускается с гор по их южным склонам. Ему ещё остаётся полтора дня пути, прежде чем он доберётся до лагеря апачей. Но это если он поторопится, конечно. Правда, у Тревиса на этот счёт даже не возникало сомнений. Цуай был смышлённым и обязательным юношей, и выполнит данное ему поручение несмотря ни на что. Кроме того, Тревиса тревожили койоты. Сейчас он представления не имел, где они и что делают. Но самому ему, по всей видимости, придётся остаться на ночь в этом монгольском лагере. Если же он попытается уйти, то вызовет совершенно ненужную подозрительность своих хозяев, что может сорвать переговоры.

Однако все эти проблемы не требовали срочного решения. Сейчас было куда важнее немного отдохнуть и поесть. Только теперь Тревис почувствовал неистовый голод. Не обращая внимания на едкий дымок, поднимавшийся от углей, он подсел поближе и принялся вылавливать большие жирные куски мяса из казана, пользуясь широким лезвием охотничьего ножа. Монголы ели вместе с ним, о чём-то тихо переговариваясь на своём языке. Совсем стемнело, и уже через несколько минут всё небо было усыпано яркими звёздами, взошла жёлтая луна, наполняя мир золотистым светом, затем поднялась и зелёная, быстро катясь по иссиня-чёрному куполу. Наевшись, Тревис

жевал уже лениво и медленно, его одолевала сонливость и расслабленность, тихий незнакомый говор действовал успокаивающе. Он бросил взгляд в сторону женщин. Кайдесса сидела среди них, о чём-то весело болтая и даже не обращая на него внимания. По всей видимости, испытания ещё не закончились, мелькнуло у него в голове. И действительно, когда Тревис, наевшись досыта, отсел от костра, шаман подошёл к нему и медленно опустился рядом.

— Кайдесса сказала мне, что когда она попала под чары машины, ты не ощутил её цепей, — начал он осторожно.

— Те, кто правят вами, — не мои хозяева. Узы, которые они наложили на вас, не сковывают моей свободы, — Тревис искренне надеялся, что его слова — чистая правда, и то, что утром на него не подействовал зов машины, не было чистой случайностью.

— Это возможно, ибо я и ты слишком разные, в наших жилах течёт разная кровь, — сказал Менлик. — Скажи, как же вам удалось избежать собственных уз?

— Машина, которая держала нас в плену, сломалась, — ответил Тревис полуправдой.

Менлик со свистом втянул воздух.

— Машины! Всегда машины! — воскликнул он хрипло. — Вещи, которые сидят в голове человека и заставляют его действовать против воли — это всё козни шайтана! Есть машины, апач, которые тоже надо сломать!

— Словами им не повредить, — указал Тревис.

— Только глупец мчится навстречу смерти без надежды нанести единственный удар, — возразил Менлик. — Величайшее безрассудство — выступать с саблями и луками против оружия, плюющего огнем и убивающего быстрее, чем грозовая молния! И всегда машины, действующие на мозг, могут заставить человека опустить свой нож и стоять беспомощно до тех пор, пока на него не наденут ошейник раба.

Тревис решил наконец задать вопрос, который давно уже вертелся на кончике языка:

— Я знаю, что они могут привезти машину в горы, и я

видел её влияние на Кайдессу. Но ведь в холмах много мест, где можно устроить засаду, — он помедлил и добавил. — Достаточно поместить в засаде тех, на кого эти машины не действуют. И мы захватим машину. Но только скажи мне, много ли таких устройств у красных?

Костлявая рука шамана нервно перебирала фигурки на поясе. Затем улыбка медленно растянула его губы.

— В этом казане, апач, варится хорошее мясо, жирное, вкусное, как раз то, что нужно, чтобы заполнить пустой желудок. Люди, которым машина не страшна, будут ждать в засаде. Отлично. Но не следует забывать и о приманке, хитроумнейший из хитроумных. Никогда ещё те, другие, не заходили далеко в горы. Их флаеры не могут долететь сюда, а путешествовать на конях они опасаются. Бегство Кайдессы рассердило их, но даже потеряв терпение, они не стали удаляться слишком далеко, иначе вы бы не ушли так легко. Да, нужна приманка, хорошая приманка.

— А может, приманкой сделать мысль, что за горами появились незнакомцы?

Менлик вынул жезл и принялся его задумчиво крутить в руках, водя пальцами по узорам. Его улыбка исчезла с тощего лица, но затем он вдруг бросил короткий взгляд на Тревиса.

— Скажи, ты восседаешь на подушках, как хан в своём племени, вождь?

— Я восседаю как воин, к словам которого прислушиваются, — Тревис надеялся, что по крайней мере отчасти это правда. Сумеют ли Осторожный Олень со своими единомышленниками удержать власть в руках кего возвращению, в этом он совсем не был уверен.

— Надо поразмыслить и собрать совет, — медленно произнёс Менлик. — В твоей идее есть притягательность. Да, над этим действительно стоит подумать, вождь.

Он поднялся и медленно отошёл в темноту. Тревис повернулся к костру, глядя на догорающие угли. Он очень устал и не хотел оставаться в лагере. Но не мог же он обойтись без отдыха, в котором так нуждалось тело. На следующее утро ему понадобится свежая голова. Он взгля-

дом поискал Кайдессу, но так её и не нашёл. Большинство женщин ушло спать, разбредясь по юртам. Его же никто не приглашал. Впрочем, навязываться он и не собирался. Тревис поднялся, походил по лагерю, внимательно приглядываясь к людям и обстановке, а затем выбрал для себя укромное местечко под низкорослым кустом и улёгся под него, подложив колчан со стрелами под голову вместо подушки. Какое-то время возбуждение и воспоминания дня мешали ему заснуть. Он думал о Кайдессе, её брате, шамане и будущем союзе с монголами, но постепенно мысли начали путаться, и сам того не заметив, Тревис всё-таки уснул.

Глава девятая

Тревис сидел на земле, прислонившись спиной к выступу скалы. Прохладный ветерок обдувал лицо, теребил волосы и охлаждал кожу. Солнце стояло почти в зените. Тревис приподнял руку с небольшим блестящим диском на ладони, и поставил его под лучи солнца. Он подавал боевой сигнал, как подавали его древние предки. Если Цуай благополучно добрался до лагеря — а Тревису хотелось верить в это, — и если Осторожный Олень выслал наблюдателя на тот высокий пик далеко на юге, то они наверняка заметят этот сигнал Тревиса и поймут, что он возвращается, но не один, а в сопровождении чужаков.

Затем он стал поджидать ответ, рассеянно полируя металлическое зеркало о рукав рубашки. Зеркала были прекрасным средством для подачи сигналов, в отличие от дымов, которые выдают слишком уж много. Цуай уже должен был вернуться...

— Чем это ты занят?

К нему взобрался Менлик. Его шаманский балахон был подпоясан ремнём, и теперь обнажились чёрные кожаные штаны, расшитые богатым узором. Вместе с Тревисом в путешествие отправились Кайдесса и Хулагир. Монголы по-прежнему относились к апачу настороженно, поэтому большой лошади ему не предложили, однако и пешим не оставили, дав ему маленького пони.

— Э-э-э...

Впереди мелькнула вспышка света. Одна, две, три вспышки, пауза, ещё две. Его заметили. Осторожный Олень отрядил вперёд разведчиков. И зная опыт и умение собственного народа, Тревис понимал, что монголы ни за что не догадаются, что их к месту встречи незримо будут сопровождать апачи, если только сами они не захотят показаться гостям. Ему удалось договориться, чтобы встречу назначили не в лагере апачей, а на нейтральной территории. Ещё не пришло время монголам узнать, насколько малочисленно племя индейцев.

Тревис несколько раз открыл и накрыл ладонью металлический диск. Менлик с любопытством следил за его манипуляциями.

— Ты таким образом разговариваешь со своим народом, да? — поинтересовался он.

— Именно так.

— Неплохая придумка, стоит запомнить. У нас есть барабан, но его слышат все, у кого есть уши. Это же только для глаз тех, кто знает и ждёт. Да, хорошая мысль. Твои вожди, они встретятся с нами?

— Да, они ждут уже, — подтвердил Тревис.

День подходил к середине, и жара, многократно отражавшаяся от скал, нависала свинцовым одеялом, придавливая и мешая дышать. Монголы, непривычные к жаре, поскидывали куртки, завернули края меховых шапок и на каждой остановке передавали из рук в руки бурдюк с тёплым, не утолявшим жажду кумысом. По их разгорячённым лицам катились струйки пота, они дышали с трудом и тяжело. Однако Тревис переносил жару куда лучше, поэтому сохранял ясный ум и держал себя в руках. Вот только мохнатые лошадёнки брели, понунив морды и выискивая тропинку где-нибудь в тени. Они прошли сквозь расселину, которая привела их в глубокий каньон, а Тревис, оглядываясь по сторонам, пытался заметить разведчиков апачей, который должны были их уже встречать. К тому же он не раз уже подумывал о койотах. Он был так уверен, что когда утром они тронутся из лагеря

монголов, звери присоединятся к небольшому отряду. Но этого не произошло, и теперь Тревис не на шутку беспокоился за своих четвероногих друзей.

Ему не удалось заметить следов койотов, он не ощущал и тени их телепатического присутствия. Почему они бросили его столь внезапно сразу после нападения монголов, почему они теперь прятались, он не имел ни малейшего представления. Однако в душе он надеялся, что когда они доберутся до лагеря апачей, то койоты окажутся уже там.

Мохнатые лошадки брели уныло и лениво. Они спустились на дно каньона и теперь плелись по песку, преодолевая стену жары, которая, казалось, здесь превратилась во что-то вполне ощутимое и осязаемое. Все дышали тяжело и шумно, как загнанная охотничьими собаками дичь. И тут Тревис впервые заметил то, что давно уже искал взглядом. Впереди вверху, на стене каньона он зафиксировал какое-то смутное движение. Индеец сразу же поднял руку, второй рукой попридержав за повод лошадь. И тут же на стене показалась целая цепь апачей с луками и стрелами наготове. Они словно возникли из пустоты — молчаливые, зоркие воины пустынь.

Кайдесса вскрикнула от неожиданности, пришпорила лошадку и поравнялась с Тревисом.

— Ловушка! — её раскрасневшееся от жары лицо побагровело от гнева.

Тревис медленно улыбнулся.

— А ты чувствуешь на своих плечах аркан, дочь Волка? — произнёс Тревис с расстановкой. — Тебя тащат сейчас по песку?

Она открыла рот и опять закрыла, рука с поднятой плетью опустилась.

Тревис оглянулся. Хулагир держал руку на рукояти сабли, а взгляд прищуренных глаз так и бегал по цепочке лучников. И только Менлик сидел совершенно спокойно на своей лошади, не выказывая никаких видимых эмоций.

— Едем дальше, — и Тревис махнул рукой вперёд.

Так же внезапно, как и появились, лучники исчезли. Большинство из них уже торопились к месту встречи, которое выбрал Осторожный Олень.

Лошадь Тревиса вскинула голову, тихо заржала и прибавила скорости, учуяв где-то впереди небольшой оазис с родниковой водой. Такие островки жизни иногда попадают среди гор.

Менлик и Хулагир погоняли своих лошадей до тех пор, пока не догнали Кайдессу и Тревиса. Зелёные кусты впереди манили лошадей своей свежестью, и они потрусили ещё быстрее. Вскоре они въехали в ответвление каньона, где затаилось небольшое озеро с водой, поросшее травой и кустарником. На противоположной стороне водоёма стоял, скрестив руки на груди, сам Осторожный Олень. Кроме ножа на поясе, другого оружия у него не было. Но за спиной стояли Деклай, Цуай, Нолан, Манулитто. По расчётам Тревиса Деклай и Манулитто были единомышленниками, во всяком случае, когда он покидал лагерь. На лестнице прошлого, по образному выражению Осторожного Оленя, они оба застряли где-то на полпути. Нолан был осторожным и молчаливым воином, высказывался редко, и потому его мнение Тревис навряд ли мог предсказать. В Цуае же он не сомневался: тот всегда поддержит Осторожного Оленя.

Подобный выбор представителей для переговоров был наиболее соответствующим предположениям Тревиса. Да и нелепо было рассчитывать на делегацию, составленную целиком из тех, кто с готовностью желал бы расстаться с прошлым, навеянным редаксом. Тем не менее Тревиса совсем не обрадовало присутствие здесь Деклая.

Тревис спешил и конь с жадностью сунул морду в бассейн.

— Это, — Тревис вежливо указал подбородком, — Менлик, тот, кто разговаривает с духами... Хулагир, сын вождя... и Кайдесса, дочь вождя. Это кочевники с севера, — он всё это произнёс по-английски. Затем повернулся к монголам и объявил: — Осторожный Олень, Деклай, Нолан, Манулитто, Цуай, — он перечислил их всех, — посланы выслушать и говорить от имени апачей.

Позже, когда обе группы расселись лицом друг к другу, Тревису вдруг пришла в голову мысль: а можно ли вообще

достичь согласия в такой разношерстной группе, как эта. Деклай даже отсел подальше, словно боялся заразиться, а на его лице было написано такое равнодушие и отчуждённость, что за ними Тревис сумел прочитать лишь недоверие и антагонизм к чужакам, пришедшим из-за гор.

Он заговорил первым, пересказывая свои приключения, с того самого момента, как расстался с Цуаем. Он говорил по-английски, чтобы и монголы могли понять его речь. Апачи слушали с непроницаемыми выражениями лиц.

— И что же нам делать с этими людьми? — встревожено спросил Деклай, когда Тревис закончил свой рассказ.

— Положение складывается такое, — осторожно подбирая слова, начал Тревис. — Пинда-лик-о-йи, которых мы называем красными, не хотят жить бок о бок с теми, кто не разделяет их взглядов. У них есть машины, по сравнению с которыми наши луки — игрушки ребёнка, а ножи — ржавые обломки. Но их машины не убивают, они поработают, лишая человека воли. Когда они узнают о том, что за цепью гор живут другие, то обязательно придут сюда и устроят охоту на нас.

Деклай хищно улыбнулся.

— Земля велика, и мы знаем ей цену. Пинда-лик-о-йи нас не найдут...

— Если бы они во всём полагались на глаза, то, может быть, и не нашли бы, — отозвался Тревис. — А вот машины — совсем другое дело.

— Машины! — сплюнул Деклай. — Куда не повернись, всё эти машины... Ты только об одном и твердишь. Похоже, тебя прямо-таки околдовали эти проклятые машины, которых никто не видел. Никто из нас не видел! — поправил он сам себя.

— Именно машина перенесла нас сюда, — заметил Осторожный Олень. — Вернись в лагерь, взгляни на звездолёт, и попробуй припомнить: знания пинда-лик-о-йи гораздо больше наших, когда дело касается металла. Машины перенесли нас дорогой звёзд, и в клане нет слепопыта, который смог бы отыскать эту дорогу... Но я хотел бы спросить вот что: есть ли у нашего брата план?

— Тех, кого зовут красными, — отозвался на подсказку Тревис, — их немного. Быть может, позднее их станет больше. Слышал ли ты что-нибудь по этому поводу? — спросил он у Менлика.

— Нет, нам многого не говорили. Мы жили отдельным стойбищем, и никто не приближался к Небесной Лодке без позволения. У них есть могучее оружие, в противном случае они все уже давно были бы мертвы. Ибо немыслимо для человека делить пищу, степи и безмятежно спать под одним небом с тем, кто является убийцей его брата.

— Значит, они убили многих среди твоего народа?

— Да, они — убийцы, — коротко отозвался Менлик.

Кайдесса пошевелилась и что-то прошептала на ухо брату. Хулагир вздёрнул голову и быстро заговорил:

— Что он говорит? — потребовал объяснения Деклай. Девушка ответила:

— Он говорит о нашем отце, который помог бежать троим, и позже был убит в назидание остальным, поскольку он был нашим «белобородым» ханом.

— И мы все поклялись собственной кровью, что они тоже умрут, — добавил Менлик. — Но вначале мы должны вытряхнуть их из раковины Небесной Лодки.

— В этом-то и проблема, — пояснил Тревис для своих сородичей. — Нам надо как-то выманить этих красных из их лагеря. Когда они отправляются в экспедицию, то обязательно прихватывают с собой машину для управления мыслями. Но она контролирует только монголов, а на нас никакого действия не оказывает

— И снова я спрашиваю: какое нам до этого дело? — нетерпеливо вскочил на ноги Деклай. — Эта машина не может нас поработить, и мы способны разбить наши лагеря где угодно, там, где никакие пинда-лик-о-йи не смогут нас найти.

— Мы не неуязвимы. Мы не знаем степень воздействия этих машин. Не гоже восклицать «Докса-да»(это не так), коль неизвестно, что может прятаться в типе врага.

К своему облегчению, Тревис заметил согласие с его словами на лицах Цуая, Нолана и Осторожного Оленя. С

самого начала у него не было надежды хоть как-то убедить Деклая. Он мог полагаться лишь на то, что будет принята воля большинства. Это восходило к древнейшей, заложенной испокон веков традиции престижа у апачей. Вождь — нантан — обладал го'нди — особой властью в качестве дара со дня рождения. Обычный апач мог иметь власть над лошадьми, скотом, мог иметь дар накапливать богатства, и, следовательно, делать щедрые подарки, то есть быть икаднтлизи — богачом, выразителем воли в качестве представителя целых семей. Но не существовало у апачей наследных вождей или даже неограниченных правителей внутри клана. Нагунлка — дант'ан, или военный вождь, вёл только по тропе войны, и не было у него голоса в делах клана, за исключением только тех вопросов, которые касались военных приготовлений.

Терпеть раскол в своих рядах сейчас — это могло смертельно ослабить их маленький клан. Деклай и его сторонники имели право отделиться, и никто не мог им в этом воспрепятствовать, так гласили племенные законы.

— Мы подумаем об этом, — осторожно заключил Осторожный Олень и повёл рукой. — Здесь есть пища, вода, пастбище для коней, лагерь для наших гостей. Они подождут здесь, — он перевёл взгляд на Тревиса. — Ты тоже подождёшь с ними, Фокс, поскольку ты уже успел с ними близко познакомиться.

Тревис хотел было возразить, но тут же признал мудрость Осторожного Оленя. Союз с монголами должен предложить незаинтересованный человек. Если бы это сделал он, Тревис, наверняка многие воспротивятся. Пусть Осторожный Олень сам поговорит с кланом, и тогда союз станет свершившимся фактом.

— Хорошо, — согласился Тревис.

Осторожный Олень внимательно посмотрел на солнце, потом на выросшие тени, прикидывая время, а затем произнёс:

— Мы возвратимся утром, когда тень ляжет здесь, — он носком мокасины провёл линию на мягком песке, затем, не прощаясь, повернулся и повёл всех остальных прочь.

— Твой вождь, этот самый? — спросила Кайдесса, показывая вслед Осторожному Оленю.

— К нему очень прислушиваются в совете, — отозвался Тревис. Он принялся раскладывать костёр, к которому потом подтащил освежёванного телёнка жабьемордого животного, которого оставили охотники специально для них. А Менлик присел на корточки у самого бассейна и принялся пить, сложив руки пригоршней. Хулагир отгонял лошадей подальше на пастбище, а Кайдесса, взяв на себя женские обязанности, принялась резать свежее мясо.

Менлик запрокинул голову и, прищурившись, посмотрел против солнца.

— Понадобится много уговоров, чтобы убедить этого низенького, — заметил он. — Ему не нравимся ни мы, ни твой план. Такие есть и в нашей орде, — он стряхнул воду с пальцев. — Но я знаю одно, Человек, Который Зовёт Себя Лисой, что если мы не объединимся, никакой надежды одолеть красных не останется. Мы просто блохи перед ними, и нас попросту раздавят, — и он похлопал себя по колену, демонстративно и многозначительно.

— Я тоже в этом не сомневаюсь, — признался Тревис.

— Давай же надеяться, что наши сородичи будут столь же мудры, как и мы, — сказал Менлик, улыбаясь. — Ну, а поскольку повлиять на их решение мы никак не можем, у нас как раз остаётся время для отдыха.

Сразу после обеда шаман улёгся спать, пережидая жару. Хулагир принялся бродить по каньону, то обтирая лошадей, то останавливаясь и разговаривая с Кайдессой. Тревис чувствовал, что сын хана чем-то очень обеспокоен, но чем, понять было трудно. И те косые взгляды, которые он время от времени бросал на Тревиса и тут же отворачивался, начинали тревожить апача.

Тревис уселся в тенёчке и сквозь полудрёму старался не терять из виду трёх монголов. Он не хотел думать о том, что сейчас происходит в лагере, переключив свои мысли на башни древнего города. Хранили ли эти здания сокровища, подобные тем, которые собрали для них крылатые люди на другой планете. Те люди, для которых он потом

придумал невиданное там оружие — духовую трубку, стрелявшую дротиками. Они передали экспедиции массу артефактов, рассказавших о жизни древней цивилизации. И там же они натолкнулись на богатую библиотеку кассет, одна из которых и привела их на этот мир.

Но даже если бы удалось найти подобные кассеты в одной из этих башен, не было способа ими воспользоваться. Звездолёт валялся разбитый на горном склоне. Разве что там найдутся другие вещи! От этой мысли Тревис даже невольно дёрнулся. Эх, если бы только он был свободен...

Он дотянулся до плеча Менлика, который лежал рядом. Шаман тут же проснулся, жмурясь, словно кошка.

— Что случилось?

Какое-то мгновение Тревис колебался, сожалея, что поддался порыву. Он представления не имел, сколько Менлик помнит о настоящем. И он сам мысленно кисло усмехнулся подобной фразе — «помнит о настоящем». Людям, заброшенным в расовое прошлое, настоящее казалось куда как менее реальным. Но поскольку Менлик всё-таки сохранил знание английского, Тревис надеялся, что на лестнице прошлого он застрял не так уж далеко.

— Когда мы с Кайдессой встретились с вами, это случилось неподалёку от одной долины, — и Тревис скупыми словами описал её. Он по-прежнему не решался заговорить прямо, но кочевье монголов находилось невдалеке от башен, и они наверняка о них знали. — Внутри долины здания... очень древние.

Менлик окончательно проснулся. Он сел и принялся играть своим жезлом.

— Это есть или было местом невероятной мощи, Фокс. Я знаю, что ты сомневаешься в моём родстве с духами и властью, которую они приносят. Но когда к человеку приходит опыт, то он уже не станет идти против того, что чувствует здесь и здесь, — его длинные пальцы коснулись лба и груди. — Мне тоже пришлось пройти по каменным тропам той долины. И я слышал шёпот...

— Шёпот?

Менлик рассеянно покрутил жезл.

— Чрезвычайно тихий шёпот, который немногие способны уловить. Доносится, словно жужжание насекомого, и нельзя разобрать никаких слов. Да, это место великого могущества!

— Это место, которое необходимо исследовать!

Менлик невозмутимо продолжал играть жезлом, не отрывая от него пристального взгляда.

— Сомневаюсь я в этом, Фокс. Воистину сомневаюсь. Ведь как бы мы ни чувствовали, это не наш мир, и здесь вполне может найтись нечто, для кого или чего наше присутствие нежелательно.

Шаманские штучки? Или он действительно чувствовал нечто странное, что невозможно описать земным языком? Полной уверенности у Тревиса не было, но он знал, что когда-нибудь вернётся в долину и убедится в этом сам.

— Послушай, — сказал Менлик, придвигаясь ближе, — я понял, что ты побывал в самом первом звездолёте, который пронёс вас по древним тропам звёзд. Тебе пришлось видеть нечто подобное?

Он принялся рисовать кончиком жезла на мягкой земле. Кем бы там Менлик ни был в настоящем, перед тем, как превратиться в шамана орды, в нём пропадал отменный художник. Несколькими штрихами он создал на земле яркий, отчётливый рисунок.

Это был человек или, по крайней мере, фигура, напоминающая человека, — округлый, слегка великоватый для его комплекции череп был гол, одежда в обтяжку подчёркивала худобу конечностей. Существо обладало огромными глазами, маленьким ртом и носом, и все эти черты лица группировались внизу, опять-таки подчёркивая огромность черепной коробки. Тревису почудилось что-то знакомое.

Это не летающие люди с одной из планет, и уж точно не ночные гориллообразные существа. Однако Тревис был уверен, но ему уже где-то приходилось встречать подобный портрет. Он закрыл глаза и, сосредоточившись, попытался представить себе как бы эта фигура могла выглядеть воочию.

Похожая голова с бледной кожей словно из тонкой бумаги лежала на тонкой, немощной руке, обтянутой синим рукавом. Эта картина с невероятной ясностью всплыла в его памяти и он начал лихорадочно соображать: где же он мог такое видеть.

Апач не смог сдержать восклицания, когда наконец он вспомнил всё в мельчайших деталях. Пустой звездолёт, который они нашли в прошлом, и в нём мертвец, который всё ещё сидел за пультом управления. Тот самый инопланетянин, который установил навигационную кассету, ставшую виновницей их невольного путешествия по дорогам забытой империи...

— Где?! Когда ты его видел? — апач схватил Менлика за руку. Тот обеспокоенно повёл бровями.

— Он представился в моём воображении, когда я был в долине. Я почти увидел его лицо в одном из окон. Но не уверен, что это было на самом деле.

— Некто из давних-давних времён. Один из тех, кто однажды владел ключами от звёзд, — ответил Тревис. Неужели они ещё сохранились здесь? Остатки цивилизации, процветавшей десятки тысяч лет назад? Как узнать, оставались ли и теперь на Топазе эти яйцеголовые, столетия назад столь безжалостно преследовавшие красных, отважившихся ограбить их повреждённые корабли?

Ему припомнилась история бегства Росса Мэрдока от этих инопланетян в далёком прошлом Европы, и он содрогнулся. Мэрдок отличался отличной физической закалкой и железными нервами, но его рассказ о собственном бегстве навевал ужас на Тревиса. Ну что могла противопоставить им горсточка примитивно вооружённых и примитивно мыслящих землян?..

Глава десятая

— Дальше этого места, — Менлик остановился на самом краю обрыва, предостерегающе подняв палец, — дальше этого места никто не двинется.

— Но ты же говоришь, что кочевье твоего народа расположено в степях, — удивился Джил-Ли.

Он стоял на одном колене, обшаривая горизонт в полевой бинокль, который они нашли на звездолёте. Затем он передал бинокль Тревису. Ничего не было видно, кроме отдельных рощиц вблизи подножия холмов.

Стояло раннее утро. Монголы-проводники помогли им миновать перевал коротким путём, и теперь они стояли на склоне гор, глядя на далёкие равнинные земли, над которыми красные имели полный контроль.

Встреча двух вождей вылилась в компромисс. С самого начала Тревис прекрасно понимал, что шансы убедить всех членов клана в верности своего плана слишком малы. Даже желание выслать разведку натолкнулось на сопротивление Деклая и его сподвижников.

— Дальше этого места, — повторил Менлик, — они всегда настороже, и уже здесь способны управлять нами с помощью машин.

— А ты как думаешь? — Тревис передал бинокль Нолану.

Если у них и появится вождь, то именно такой, как Нолан. Высокий, худощавый, сдержанный и спокойный, он как раз подходил для такой роли. Нолан подрегулировал окуляры и принялся не спеша осматривать огромные пространства равнин. Внезапно он застыл словно окаменев. Рот сжался в тонкую линию.

— В чём дело? — спросил Джил-Ли.

— Всадники. Два... четыре... пять и ещё что-то... в воздухе.

Менлик дёрнулся, схватил Нолана за руку и потащил его вниз.

— Флаер. Все назад! — он, не переставая тянуть Нолана за собой, даже ткнул Тревиса одной ногой. Стоявшие вокруг апачи изумлённо наблюдали за всем происходящим. Шаман выпалил что-то на своём родном языке, а потом, взяв себя в руки, заговорил по-английски.

— Это охотники, а с ними машина для контроля. Либо кто-то сбежал, либо они хотят найти наше горное кочевье.

Джил-Ли вопросительно глянул на Тревиса.

— Ты ничего не почувствовал, когда женщина попала под действие чар этой машины?

Тревис отрицательно покачал головой. Джил-Ли кивнул, затем сказал шаману:

— Мы останемся здесь и будем наблюдать. Но поскольку для тебя это плохо, то уходи. Мы встретимся с тобой близ башен города инопланетян. Согласен?

Тревис обратил внимание на выражение лица шамана. На нём отразилось не то недовольство, не то раздражение тем, что ему приходится отступать, в то время как остальные останутся и будут наблюдать за врагами. Но всё-таки Менлик тихо хмыкнул в знак согласия, как видно, здраво рассудив о возможных последствиях, и быстро скользнул вниз по осыпи. Он подошёл к Хулагиру и Лотчу и предупредил их об опасности на своём родном языке. Они сели на лошадей, и через несколько секунд послышался дробный стук копыт. Они возвращались в свой лагерь.

Апачи рассредоточились и притаились. Вскоре даже и без бинокля стало видно приближающуюся партию охотников — пятеро всадников, четверо из них — в монгольской одежде. Зато пятый обладал фигурой столь странной формы, что Тревису она напомнила набросок Менлика на песке. В бинокль он разглядел, что за плечами пятого всадника висел ранец, а на голове — большой шлем.

— Над ними летит вертолёт. Другая модель, не такая, как наши, — заметил Нолан.

На Земле они были знакомы с вертолётами. Многие апачи даже летали на них. Но Нолан прав, этот вертолёт несколько отличался от тех, которые им доводилось видеть.

— Монголы говорят, что эти флаеры далеко в горы не залетают, — задумчиво произнёс Джил-Ли. — Вероятно, это объясняет присутствие того, на лошади. Он может засхатъ туда, куда им не долететь.

Нолан притянул к себе лук.

— Если эти красные во всем полагаются на свои машины, их можно ошеломить внезапностью.

— Не спеши! — сорвалось у Тревиса.

Нолан изумлённо покосился на него, а Джил-Ли хмыкнул:

— Наш путь не так тёмн, младший брат. Мы не нуждаемся в твоём факеле, чтобы освещать каждый новый шаг.

Тревис смолчал, понимая справедливость замечания. С его стороны было бы глупо считать, будто только он один знает способ справиться с врагами. И он, продолжая прятаться за камнем, наблюдал за всадниками, которые вскоре скрылись в ложбине к западу от них. Флаер принялся выписывать широкие круги в небе, осматривая не только часть равнины, но и склоны предгорий. Похоже, он напрямую связывался со всадниками и помогал им обследовать местность.

Тревис пошевелился.

— Они направляются прямо в лагерь монголов, словно в точности знают, где он находится.

— Может быть, и так, — откликнулся Нолан. — Что мы знаем об этих монголах? Они же сами признали, что красные в любой момент могут заарканить их волю. Может, это уже и произошло. Вот что я вам скажу, давайте убираться отсюда обратно, — и словно подтверждая свои слова, он сунул Джил-Ли бинокль и стал быстро спускаться по склону.

В какой-то степени Тревис мог оценить мудрость предложения Нолана, но он был убеждён, что отступить сейчас означает получить лишь недолгую отсрочку. Рано или поздно апачам придётся противостоять красным, и если они могут вмешаться сейчас, пока враг поглощён своими внутренними проблемами, то тем лучше.

Джил-Ли последовал за Ноланом, но в Тревисе словно что-то взбунтовалось. Он продолжал наблюдать за кружащим флаером. Если тот облетал район действия всадников, то они либо остановились, либо обыскивали сравнительно небольшой участок. Тревис неохотно спустился по склону во впадину, где его уже ждали Джил-Ли с Ноланом. Цуай, Льюп и Роп стояли несколько поодаль, словно ожидая приказа своих старших.

— Было бы неплохо, — задумчиво проговорил Джил-Ли, — если бы нам удалось увидеть, какое у них оружие.

Мне хотелось бы поближе взглянуть также на оборудование того, в шлеме. Кроме того, — улыбнулся он Нолану, — я уверен, что они вряд ли сумеют обнаружить присутствие воинов-апачей, если только мы сами им этого не позволим.

Нолан деловито погладил излучину лука и внимательно обвёл взглядом очертания холмов.

— В том, что ты говоришь, старший брат, кроется мудрость. Только на эту тропу мы должны стать в одиночку. Не позволяя людям в мохнатых шапках знать, где мы ходим, — он с намёком посмотрел в сторону Тревиса.

— Это мудро, ба'ис'а, — тут же отозвался Тревис, наделив Нолана старым титулом, носимым военными вождями. Его переполняла благодарность даже за одно то, что они решили остаться и посмотреть, а не ушли сразу, отказавшись от всего.

Они тут же пустились в путь, направляясь к юго-востоку под таким углом, чтобы пересечь следы охотничьей партии врага. Никто из пятерых всадников не предпринимал никаких мер предосторожности. Каждый двигался с такой уверенностью, словно не боялся любой атаки.

Из прикрытия апачи наблюдали за небом. До них доносился слабый гул вертолёта. Он по-прежнему кружил в воздухе, как сообщил Цуай, но всё ещё летал над степью, в то время как всадники уже давно покинули равнину, углубляясь всё дальше и дальше в холмы.

Двигаясь по трое с каждой стороны проторенной тропы, которую положили всадники, апачи очень быстро сближались с всадниками. Нагнав их, они все мгновенно попрятались. Четыре монгола скучились вместе, а пятый, грузно соскочив с лошади, теперь сидел на земле и что-то делал с нагрудной пластиной.

Теперь, когда им удалось приблизиться, Тревис заметил полное отсутствие мысли на лицах монголов. Они сидели верхом на своих мохнатых лошадёнках и глаза их были пусты, а невидящий взгляд устремлён куда-то в пространство. Потом, все как один, они развернулись к человеку в шлеме, слезли с коней и застыли, выжидающе глядя на

него. Их позы напомнили Тревису койотов, когда они застывали на месте, чтобы сосредоточиться и передать ему телепатические сообщения. Но в поведении этих людей не замечалось ни малейшего проблеска мысли.

Человек в шлеме что-то покрутил на нагрудной пластине, и монголы, будто ожившие куклы, наконец пришли в себя. Один из них ошеломлённо прижал ко лбу ладонь, второй присел на корточки и по-звериному оскалился. Человек в шлеме взглянул на него и залился грубым смехом, а потом отдал приказ.

Один из четверых собрал поводья и привязал коней к кустам. Затем все, как по команде, направились вверх по холму, а красный следовал за ними в нескольких шагах. Монгол, первым взобравшийся на вершину, приставил ладонь ко рту и заулюлюкал. Слабый отзвук эха покатился по горам.

Либо Менлик достиг кочевья вовремя, либо его народ не так уж легко можно вызвать, так как хотя эти охотники и долго ждали, отклика они так и не получили. Наконец человек в шлеме отозвал своих пленников, они оседлали коней и двинулись дальше. Это вполне устраивало апачей.

Они не могли знать, насколько тесна связь между всадниками и вертолётom, и находились ещё слишком близко к степи, чтобы напасть. Тревис отстал и присоединился к Нолану.

— Он управляет ими с помощью той нагрудной пластины, — заметил он вполголоса. — Если нам придётся нападать, то мы должны обязательно овладеть этим прибором...

— Смотри, эти монголы весьма искусно пользуются арканами. Разве не заловили они тебя тогда, при первой встрече? Почему бы им не поймать арканом этого красного? — в голосе Нолана явно сквозило недоверие.

— Да, возможно, потому, что у них уже давно выработался условный рефлекс. Они просто и помыслить не могут о том, чтобы напасть на своих правителей.

— Не нравится мне эта ерунда с машинами, которые что хотят, то и творят с умами людей, — вспыхнул Нолан. —

Воин обязан пользоваться оружием, но не становиться оружием сам.

Тревис разделял эту мысль полностью. Ну не повезло ли им, когда звездолёт разбился и Ратвен погиб? Вероятно, их ожидала та же участь, что и монголов. Если так, то почему? Ведь он и все апачи были добровольцами, желавшими освоить новый мир. Что же произошло на Земле, затерявшейся теперь среди звёзд, если их так внезапно отправили в этот далёкий полёт, использовав редакс? Непрошенная мысль пришла ему в голову: а что, если они узнали о высадившихся на Топазе монголах и вынуждены были отправить экспедицию в спешном порядке? Это бы многое объяснило.

Впереди показался горный пик. Тревис мысленно вернулся к настоящему. Группа монголов, за которой они следили, двигалась напрямик к кочевью в старом городе. Тревису оставалось лишь надеяться, что Менлик предупредит всех остальных вовремя. Ага, кажется, та скала слева прикрывает вход в долину башен. Тревис предполагал, что охотники не успеют достичь кочевья до наступления темноты. Они могут ничего и не знать о гориллообразных существах, охотящихся по ночам.

Однако враг и не собирался путешествовать ночью. Солнце стало садиться, скрываясь за вершинами гор, расселины и трещины в скалах заполнились зловещими чёрными тенями. Сразу же сгустился сумрак, в одно мгновение став осязаемым. Монголы остановились на ночлег и принялись разбивать временный лагерь. Апачи, как всегда на военной тропе, собрались на высотах.

— Этот красный, похоже, думает, что его жертвы будут покорно сидеть на месте, как волк, попавший в капкан, и ждать охотника, — заметил Цуай.

— Такова привычка пинда-лик-о-йи, — добавил Льюп. — Считать себя более великими и умными, чем все остальные. Однако этот глупец направляется, сам того не подозревая, прямо в лапы медведицы с медвежонком, — он весело хихикнул.

— Воин с ружьём не боится человека, вооружённого

палкой, — возразил Тревис. — У него есть причины верить, что его оружие делает его неуязвимым. Даже если он заснёт, то его машина всё равно будет стоять на страже.

— По крайней мере, мы все уверены в одном, — вступил в разговор Нолан, — этот красный и не подозревает, что в холмах могут находиться те, над кем он не властен. Так что на рассвете... — он махнул рукой, и все дружно улыбнулись.

На рассвете... традиционное время атаки. Апачи не нападают ночью. У Тревиса не было уверенности, что они могли бы преодолеть древнее табу и подкрасться к лагерю посреди ночи. Но утром они возьмут верх над этим самоуверенным красным и отберут у него машину рабства.

Голова Тревиса дёрнулась. Что-то мощное ударило по сознанию, поглотило на секунду и выплюнуло, оставив после себя потрясение. Нет, не физическое ощущение, а нечто неосязаемое, но сильное. Он весь напрягся, лихорадочно пытаясь сообразить, что же произошло. Он изо всех сил старался вспомнить, испытывал он когда-нибудь что-либо подобное или нет. Пожалуй, испытывал. Он вдруг припомнил, как два года назад, участвуя в эксперименте «Аризона», он вошёл в капсулу времени. Именно тогда он испытал это ощущение зависания во времени и пространстве, словно у него не было тела.

Однако нет, вот он лежит на скале, вполне осязаемой, и ничего в пейзаже ни на йоту не изменилось. Но этот неоссязаемый мощный удар посеял в его душе страх. Тревис глубоко вздохнул, словно всхлипнув, приподнялся на локтях и заглянул во вражеский лагерь. Не атака ли это со стороны красного? Теперь он не был до конца уверен, что произойдёт, когда апачи нападут на него.

Джил-Ли прятался справа. Тревис решил переговорить с ним по поводу происшедшего. Лучше отступить сейчас, чем потом угодить словно рыба в сети. Тревис немного отполз в сторону, за камни, и прошептал пушистым ночным зверьком. Джил-Ли ответил ему трелью какого-то насекомого. Они вместе отползли подальше от лагеря монголов, чтобы спокойно поговорить.

— С тобой ничего не происходило, сейчас, в последние минуты? — Тревис даже не знал, как описать своё состояние.

— Что-то не заметил. Но ты это пережил, да?

Но нет, Тревис прекрасно видел по лицу соплеменника, что Джил-Ли тоже испытал подобное. В глазах того крылось недоумение.

— Именно.

— Машина?

— Не знаю.

Тревис был в замешательстве. Может, это коснулось только его, и если так, то он представляет опасность для своих сородичей.

— Ничего хорошего в этом нет. Мне кажется, надо бы всё хорошенько обсудить, — шёпот Джил-Ли был едва слышен. Он снова изобразил трель насекомого, и ему ответил Цуай.

Первая луна уже высоко поднялась, когда апачи собрались вместе. Тревис опять задал свой вопрос: испытал ли кто-нибудь что-либо необычное. Все отозвались отрицательно.

Нолан заключил:

— Ничего хорошего, — повторил он слова Джил-Ли. — Если это работала машинка красного, то нас всех могут поймать в сети вместе с монголами. Возможно, чем больше ты находишься под властью этой штуки, тем больше влияния она приобретает. Останемся здесь до рассвета. Если враг дойдёт до того места, которое он ищет, тогда они должны пройти под нами, ибо это самый лёгкий путь. Отягощённый своим оборудованием, этот красный до сих пор выбирал дороги полегче. Так что поглядим, найдётся ли у него защита, когда мы внезапно его атакуем, — и Нолан коснулся стрел в своём колчане.

Стрельба из засады вряд ли позволила бы им узнать секрет таинственной машины. А после недавнего переживания Тревис чувствовал, что осторожность Нолана, пожалуй, — самый лучший путь. Тревису отнюдь не хотелось вновь пережить ощущение, подобное предыду-

шему. Он покрутил головой. По крайнсей мере, Нолан не приказал отходить. По всей видимости, военный вождь рассуждал так же, как и Тревис: если угроза племени апачей существует, то машину необходимо уничтожить.

Они организовали засаду с давним искусством, которое редакс выявил в их памяти. Теперь ничего не оставалось делать, как просто ждать.

Лишь через час после восхода солнца Цуай просигналил о приближении врага, и вскоре после этого они услышали топот лошадиных копыт. Показался первый монгол. По скованности, с какой он сидел в седле, Тревис заключил, что красный держит его под контролем. Затем последовали второй и третий монгол. Четвёртый немного приотстал.

Наконец появился и красный-конвоир. По выражению лица под козырьком шлема Тревис понял, что тот не слишком хороший ездок, и такое путешествие на лошади его изрядно раздражало. Тревис оттянул тетиву и по команде Нолана спустил стрелу одновременно с остальными апачами.

Только одна из всех пущенных стрел попала в цель. Конь под красным заржал от боли, вздыбился и повалился, подмывая под себя орущего всадника.

У красного и в самом деле имелась какая-то защита, которая отклоняла полёт стрелы. Но коня спасти он не смог. Монголы впереди остановились, заёрзали в сёдлах, затем, корчась в судорогах и хрипло крича, попадали наземь и замерли неподвижно, словно стрелы, нацеленные в их властителя, поразили каждого всадника в сердце.

Глава одиннадцатая

То ли красному повезло, то ли реакция у него оказалась слишком уж быстрой, но он успел выскользнуть из-под падавшей лошади и откатиться в сторону, прежде чем Льюп выхватил свой нож и бросился к нему. В какой-то момент апачам даже показалось, что этот странный человек в шлеме — довольно лёгкая добыча. Он даже не попытался защититься, даже не поднял руки, чтобы отвесить занесённый над ним нож.

Однако бросившийся к нему Льюп неожиданно отшатнулся в сторону и осел, словно натолкнувшись на неведомую преграду, когда острие его ножа находилось всего в шести дюймах от красного. Затем апач хрипло вскрикнул, его второй раз отбросило и он неловко повалился на землю — это уже выстрелил красный.

Тревис откинул лук, подхватил с земли увесистый камень и запустил им прямо в шлем. Но тот отлетел в сторону, не коснувшись человека. Очевидно, какое-то защитное поле прикрывало красного. Ничего подобного апачам раньше встречать не приходилось. Откуда-то свистнул Нолан, отзывая всех назад.

Красный снова выстрелил, гулкое эхо покатилося по скалам, множась, словно лавина. Однако стрелять уже было не в кого, поскольку все апачи, кроме оставшегося лежать на земле Льюпа, попрятались за камнями.

Заметив, что нападавшие отступили, красный стал подниматься. Медленно и неуклюже. Похоже, при падении лошади он довольно сильно повредил бок и ногу.

Вооружённый, опасный враг, неуязвимый и непобедимый, от которого отлетают стрелы и камни, и который теперь наверняка знает, что в горах живёт кто-то ещё кроме подвластных ему монголов. Теперь он представлял собой гораздо большую угрозу для клана апачей чем когда-либо. Ни в коем случае ему нельзя было дать уйти.

Наконец красный с трудом поднялся на ослабевшие ноги и, пряча пистолет в кобуру и одной рукой опираясь о скалу, медленно заковылял к стоявшим с опущенными поводьями лошадям, возле которых лежали неподвижные монголы. Но Тревис сразу же мысленно прикинул, что когда враг доберётся до края скалистой стены, то ему придётся сделать выбор: либо убрать руку с пластины на груди, либо перестать держаться за камни. Вот в этот-то момент он и может открыться для нападения.

Кони!

Тревис наложил стрелу на тетиву и выстрелил: не в красного, который в этот момент отошёл от скалы, предпочитая потерять опору и идти на слабых ногах, пошатываясь

из стороны в сторону, но по-прежнему держась за нагрудный диск. Он выстрелил в воздух, прямо рядом с мордой одного из коней. Тот, дико заржав, вздыбился и стал разворачиваться. Попятившись, животное невольно толкнуло плечо красного, который пытался нащупать поводья. Потеряв равновесие, человек упал на скальную стену, выставив вперёд руки. Конь снова испуганно заржал и метнулся к выходу из расселины. Паника охватила и остальных лошадей. Хрипя и всхрапывая, они все помчались следом, поднимая тучи пыли. Красный прижался к стене, пытаясь избежать лошадиных копыт.

Он не двинулся до тех пор, пока дробный топот копыт не затих за поворотом. На земле осталась лежать только одна раненая лошадь, которая всё ещё судорожно пыталась приподняться. У Тревиса гора свалилась с плеч: может, им и не удалось добраться до этого красного, но теперь, с повреждённым боком и оставшись без коней, он стал более уязвим. Это повышало их шансы.

Очевидно, красный и сам это прекрасно понимал, потому что сразу же оттолкнулся от скалы и поковылял за сбежавшими лошадьми. Но ему удалось сделать всего несколько шагов, а потом он обессиленно опустился на большой камень и принялся манипулировать с пластиной на груди.

Рядом с Тревисом бесшумно возник Нолан.

— Что он собирается делать? — его губы почти касались уха Тревиса, и шёпот едва слышался даже так близко.

Тревис отрицательно повёл головой. Действия врага для него оставались совершенной загадкой. Разве что, попав в такую сложную ситуацию, тот, может быть, пытался вызвать помощь. Правда, что толку от этого? Ведь вертолёт всё равно нигде здесь не смог бы приземлиться.

Самое время попытаться унести Льюпа. Тревис ясно видел, как шевельнулась рука упавшего апача. У него появилась надежда, что выстрел красного всё-таки оказался не смертелен. Он коснулся руки Нолана и указал на Льюпа, затем, отложив в сторону лук и колчан, снял рубаху, чтобы не выделяться на фоне камней. Рядом с

раненым апачем Тревис заметил небольшой скальный выступ, который мог бы послужить отличным прикрытием. Но тогда ему придётся проползти мимо одного из монголов. Правда, Тревиса это не слишком заботило: все они так и лежали неподвижно с тех пор, как мешками свалились с лошадей, не проявляя никаких признаков жизни.

С предельной осторожностью Тревис проскользнул между двумя скальными выступами в узкую щель, прополз, словно змея, под кустом и приостановился только возле неподвижного монгола.

Тот лежал, вжавшись жёлтой щекой в песок, с отвалившейся челюстью и полуприкрытыми глазами... Тревис вдруг понял, что перед ним труп. Каким-то образом красному удалось уничтожить их всех во время первой атаки. По всей видимости, он решил, что все его четыре пленника имеют отношение к этому нападению.

Наконец Тревис добрался до выступа, у которого лежал Льюп. Он действовал довольно смело, прекрасно зная, что если противник вдруг оторвётся от своей машины, Нолан обязательно даст знать. Тревис протянул руки и ухватил Льюпа за лодыжки, почувствовав, как напряглись мускулы под пальцами. Молодой апач приоткрыл глаза, его взгляд сфокусировался на Фоксе. Над ухом юноши виднелся кровавый след от пули. Видно, красный целился в голову: при попадании самый надёжный выстрел.

Льюп быстрым рывком перекатился, а Тревис одновременно подтянул его за ноги. Они оба оказались под прикрытием выступа. Раздался выстрел. Мелкая крошка посыпалась на головы, но они уже были в безопасности, по крайней мере, на какое-то время. Тревис был уверен, что красный не рискнёт нападать в открытую.

С помощью Тревиса Льюп добрался до места, где их поджидал Нолан. Сюда же подошёл и Джил-Ли. Он осмотрел рану юноши.

— Царапина, — сообщил он. — Поноет немного, вот и всё. Правда, позже может остаться рубец, воин, — он ободряюще хлопнул Льюпа по плечу и наложил на рану мазь.

— Пора уходить, — решительно произнёс Нолан.

— Он нас видел и знает, что мы не монголы.

Колючий взгляд Нолана хлестнул Тревиса. Тонкие губы нервно сжались.

— И как же мы можем сражаться с ним?..

— Стена... стена, которую не видно... она окружает его, — вмешался Льюп. — Я хотел вонзить в него нож и не смог!

— Человек с невидимой защитой и пистолетом, — вступил в разговор Джил-Ли. — Как ты собираешься с ним сражаться, брат?

— Не знаю, — признался Тревис. Но он твёрдо верил, что отступи они сейчас, позволяя красному связаться со своим народом, то те очень скоро примутся изучать и обшаривать южные степи за хребтами. Возможно, стремление узнать больше об апачах заставит их даже перегнуть вертолёт через горы. Источником всех будущих бед и опасностей апачей представлял сейчас этот красный.

— У него повреждена нога, и далеко уйти он не сможет. Даже если он вызовет вертолёт, здесь некуда сесть. Ему всё равно придётся искать другое место за холмами, чтобы его подобрал.

Цуай кивнул в сторону стен расщелины.

— Там всё усеяно камнями. Устроить обвал на дороге...

Что-то внутри Тревиса противилось такой идее. Конечно, сражаться один на один и победить в равной схватке — такая мысль его прельщала куда больше. Кроме того, ему хотелось получить пленника, а не бездыханный труп. Но в то же время, использовать особенности рельефа в своей борьбе было привычным делом для апачей. Они испокон веков прибегали к подобным хитростям.

Однако Нолан одобрительно кивнул, и Цуай с Джил-Ли моментально исчезли, бросившись исполнять задуманное. Пусть даже красный и обладает надёжной защитой, но сможет ли она устоять против лавины камней? Им всем это казалось невероятным.

Апачи незаметно подобрался к вершине. Красный по-прежнему сидел на камне, прислонившись спиной к скале, и только руки его беспрестанно двигались, манипулируя нагрудным диском.

Внезапно тишину нарушил многоголосый вой.

— Дар-у-гар! — покатился по горам боевой клич монгольских орд.

Над гребнем соседнего склона вздыбилась людская волна. Они неслись прямо на апачей, размахивая кривыми саблями и вопя во всю глотку. Впереди всех бежал Менлик, полы балахона развевались, словно крылья гигантской хищной птицы. Хулагир... Джагатай... знакомые лица монгольского лагеря. И стремились они уничтожить не того правителя внизу у скалы, а смести самих апачей.

Невидимые за большими валунами, у апачей оставалось всего несколько секунд отсрочки. Стрелы их достать не могли, но и времени самим воспользоваться луками у них не оставалось.

— Он держит их под контролем! — Тревис нетерпеливо дёрнул за плечо Джил-Ли. — Они остановятся, только если мы убьём его.

И не дожидаясь ответа, он тут же всем телом навалился на обломок скалы, который нависал прямо над расщелиной. Валун подался и покатился, увлекая за собой и остальные камни. Тревис споткнулся, упал, и тут на его тело навалился монгол. Ему пришлось изо всех сил удерживать саблю, которая едва не впивалась ему в горло. Вокруг творилось что-то невообразимое: вопли, хрипы, удары... Началась настоящая свалка. Внезапно всё это перекрыл страшный грохот снизу.

Искажённое злобой лицо в футе от Тревиса смотрело на него сумасшедшим, бессмысленным взглядом. Хриплое дыхание рвалось из скривившегося рта. Неожиданно в глазах мелькнуло изумление, затем страх. Монгол отпрянул назад и судорожно забился в руках апача, но теперь уже не атакуя, а пытаясь высвободиться. Тревис разжал руки. Монгол повалился рядом на землю, тяжело дыша.

Тревис перевёл дыхание и с трудом сел. Свалка прекратилась. Кто-то поднимался с земли, кто-то подбирал оружие. Движения людей были какими-то замедленными. Тревис заметил, как на боку Джил-Ли постепенно расплывается кровавое пятно. Подле него валялся один из монголов.

Он отчаянно кашлял и прижимал обе руки к груди. Менлик, упавший неподалёку, ухватился рукой за кривой ствол низкорослого сухого дерева и медленно поднимался на ноги, пошатываясь, словно после долгой изнурительной болезни.

Инстинктивно обе группы разделились, разойдясь по разные стороны расщелины. Лица апачей были утрумы, в то время как монголы, похоже, только сейчас начали до конца осознавать происшедшее. Однако Тревис боялся, что принужденная атаковать апачей орда теперь может всерьёз обозлиться и напасть снова, но теперь уже вполне осознанно. А отсюда недалеко и до настоящей войны на истребление.

Тревис подполз к обрыву и заглянул вниз. Красный лежал там, погребённый под целой грудой камней. Его защита, должно быть, не выдержала, поскольку голова у него неестественно запрокинулась назад, а в шлеме виднелась большая вмятина.

— Красный мёртв! — воскликнул торжествующе Тревис и повернулся к монголам. — Ты по-прежнему хочешь сражаться за него, шаман?

Менлик оторвался от дерева и подошёл к обрыву. Другие монголы тоже двинулись следом за ним. Глянув вниз, шаман нагнулся, подобрал бурый осколок камня и швырнул в недвижимого врага. Они слышали жёсткий хлопок, на пластине мелькнула фиолетовая искра. С рабской машиной было покончено.

Кто-то угрожающе заворчал, и двое монголов принялись спускаться вниз по обрыву. Менлик окликнул их, и они остановились.

— Не смейте ничего трогать, — прокричал он по-английски. — Может, нам удастся что-нибудь разузнать...

— Красный со своей машиной — ваш, так же как и вся эта земля. Но с этого момента вы не появляетесь на юге, — предупредил Джил-Ли.

Менлик резко обернулся к нему, побрякивая амулетами на поясе.

— Значит, так обстоят дела, апач?

— Именно так, монгол! Мы не собираемся выступать на тропу войны с союзниками, которые в любой момент могут воткнуть свои ножи нам в спины.

Длинные пальцы шамана разжались и снова сжались в кулак.

— Ты мудр, апач, но иногда требуется нечто большее, чем просто мудрость...

— Мы оба мудры, шаман. Не будем бросать слов на ветер, — весомо ответил Джил-Ли.

Цуай и Льюп, подобрав оружие, уже пустились в путь к персвалу. Они ушли довольно далеко, когда остальные апачи последовали за ними. Они прошли две гряды, и только тогда остановились на привал, чтобы осмотреть свои раны и немного передохнуть.

— Мы идём туда, — Нолан дёрнул подбородком в сторону юга. — Сюда мы не вернёмся. Здесь слишком много колдовства.

Тревис шевельнулся, собираясь что-то сказать, но заметил на себе недовольный взгляд Джил-Ли.

— Идём?.. — повторил он.

— Да, мой юный брат. А тебе хотелось бы пуститься в путешествие с теми, кем правит машина?

— Нет. Но только на этой стороне гор нам нужны глаза.

— Зачем? — Джил-Ли на этот раз действительно не мог его понять. — Мы теперь собственными глазами видели, как работает эта машина. Нам просто повезло, что красного удалось убить. Теперь он уже ничего не сможет поведать своему народу, как ты опасался. И эта война между монголами и красными нас не касается. Чего же ещё искать здесь?

— Мне стоило бы ещё раз навеститься в заброшенный город, — правдиво ответил Тревис, однако натолкнулся на стену явного неодобрения.

— Разве не ты испытал то странное ощущение ночью, когда мы сидели в засаде? Что, если ты, как и монголы, попадёшь под контроль машины? Ведь тогда ты станешь опасным оружием против нас, своих же сородичей, — тон Джил-Ли был откровенно враждебным.

В его словах имелась доля истины, однако Тревис с каждой минутой всё больше ощущал свою правоту. Башни заброшенного города хранили свою тайну. И если её раскрыть, даже рискуя недовольством собственного клана, причина возникновения в горах этих строений могла поведать о многом. Тревис интуитивно чувствовал: игра стоит свеч.

— Может, дело в том, — холодно заметил Нолан, — что ты уже стал винтиком этих машин. Если так, то мы не нуждаемся в твоём присутствии среди нас.

Вот оно. Открытая враждебность с большей долей убеждённости, чем пассивное сопротивление Деклая. Тревиса это сильно беспокоило. Семья, клан, всё это важные вещи для апача. Если сейчас он допустит ошибку, совершит неверный шаг и его изгонят, то как апач он окажется потерянным человеком. В прошлом его народа существовали подобные изгои, такие, как бесславный апач Кид, который убивал и убивал, и убивал не только белых, но и своих сородичей. Люди-волки, которые и жили в холмах по волчьим законам. Эта страшная участь теперь реально маячила перед ним. Вверх по лестнице цивилизации ли, вниз ли, почему же так неймётся его любопытству?

— Послушай, младший брат, — Джил-Ли с перевязанным боком шагнул к нему. — Скажи мне, что ты хочешь отыскать в этих башнях?

— На тех, других планетах, в подобных зданиях мы нашли секреты древних. Что-нибудь может сохраниться и здесь.

— И среди этих секретов древних, — вступил в разговор Нолан, — нашлись те, которые привели нас в этот мир? Так?

— А что, Нолан, кто-нибудь заставлял тебя, или тебя, Джил-Ли, или тебя, Цуай, лететь к звёздам? Нас предупреждали о том, что с нами может произойти. Но несмотря ни на что, вы все согласились и стали добровольцами.

— За исключением этого путешествия. На него у нас никто не спрашивал согласия, — отозвался Джил-Ли. — Да, Нолан, я не думаю, что наш брат собирается искать

новые навигационные кассеты. Да и какая от них польза? Наш звездолёт уже никогда не взлетит. Так что же ты всё-таки ищешь?

— Знания... может, оружие. Разве можем мы противостоять машинам красных? Поймите, большинство машин, которые они сейчас используют, похищены ими на кораблях инопланетян в разных временах. Я убеждён, что на каждое оружие есть своя защита.

Нолан мигнул, и впервые за всё время на его бесстрашном лице промелькнула заинтересованность.

— На лук — ружьё, — произнёс он напевно. — На ружьё — пулёмёт, пушка, бомба... Защита может оказаться страшнее самого оружия, и ты считаешь, что в этих башнях можно найти вещи, которые превзойдут машины красных? И окажутся более убийственными, чем пушка против пулёмёта?

Тревис испытал прилив вдохновения.

— Разве мы не сменили лук на ружьё, когда вышли на тропу войны против синих мундиров?

— Но мы же не собираемся выступать против этих красных, — запротестовал Льюп.

— Может, не сейчас. Но как быть, если они пересекут горы и, возможно, гоня перед собой монголов...

— И ты уверен, что если обнаружишь в этих башнях оружие, то поймёшь, как им воспользоваться? — поинтересовался Джил-Ли. — Откуда ты возьмёшь это знание, мой юный брат?

— Я ничего такого не утверждаю, — возразил Тревис. — Но я учился на археолога, и мне довелось видеть другие планеты звёздного народа. Кто ещё среди нас мог видеть подобное?

— Это верно, — нехотя согласился Джил-Ли. — И мне кажется, в осмотре этих башен есть определённый смысл. Стоит красным обнаружить их первыми, и если только такое оружие существует, тогда уж мы точно окажемся загнаны в тупик, а противник будет преследовать нас по пятам.

— Ты собираешься отправиться к этим башням прямо сейчас? — спросил Нолан.

— Я пойду напрямик, а затем присоединюсь к вам на другой стороне перевала.

Растущее напряжение и жажда действия настолько раздражили его, что он готов был, бросив всё, сломя голову нестись к старому городу.

— Будь осторожен, — сказал Джил-Ли, предостерегающе выставив ладонь. — Помни, мой младший брат, что стоит только раз ошибиться в выборе тропы, и можно не вернуться.

— Мы подождём на той стороне перевала ровно один день и одну ночь, — вставил Нолан. — После этого, — он пожал плечами, — какую бы ты тропу ни выбрал, тебе придётся идти по ней одному.

Но слова Нолана словно зависли в пустоте, Тревис даже не понял их сути. Все его мысли были заняты только башнями древнего города. Он уже тронулся в путь.

Глава двенадцатая

Тревис выбрал прямой маршрут по гребням высот. Однако до наступления ночи ущелья достичь не успел. Ему не хотелось входить в долину при лунном свете. Теперь в нём боролись два желания: первое — немедленно отправиться в город и исследовать башни. Второе — повернуть назад и уйти, оставив всё, как есть. Тревис вдруг понял, что отчаянное любопытство борется в нём с невероятным страхом. Он даже не мог понять, откуда тот возник. Может быть, это были всего лишь глупые древние суеверия, навеянные редаксом? Но в то же время Тревис ощущал себя цивилизованным человеком, археологом, которому предстояла трудная, но интересная задача.

Скорчившись, он сидел в темноте и пытался разобраться в нахлынувших на него ощущениях. Откуда в нём вдруг возникла такая потребность исследовать башни? Эх, если бы только койоты были рядом с ним... Почему, зачем и куда они исчезли?

Тревис сидел, прислонившись спиной к краю скалы и вслушивался в каждый шорох, доносившийся до него из

ночи, впитывал каждый запах, приносимый лёгким прохладным ветерком. Ночь жила своей собственной жизнью. Он узнавал лишь некоторые из этих звуков, ещё меньше он видел. Неожиданно по диску луны скользнула гигантская тень. Она была так огромна, что на секунду Тревис даже подумал, что это может быть только вертолёт, но крылья взмахнули и существо слилось с темнотой ночного неба, исчезнув так же беззвучно, как и появилось. Гигантский ночной хищник. Такого Тревису видеть ещё не доводилось.

Положившись на традиционную охотничью предосторожность, Тревис решил немного передохнуть, а чтобы враг не подобрался к нему незамеченным, он забросал сухими ломкими веточками единственный путь к впадине, в которой теперь укрывался. Ненадёжная защита, но она помогла бы ему вовремя поднять тревогу. И теперь он сидел, уткнув лицо в колени и временами задрёмывал, отдаваясь во власть зыбкого сна. Но сон был слишком короток и вскоре Тревиса до костей пробрал утренний холод. Он с трудом дождался рассветного часа, проглотил пару концентратов, запил водой и пустился в путь.

К восходу солнца он добрался до водопада и поспешил дальше, с приближением долины всё более и более ускоряя шаги. Однако, поймав себя на этом, он намеренно замедлил шаг из природной осторожности. Поэтому, когда он добрался до арки, то миновал её уже не спеша и тихо окунулся в мерцающий золотистый туман, окружавший башни.

Здесь ничего не изменилось с того времени, как он впервые пришёл сюда с Кайдессой. Разве что добавилось присутствие Наликидью и Нагинлты. Они лениво поднялись с жёлто-зелёной дороги и трусцой двинулись ему навстречу, не проявляя при этом никакого удивления, словно расстались всего несколько минут назад.

Тревис опустил на колено и протянул руку самке, которая всегда более дружелюбно относилась к нему. Та сделала несколько шажков и ткнулась в ладонь холодным носом, при этом слабо заскулив.

Почему? Этих почему у Тревиса набралось уже слиш-

ком много. И он постоянно мысленно задавал их себе. Почему они оставили его? Почему предпочли именно это место, хотя здесь совершенно нет дичи? Почему сейчас они встречали его так, словно ждали его возвращения?

Тревис перевёл взгляд с животных на башни, на эти окна, расположенные ромбами вдоль стен. И вновь ему почудилось, что кто-то наблюдает за ним. Впрочем, не удивительно. Этот золотистый туман вполне мог скрывать наблюдателя, в то же время предоставляя ему прекрасную возможность следить за всеми, кто появляется перед башнями.

Он двинулся к стенам, беззвучно ступая мокасинами. Однако в нависшей, удушливой тишине ясно и отчётливо раздавалось цоканье когтистых лапок по камням. Лучи солнца сюда не проникали. Вместо него над головой висело ослепительное золотистое марево, и Тревису всё казалось, что клубы тумана всё больше и больше сгущаются вокруг него. Он уже не мог разглядеть арку, сквозь которую вошел на площадь.

— Найенезяни — победитель чудовищ — дай силы моей руке натянуть лук, дай силы моему запястью метать ножи.

Из каких глубин памяти всплыла эта древняя формула? Тревис даже не осознавал, что говорит, пока слова сами собой не сорвались с губ.

— Ты, ждущий — ши индай то-дай ишан — апач не пища для твоего желудка. Я — Фокс из племени Иткаткуднде'ю — Народа Орлов, и подле меня идут га-н...

Тревис мигнул и потряс головой, словно пробуждаясь. Что побудило его произнести всё это? Почему он использовал слова и фразы, которые уже давно не входили в современную речь?

Тревис обошёл основание первой башни. Ни двери, никаких щелей или отверстий обнаружить не удалось. Вторая, третья. Ничего. Если он собирается попасть внутрь, то ему надо найти способ добраться до нижних окон.

Он прошёл в другую арку, ту, которая вела к кочевью монголов. Здесь он срезал молодое деревце и обстругал его, получилось что-то вроде жерди. Затем Тревис разорвал кушак на полоски и связал довольно крепкую верёвку,

длины которой, правда, едва хватало для его целей. Он привязал её к жерди и затем со второй попытки закинул эту длинную палку как копьё в нижнее окно. Когда же он потянул за верёвку, жердь застряла в проёме. Лестница была не слишком надёжной, но выбирать не приходилось. Он быстро взобрался по верёвке и навалился животом на подоконник.

Подоконник оказался широким, не меньше 25 дюймов от внешнего до внутреннего края. Тревис переждал несколько мгновений, не торопясь входить. Он глянул вниз. Верёвка болталась у самой земли, а рядом лежали оба койота. Высунув языки и задрав морды, они с любопытством смотрели на него.

Полутёмная комната была круглой, напротив виднелся ещё один проём окна с другой стороны башни. Тревис легко спрыгнул на пол. Подоконник располагался на высоте четырёх футов от пола, и свет из окна освещал только часть комнаты. Тревис замер на месте, внимательно оглядывая помещение. Никаких предметов обстановки здесь не было, лишь в центре из колодца темноты вздымалась фиолетовая колонна, разливая вокруг себя слабый, мерцающий свет. Привыкшие к сумраку глаза отметили на синем фоне пульсацию зелёного и лилового цветов.

Колонна уходила вверх и вниз в большие отверстия в полу и потолке. Выбор у Тревиса был невелик — спуститься вниз, каким-то образом подняться наверх или просто-напросто выбраться наружу из другого окна.

Осторожно ступая, Тревис подобрался к колодцу. Сквозь мягкую кожу мокасин он ступнями ощущал твёрдую гладкую поверхность камня, покрытую толстым, нежным слоем пыли, которая при каждом шаге вздымалась маленьким облачком. Кое-где в пыли Тревис заметил странные треугольные отпечатки. Их могли оставить только птицы, подумал он. Во всяком случае, эти башни не посещались разумными существами долгое-долгое время. Он подошёл к колодцу и посмотрел вниз. На него глянула непроглядная тьма, в которой пульсация и свечение колонны казались ещё ярче. Но даже этот свет не давал возможности как

следует осмотреть колодец, по которому проходила колонна. Тревис не заметил никаких скоб или трещин в самой колонне, а значит, подняться или опуститься по ней было просто невозможно.

Наконец после долгих колебаний Тревис решился и коснулся поверхности колонны. И тут же попытался отдёрнуть руку — но бесполезно. Пальцы словно приклеились к материалу колонны, который был твёрд словно металл, и одновременно податлив и тёпл как плоть живого существа. Тревис почувствовал, как внутри у него нарастает тяжёлый ком.

Он приложил все силы, чтобы высвободить руку, но ничего поделать так и не смог. Не только его ладонь приклеилась, но теперь стало притягивать и его самого. Внутри Тревиса проснулся примитивный животный ужас. Он запрокинул голову и дико заорал.

Мгновением позже в неведомой ловушке оказалась левая рука, а затем к колонне притянуло и его самого. Он так к ней и прилип, не в силах сделать хоть что-нибудь.

К своему ужасу он почувствовал, что скользит вниз. Он закрыл от страха глаза, его трясло, а спуск всё продолжался.

Когда паника улеглась, Тревис сообразил, что он вовсе не падает. Он просто спускался, спускался со скоростью идущего по лестнице человека. Он миновал ещё два тёмных помещения, которые освещались только мерцанием колонны, а затем, видимо, оказался ниже уровня поверхности. Он по-прежнему оставался узником колонны, но теперь его окружала крошечная тьма.

Его ноги чего-то коснулись, и он догадался, что наконец достиг основания. Он снова попытался вырваться, напрягся всем телом и тут же чуть ли не кубарем полетел на пол. Незвестная сила освободила его.

Спотыкаясь, он отлетел к стене и, опёршись на неё, замер, тяжело дыша. Исходящее от колонны свечение, казалось, растекалось в воздухе. Здесь было довольно светло, и Тревис без труда рассмотрел, что вправо и влево уходит в темноту широкий коридор.

Он вернулся к колонне и прикоснулся к ней обеими ладонями. Безрезультатно. Теперь у него не было пути обратно. Ему оставалось лишь надеяться, что в каком-нибудь месте коридор выведет его на поверхность. Вот только куда идти?

Он пошёл направо, останавливаясь каждые несколько шагов и настороженно прислушиваясь. Однако ничего кроме мягкого шуршания собственных мокасин слышать ему так и не удалось. Воздух был довольно свеж, и ему показалось, что он различает слабое дуновение откуда-то впереди. Возможно, он догадался правильно, и там его ждёт выход.

Но вместо этого он очутился в комнате, при виде которой у апача невольно вырвался возглас удивления. По голым стенам искрился и мерцал зеленоватый свет, как и на колонне. Прямо перед ним стоял небольшой столик и за ним скамья, вытесанные из породы рыжего камня. И никакого выхода, кроме дверного проёма, в котором он стоял.

Тревис прошёл к скамье. Сдвинуть её было невозможно, и в то же время любой, кто бы ни сел на неё, оказывался за столом лицом к стене. На столе лежал предмет, который Тревис узнал сразу. Это был один из ридеров, с помощью которых на звездолёте с мёртвым капитаном-инопланетянином невольные путешественники получили ту немногую информацию о древней звёздной цивилизации.

Рядом лежал картридж с кассетой. Тревис прикоснулся к одному из них, внутренне опасаясь, как бы этот хрупкий предмет не превратился в пыль. Всё здесь было заброшено многие столетия назад. Конечно, каменный стол и скамья могли пережить и тысячи лет, а вот такие предметы — нет.

Однако изделия звёздной цивилизации всё-таки выдержали испытание временем. Тревис отряхнул пыль со скамьи и опустился на неё.

Он посмотрел на стену перед собой, но тут же отвёл взгляд. Ему вдруг показалось, что если он долгое время будет смотреть на все эти приливы и отливы цветковых волн, то вскоре его словно муху затянет в паутину колдов-

ства, как ловят умы монголов машины красных. Вместо этого он постарался сосредоточиться на ридере. Модель была такой же, как и та, которую они использовали на звездолёте.

Вся эта светящаяся комната, стол, скамья были устроены только с одной целью, в этом Тревис мог даже поклясться, — воспользоваться ридером. Однако Тревис держал в пальцах картридж, не в силах заставить себя открыть его. Оставленная кассета несомненно была важна для существ, оставивших её здесь. Да и вся долина могла предназначаться для единственной цели: заманить сюда любого, кто наткнётся на город.

Тревис сдул пыль, открыл картридж и зарядил диск в ридер, затем припал глазами к полоске визора.

Когда он поднял голову и оглядел светящиеся стены, боль в занемевшей шее дала понять, что миновали часы. Он закрыл ладонями уставшие глаза и постарался сосредоточиться. Он видел перед собой много непонятных тестов, написанных на незнакомом языке. Затем стали мелькать трёхмерные картинки, сопровождавшиеся голосом и комментариями диктора. Но не понимая речи, для апача всё это стало лишь обрывками полной информации. У Тревиса родилось в голове множество разных догадок, но некоторые были слишком уж алогичны и абсурдны. Из всех этих сумбурных впечатлений он сумел вынести одно — башни были построены яйцеголовыми космонавтами, и были чрезвычайно важны для этой исчезнувшей звёздной цивилизации. Среди тех обрывков информации, которые ему удалось почерпнуть, обнаружилась и такая, которая вела к богатейшей сокровищнице Топаз. Об этом Тревис мог только мечтать.

От напряжения он принялся раскачиваться на скамье. Знать так много и одновременно так мало! Если бы только Эш был здесь, рядом. Сокровища, спрятанные на Топазе, могли оказаться настоящим ящыком Пандоры для того, кто не имел представления с чем имеет дело. Апач внимательно осмотрел окружавшие его стены. В них были скрыты проходы. Он был уверен, что смог бы открыть часть из них, но не только сейчас, ещё не время...

Тревис понимал ещё одно. Всё это не должно достаться красным. Если только информация попадёт к ним в руки, то это станет не только концом монголов и апачей здесь, на Топазе. Это станет концом Земли. Подобно чёрной инопланетной чуме они пройдут по всей планете, сметая всё на своём пути. После них не останется ни одной нации.

Если бы он только мог — как ни восставало против этого всё его существо археолога — уничтожить долину, не оставив даже и следа от старого города. Но если у красных и есть такое оружие, то у апачей его просто нет. Им надо действовать так, как они и задумывали с самого начала. Необходимо воевать с этими красными и уничтожить их ещё до того, как они сумеют проникнуть в этот заброшенный город с башнями.

Тревис неуклюже поднялся на занемевших ногах, глаза слезились от напряжения, голова распухла от картин, намёков и идей. Ему хотелось выбраться отсюда на открытый воздух, где чистый, свежий ветерок, прилетавший с горных вершин, мог бы развеять его невесёлые мысли о неведомой цивилизации и проблемах, внезапно открывшихся перед ним. Спотыкаясь, он слепо побрёл по коридору, ломая голову над тем, как ему теперь добраться на третий этаж до своей жерди с верёвкой.

Когда он наконец добрёл до колонны, то, даже не надеясь, а просто повинуясь какому-то внутреннему побуждению, приложил к светящейся поверхности ладони. К его несказанному удивлению, они мгновенно прилипли, а затем и его тело оказалось в плену неведомой силы. И через несколько секунд он почувствовал, что скользит вверх.

Он невольно затаил дыхание, пока не миновал первое помещение, и только тогда позволил себе расслабиться. Принцип этого странного лифта ему был непонятен. Но ему было совершенно всё равно, лишь бы механизм работал как положено. Вскоре он достиг помещения с окнами. Дневной свет сменился зеленоватыми отблесками луны, катившейся по небу. Должно быть, он провёл в подземелье целые часы.

Тревис почти без труда отошёл от колонны и бросился к окну. Ему следовало поторопиться, если уж он хотел

догнать группу апачей на перевале. То, что они собирались сообщить клану, напрочь перечёркивалось всем тем, что ему довелось узнать здесь. Теперь апачи не могли уйти на юг, оставив горы и особенно долину без присмотра. Если это случится, и красные завладеют сокровищами Топоа, погибнут они все. Этого допустить было нельзя.

Спустившись вниз по верёвке, он огляделся в поисках койотов. Затем попытался мысленно позвать их. Однако они исчезли столь же неожиданно, как и встретили его. У Тревиса уже не оставалось времени на поиски. Со вздохом он трусцой пустился к перевалу.

В прежние времена, припомнилось ему, воины апачей были способны преодолеть до пятидесяти миль в день пешими по пересечённой местности. Возможно, у него нет такой выносливости, но почему-то он был абсолютно уверен, что успеет догнать остальных. Однако, когда он вышел на перевал, то своих соотечественников на обусловленном месте не нашёл.

По перевёрнутому камню и сломанной ветке он к своему огромному разочарованию понял, что они доберутся до лагеря задолго до него. Деклай со своими сторонниками не преминут воспользоваться сообщением Нолана и постараются во что бы то ни стало склонить всех на свою сторону.

Однако сдаваться Тревис не собирался. В нём словно проснулся дух противоречия. Он пустился бежать дальше. Тревис уже настолько вымотался, что поддерживал себя только допингом, содержащимся в концентратах. Он бежал трусцой, которая была ненамного быстрее спортивной ходьбы. Его неотвязно преследовали воспоминания о картинах, увиденных в ридере: перед силами, которыми манипулировали яйцеголовые звёздные путешественники, бледнели кошмары водородных и кобальтовых бомб, терзавшие его мир с незапамятных времён.

Потратив последние силы, он рухнул возле ручья и тут же уснул. Его разбудили лучи горячего утреннего солнца, падавшие на лицо. Тревис с трудом разлепил спекшиеся веки, шатаясь, поднялся на ноги, зачерпнул ладонью из ручья, смочил лицо и губы и снова пустился бежать.

Какой сегодня день? Сколько часов он провёл в подземелье? Он совершенно потерял счёт времени. В голове билась и пульсировала лишь одна мысль: он должен добраться до лагеря, поведать о своих открытиях, каким-то образом взять верх над Деклаем, доказав необходимость вторжения на север.

Неожиданно Тревис узнал знакомый ориентир: небольшой скалистый пик. Взгляд скользнул по нему и сознание сработало. Но он продолжал идти, хрипя и пошатываясь. Грудь с трудом вздымалась от каждого вдоха. Тревис даже не мог предположить, что теперь его осунувшееся, усталое, измождённое лицо представляет собой страшную искажённую маску.

— Э-э-эй...

Далёкий крик достиг его ушей. Тревис с трудом приподнял голову и увидел перед собой людей, но всё никак не мог сообразить, что может значить обращённое против него оружие.

К ногам упал камень, другой. Он с трудом заставил себя остановиться. Прерывистое дыхание рвалось из горла.

— Ниюгак!

Колдун. Где колдун? Тревис затряс головой. Какие здесь могут быть колдуны?

— До нейлка да!

Древняя угроза смерти. Почему? Для кого?

Ещё камень, на этот раз он угодил ему прямо в ребро, и с такой силой, что Тревис пошатнулся и сел. Он попытался подняться, увидел, как Деклай осклабился и замахнулся. Наконец Тревис понял, что происходит.

Но тут в голове взорвалось болью, и он начал падать, валиться в колодезь тьмы. И на этот раз никакой зеленоватой-лиловой колонны, которая могла бы осветить ему путь.

Глава тринадцатая

Что-то мокрое и шершавое потёрлось о щёку, Тревис попытался отвернуться, но вспышка боли заставила его замереть. Через какое-то время боль перешла в головокружение, но он всё ещё лежал, боясь сделать малейшее

движение. Тревис с трудом приоткрыл один глаз и увидел остроконечные ушки и пушистую голову койота на фоне серого, завешанного тучами неба. Он сразу признал Наликidyю.

Холодная капля упала ему на лоб и скатилась, оставляя после себя прохладный след. И сразу же грозовые облака разразились безумным ливнем. Такого Тревису не приходилось переживать со времени своей высадки на Топаз. Его зазнобило от промозглой сырости. Тревис попытался подняться хотя бы на колени, но ноги подогнулись, он упал, потом снова приподнялся. Наликidyю схватила его зубами за рубашку и принялась тянуть вверх. Только благодаря этой поддержке ему, наконец, удалось встать на четвереньки. Вот так он и дополз до небольшого укрытия под ветвями какого-то густого дерева. Здесь, спрятавшись от непогоды, Тревис уселся на рыжеватый слой опавших иголок и уставился в пустоту. Теперь только редкие капли дождя падали на него, но он даже не обращал на это внимание.

И тут силы снова покинули его. Тревис, свернувшись калачиком, повалился на бок и закрыл глаза. Его трясло точно в лихорадке, а сознание неистово боролось с болью, которая раскалывала голову. Он пытался заставить себя перетерпеть её, забыть и вспомнить, что же всё-таки произошло.

Встреча с Декласом и по крайней мере с четырьмя или пятью его сторонниками, обвинение в колдовстве — серьёзное обвинение в старые времена. Старые времена! Для Деклая и его приспешников, они никогда не кончались! И эта угроза — до нейлка да — значила буквально: не видеть тебе рассвета, смерть.

Камни. Последнее, что Тревис помнил, были брошенные в него камни. Он медленно принялся ощупывать саднившее тело. Оно всё было сплошь покрыто синяками: плечи, рёбра, грудь и даже ноги. Должно быть, в него кидали и после того, как он потерял сознание. Камни... изгнание! Но почему? Не могла же враждебность Деклая получить одобрение Осторожного Оленя, Джил-Ли, Цуая или даже Нолана? Мысли путались.

Неожиданно Тревис почувствовал, что его перестало трясти. Лихорадочная дрожь во всём теле прошла, стало не только теплей, но и суматошные, отчаянные мысли начали понемногу успокаиваться, словно кто-то пытался облегчить ему боль и страх. Это был не словесный, и даже не мысленный контакт, а скорее нечто менее осязаемое, где-то на уровне подсознательных чувств. Тревис даже не сумел бы описать это всё словами. Наликидью тесно прижималась к его боку, положив мордочку на плечо. Её тёплое дыхание приятно щекотало шею. Тревис обнял её, и этот его жест вызвал у неё довольное повизгивание.

Он уже перестал удивляться действиям и поступкам койотов. Его просто переполняла благодарность за одно лишь то, что она сейчас находилась рядом, лежала рядом с ним, согревая своим собственным теплом, и пыталась успокоить телепатическим контактом. Через секунду её спутник осторожно протиснулся под низко висевшей ветвью, прополз в укрытие и улёгся рядом. Тревис протянул руку и с любовью погладил мокрый мех, пахнувший грозовой свежестью.

— И что дальше? — произнёс он вслух.

Он понимал, что устроить подобное Деклай мог только с одобрения большинства членов клана. Однако мелькнула и более неприятная мысль. Что, если Деклай теперь стал новым вождём апачей, а изгнание Тревиса только прибавило его престижу?

Лихорадка Тревиса уже прошла, но временами его колотил озноб. На Земле перед отправкой они все прошли через иммунологические прививки. Их сумели оградить от всех мыслимых заболеваний, но вот элементарная простуда вполне была способна отнять у человека последние силы. А сейчас он просто не мог себе позволить расслабиться и заболеть.

Дождь превратился в мелкую изморозь, капли больше не падали на Тревиса, но в воздухе пахло прохладой и сыростью. Его немного спасали оба койота, но до конца согреть измождённого, раненого человека им не удавалось. Скрючившись и прижавшись к земле, чтобы не

касаться спиной мокрых ветвей, нависавших довольно низко, Тревис принялся стягивать с себя промокшую рубашу, которая только охлаждала тело. Он осторожно, морщась и постанывая от боли, принялся вытирать себя сухими листьями, выкопанными из-под влажного слоя. Синяки и ссадины не давали покоя, но Тревис понимал, что сейчас, пока в голове гудит и мысли путаются, он ничего не способен предпринять. Это бессилие больше всего мучало и угнетало его. Чтобы забыться, Тревис почти полностью зарылся в листья и постарался расслабиться. Койоты лежали рядом, охраняя его и прислушиваясь к каждому шороху, доносившемуся извне.

Наконец Тревису всё-таки удалось уснуть. Потом он даже не мог припомнить, что ему собственно снилось: в памяти остались лишь какие-то смутные обрывки картин и видений. Но надо всеми ними витало ощущение опустошённости и страха.

Он проснулся в темноте наступившей ночи и сразу же уловил тихий шелест дождя. Тревис инстинктивно повёл рукой — койотов не было. После сна мысли немного прояснились, да и голова уже так не болела. Тревис внезапно понял, как должен поступить. Как только силы вернутся к нему, он сможет прибегнуть к традициям прошлого. Его положение стало настолько отчаянным, что он готов был пойти на крайние меры. Если понадобится, он вызовет Деклая на бой.

Тревис машинально перевернулся на бок и стал размышлять над пришедшей ему в голову мыслью. Он был года на три или четыре моложе своего противника и несколько выше. Однако Деклай отличался плотным сложением, имея при этом крепкие длинные руки. Это в определённой степени уравнивало шансы. Однако Тревис был уверен, что Деклаю не приходилось участвовать в поединках по обычаям апачей. А поединок апачей сильно отличался от привычных дуэлей свропейцев. Это настоящий ритуал, и вступить в него может не всякий и не всегда. У Тревиса же теперь было право явиться в лагерь и вызвать Деклая на поединок. А у того, в свою очередь, оставался

выбор: либо уступить и признать своё поражение, либо драться.

В древнем прошлом такой поединок имел только один конец: смерть одного из дерущихся. Если Тревис выберет именно эту тропу, то ему волей-неволей придётся пройти по ней до конца, и к своей смерти он был готов. Но вот убивать Деклая ему совсем не хотелось.

Здесь, на Топазе, их и так слишком мало. Потеря каждого человека может обернуться трагедией для всего клана. И хотя Тревис не испытывал особой симпатии к Деклаю, но и ненависти к нему он тоже не чувствовал. Однако перед ним лежало только два пути: либо он бросает вызов Деклаю и сражается с ним, либо навсегда остаётся изгоем и ведёт отшельнический образ жизни. Тревис не мог, не имел права рисковать будущим апачей. Особенно теперь, когда он узнал всю эту информацию, почерпнутую в подземелье заброшенной башни. И в то же время Тревис хорошо понимал, что сейчас вступает в борьбу, наградой в которой станет будущее апачей и всей Земли впридачу.

Вначале ему надо было отыскать новое место расположения лагеря. Если клан прислушался к слову Нолана, то наверняка двинется дальше на юг, держась подальше от горной гряды. И значит, если Тревис пустится их догонять, то ещё больше уйдёт от заброшенного города с зеленоватыми башнями. Ему этого совсем не хотелось.

Тревис с горечью улыбнулся собственным невесёлым мыслям, и сразу же лицо, покрытое синяками, свела судорога боли. Как ему хотелось сейчас раздвоиться. Одну его половину тянуло в долину, чтобы там охранять заброшенные башни древнего города. А вторую — в лагерь апачей, со страстным желанием вызвать на поединок Деклая. Но он был всего лишь человеком, и потому, хочет он того или нет, а ему придётся рискнуть безопасностью башен. Он считал, что сейчас важнее всего покончить с влиянием Деклая в клане.

Перед самым рассветом вернулась Наликидью, притащив с собой птицу или, вернее, существо, отдалённо напоминавшее земную птицу. Тревис с интересом разгля-

дывал её. Когда-то давно у этих существ почти полностью атрофировались крылья, но вот ноги и тело были крепкими и сильными. Тревис разделал тушку, машинально отложив несколько перьев для стрел. Поёживаясь от утреннего холода, Тревис стал торопливо рвать зубами сырое тёмно-вишнёвое мясо, кидая косточки Наликидью.

Немного поев, Тревис, несмотря на ноющую боль во всём теле и многочисленные ссадины, решил всё-таки выполнять задуманное. Слишком многое было поставлено на карту, чтобы позволять себе отступить или расслабиться. Он выглянул из-под укрытия и осмотрел промокшую насквозь окрестную поросль. Дождь всё ещё моросил, но оставаться в укрытии Тревис больше не мог. Он мысленно позвал койотов и постарался как можно яснее представить себе лагерь апачей и самого Деклая. К его огромному облегчению ответ пришёл сразу. Койоты были готовы провести его по свежему следу.

Стряхнув с себя остатки сухих листьев, Тревис натянул на себя всё ещё сырую рубаху. Прикосновение мокрой материи было неприятным, но выбора не оставалось. Через секунду ему всё равно предстояло тащиться под дождём. Он спрятал нож за пояс и осторожно выбрался из укрытия. Дождь, как видно, лил всю ночь, скалы и камни стали мокрыми и неустойчивыми. Тревис, осторожно ступая по ним мягкими подошвами кожаных мокасин, старался держать равновесие и не оступиться. Он постарался отвлечься от боли, которая мучала его при каждом движении, и вскоре мысли вернулись к недалёкому прошлому. Неожиданно в сознании возник вопрос, который он уже несколько раз задавал себе. Почему же койоты покинули его там, в древнем заброшенном городе? Почему потом остались и ждали, никуда не уходя? Какая может существовать связь между животными Земли и останками древней звёздной цивилизации? Тревис был глубоко убеждён, что Наликидью и Нагинлта остались среди башен и золотистого клубящегося тумана совсем не случайно. Ему страстно хотелось связаться с ними напрямую, задать эти вопросы, и главное — получить на них ответы.

Но отвлекать их сейчас Тревис не решился. Без этих чутких животных он никогда бы не сумел отыскать следов откочёвывающего клана. Лёгкая морось сменялась ливневыми потоками, смывая запахи с мокрой земли, сырость пропитала всё вокруг, небо становилось то тёмно-бронзовым, то почти чёрным; Тревис мёрз. А койоты бежали впереди, припав острыми мордочками к земле, и шныряли из стороны в сторону, старательно отыскивая слабые следы.

Дождливая погода держалась трое суток, ручьи и речушки превратились в неистовые бешено ревущие потоки, через которые Тревису порой приходилось пускаться вплавь. Местами глинистая, мягкая земля разбухла и размякла настолько, что ноги едва ли не по щиколотку увязали в ней, и каждый шаг давался с огромным трудом. Налипавшая скользкая грязь мешала идти, но и счищать её не имело смысла. Тревис устал, ослаб и теперь брёл с трудом, пошатываясь, иногда падая и отступаясь, но не давая себе поблажки. Он знал только одно: стоит ему расслабиться и начать себя беречь, как вся его идея лопнет, как мыльный пузырь. Он должен держаться во что бы то ни стало. Он надеялся только на одно: что остальные апачи сталкиваются сейчас с теми же самыми трудностями. Даже, пожалуй, с большими, поскольку на их плечах лежал груз выюков. Да и женщины не могут идти слишком быстро. Однако то, что племя не делало большого привала, говорило о желании апачей убраться подальше от злополучных гор.

На утро четвёртого дня Тревис проснулся и, ещё не открывая глаз, почувствовал смену погоды. Он приподнял веки и сразу же заметил, как тёмная бронза пасмурного неба сменилась на привычную позолоту. Он поднялся и огляделся. Местами тучи прорывали солнечные лучи. Они падали на дальние холмы, и лёгкий пар поднимался с земли, словно огромное множество котлов кипело на кострах.

Тревис обрадованно потянулся и расслабился. Рубаха на нём просыхала, ссадины и синяки почти прошли, а боль перестала мучать усталое тело. Перед ним раскинулась

промокшая за время ливней страна, но он уже чувствовал, что недалёк час, когда он всё-таки сумеет настичь клан. И это станет его часом, потому что все планы мысленно уже были отработаны им до мельчайших деталей. Самая трудная часть пути осталась позади.

Два часа спустя Тревис сидел в засаде, поджидая дозорного, который шёл ему прямо в руки. По подсказкам койотов, Тревис умело обогнул цепочку двигавшихся по холмам апачей, и вышел вперёд. Теперь ему нужен был посредник, который бы мог передать его вызов. И то обстоятельство, что дозорным оказался Манулито — один из сторонников Деклая, — играло ему на руку.

Когда ничего не подозревающий апач проходил мимо, Тревис приготовился и прыгнул на него.

Под тяжестью навалившегося тела Манулито свалился прямо лицом в грязь. Тревис насел на него и несмотря на сопротивление в два счёта скрутил парню руки. Будь это кто-нибудь другой из клана, ему бы не удалось справиться так быстро. Просто Манулито был ещё совсем неоперившимся юнцом, достаточно хилым по стандартам апачей.

— Не двигаться! — яростным шёпотом предупредил Тревис. — Слушай внимательно и передай Деклаю в точности каждое моё слово.

Попытки вырваться прекратились. Манулито умудрился повернуть голову и краем глаза взглянул на своего врага. Тревис отпустил его и поднялся. Манулито медленно сел, его перепачканное лицо было угрюмо, глаза яростно поблескивали, однако за ножом он не потянулся.

— Ты передашь Деклаю: «Фокс говорит — у тебя мало разума и ещё меньше мужества. Ты предпочитаешь швырять камни вместо того, чтобы встретиться нож к ножу, как подобает воину. Если ты считаешь себя воином, докажи!» Его сила против моей силы, как гласят древние обычаи племени.

При этих словах Манулито встрепенулся, недовольство исчезло с лица.

— Ты вызываешь Деклая на поединок?

— Да. Передай мои слова Деклаю в присутствии всех. И пусть Деклай при всех даст своей ответ.

В этих словах Тревиса так явно звучало сомнение в мужестве предводителя и намёк на его малодушие, что Манулито даже вспыхнул. Теперь-то уж Тревис был наверняка уверен, что юноша передаст его слова при всех. И чтобы сохранить влияние на апачей, тому придётся волей-неволей принять вызов и при свидетелях дать ответ. И тогда уже всё будет зависеть от хода и результата поединка, в котором, как надеялся Тревис, у него имеются немалые шансы на победу.

Не оглядываясь, Манулито скрылся за деревьями, а Тревис опустился на камень и сосредоточился. Он мысленно вызвал койотов и попытался как можно яснее объяснить, что клан, ведомый по тропе Деклаем, весьма недружелюбно отнесётся к ним, попадись они ему на пути. И если во время схватки с ним самим что-нибудь произойдёт или он погибнет, то им лучше всего держаться подальше и не показываться на глаза людям. Койоты уловили его мысли и тут же попрятались в кусты, выжидая, чем закончатся события. Однако Тревис краем сознания всё-таки ощущал их мысленное присутствие, и от этого на душе становилось спокойнее. Пока хотя бы эти двое поддерживают его, надежда не потеряна.

Долго ждать ему не пришлось. Вскоре появились Джилли, Осторожный Олень, Нолан, Цуай и Льюп, которые сопровождали его в разведке по северным степям. Потом из-за деревьев показались и другие, вначале воины, затем, окружённый полукругом женщин, шествовал Деклай.

— Я — Фокс, — объявил Тревис. — Однако вот этот человек назвал меня колдуном и натдахе — изгоем гор. Теперь моя очередь сказать своё слово. Слушай же меня, о племя! Этот Деклай, он стремится быть среди вас как изес-нантан, великий вождь. Однако нет у него го'нди — священной силы вождя. Ибо этот Деклай — глупец, и голова его наполнена только его собственными желаниями. Он не заботится о благе братьев своих по клану. Он утверждает, что ведёт вас к безопасности, а я говорю, что путь этот — путь к самой страшной опасности, которую только может навевать галлюцинация пейота. Мысли его

подобны следу змеи, и вас он хочет повести по такой же тропе...

Осторожный Олень прервал его, подняв руку и остановив поднывавший было шепоток.

— Серьёзное обвинение, Фокс. Ты готов его отстаивать?

Тревис быстро стащил с себя рубашку.

— Готов, — со злостью он процедил сквозь зубы. С того момента, как апач очнулся под дождём, избитый камнями, он видел перед собой только один выход — вызвать Деклая на поединок. Но теперь, когда позади остался пройденный с таким трудом путь, когда он бросил в лицо Деклаю своё обвинение, он вдруг понял, что исход этого поединка не так уж очевиден. Тревис уже не был так уверен в собственной ловкости и силе, и к тому же понимал, что результат этой стычки решит судьбу не только двух воинов, но судьбу всего клана.

Тревис бросил испытующий взгляд на Деклая, который в этот момент скидывал с себя рубаху, готовясь к бою.

В центре прогалины Нолан уже очертил большой круг. С ножом в руке Тревис в два шага оказался внутри площадки напротив Деклая. Он внимательно осмотрел обнажённый торс противника. Его предварительные расчёты, похоже, были довольно близки к истине. По чистой силе Деклай, вероятно, превосходит его, но вот в умении владеть ножом... впрочем, вскоре им обоим предстояло оценить мастерство соперника. Они закружили по кругу, не спуская друг с друга глаз и выискивая слабые стороны для внезапной атаки. У Тревиса пронеслось в голове, что когда-то бой на ножах у пинда-лик-о-йи считался настоящим утончённым искусством, владея которым, два одинаковых по силе противника могли бороться до бесконечности, проявляя ловкость и мастерство. Однако здесь всё было совсем иначе. В этом бою ему предстояло не только показать мужество и силу, но и выстоять. Здесь нет места благородству и поблажкам.

Деклай первым нанёс удар, но Тревис ловко уклонился в сторону, лезвие прошло в дюйме от него.

— Кидаешься словно бык! — язвительно выпалил Тревис, отскакивая в сторону. — А лиса кусает!

И, разворачиваясь, он успел полоснуть Деклая лезвием по руке, на которой тут же проступила длинная багровая полоса. Это было, вероятно, чистым везением, но Тревиса оно подбодрило.

— Ну, давай, давай, бык, нападай! Испытай на своей шкуре ещё раз лисий зуб!

Хорошо зная вспыльчивость Деклая, Тревис пытался вывести его из себя. Такой гнев мог оказаться очень опасным, но в то же время и дать надежду на победу, если Деклай, забыв об осторожности, потеряет самообладание.

Яростный, хриплый звук вырвался из глотки Деклая. Его лицо побагровело и он, шипя словно взбешённая пума, метнулся на Тревиса. От этого стремительного броска уклониться было трудно, и когда Тревис всё-таки отпрыгнул, на его боку показалась длинная красная полоса, его обожгла боль.

— У быка есть рога! — прокричал Деклай торжествующе. — Лисе не уйти от рогов!

И, вдохновлённый видом крови на боку Тревиса, он снова бросился вперёд, но тот вновь успел ускользнуть.

Тревис понимал, что ему надо очень осторожно отпрыгивать при нападениях Деклая. Стоит ему только ступить за черту круга, и с ним всё будет кончено, так, как если бы нож вонзился ему прямо в сердце. Решив начать наступление, Тревис сам бросился на противника, но ступня в мягком мокасине попала на острый камень, и резкая боль, прошившая ногу до самого колена, едва не сбила его на землю. Тревис едва успел уклониться от удара, но нож Деклая довольно серьёзно задел его плечо.

Тревис привычным движением перекинул нож в левую руку. Это на некоторое время дало ему преимущество, поскольку Деклаю ещё придётся привыкать к левосторонней атаке.

— Рой, рой копытом землю, бык! — воскликнул Тревис. — Рой! Зубы у лисы ещё не притупились.

Деклай уже оправился от первого удивления и теперь, и впрямь заревев как старый бык, ринулся вплотную к Гревису. Уверенный в своей силе, он наверняка рассчиты-

вал одним махом покончить с усталым, израненным воином, который к тому же был моложе его.

Тревис поднырнул под расставленные руки, перекатился и, стоя на одном колене, швырнул тому в лицо горсть земли. И опять удача оказалась на его стороне. Конечно, влажная земля не могла ослепить так, как табак или сухой песок, но часть всё-таки попала в глаза.

Какие-то мгновения Деклай был совершенно беззащитен — ничто не могло помешать Тревису всадить свой нож по самую ручку ему в живот. Однако убивать Деклая тот не хотел. Вместо этого Тревис прыгнул прямо в объятия противника, одной рукой врезав ему по скуле, а затем оглушил ударом по голове рукоятью ножа. Это предоставило Деклаю шанс. Он рухнул на землю, оставив собственный нож на два дюйма вогнанным меж рёбер Тревиса.

Каким-то образом — неизвестно откуда брались силы — Тревис сумел устоять на ногах и шаг за шагом выбрался из круга, пока не упёрся спиной в ствол дерева. Едва поддерживая равновесие, он подумал: закончено ли всё это?

Он сосредоточился на одном: не потерять сознание, пытаясь собрать разбегающиеся мысли. То ли в его глазах светилась просьба, то ли Осторожный Олень догадался сам, но Тревис заметил, как апач медленно подходит к нему. Он выставил вперёд руку, удерживая его на расстоянии. Сейчас ему не хотелось ничьей помощи, даже этого мудрого человека.

— Башни,.. — он пытался сосредоточить внимание на главном, преодолевая нарастающую слабость. — Красные не должны до них добраться. Хуже, чем атом, конец нам всем.

Краем глаза он уловил смутное движение. К нему приблизились Джил-Ли и Нолан. Его душил кашель, но Тревис сдерживался. Он должен их убедить...

— Доберись красные до башен — и всё кончено. Не только здесь... может, и дома...

Ему показалось, что во взгляде Осторожного Оленя прорезалось понимание. Было ли так на самом деле?

Поймут и поверят ли ему Джил-Ли и Нолан? Булькающий кашель разорвал грудь. Тревис почувствовал адскую боль, пронизывавшую его страшнее всего, что ему довелось пережить. Но он всё ещё стоял на ногах и продолжал им объяснять.

— Не допускайте их к башням. Найдите подземелье!

Тревис отшатнулся от спасительного ствола, протянул Осторожному Оленю окровавленную руку.

— Клянусь... правда... так надо сделать!

Он чувствовал, как валится на землю. Его пронзила мысль более страшная, чем физическая боль, которую он сейчас испытывал. Всё, всё кончено! Кончено не только для него, но и для апачей, для монголов, для Земли. Он смотрел снизу вверх на знакомые лица, пытаясь прочесть их выражение, но всё виделось ему смутно и расплывчато, словно во сне.

— Башни! — он хотел выкрикнуть это слово так, чтобы его услышал весь клан, но из горла вырвался только полузадушенный хрип.

Глава четырнадцатая

Тревис полулежал на укрытых одеялами вещмешках и рюкзаках. На его коленях покоился небольшой кусок коры с нацарапанными на ней зелёными линиями.

— Значит, мы находимся здесь... звездолёт тут... — он отметил большим и указательным пальцами две точки на схеме.

Осторожный Олень кивнул.

— Да. Цуай, Эскелта, Кавайкль — они следят за проходами. Там — перевал, ещё две тропы, по которым можно пройти. Но кто же способен устеречь целое небо?

— Монголы упоминали, что красные не отваживаются посылать вертолёт в горы. Вскоре после высадки один из вертолётчиков разбился из-за воздушных потоков, у них осталась только одна машина, и рисковать ею они не хотят. Если только, конечно, они не получили подкрепления, — встревоженно заметил Тревис. Эта мысль давно не давала

ему покоя, она прямо-таки терзала его словно неотрывная зубная боль. Он так и чувствовал, как петля времени всё туже и туже затягивается на их шеях.

— Ты уверен, что весть о нашем звездолёте выманит красных из-за гор?

— Да, либо информация о башнях. Они могли бы выслать разведку из монголов на осмотр звездолёта, но это не даст им полноценной квалифицированной технической оценки. Я уверен, стоит им узнать, что звездолёт западной конфедерации находится здесь, то они слетятся сюда, как стервятники на падаль. И если явятся не все, то большая их часть. Нам просто необходимо поймать их на равнине. В противном случае они закроются в своём звездолёте как улитка в скорлупе, и их не выманишь оттуда никакими силами.

— А как же нам сообщить им о звездолёте? Выслать разведку и позволить им проследить за ней?

— Лишь в самом крайнем случае, — Тревис не отводил глаз от карты. — Да, можно позволить красным выследить апачей, но слишком велик риск. На счету каждый человек. Клан мал. Должен найтись иной способ устроить засаду. Взять в плен одного из красных и позволить сбежать? Займёт слишком много времени. И сколько придётся ждать? А риск при захвате красного в плен...

— Если бы только можно было положиться на монголов... — подумал вслух Осторожный Олень.

Но это «если» было слишком уж зыбким и ненадёжным. Они не могли доверять монголам. Как бы те не ненавидели красных, пока над ними довлела власть таинственных машин, они ничем не могли помочь. Или могли?

— Что-то придумал? — Осторожный Олень сразу же уловил перемену в выражении лица Тревиса.

— Предположим, монгол увидел наш звездолёт, а потом попадает в лапы патрулю красных.

— И ты считаешь, что он согласится попасть в плен? Не забывай, ведь красные могут выудить у него всё до конца.

— А если бежавший пленник? — предположил Тревис.
Теперь настала очередь Осторожного Оленя поразмыш-

лгать над новой идеей. Конечно, в ней было довольно много дыр, но разработать её стоило. Скажем, взять в плен Менлика и внушить ему, что они собираются его убить в отместку за нападение в холмах. Затем позволить бежать, преследуя его по пятам, пока он не попадётся в руки красных... Очень рискованно, но может сработать. Со времени своего поединка с Деклаем Тревис иначе относился к риску.

Риск, на который он пошёл тогда, наградил его двумя глубокими ранами, одна из которых могла закончиться для него плачевно, если бы не Джил-Ли. Но в то же самое время, он снова вернулся в клан и стал полноправным апачем, к которому теперь многие в племени прислушивались.

— Эта девушка! Эта монголка!

Поначалу Тревис даже и не понял смысл восклицания Осторожного Оленя.

— Мы похитим монголку, — пояснил тот, увидев недоумённый взгляд Тревиса. — Позволим ей бежать, а затем будем охотиться до тех пор, пока она не попадёт в плен к красным. Может даже, поддержим её немного в камерах на звездолёте.

Кайдесса? И хотя внутри у Тревиса что-то возмутилось против такого выбора главного лица в разворачивающейся драме, он всё-таки сумел увидеть преимущества предложения Осторожного Оленя. Выкрадывание женщин было чуть ли не самым древним обычаем среди примитивных культур. Сами монголы испокон веков занимались этим, да и апачи тоже. Да, это было бы самым естественным в данной ситуации. Женщина попытается сбежать, и за ней устроят охоту — вполне логично. А если женщине отрезать дорогу в горы, то она побежит прямо в руки к красным — это тоже будет вполне естественно.

— Её придётся хорошенько напугать, — неохотно заметил Тревис.

— Ну, это мы устроим...

Тревис с досадой покосился на Осторожного Оленя. Ему не хотелось прибегать к старым играм апачей. Однако

Осторожный Олень, как видно, имел в виду нечто другое.

— Три дня назад, пока ты ещё выздоравливал, мы с Деклаем побывали на звездолёте.

— С Деклаем?

— Ты победил его в честном бою, ему теперь надо думать, как восстановить свою честь. А поскольку совет запретил поединки, — ответил Осторожный Олень, — ему надо добиться этого другими путями. После того, как ты поведал нам историю о башнях, он понял, что надо выступать против красных, а не спастись от них бегством. Теперь он так и рвётся на тропу войны. Даже слишком. Мы вернулись на звездолёт — искали оружие.

— Мы же раньше ничего не нашли?

— И сейчас то же самое, однако мы обнаружили кое-что другое, — Осторожный Олень на секунду умолк, и его необычный тон заставил Тревиса отбросить все лишние мысли. Казалось, Осторожный Олень натолкнулся на что-то, чего не мог описать словами.

— Во-первых, — пояснил Осторожный Олень. — Мы нашли останки какого-то существа там, где умер доктор Ратвен. Нечто вроде человека, серебристый мех...

— «Гориллы!» Гориллы из других миров. Что ещё вы увидели?! — Тревис даже уронил карту, дёрнув Осторожного Оленя за рукав. — Эти яйцеголовые, не они ли приходили осмотреть разбитый корабль?

— Ничего, кроме следов. Много, в каждой каюте, в рубке. Похоже, целая группа существ.

— Так что же убило эту мёртвую тварь?

Осторожный Олень нервно облизнул губы.

— Похоже, страх, — он слегка пригнул голову, даже как-то извиняющееся. — Звездолёт изменился. Там, внутри, что-то теперь не так. Когда идёшь по коридорам, по коже прямо мурашки бегут, всё время кажется, что кто-то следит у тебя за спиной. Какие-то звуки, чудится движение... Поворачиваешься, и ничего, абсолютно ничего. И чем дальше забираешься в звездолёт, тем хуже. Поверь, Тревис! Никогда мне не приходилось испытывать подобного.

— Но это звездолёт полный мертвецов, — напомнил ему Тревис. Неужели страх апачей перед мёртвыми, усиленный редаксом превратился в столь активную фобию, что даже затронул такого уравновешенного воина-апача, как Осторожный Олень.

— Вначале я тоже так подумал, но потом обнаружил, что самые худшие ощущения у меня появились не вблизи помещения, где мы захоронили наших мёртвых, а выше, в каюте, где стоит пульт редакса. Видимо, он до сих пор работает, но иначе. Теперь он, наверное, не пробуждает в нас память предков, а усиливает прирождённые страхи. Послушай, Тревис, мы еле выбрались оттуда, и Деклай вёл меня за руку словно ребёнка. Сам он дрожал, будто человек, который никак не может согреться. Во всём этом кроется какое-то зло, вне пределов нашего понимания. Я уверен, что эта монголка, стоит ей посидеть там немного, будет напугана настолько, что любой учёный, который будет иметь с ней дело, безусловно догадается о тайне, реальной, а не фальшивой, которая наверняка его заинтересует.

— Эти гориллообразные, может, они хотели включить редакс? — поразмышлял вслух Тревис.

С одной стороны, предположение, что гориллы могут хоть что-нибудь понимать в машинах и как-то связаны с ними, казалось диким и необоснованным. Но с другой, их ведь находили на разных заброшенных планетах во время путешествия по далёким мирам. И Эш даже высказывал мысль, что они могут быть деградировавшими потомками звёздных странников, основавших огромную империю.

— Вполне вероятно, и если так, то они пожали плоды собственной беспечности. Один из них погиб.

— Но отправить туда девушку...

Сначала, выслушав предложение Осторожного Оленя, Тревис не задумываясь согласился, найдя в нём здравый смысл. Но теперь, немного поразмыслив надо всем, что услышал, он неожиданно изменил своё мнение. Если атмосфера корабля стала столь зловещей, то заключать в неё Кайдессу, пусть даже и на время, казалось ему бесчеловечным.

— Ей не придётся там оставаться слишком долго, — заметил Осторожный Олень, словно прочитав мысли Тревиса. — Послушай, а может, поступим так: войдём вместе с ней и разыграем страх, показав его действие на себе. Мы даже можем бежать в панике, оставив её одну. А когда она покинет звездолёт, то мы последуем за ней.

Такое предложение понравилось Тревису куда больше. Но на одном он всё-таки решил настоять: если Кайдессу придётся вести на звездолёт, то одним из сопровождающих должен быть обязательно он сам. Тревис так и сказал, и Осторожный Олень согласился с ним.

К ночи они отрядили в поход несколько воинов, перед которыми поставили довольно простую на их взгляд задачу — выследить Кайдессу и взять её в плен.

Тревис с ними не пошёл, поскольку рана на боку ещё не зажила до конца. Временами, особенно после долгих физических нагрузок или при резких движениях, боль стискивала грудь железными тисками. Однако Тревис не хотел сдаваться. Каждый день он ходил и тренировался, заставляя своё тело работать всё больше и больше. Он хотел быть в отличной физической форме, когда наступит время действовать, и потому не давал себе никаких поблажек. Ему потребовалось всего пять дней, чтобы восстановить силы.

Ещё пять дней спустя Тревис добрался до хребта, на склонах которого лежал разбитый звездолёт. Его сопровождали Джил-Ли, Льюп и Манулито. Первым делом они убедились в том, что после посещения Осторожного Оленя и Деклая, здесь никто не побывал.

Затем они поднялись на холм и расположились на его вершине. Тревис оглянулся на звездолёт и вдруг замер, поражённый пришедшей вдруг мыслью.

— Смотрите! — удивлённо воскликнул он. — Отсюда звездолёт выглядит почти нетронутым, словно готов в любую минуту взлететь.

— А он вполне может подняться, — кивнул Джил-Ли, показывая на вершину соседнего пика, — вон туда. Двигатели с этой стороны целы.

— А что, если красные заберутся внутрь и полетят? — спросил вслух Манулитто.

У Тревиса снова мелькнула одна из тех диких мыслей, которые частенько посещали его. Он вдруг подумал, что на звездолёте могло остаться довольно много горячего, чтобы поднять его в воздух, а затем взорвать. И если в этот момент на корабле оказались бы вражеские учёные... Впрочем, такой вариант был маловероятен. Он совершенно не разбирается в технике и представления не имеет, как можно заставить разбитый звездолёт стронуться с места.

— Не считай их круглыми идиотами, — отозвался Джил-Ли. — Достаточно взглянуть на звездолёт поближе, чтобы понять: он ни на что не годен.

Тревис медленно спустился по склону холма. Откуда-то сбоку, из-за кустов показалась рыжевато-коричневая тень. Койот выскочил ему прямо под ноги и остановился, словно загородив собой путь. Он стоял между Тревисом и звездолётом, в глазах светилась тревога, уши прижаты, в горле глухо клокотало. Что бы ни действовало там, на корабле, койот чувствовал это, и оно сильно волновало его.

— Следуй за мной, — приказал Тревис Нагинлте и, обогнув койота, направился вниз по склону.

Тот вялой трусцой неохотно двинулся за человеком. Тревис почувствовал внутри холодный ком, в боку не утихала боль. Неожиданно из кустов высунулась голова Наликидью, она призывно тявкнула, но последовать за человеком так и не решилась.

Тревис спускался, внимательно глядя в разрушенный звездолёт и вспоминая внутреннюю планировку корабля. Насколько реально превратить эту сферу в гигантский капкан? Что это там Эш говорил о принципах работы редакса? Субмиллиметровые волны, стимулирующие функции нервных и мозговых центров. Да, именно так.

Интересно, а как защититься от этого излучения?.. Ага, вот пробоина, через которую он выбрался в ту ночь, когда упал звездолёт. Рядом находился шлюз со шкафчиками для снаряжения. И если там ничего не раздавлено... Он помянул Джил-Ли.

— Ну-ка, помоги мне забраться.

— Зачем?

— Хочу взглянуть, целы ли скафандры.

Джил-Ли непонимающе уставился на Тревиса. Но тут подросел Манулито.

— А зачем нам скафандры? — удивился он. — Мы же можем дышать этим воздухом.

— Скафандры защищают не только от ядовитой атмосферы... — намекнул Тревис.

— А, против излучения редакса! — догадался Джил-Ли. — Точно, но оставайся здесь, мой младший брат. Это очень рискованно — забираться внутрь, а ты ещё слишком слаб.

Тревис вынужден был согласиться и остался ждать, в то время как Джил-Ли с Манулито, забравшись в пробоину, исчезли в тёмном чреве корабля. После посещения Осторожным Оленем и Деклаем корабля, апачи уже знали, что могут испытать и почувствовать, а потому Тревис за них не волновался.

Через несколько минут они появились из проёма, волоча за собой сморщенный скафандр. Тревису бросилось в глаза, что оба были бледны, а лица покрыты мелкими бисеринками пота. Они подошли поближе, и Льюп, тяжело дыша, опустился на землю рядом с Тревисом.

— Злые духи, — выдохнул он, пряча за привычными племенными образами свою неспособность объяснить события. — Воистину, там, в темноте, бродят привидения и колдуны.

Тем временем Манулито, разложив скафандр на траве, принялся его осматривать так внимательно и придирчиво, словно делал это далеко не в первый раз.

— Скафандр не повреждён, — наконец сообщил он. — Можно носить, — и он тут же принялся расстёгивать костюм. — Сейчас я его испробую.

Прекрасно понимая, чего стоило соплеменникам это путешествие внутрь корабля, Тревис неохотно согласился, что Манулито имеет полное право провести такую примерку. К тому же молодой апач, как видно, лучше других умел обращаться с подобными вещами. Манулито надел ска-

фандр и закрыл прозрачное забрало гермошлема. Он постоял, притопывая ногами и примериваясь к костюму, а затем полез обратно в проём. Единственное, что связывало его теперь с внешним миром, это верёвка на поясе, один конец которой держал в руках Тревис. Через некоторое время он слегка подёргал верёвку и ощутил, что она привязана к чему-то неподвижному. По-видимому, Манулито, добравшись до внутренних коридоров, отвязал её и отправился выше по уровням.

Тревис сел на землю и принялся ждать, щурясь от яркого жаркого солнца. Льюп тоже сидел рядом и молчал, напряжённо всматриваясь то в пролом в корпусе корабля, то оглядывая золотисто-дымчатые окрестности холмов. Нагинлта бегал по склону, то прячась в кусты, то снова выбегая, но ни к людям, ни к полуразрушенному звездолёту приблизиться так и не решился. Временами он останавливался и тревожно подвывал, словно стараясь привлечь к себе внимание.

— Не нравится это мне... — начал было Тревис, но тут же оборвал себя.

В проломе появилась наконец фигура в скафандре. Манулито неуклюже выбрался из корабля, отошёл от него и, остановившись, отстегнул гермошлем. Тревис увидел его потное лицо и заметил, как молодой апач с трудом переводит дыхание.

— Ну как? — с тревогой спросил Тревис.

— Духов я не встретил, — улыбаясь, ответил Манулито. — Отличная защита против духов! — он хлопнул по скафандру рукой в перчатке. — И вот ещё, из того, что я помню, кое-какие системы до сих пор работают. Я убеждён, что мы можем превратить звездолёт в хорошую ловушку. Заманить красных и... — он сделал выразительный жест.

— Но мы же ничего не знаем о двигателях, — возразил Тревис.

— Да?! Послушай, ты, Фокс, не единственный, кто ещё способен что-то помнить, — Манулито стал серьёзным. — Ты действительно считаешь, что мы все превратились в

настоящих дикарей, как того хотели большие шишки? Они выкинули этот грязный трюк с редаксом, это верно. Но у нас тоже есть кое-что в запасе. Я, между прочим, выпускник Массачусетского технологического института.

Тревис молчал. У него из головы действительно вылетел тот факт, что с самого начала эксперимента апачей подбিরали очень тщательно не только по их способности выжить, но и по знаниям, которыми они владели. Если Тревис был отличным специалистом по археологии, то Манулито, с его инженерным образованием, становился неоценимым участником группы. И если действие редакса на какое-то время приглушило этот опыт и знания, отбросив сознание людей в далёкое прошлое, то теперь, видимо, эти последствия начали проходить.

— И ты действительно сумеешь разобраться в системах звездолёта? — спросил он, нарушив паузу.

— Попытаюсь. По крайней мере, можно закоротить двигатели. Они наверняка полезут в рубку. И как насчёт редакса? Что, если я его уничтожу?

— Сначала нам надо испробовать его на нашей пленнице. А потом у нас ещё будет время, пока не явятся красные.

— Ты заявляешь так, словно это уже свершившийся факт. Откуда такая уверенность? — возразил Льюп.

— Конечно, мы не можем быть уверенными до конца, — согласился Тревис, — но шансы велики. Они обязательно явятся сюда, как только узнают о разбитом звездолёте. Они не могут рисковать. Присутствие на планете людей, не подвластных машинам, станет для них постоянной угрозой.

Джил-Ли кивнул.

— Верно говоришь. Наш план достаточно сложен, и в нём слишком много звеньев, одно из которых может сорваться в любой момент. Но это единственный разумный выход, мы постарались предусмотреть всё. Будем надеяться, нам удастся захлопнуть ловушку.

С помощью Льюпа Манулито выбрался из скафандра и, положив его на камень, задумчиво произнёс:

— Я вот всё думаю об этой сокровищнице в долине башен. Предположим, мы найдём там оружие...

Тревис заколебался, он всё ещё опасался открывать новые ходы за сияющими стенами, о которых узнал из информации, заложенной в кассете. Трудно было даже предположить, какие опасности они могли таить за собой.

— А если мы возьмём оттуда оружие и проиграем... — привёл он первый довод, пришедший ему в голову. И сразу же почувствовал облегчение, заметив понимание во взгляде Джил-Ли.

— Да, в таком случае мы только сыграем на руку красным, — согласился тот.

— Но нам в любом случае придётся прибегнуть к этому, — вновь вступил в разговор Манулито. — Если мы даже и загоним в ловушку их ученых и техников, как мы сможем уничтожить их машины и корабль? Такое невозможно проделать с одними ножами и луками.

С упавшим сердцем Тревис вынужден был признать правоту слов Манулито. Да, им придётся вскрыть ящик Пандоры ещё до конца схватки с красными.

Глава пятнадцатая

Они провели возле корабля ещё пару дней. Манулито расхаживал по звездолёту в своём скафандре, внимательно изучая аппаратуру и системы. По вечерам он рисовал какие-то сложные схемы на кусках коры. Иногда он начинал объяснять своим спутникам те или иные технические идеи, но при этом вдавался в такие дебри, что ни Тревис, ни Льюп не понимали ни слова. Однако всем им было достаточно знать лишь то, что сам Манулито прекрасно понимает, что делает.

На утро третьего дня появился Нолан, его пыльное лицо осунулось и даже заострилось от долгого тяжёлого перехода. Тревис сразу же предложил ему флягу, и усталый апач первым делом напился, торопливо глотая воду. Затем он опустился на землю и положил рядом фляжку.

— Скоро будут... с девчонкой.

— Неприятности были? — поинтересовался Джил-Ли.

— Монголы перенесли свой лагерь. Поступили мудро.

Красные, должно быть, взяли на заметку их прежнее местонахождение. Теперь они дальше к западу, а мы... — он отёр губы тыльной стороной ладони, — мы побывали в твоей долине башен, Фокс. Да, это действительно заколдованное место.

— Никаких признаков красных?

Нолан отрицательно покачал головой.

— Мне кажется, что золотистый туман, наполняющий долину, скрывает башни. С воздуха их не увидеть. И только приблизившись вплотную можно отличить их от природных скал.

Тревис расслабился. Значит, у них ещё есть время. Взглянув на Нолана, он заметил лёгкую улыбку на усталом лице.

— Эта скво, она вроде как в родне с пумой, — объявил Нолан. — Она ободрала Цуая не хуже дикой кошки.

— Надеюсь, она сама не ранена? — забеспокоился Тревис.

На этот раз Нолан хохотнул в открытую.

— Ранена?! Да нет, это нам пришлось из шкуры лезть вон, чтобы уберечься от её когтей, мой младший брат. Она и впрямь дочь Волка. И она не потеряла головы, эта скво. Всю дорогу отмечала путь, хотя и не знала, что нам это на руку. Да, она наверняка постарается сбежать.

Тревис поднялся и поморщился от резкой боли в боку.

— Покончить бы с этим быстрее, — хрипло сказал он. Вся эта идея так до конца и не нравилась ему. Ему нестерпимо было думать о том, что Кайдессу приведут сюда, в этот тёмный, страшный звездолёт и оставят наедине со страхами и тревогами. И в то же время он прекрасно понимал, что ничего опасного ей не грозит. Он и сам постарается держаться поближе, чтобы прийти на помощь, если таковая понадобится.

Звук осыпающихся камешков предупредил о приближении разведывательной группы. Манулито уже спрятал скафандр, и теперь они предстанут перед Кайдессой обыкновенными дикими апачами.

Через несколько секунд из-за склона холма появилась

целая процессия. Впереди шёл Цуай с багровыми царапинами через всё лицо. За ним Деклай и Эскелта грубо толкали перед собой пленницу. Косы у Кайдессы расплелись, у рубашки оторвался рукав, но по глазам Тревис видел, что боевой дух не оставил девушку. Следом за ними гордо вышагивал Осторожный Олень, непроницаемо поглядывая то на пленницу, то на воинов, подгонявших её.

Апачи впихнули её в кольцо поджидавших. Кайдесса остановилась, широко расставив ноги, чтобы не упасть. Она презрительно оглядела их всех, затем взгляд девушки упал на Тревиса.

— Свинья! Грязный шакал! Дохлый верблюд... — начала она с жаром перечислять по-английски, но тут же в запальчивости перешла на родной язык.

Руки у неё были связаны, но уж язык-то никто не мог удержать.

— У этой скво язык словно жало, — прокомментировал Осторожный Олень. — Упрячьте её подальше, пока она всех тут не отравила.

Цуай демонстративно заткнул уши:

— Если эта кошка не способна царапаться, то оглушить может запросто. Давайте не будем тянуть, избавимся от неё поскорее.

Однако несмотря на насмешки, в их взглядах читалось настоящее уважение. Апачи высоко ценили храбрость, даже в пленниках. Пинда-лик-о-йи, Том Джеффернс, смело вошедший в самую гущу индейского лагеря и вступивший в переговоры со своими заклятыми врагами, получил уважение и дружбу вождя, с которым до этого сражался не на жизнь, а на смерть. И Кайдесса, проявившая невиданное для женщины мужество, имела теперь большее влияние на своих тюремщиков, чем даже могла предположить.

Наступил черёд Тревиса разыгрывать свою роль. Он поймал Кайдессу за плечо и грубо толкнул её в сторону звездолёта. Но, похоже, к этому моменту она уже выдохлась, и повиновалась без всякого сопротивления. И только когда они подошли достаточно близко к звездолёту,

Кайдесса вдруг замерла на месте, и Тревису показалось, что она даже ахнула от изумления.

Как и было запланировано, четверо апачей — Цуай, Нолан, Джил-Ли и Деклай — расположились вокруг корабля, поднявшись на пригорки для удобства осмотра окрестностей. А Манулито, надев скафандр, уже скрылся в корабле, чтобы в любую минуту кинуться на помощь, если это понадобится.

Стиснув зубы, Тревис подтолкнул Кайдессу к пролому. В эту минуту Тревис даже не знал что лучше: войти в звездолёт и впервые столкнуться со страхом, который выкручивает мозги как верёвки, или же ничего не знать о предстоящем. Он уже готов был бросить всю эту затею при одном взгляде на угрожимо шагавшую впереди девушку. Но мысль о башнях, о хранящейся в них информации, и о том, что произойдёт, если красные до неё доберутся, останавливала его.

Тревис первым нырнул в пролом, а Эскелта перерезал верёвку на запястьях Кайдессы, и впихнул пленницу следом.

— Полезай, скво, — небрежно бросил он ей в спину.

Тревис шёл по тёмным коридорам, направляясь к каюте, которую они выбрали. Они рассчитывали довести её до этого места, а затем разыграть панику и страх, дав ей таким образом возможность сбежать.

Изобразить страх? Тревис и двух футов не прошёл, как понял, что ничего разыгрывать не придётся. Стены, пол, потолок, сама атмосфера корабля, казалось, излучали яд, который пронизывал буквально всё тело. Каждую его клеточку, добираясь до мозга. Тревис чувствовал, что с каждым новым вдохом его тело наполняется страхом, хотя в то же время ничего опасного он не ощущал. Он весь взмок, ноги ослабли, а руки нервно тряслись. Во рту пересохло, и он то и дело пытался сглотнуть тошнотворный ком, застрявший в горле.

Тишину прорезал визг Кайдессы. От неожиданности Тревис оступился, его шатнуло к стене. В тот же миг монголка развернулась, бросилась на него и вцепилась, как настоящая дикая кошка. Он едва сумел защитить лицо

и глаза от её ногтей. Затем она отпрыгнула назад и бросилась в проём. К этому моменту Эскелта уже куда-то пропал, и остановить её было некому.

Всё это Тревис заметил краем глаза. От резкого движения боль вновь прорезала бок. Он осел на пол, стараясь сдерживать дыхание. Откуда-то выскочил Эскелта, подбежал к нему и помог подняться. Они выбрались к пролому в корпусе корабля, но вниз спустились не сразу. Тревис, которого мучала боль, не был уверен, что сумеет спуститься самостоятельно, а Эскелта, получивший приказ не торопиться, тянул время.

В проёме они могли разглядеть совершенно пустой склон холма. Не было видно ни спрятавшихся апачей, ни Кайдессы. Тревис даже поразился: как ей удалось так быстро улизнуть.

Спустившись на землю, Тревис почувствовал под ладонью расползающееся мокрое пятно. Он отнял пальцы и посмотрел. Кровь. По-видимому, рана снова открылась. Он даже выругался. Теперь он даже и думать не мог о том, чтобы самостоятельно преследовать Кайдессу. Конечно, от него было мало пользы, как от хромого коня. Но у него ещё есть союзники! Он мысленно позвал койотов. Из-за куста высунулась острая мордочка Наликидью. Он сосредоточился и приказал ей бежать за Кайдессой, следить за ней и охранять. Голова койота тут же исчезла. Тревис облегчённо вздохнул. Он прекрасно понимал, что хотя апачи замечательные следопыты и воины, но койоты легко могут дать им сто очков вперёд. Он знал, что Наликидью и Нагинлта всю дорогу будут находиться рядом с девушкой и, прячась по кустам и в высокой траве, ни разу не покажутся ей на глаза. Она и не заподозрит, что кто-то за ней наблюдает и охраняет её.

— Разыграно как по нотам, — заметил Джил-Ли, выбираясь из своего укрытия. — Но что это с тобой? — он подошёл к Тревису и отнял прижатую к боку руку.

К тому времени, как вернулся Льюп, Тревис уже снова был перебинтован и смирился с мыслью, что за Кайдессой ему теперь следить не придётся.

— Насчёт башен... — сказал он Джил-Ли. — Если наш план удастся, мы захватим часть красных здесь. Но не будем забывать, что нам ещё нужен и сам звездолёт. И значит, придётся обыскать башни в поисках оружия. А может, подождать возле башен, на случай, если красные с Кайдессой вернутся именно по тому пути.

Льюп бесшумно прыгнул с уступа, широко улыбаясь.

— Эта скво с головой, — заметил он полушутливо. — Улепётывает от звездолёта быстрее, чем заяц от волка. Потом начинает думать и взбирается по холму, — он ткнул пальцем в склон позади. — Затем прячется и наблюдает. А когда из звездолёта появляется Тревис, снова пускается убежать. Тут Осторожный Олень показывается в кустах, и она сворачивает на восток. Как мы и добивались...

— А потом? — встревоженно спросил Тревис.

— Она бежит поверху, словно настоящая скво из племени. Нолан убеждён, что она обязательно остановится на ночь немного передохнуть. Он следует за ней.

Тревис облизал пересохшие губы.

— Без пищи и воды... — задумчиво произнёс он.

Губы Джил-Ли сложились в хитрую улыбку:

— Цуай проследит, чтобы она «случайно» наткнулась на провизию. Не забывай, мы учли все эти мелочи, мой младший брат.

Тревис понимал, что апачи действительно предусмотрели и запланировали всё: и случайные встречи, и случайные находки. Уж они-то наверняка сумеют направить её по нужному для них пути. Она и знать ничего не будет.

— К тому же, теперь у неё есть оружие, — добавил Джил-Ли.

— Что? — удивился Тревис.

— Посмотри на свой пояс, мой младший брат. Где твой нож?

Тревис ошарашенно уставился на свой пояс. Ножны действительно были пусты. Последний раз он пользовался ножом за завтраком, когда резал мясо. Льюп расхохотался, увидев выражение лица Тревиса.

— Ну и ловко же она вырвала зуб у лисы, — хохотнул Льюп.

— Да, — растерянно заметил Тревис. — Это случилось, наверное, когда мы боролись.

Он вдруг вспомнил с каким отчаянием она бросилась на него. В тот момент ему показалось, что она буквально обезумела от страха. Однако, как видно, эта девчонка умеет держать себя в руках. Сообразила же она в такую минуту выхватить у него нож, да ещё и так, что сам он ничего не заметил. А может, здесь опять сказалась разница между двумя нациями? Ведь не действуют же на них, апачей, машины красных. Возможно, и редакс не способен затронуть нервные струны монголов.

— Она отважна, эта скво, стоит многих лошадей, — Эскелта как нельзя более кстати припомнил древнюю меру женщине.

— Это верно, — тут же согласился Тревис с чувством и, заметив, что улыбка Джил-Ли стала ещё шире, раздосадованно поспешил сменить тему разговора: — Манулиито на звездолёте. Готовит красным ловушку.

— Вот и прекрасно. Эскелта и он останутся здесь, и ты вместе с ними.

— Ничего подобного. Мы должны во что бы то ни стало добраться до башен, — с горячностью запротестовал Тревис.

— Мне показалось, — прервал его Джил-Ли, — что ты считаешь древнее оружие башен слишком опасным.

— Может, мы и будем вынуждены им воспользоваться, однако я говорю о другом. Мы должны быть уверены, что красные там не появлялись и не появятся, особенно после того, как Кайдесса попадёт в плен.

— Да, согласен, лучше принять меры предосторожности, мой младший брат. Но что до тебя, то сегодня и, возможно, ещё и завтра, тебе придётся отдыхать, — строго произнёс Джил-Ли. — Если рана снова откроется, то ты уже долго не сможешь подняться на ноги.

Несмотря на нетерпение, которое так и подмывало Тревиса изнутри, он вынужден был согласиться с разумными доводами. И когда на следующий день он пустился в

путь, то услышал только одну новость, что Кайдесса переночевала у одного из небольших водоёмов в холмах и теперь движается прямо к горам.

Три дня спустя Тревис, Джил-Ли и Осторожный Олень прибыли в долину башен. Кайдесса шла по северным холмам, и её уже дважды заворачивали на восток, в сторону равнин. А полчаса назад с помощью зеркала передали хорошее известие: вертолёт красных кружил в воздухе, видимо, сопровождая новую охотничью партию. И они очень надеялись, что в скором времени беглянку замстят и отловят.

Цуай также сумел засечь группу из трёх монгольских всадников. Но едва увидев кружащий в небе вертолёт, они тут же повскакали на коней и опрометью умчались в горы.

Осторожный Олень присел на корточки и сучком нацарапал на земле грубую схему местности. Красным придётся пройти по этому маршруту, чтобы добраться до звездолёта. И вся эта дорога контролировалась разведчиками-апахами. А с помощью сообщений, переданных по эстафете, ожидавшие возле башен узнают, удался их план или нет.

Всем троиц это ожидание казалось нестерпимо долгим. Слишком уж они нервничали и волновались. У Тревиса почти иссякло терпение, когда наконец на утро второго дня пришло сообщение, что красные засекли Кайдессу, включили машину и она сама явилась к ним.

— Теперь за оружием в башнях! — скомандовал Осторожный Олень, услышав это приятное сообщение.

Тревис понимал, что откладывать неизбежное больше не удастся. Его мучала мысль о Кайдессе, которая теперь снова оказалась в плену ненавистой машины. Совесть не давала ему покоя, и чтобы забыться, ему хотелось действовать, и чем скорее, тем лучше.

Он тяжело вздохнул и повёл Осторожного Оленя и Джил-Ли к башне. Они по очереди забрались внутрь по свисавшей верёвке, и Тревис вновь увидел знакомую сияющую колонну.

Он пересёк комнату и неуверенно протянул руки к светящейся поверхности. Он сомневался: станет ли лифт работать снова. Однако к своему облегчению он почув

ствовал, как тело знакомо притягивает к колонне как магнитом, и услышал за своей спиной изумлённый возглас, когда стал медленно скользить вниз.

Спустившись, он отошёл от колонны, внимательно вглядываясь в темноту привычных изгибов коридоров. Следующим спустился Осторожный Олень, затем Джил-Ли. Тревис провёл их по коридору в помещение с каменным столом и ридером

Он сел на скамью и принялся возиться с диском кассеты, спиной чувствуя на себе настороженный взгляд двух апачей. Тревис вставил диск в щель, надеясь, что сумеет правильно расшифровать инструкции, которые выдаст ридер.

Он пылито взглянул на стену. Три... четыре шага... одно точное движение... и замок отперт...

— Ты знаешь! — без тени сомнения в голосе произнёс Осторожный Олень.

— Могу догадаться...

— Ну что? — придвинулся к столу Джил-Ли. — Что теперь делать?

— Вот что,.. — Тревис встал из-за стола и подошёл к стене.

Выставив вперёд обе руки, апач ладонями коснулся зеленовато-лиловой поверхности. На ощупь она была прохладной и твёрдой, совсем не такой, как материал колонны. Он провёл по стене ладонями вниз...

В конце концов одной рукой он нашёл нужное место, ладонь согрелась. Он принялся на ощупь отыскивать вторую точку, и когда наткнулся на второе тёплое место, быстро расставил пальцы, уперев их в тепловые точки. Наступала самая ответственная минута. Тревис напрягся всем телом, в боку закололо, запульсировала рана. Он с силой вдавил пальцы в ставший вдруг податливым материал стены.

Глава шестнадцатая

Пару секунд ничего не происходило, и у Тревиса даже мелькнула мысль, что он ошибся, неправильно поняв

инструкцию. Однако неожиданно стену расколола чёрная линия, которая, неторопливо расширяясь, постепенно превратилась в щель. Тревис, затаив дыхание, следил за тем, как она становится всё шире и продолжал нажимать пальцами на тепловые точки. Он невольно так напряг руки, что подушечки пальцев побелели и онемели. Наконец через несколько секунд в стене образовался проём в восемь футов высотой и два шириной. Дальше щель расходиться прекратила.

Тревис убрал руки от стены и заглянул в открывшийся проход. Оттуда струился слабый серый сумрачный свет, словно в дождливый день на Земле. Кроме того ему в лицо пахло холодом, будто там, за стеной, покоились вековые льды. Осторожно, оберегая пораненный бок, Тревис первым протиснулся в щель и погрузился в серый холод.

— Вот это да! — услышал он за спиной изумлённый возглас Джил-Ли.

Тревис, вероятно, и сам с удовольствием присоединился бы к этому возгласу, но был настолько ошарашен увиденным, что потерял дар речи.

Бесконечно-огромный склад буквально терялся в серой мгле. Он был освещён большими тусклыми лампами, врезанными в каменный свод, нависавший над гигантским помещением. И всё пространство, насколько хватало глаз, было испещрено искрившимися огоньками лилово-зелёных символов, нанесённых на ящиках, заполнявших всё это помещение. Одни из контейнеров были настолько огромны, что в них можно было загнать целый табун лошадей, а некоторые — не больше человеческого кулака. Это был склад, настоящий склад, и теперь им предстояло выяснить, что же хранили в нём давно исчезнувшие жители Топоа.

— Что?.. — начал было Осторожный Олень, но справившись со своим замешательством, добавил: — Откуда начнём поиски?

— Идём туда, к дальнему концу.

И Тревис решительно двинулся по проходу вдоль ящи-

ков и вещей, которые, похоже, принадлежали разным эпохам развития исчезнувшей цивилизации. Если он правильно понял инструкцию, то именно в самом дальнем конце склада хранилась вещь или вещи, которые следовало использовать в первую очередь. Это было слишком важно. У Тревиса вдруг возникла мысль, что во время прослушивания всей этой информации с кассеты он постоянно улавливал в звуках чуждой речи какое-то отчаяние, словно запись делалась торопливо, под угрозой какой-то страшной опасности. Оно прорывалось сквозь сухую мозаику незнакомых слов чужого языка.

Шагая по проходу, Тревис невольно обратил внимание, что ни под ногами, ни на вещах пыли нет. К тому же время от времени по рядам контейнеров пробежал лёгкий прохладный ветерок, а тишина стояла такая, что шорох мягких мокасин казался оглушительно громким.

Тревису казалось, что символы на ящиках словно особые знаки отмечали их путь. Наконец они добрались до противоположной стороны пещеры и вышли на небольшую открытую площадку. И только теперь Тревис увидел то, чему в инструкции придавалось такое значение.

— Не может быть! — ошарашенно прошептал он и попятился.

Шесть. Их было шесть, этих узких, высоких полупрозрачных капсул, установленных в ряд вдоль стены. И из них на землян смотрело пять пар чёрных больших глаз. Это были люди со звездолётов. Белые, высокие купола голов, узкие, тонкие тела, сине-зелёные в обтяжку комбинезоны. Те самые люди, которые снились Менлику. Пятеро их, застывших в ожидании.

Пять звездолётчиков — шесть капсул. Этот странный факт вырвал Тревиса из плена устремлённых на него глаз. Он перевёл взгляд на шестую капсулу и, не встретив там фигуры инопланетянина, посмотрел ниже, только теперь разглядев небольшой холмик костей, белый череп и лохмотья от сине-зелено-лилового комбинезона. Что бы там ни было, а шестому явно не повезло.

— Они живы! — схватил его за руку Джил-Ли.

— Навряд ли, — отозвался Осторожный Олень, не отрывая взгляда от капсул.

Тревис шагнул вперёд и коснулся прозрачного покрытия ближайшей капсулы. Но выражение глаз инопланетянина нисколько не изменилось, он по-прежнему продолжал смотреть в пустоту, словно и не видел апача.

Но Тревис знал! То ли это была скрытая информация, записанная на кассете, и теперь всплывшая в сознании при виде этих пяти спящих, то ли сработала человеческая логика, но Тревис прекрасно представлял теперь и назначение всего этого помещения, и почему именно шесть часовых оставались здесь, в складе, и что они, эти спящие, ожидают от каждого, кто появится здесь.

— Они спят, — сказал он тихо, и тут же пояснил: — Что-то вроде анабиоза.

— Ты думаешь, их можно снова оживить? — изумлённо воскликнул Джил-Ли. — Они что, прямо так вот встанут и пойдут?

— Возможно, сейчас уже и нельзя, — откликнулся Тревис. — Прошло слишком много времени. Но цель заключалась именно в этом: оставить их здесь в анабиозе, а потом вернуться и воскресить.

— Откуда ты это знаешь? — спросил Осторожный Олень.

— Я не знаю наверняка, но думаю, что кое-что понимаю. Что-то случилось, не сейчас, а очень давно. Может, война — война между целыми солнечными системами, более чудовищная и страшная, чем мы можем себе это вообразить. Сдаётся мне, что эта планета служила отдалённым фортом для звёздной цивилизации. И когда они вдруг поняли, что их отрезали от дома, когда звездолёты перестали прибывать, тогда они сложили здесь всё своё оборудование и ушли в страну снов в ожидании избавителей...

— Избавителей, которые так и не пришли, — подхватил его мысль Джил-Ли. — А есть хоть какой-нибудь шанс оживить их?

Тревис содрогнулся.

— Не хотелось бы мне пробовать.

— Да, — весомо обронил Осторожный Олень. — С этим я полностью согласен, мой младший брат. Нам не известно, что это за люди, и боюсь, они не станут для нас хорошими далаанбияти — союзниками. У них в избытке го'нди, у этих звёздных людей, но это не сила, которую мы знаем. Только сумасшедший или глупец попытается нарушить их сон.

— Ты говоришь справедливо, — согласился Джил-Ли. — Но где же во всём этом, — он полуобернулся на склад и осмотрел ряды контейнеров, — мы сумеем отыскать то, что нам нужно здесь и сейчас?

При этих словах у Тревиса в сознании что-то мелькнуло.

— Давайте разойдёмся и поищем контейнеры с символом из точек по вершинам ромба, заключённого в круг.

Апачи разошлись в разные стороны, оглядывая ряды ящиков, а Тревис ещё на минуту задержался возле капсул. Он снова взглянул в глаза одному из инопланетян. Их империя давно превратилась в прах, не оставив и следа, а эти существа до сих пор лежат в анабиозе. Сколько лет они здесь? Десять тысяч? Двадцать? Почему-то вдруг Тревис вспомнил историю Земли. Что, если бы римские легионеры впали в сон, дожидаясь помощи от империи, когда на их форпост в Бретани напали викинги? Да, Осторожный Олень прав, ничего общего между ними и этими инопланетянами нет. Пусть они и дальше спят своим долгим, холодным сном.

И всё же, когда Тревис развернулся и пошёл прочь, словно какая-то неведомая сила тянула его назад. Ему хотелось остановиться, обернуться... Он просто физически ощущал на себе выжидающий взгляд этих чёрных, полных разума глаз. Он был рад избавиться от этого неприятного

чувства, завернув за угол и скрывшись за целым рядом контейнеров.

— Сюда! — вскоре послышался голос Осторожного Оленя, но рассыпавшись на тысячи осколков, по всему помещению покатилося эхо, и Тревис с трудом определил, с какой же стороны звали. Поэтому Осторожному Оленю пришлось их ещё несколько раз окликать, прежде чем они наконец соединились.

На боку небольшого контейнера мерцал символ круга с четырьмя точками ромбом. Они с трудом сняли его с большого ящика и поставили в проход. Тревис провёл по нему ладонями, но никаких зацепок не нашёл. Контейнер был изготовлен из неизвестного сплава, прочный, и годы не оставили на нём никаких следов.

В конце концов Тревису удалось нащупать то, чего не видели глаза: небольшие впадинки для пальцев, как на стене. Он с силой надавил на них и откинул крышку.

Контейнер разделялся на секции, в каждой из которых покоились предметы со стволом и рукоятью. Они походили на земные пистолеты, но отличия всё-таки бросались в глаза. Тревис с величайшей осторожностью вытащил один из них. Ствол был действительно невероятной длины — около восемнадцати дюймов, но само оружие несмотря на свои габариты было довольно лёгким, в отличие от земных пистолетов, с которыми Тревису не раз приходилось иметь дело. Неудобная для человеческой руки рукоять не имела спускового крючка. На его месте Тревис нащупал небольшую кнопку, на которую по всей видимости и надо было нажимать.

— И на что это годится? — поинтересовался практичный Джил-Ли.

— Понятия не имею, — откликнулся Тревис. — Но это достаточно важно, если о нём особо упоминалось в касете.

Он передал оружие Осторожному Оленю и принялся вытаскивать следующее.

— Не понимаю, как его заряжать, — сказал Осторожный Олень, вертя оружие в руках.

— Не думаю, что оно стреляет пулями, — отозвался Тревис. — Придётся испытать снаружи, а то нам не разобратся, что это такое.

Апачи забрали с собой лишь три «пистолета» из тридцати шести и закрыли контейнер. Когда они протискивались сквозь щель, на Тревиса вновь нахлынула волна отчуждённости и головокружения, как это случилось ночью, во время засады на красного. Чтобы не упасть, он с трудом сделал два шага вперёд и опёрся на край стола.

— Что с тобой?

Осторожный Олень и Джил-Ли с сочувствием следили за ним. Видимо, никто из них не испытал этого ощущения. Тревис секунду молчал, собираясь с мыслями. Ощущение исчезло так же внезапно, как и нахлынуло. Но теперь он был наверняка уверен в его источнике. Это не от машин красных! Это ощущение исходило отсюда. Этот форпост был создан для единственной цели: защитить безопасность правителей на Топазе. И здесь наверняка работала машина, которая порождала в разумных существах психологический импульс повиновения этой самой цели. Возможно, именно присутствие здесь людей заставило её действовать. Но это могло исходить и от спящих.

— Они хотят проснуться, — ответил Тревис просто.

Джил-Ли бросил взгляд на щель, но Осторожный Олень прищурившись смотрел на Тревиса.

— Они зовут? — спросил он.

— В какой-то степени, — признал Тревис.

Побуждение уже давно прошло, он был свободен.

— Но я уже ничего не чувствую.

— Недоброе место, — отметил Осторожный Олень. — Мы соприкоснулись с тем, что не предназначается для нас, — он протянул оружие.

— А разве апачи не взяли оружие пинда-лик-о-йи, когда в этом возникла необходимость? — возразил Джил-Ли. —

Мы вынуждены поступать так. Неужели после всего, что мы тут увидели,.. — он кивнул в сторону серого света, пробивающегося сквозь щель, — мы позволим красным явиться сюда и растащить всё это?

— И всё же, — задумчиво проговорил Осторожный Олень, — здесь, скорее, выбор между двух зол, чем между добром и злом.

— Так давайте тогда убедимся, насколько могуче это зло, — сказал Джил-Ли и нырнул в коридор, ведущий к колонне.

Они выбрались из башни, миновали площадь, укрытую золотистым туманом и, пронырнув в арку, оказались там, где когда-то монголы захватили Тревиса. Солнце стояло уже высоко и ярким пятном парило над головой, пробивая туман. Тревис взвесил на руке инопланетное оружие, прицелился в кустик рядом с большим камнем и нажал кнопку. Проверить, заряжено оружие или нет, другим способом он не мог.

Результат оказался быстрым и поразительным для всех. Ни звука, ни света, ни вспышки. Но куст исчез, только неровное пятно золы осталось на его месте.

— Найянизяни! — первым преодолел потрясение Осторожный Олень. — Воистину, мы свидетели великого зла.

Джил-Ли поднял свой пистолет — если это можно было назвать пистолетом, — прицелился в камень, на котором осталось пятно сажи, и нажал кнопку. На этот раз разрушение шло медленнее. За несколько секунд камень рассыпался, и на его месте осталась только кучка обугленных крошек.

— Воспользоваться этим против живых существ?! — с ужасом запротестовал Осторожный Олень.

— Против людей мы ими пользоваться не будем, — пообещал Тревис. — Лишь против звездолёта красных. Вскроем черепаший панцирь и доберёмся до нежного мяса.

Джил-Ли кивнул.

— Верно говоришь. Теперь я понимаю твои опасения, Тревис. Это оружие злых духов, и нельзя позволить, чтобы оно попало в руки тех, кто...

— ...распорядится им более бездумно, чем мы? — заговорил Осторожный Олень. — Конечно, наши помыслы чисты. Но кто нам дал право решать за других? Что хорошо, и что плохо? Путь таких мыслей — скользкий путь. Мы вынуждены воспользоваться оружием, но после...

— ...но после склад будет опечатан, а кассета с записями уничтожена, — выпалил Тревис.

Какая-то часть его сознания отчаянно сопротивлялась такой мысли, хотя он прекрасно понимал, что это единственное правильное решение. Все эти сокровища башен могут оказаться страшным злом, губительным ядом, который не только невозможно будет уничтожить, но и который способен распространиться с Топоа на Землю. К тому же, даже сейчас, используя это оружие, они уже подвергали себя невероятному риску.

Предположим, Западная Конфедерация получит доступ к этим сокровищам. Они с завидной лёгкостью используют всё, что сможет им пригодиться, и уж наверняка будут считать себя вправе сделать это. Каждая сторона считает свои идеалы и цели чистыми и благородными, а этим можно оправдать любой, даже самый страшный поступок. История Земли хранит в себе много фактов, когда идеалы одних фанатиков сталкивались с другими. Это были кровопролитные, страшные войны, и в подобном противостоянии нет справедливости, только смерть, разорение и кровь, кровь, кровь... Красных нельзя подпускать к этим знаниям, но и они сами не имели на информацию никакого права. Сокровищницу древних времён необходимо было скрыть от всяких глупцов и фанатиков, которых слишком много даже среди здравомыслящих людей.

— Табу! — подчёркнуто торжественно произнёс Осторожный Олень, и все с ним согласились. Знания

действительно следовало спрятать за барьером табу. Только это могло их выручить.

— Лишь эти три, мы не нашли никакого другого оружия, — предупредил Джил-Ли.

— Да, — кивнули Осторожный Олень с Тревисом, и Тревис добавил: — Мы нашли гробницы звёздного народа, и это оружие сопровождало их в последний путь. Мы взяли его на время, и должны вскоре вернуть, иначе нас ждёт страшная кара мёртвых. Использовать это можно только на крепости красных, и только нами, теми, кто нашёл оружие и навлёк на себя гнев потревоженных духов.

— Отлично сказано. Такой ответ мы и дадим племени. Башни — гробницы мёртвых. Когда мы вернём оружие, путь сюда станет табу. Все согласны? — спросил Осторожный Олень.

— Да!

Теперь и Осторожный Олень испробовал своё оружие, уничтожив маленькое деревце. Никто из апачей не хотел в открытую носить это оружие. Мощь, заключённая в нём, больше пугала, чем давала ощущение безопасности. Поэтому, вернувшись на стоянку, они уложили пистолеты на одеяло и завернули их. Но ни один не мог забыть, что стало с кустом, камнем и деревцем.

Апачи занялись обыденными обязанностями, собирая ветки для костра, разводя огонь и ставя в котелке вариться мясо. Поужинав и немного отдохнув, они уселись у догорающего костра, заводя неторопливый разговор.

— Если таково их ручное оружие, — заметил Осторожный Олень, задумчиво глядя на заходящее солнце, — на что же ещё они тогда были способны? Сжигать целые миры?

— Так, должно быть, и произошло, — откликнулся Тревис. — Мы же не знаем, что положило конец их империи. Планета-столица не была уничтожена, но её эвакуировали в срочном порядке. Даже обстановка зданий сохранилась, — ему припомнилось, как он с Россом

Мэрдоком и летучим аборигеном отбивался от гориллоподобных существ. Им тогда пришлось несладко. Они отстреливались от горилл на земле, а крылатый туземец летал над ними и сбрасывал на головы врагов ящики.

— И здесь мы обнаружили тех, кто погрузился в сон, желая переждать время опасности. Они явно не верили, что это надолго, — задумчиво проговорил Осторожный Олень.

Беседа как-то увяла сама собой. Наступили сумерки, последние солнечные лучи угасли на краю горизонта, и вскоре первая луна поднялась в небо. Апачи принялись укладываться на ночь. Тревис опасался, что в ночных кошмарах его станет преследовать выжидающий взгляд больших чёрных глаз инопланетян. Но нет. Чрезвычайно устав от пережитого, он быстро уснул, словно провалившись в черноту, и даже удивился, когда Джил-Ли настойчиво затряс его за плечо, пытаясь разбудить. Он завозился на одеяле, неохотно открыл глаза и посмотрел на небо. Обе луны уже сияли двумя фонарями, разливая золотистый и зеленоватый свет. Наступало время дежурить. Тревис поёжился от прохладного, знобящего ночного воздуха, поднялся и постарался встряхнуться, оглядев окрестности цепким взглядом. Однако всё вокруг дышало тишиной и спокойствием. Он обошёл небольшой лагерь и опустился на землю перед костром, лениво позёвывая. Однако дремоту смахнуло как рукой, когда внизу у реки он заметил маленькую четырёхногую тень. Койот окунулся в воду, поплескался, затем вылез на берег и отряхнулся, подняв вокруг себя целый фонтан брызг.

— Нагинлта! — окликнул он койота. Неужели что-то стряслось? Вопрос уже готов был сорваться с языка, но Тревис спохватился и одёрнул сам себя. Ещё не хватало разбудить остальных и переполошить весь лагерь. Тревис постарался мысленно сосредоточиться и послать телепатический сигнал.

Нет, у койотов всё было в порядке, просто та, которую

послали охранять, возвращалась теперь в горы вместе с другими. Четыре спутника. Наликидью ещё наблюдала за их лагерем, а он прибыл за дальнейшими инструкциями.

Тревис мысленно подозвал его к себе. Нагинлта трусцой, неохотно подбежал к человеку и остановился в паре шагов, выжидаяще глядя прямо в лицо. Тревис потянулся, ухватил койота за мокрую густую шерсть и посмотрел в большие, полные мысли жёлтые глаза. Нагинлта дёрнулся и слегка заскулил. Похоже, это ему не слишком нравилось.

Спутников Кайдессы надо довести до разбитого звездолёта. Но её беречь, как зеницу ока. Когда же они доберутся до места, Тревис как можно чётче представил пик-ориентир за перевалом, тогда один из койотов должен отправиться к звездолёту и предупредить апачей.

Часовой в горах должен был сообщить Манулито и Эскелте о приближении монголки с красными, но дополнительная страховка не помешает. Эти четверо с Кайдессой обязательно должны дойти до звездолёта и попасть в ловушку.

— Что это? — привстал Осторожный Олень.

— Нагинлта.

Но койот уже скрылся во тьме.

— Красные заглотнули наживку, и по крайней мере четверо их движутся с Кайдессой на юг.

Но экспедиция красных оказалась не единственной, что направлялась на юг. Утром с помощью сигналов Цуай сообщил, что монголы оседлали своих коней и тоже выступили в сторону долины, выслав вперёд разведчиков.

Осторожный Олень подошёл к одеялу, в которое были завернуты инопланетные пистолеты, и опустил на корточки. Он исподлобья посмотрел на Тревиса.

— Их надо остановить, — жёстко произнёс Тревис.

Однако у него не было ни малейшего представления, как можно остановить надвигающуюся орду монголов. Ему вдруг припомнился тот слепой фанатизм, с которым они однажды уже атаковали апачей. Тревис невольно содрогнулся.

Глава семнадцатая

Их было десять. Они неслись во весь опор под барабанный бой, который эхом разносился по горам. Среди них Тревис заметил и Менлика в его развевающемся балахоне. Что-то выкрикивая, тот мчался вместе с остальными. У монголов было принято, чтобы и женщины участвовали в сражении наравне с мужчинами, поэтому такой смешанный отряд апача несколько не удивил. Но он боялся только одного — если они выступили под воздействием машины красных, то остановить их можно будет лишь одним способом — полным уничтожением. И ждать дольше становилось небезопасно.

Тревис прыгнул с выступа рядом с аркой и вышел на открытое место, положив оружие инопланетян на предплечие и приготовившись стрелять, если в том возникнет необходимость. В качестве предметного урока он собирался продемонстрировать на чём-нибудь грозную мощь оружия.

— Дар-у-гар! — раздался боевой клич, который когда-то в древности наводил страх на необозримых просторах Земли. Монголов было мало, всего несколько человек, но клич, эхом прокатившийся по горам, звучал так же грозно, как и в древние времена.

Двое несущихся галопом всадников выставили вперёд пики, намереваясь поддеть на них Тревиса. Он наметил куст впереди них и нажал гашетку. Полыхнуло, куст исчез и мелкое крошево за клубилось, медленно оседая на землю. Лошадь одного из монголов вскинулась на дыбы и отчаянно заржала.

— Менлик! — заорал во всю силу голосовых связок Тревис. — Останови своего воина! Я не хочу его убивать!

Шаман что-то выкрикнул, но всадник уже поравнялся с местом, где стоял куст, глаза его изумлённо уставились на чёрное обугленное пятно. Он резко осадил коня, который захрипел, вскинув голову, остановился на полном скаку и поднялся на дыбы. Тревис понимал, что никакое

ружьё, винтовка или пистолет не смогли бы остановить несущегося вскачь монгола, но вот это маленькое пятно сажи, оставшееся от куста, подействовало лучше, чем свист пуль возле уха и раскаты выстрелов.

Один за другим всадники остановились, стараясь держаться подальше от Тревиса с его сильным и таинственным оружием. В их глазах он читал ненависть и настороженность, совсем как у мудрого волка — их тотема — который слишком хорошо оценивает ситуацию и не станет нападать сломя голову, жертвуя собственной шкурой.

Тревис сделал несколько шагов вперёд.

— Менлик, нам надо поговорить.

По всадникам пробежал недовольный шепоток. Но шаман успокоил всех одним жестом, прищиприл коня и подъехал к Тревису, остановившись всего в нескольких шагах. Воин степей и воин пустынь друг против друга.

— Вы выкрали женщину из наших юрт, — бросил Менлик, однако он не спускал взгляда с оружия Тревиса. — Ты или очень храбр, или слишком глуп, появившись здесь вновь. Кто вдевает ногу в стремя, должен сесть в седло. Кто вынимает меч из ножен, должен быть готов воспользоваться им.

— Я что-то не вижу здесь всей орды, — отозвался Тревис. — И с этой горсткой Менлик собирается выступить против апачей? Но ведь есть ещё другие враги монголам, куда более сильные.

— Похитители женщин — не воины, а трусливые шакалы, против них незачем выступать всей ордой.

Однако Тревису уже надоело всё это препирательство. Времени оставалось слишком мало.

— Слушай же внимательно, шаман. Нет у меня вашей скво, она уже пересекает горы, направляясь на юг, — мотнул он подбородком в сторону перевала, — и ведёт красных в западню.

Поверит ли ему Менлик? Тревис решил не упоминать о том, что об их планах Кайдесса ничего не знала.

— А ты? — задал шаман вопрос, который так надеялся услышать апач.

— Мы, — подчеркнул Тревис, — отправимся сейчас против тех, кто прячется в Небесной Лодке, — и он указал в сторону северных равнин.

Менлик поднял голову и презрительно окинул взглядом апачей.

— И ты вождь армии, которая может противостоять машинам?

— В армии нет необходимости, когда у нас есть это, — Тревис второй раз продемонстрировал мощь своего оружия, превратив в песок выступ скалы. Выражение лица Менлика не изменилось, только глаза изумлённо расширились.

Шаман махнул рукой, и монголы спешили. Тревиса это обрадовало. Менлик согласен вести переговоры. Апач тоже махнул рукой, и Осторожный Олень вместе с Джил-Ли, держа оружие на виду, появились из-за выступа. Татары не могли знать, что эти трое — единственные из племени. На их месте он бы тоже поверил, будто за скалами прячутся остальные.

— Ты хочешь говорить? Тогда говори, — приказал Менлик.

Тревис кратко описал прошлые события и заключил:

— Кайдесса ведёт красных к западне, которую мы устроили им на нашей стороне гор. У неё всего четверо спутников. Сколько теперь красных осталось в колонии?

— По крайней мере двое на вертолёте, и, может быть, восемь на Небесной Лодке. Но нам до них не добраться.

— Да?! — негромко рассмеялся Тревис. — А тебе не кажется, что с помощью этого, — он демонстративно переложил оружие из руки в руку, чтобы привлечь внимание, — мы сможем расколоть скорлупу и добраться до ореха?

Менлик бросил быстрый взгляд влево, на скалу, от которой осталось только чёрное угольное пятно.

— Ты и сам помнишь, что они могут контролировать нас. Стоит нам только оказаться поблизости, и мы угодим в сети раньше, чем доберёмся до их Небесной Лодки.

— Да, конечно, вы рискуете, — задумчиво согласился Тревис, но тут же возразил, — но ведь нас-то это не затрагивает. Если мы доберёмся до их машин и уничтожим их, разве тогда вы не станете свободными?

— Сжечь кустик — это и молния с небес может сделать.

— А может ли молния, — вкрадчиво поинтересовался Осторожный Олень, — превратить скалу в песок?

Менлик упрямо посопел.

— А где доказательство, что ваше оружие способно справиться с их машинами?

— Какое тебе ещё нужно доказательство, шаман? — вспыхнул Джил-Ли. — Что нам теперь, гору снести, чтобы ты поверил? И так времени нет, чтобы заниматься всякими глупостями.

Тревиса вдруг осенило:

— Говорите, там вертолёт? Допустим, мы уничтожим его.

— Это способно поразить флайер в небе? — в словах Менлика послышалось явное недоверие.

Тревис мысленно прикинул: не перегнул ли он палку. Но как бы там ни было, им всё-равно придётся избавляться от вертолёта, прежде чем они смогут выйти на равнину. К тому же это великолепно может доказать способность оружия противостоять технике красных.

— При определённых условиях, — с уверенностью, которой сам он не чувствовал, произнёс Тревис, — это возможно.

— И что же это за условия? — потребовал продолжения Менлик.

— Вертолёт нужно подманить как можно ближе, скажем, вон до той вершины, где можно устроить засаду.

Апачи молча выжидали. Монголы не торопились. Где-то в глубине души Тревис боялся, что его аргументы

пропали впустую. Он перевёл встревоженный взгляд на Хулагира, но раскосое лицо монгола было настолько непроницаемо, что прочесть по нему что-либо оказалось просто невозможно.

— И как ты, творец ловушек, собираешься их заманивать? — откровенно вызывающим тоном задал вопрос Менлик.

— Вы знаете красных гораздо лучше, чем мы, — парировал Тревис. — Вот и скажи сам, как их лучше заманить, сын Голубого Волка?

— Ты сказал, что Кайдесса ведёт красных на юг. Но мы знаем об этом только с твоих слов, — ответил Менлик. — Хотя, если ты и лжёшь, то я не вижу здесь никакой выгоды, — недоумённо пожал он плечами. — Но если вы говорите правду, то вертолёт будет кружить над тем местом, где они вошли в холмы.

— А что может заставить пилота залететь чуть дальше в холмы? — поинтересовался апач.

Менлик опять пожал плечами.

— Всё, что угодно. Красные никогда не заходили далеко на юг. Они опасаются высот и не зря, — пальцы коснулись эфеса сабли. — Вот если экспедиции будет грозить опасность, это способно заставить их действовать.

— Допустим, огонь, и как можно больше дыма, — предложил Джил-Ли.

Менлик полуобернулся и переговорил с монголами, между ними завязалась оживлённая беседа. Двое или трое начали повышать голос.

— Ну, если подпалить степь в нужном месте, то да, — наконец повернулся к апачам шаман. — Когда вы планируете это сделать?

— Немедленно.

Но пересечь горы — дело нелёгкое. Маршбросок, даже в спешном порядке, занял у них весь день и ночь, а всё утро следующего дня ушло на подготовку. И их постоянно подгонял страх, что вертолёт не полетит по своему привыч-

ному маршруту. Однако Менлик то и дело успокаивал Тревиса, заверяя, что машина всегда сопровождает красных. На что Осторожный Олень весомо заметил, что скорее всего между экспедицией и вертолётom существует радиосвязь, которую обе группы должны поддерживать для большей безопасности.

— Они доберутся до нашего звездолёта за два или, самое большее, за три дня, — прикинул Тревис. — Было бы неплохо, если так. Уничтожить вертолёт, пока они ничего не успели передать.

Джил-Ли только хмыкнул. Он оценивающе оглядывал вершины холмов, окружавших низину, где Менлик с остальными монголами наваливали свежий кустарник.

— Тут, тут и тут, — указал Джил-Ли головой. — Если пилот снизится, попытаюсь рассмотреть, что происходит, мы троём сможем вывести вертолёт из строя.

Они в последний раз переговорили с Менликом и разошлись по своим местам. Дозорные с помощью системы зеркал сообщили, что Цуай, Деклай, Льюп и Нолан направляются прямо к ним. Если западня Манулито окажется успешной, то апачи выступят на штурм вражеской колонии. А если ещё удастся уничтожить и вертолёт, то и Менлик со своими всадниками будет их сопровождать.

Как Менлик и предсказывал, вертолёт вернулся. Вдали, над золотистым горизонтом, к холмам приближалась маленькая пчёлка. Менлик принялся быстро стучать кресалом, высекая огонь и подпаливая охапки сухих веток. Кустарник запылал, и дым, густой и серый, за клубился над низиной, а затем мощными клубами медленно поплыл к небу. Такое трудно не заметить. Ладонь Тревиса, которой он до боли стискивал рукоять пистолета, вспотела. Он упёр рукоять в скалу, стараясь обуздать своё нетерпение.

Чтобы не попасться на глаза пилотам вертолёта, монголы попрятались в долине, за спинами апачей. Вскоре вертолёт действительно завернул в сторону дыма и стал приближаться. Тревис различил в кабине двух мужчин, на

одном из них был такой же шлем, как на убитом им красном. Он рассчитывал, что долгая власть над монголами придаст красным излишнюю самоуверенность. И если даже эти двое заметят внизу кого-то из апачей, они неотреагируют должным образом до тех пор, пока не будет уже слишком поздно.

Уловка с огнём сработала, и вертолёт летел прямо на них. Машина облетела дымный столб один раз, но слишком высоко, чтобы выстрелить и наверняка попасть в лопасти. Потом они отлетели и снова вернулись, но теперь уже низко, едва ли не вровень с вершинами холмов.

Тревис поспешно вдавил кнопку. Инерция пронесла машину ещё несколько метров, но если не все три, то по крайней мере один из апачей попал наверняка. Вертолёт пронзил столб дыма и рухнул где-то на склоне холма.

Тревис настороженно вглядывался в низину. А вдруг их устройство продолжало работать, принуждая монголов помогать красным?

Апач увидел, как Менлик пробирается по склону холма, подбирая руками полы длинного балахона. Он подскочил к вертолёту, с треском распахнул покорёженную дверку и с ликующим воплем всадил в одного из пилотов обнажённое лезвие кривой сабли. Появились и остальные... Хулагир женщины... Они облепили вертолёт, кто-то, высоко подняв пику, всадил её внутрь кабины. Красные расплачивались теперь за то долгое рабство, на которое обрекли монголов.

Апачи спустились и встали в стороне, поджидая Менлика. Хулагир вытащил тело человека в шлеме, и монголы содрали с него нагрудный диск, разбив ненавистное оборудование о камни. Все были взбудоражены, злость, ярость и ненависть вылились в едином необузданном порыве.

Наконец шаман отделился от них и подошёл к апачам. На щеках его играл румянец, прищуренные глаза яростно блестели, а рот кривился в злобной, хищной ухмылке. Неожиданно Тревису подумалось, что монгол и в самом деле похож на степного волка.

Менлик приветственно вскинул руку, подходя к апачам. Его хищная улыбочка превратилась в оскал. Тревис с нетерпением ожидал, что же на этот раз скажет шаман.

— Эти двое уже больше никогда не поставят людям ловушки! Вы говорите, что можете выступить против лагеря красных и уничтожить его, теперь мы вам верим, братья по битве! Вы действительно способны сделать это! Мы пойдём с вами. Погибнем, если надо, но не отступим!

Вслед за шаманом к апачам подбежал Хулагир, в руках у которого был автомат. Он с восхищённым воплем подкинул оружие в воздух, на бегу подхватил его и расхохотался, что-то выкрикнув на своём языке.

— У двух змей мы вырвали жала, — перевёл Менлик, довольно улыбаясь. — Может, это оружие и не такое сильное, как ваше, но оно наносит раны глубже и быстрее, чем наши стрелы. С ним мы одолсем красных.

Насколько апачи могли судить, монголам потребовалось совсем немного времени, чтобы вытащить из вертолёта всё, что могло им потребоваться в дальнейшем, и уничтожить остальное оборудование. Буквально через несколько минут с красными пилотами и с самим флаером было покончено. Первая, очень важная часть плана была успешно завершена: если вертолёт играл роль посредника между отправившейся на юг, в горы, экспедицией и штабом красных на северных равнинах, то теперь эта связь была полностью нарушена. Теперь случись что с группой учёных и техников, никто об этом не узнает.

И просторы северных равнин с этого времени представляли собой для апачей открытую зону. Раньше они рисковали оказаться замеченными с воздуха, а теперь, когда с «летающим глазом» покончено, авангард, готовившийся к штурму Небесной Лодки, мог действовать быстро и решительно, опасаясь быть замеченным только монгольскими разведчиками, контролируруемыми машинами красных. Однако это не так уж и пугало апачей. Подобное проникновение на вражескую территорию с многочислен-

ными опасностями и риском для жизни давно уже превратилось для этих суровых воинов пустынь в некую игру, которую вели их деды и прадеды испокон веков.

Ожидая сигналов с вершины горы, апачи и монголы разбили небольшой лагерь, разожгли костры, собрали всех людей и сложили в одну кучу всё собранное ими оборудование. Менлик подсел к костру апачей и предложил им немного сушёного мяса, которое, по древним традициям орды, наездники возили на спине лошади под седлом. Пришлось довольствоваться этой непривычной пищей. отправить людей на охоту они не могли.

— Мы больше не станем прятаться, как крысы в норах или трусливые шакалы, — горделиво заявил Менлик, набив полный рот сушёного мяса. — Время мщения наступило! Мы сядем на своих коней и заставим их расплатиться за всё, что они с нами сделали! Это будет час мщения!

— Но ведь у них ещё остались другие машины, способные контролировать ваше сознание, — напомнил Тревис.

— Да, но ведь у вас есть оружие, способное справиться со всеми их машинами, — парировал в ответ Менлик, пытливо поглядывая на апача.

— Конечно, — вставил Осторожный Олень, — но они могут послать твой собственный народ против нас.

Менлик встревоженно потерел губу.

— Это тоже правда, — задумчиво согласился он. — Но теперь, когда у них нет «летающего глаза», который осматривал равнины и докладывал обо всём, что происходит на земле, и когда часть их людей отправилась в горы, они не посмеют выходить слишком далеко на равнины за пределы своего лагеря. И тем более, у них не хватит сил патрулировать все эти огромные территории. И это говорю вам я, шаман, — Менлик хлопнул себя по груди. — С вашим оружием, андас — братья по битве — вы можете управлять миром.

Тревис мрачно взглянул на монгола.

— Вот поэтому оно — табу!

— Табу! — изумлённо повторил Менлик. — И как оно может быть запрещено? Разве вы не носите это оружие открыто, у всех на виду, и не используете в трудную минуту? Разве оно не принадлежит вашему народу?

Тревис медленно покачал головой.

— Нет, оно принадлежит мёртвым людям, если их вообще можно назвать людьми, — задумчиво проговорил он. — Мы взяли его в гробнице звёздного народа, который владел этой планетой ещё задолго до нашего прилёта сюда. Когда Земля была лишь охотничьей территорией для диких племён, носивших звериные шкуры и убивавших мамонтов с помощью копий с каменными наконечниками. Это оружие из гробницы и, значит, проклято. Пусть только на нас падёт это проклятие, мы никому не хотим зла.

Странный огонёк блеснул в глазах Менлика. Тревис представления не имел, кем был этот человек до того, как красные отправили его в эту экспедицию на Топаз, превратив в шамана монгольской орды. Он вполне мог быть техником или учёным, и теперь остатки прежних знаний, вероятно, смешались в его сознании с древними суевериями. Но Тревис понимал, что если только остатки современных знаний пустили корни в душе Менлика, то все его табу и рассказы лопнут как мыльный пузырь.

Но в то же время апач действительно говорил абсолютную правду. На этом оружии и впрямь лежало проклятие мёртвых, как лежало оно и на всех знаниях, записанных на кассетах, на всех вещах, хранившихся в складах древнего города. И как уже заметил Менлик, проклятие это было настоящей силой, силой, способной управлять Топазом, а потом проложить им всем путь назад, до Земли.

Когда шаман снова заговорил, голос его понизился до хриплого шёпота.

— Согласен, это слишком сильное проклятие. Оно не позволит людям владеть таким оружием.

— Если мы уничтожим красных или сделаем их бессиль-

ными, — поинтересовался Осторожный Олень, — кому ещё может понадобиться такое мощное оружие?

— А если другой корабль спустится с небес и всё начнётся сначала? — спросил Менлик и выжидающе уставился на апача своими тёмными раскосыми глазами.

— Ну, если уж это произойдёт, — убеждённо вставил Тревис, — мы найдём ответы на подобные вопросы.

И это тоже было правдой. Там, на складе в древнем городе, могло найтись и другое, куда более мощное оружие, способное уничтожить корабль прямо в воздухе. Но думать об этом сейчас было слишком рано.

— Оружие со складов. Это и в самом деле колдовство мёртвого народа, — задумчиво согласился Менлик. — Я так и скажу своим людям. Когда мы выступаем?

— Только когда точно узнаем, что ловушка сработала, и экспедиция красных уничтожена, — ответил Осторожный Олень.

На этом разговор и закончился. Шаман направился к своему народу, чтобы передать слова апачей. Тревис видел, как монголы готовятся к бою. Кто-то принялся чистить оружие, кто-то проверял походное снаряжение. В этих обыденных заботах прошёл день. Апачи с нетерпением ждали сообщения с гор, но оно пришло только на утро следующего дня, когда Цуай, Нолан и Деклай вошли в лагерь. Военный вождь поприветствовал всех коротким жестом и улыбнулся напряженно ожидавшему Тревису.

— Всё прошло успешно? — не вытерпел Тревис, желая поскорее услышать то, что было написано на лицах его соплеменников.

— Да, как мы и предполагали. Пинда-лик-о-йи вошли в корабль, едва только увидели его. Их нетерпение сослужило им злую службу, они взорвались вместе со звездолётом. Манулито отлично проделал свою работу.

— А Кайдесса?

— С женщиной всё в порядке. Когда красные увидели звездолёт, они оставили свою машину неподалёку на

склоне холма, чтобы скво не могла убежать. Вывести из строя механизм оказалось не так уж и трудно. Теперь она свободна и вместе с мба'а направляется через горы прямо сюда. Манулито и Эскелта тоже сопровождают её. Теперь,.. — тут он бросил испытующий взгляд в сторону монголов, — а почему они вместе с вами здесь?

— Мы ждали сообщения, — вставил Джил-Ли, — но теперь ожиданию пришёл конец. Мы идём на север!

Глава восемнадцатая

Они залегли на самом краю огромной низины, противоположная сторона которой скрывалась где-то за горизонтом. «Ложе древнего озера, — размышлял Тревис, глядя на весь этот простор, — или даже давным давно высохшего моря». И может быть, в далёкие времена на этом самом месте плескались солёные волны, с рёвом налетая на каменистый берег и разбиваясь на миллиарды свежих брызг. Теперь же вся эта низина представляла собой огромную равнину, покрытую высокой золотистой травой, уже созревшие головки которой тяжело колыхались под лёгкими дуновениями степного ветерка. И всё здесь казалось таким спокойным и безмятежным... вот только впереди, в миле от залегшего цепью отряда воинов, посреди золотисто-рыжих просторов, виднелись небольшие купола монгольских юрт — серые, чёрные, коричневые — они словно стеной окружали огромную серебристую глобулу космического корабля. Да, это действительно был звездолёт, но такой гигантский, которого апачам никогда раньше видеть не доводилось, хотя формой он сильно напоминал их собственный разбившийся корабль.

— Табун лошадей... пасётся на западе, — в одну секунду опытным взглядом прирождённого всадника оценил обстановку Нолан. — Цуай, Деклай, берёте на себя лошадей.

Они оба кивнули и стали быстро пробираться к табуну, осторожно пригибаясь к земле и прячась за стеной высо-

кой травы. Им предстояло преодолеть пару миль, добраться до лошадей и вспугнуть их.

Для монголов, живших в куполообразных юртах, лошади представляли собой настоящее сокровище, как сама жизнь. Поэтому, если табун как следует вспугнуть, то они наверняка кинутся выяснять, что же случилось, и тогда путь к кораблю окажется открыт. Тревис, Джил-Ли и Бак, вооружённые пистолетами мёртвого народа должны были выступить в авангарде ударной группы. Им предстояло, наверное, самое сложное — вскрыть оболочку звездолёта и первыми проникнуть на борт корабля. Апачи рассчитывали на стремительность, но полагаться на помощь монголов они не могли. Во всяком случае до тех пор, пока бортовое оборудование не будет полностью уничтожено.

Трава перед Тревисом заволновалась и оттуда появился чёрный острый нос Нагинлты. Сосредоточившись, апач быстро передал койотам приказ следовать за двумя людьми, направлявшимися в сторону табуна. Он уже однажды видел, как эти ловкие животные умеют загонять в ловушку дичь. Они в два счёта управились с жабьмордыми существами в первый день его пребывания на этой планете, справятся и теперь.

Судя по тому, что койоты присоединились к засевшим в засаду воинам час назад, Тревис понял, что с Кайдессой всё в порядке. С Эскелкой и Манулитой она теперь двигалась назад, на север.

Тревис испытывал неподдельную радость при одной мысли о том, что их безрассудный план так ловко удался. Но при каждом воспоминании монгольской девушки перед его глазами сразу же возникало перекошенное от злобы и отчаяния лицо, когда она обезумевшей кошкой бросилась на него в коридоре корабля, пытаясь выцарапать ему глаза. Она имела все основания ненавидеть его, и всё-таки он надеялся...

Они продолжали следить одновременно и за пасущимися лошадьми, и за юртами. Иногда появлялся кто-нибудь

из монголов. В лагере шла самая обычная жизнь, но вот никакого движения на корабле видно не было. А может, красные закрылись на его борту, получив каким-то образом сообщения о двух нападениях, подорвавших их силы?

— Ага!.. — выдохнул Нолан.

Одна из кобыл в табуне приподняла голову и посмотрела в сторону лагеря. Во всей её позе читалась подозрительность и тревога. По всей видимости, апачи уже добрались до табуна и теперь отрезали его от ряда юрт. И монгольский дозорный, сидевший на земле, скрестив ноги, рядом с пасущейся осёдланной лошадью, встревоженно поднялся на ноги и принялся осматривать равнину.

— Аху-у! — древний воинственный клич апачей, который звучал среди пустынь, каньонов и юго-западных равнин Америки, понёсся по просторам золотистой степи Топаса, подхваченный раздольным ветром.

Лошади развернулись и галопом бросились прочь от поселения. Коричневая фигурка человека выскочила из высокой травы и, вскидывая руки, точно крылья, бросилась за табуном. Затем апач ухватился за гриву и в едином броске взлетел на спину лошади. Только великий воин и прирождённый наездник мог проделать такое. И теперь всадник с гиканьем и криками гнал табун дальше от стойбища, и оба койота помогали ему, со звонким тьявканьем бросаясь коням под ноги.

Среди юрт поднялась суматоха. Весь лагерь моментально превратился в настоящее осиное гнездо, в которое сунули палку. Как растревоженные насекомые монголы повысыпали из своих убежищ, крича и размахивая руками. Большинство мужчин кинулись за табуном. Один или два вскочили на лошадей, которые были привязаны в лагере и пустились вдогонку. Теперь наступил черёд действовать ударной группе апачей. Они молча скрытно устремились к кораблю под прикрытием высокой травы.

Трос из них, вооружённые инопланетным оружием, не раз уже проверившие его действие задолго до наступления,

испытывали тем не менее немалый страх, что неведомая сила, питающая оружие, вдруг иссякнет, страх, заставлявший сердца колотиться сильнее. Смогут ли они разрушить корабль красных станет ясно только через несколько минут, когда они пустят своё оружие в действие. Теперь же они по-змеиному подползали к краю голой земли, почти вплотную к лестнице, ведущей к люку корабля. Им предстояло пересечь открытый участок, представляя собой отличную мишень для пики или стрелы... или для мощного оружия красных.

— Надо попытаться достать их отсюда, — прокричал Бак, когда они добрались до последней линии густой травы.

Он осторожно прицелился, положив ствол пистолета на согнутое предплечье, и нажал гашетку.

Закрытый люк звездолёта слабо замерцал и стал быстро крошиться, превращаясь в чёрную дыру. За спиной у Тревиса кто-то издал общий боевой клич.

— Огонь! Круши стены! — заорал в диком восторге и неистовом запале Джил-Ли.

Но Тревис и не нуждался в таком приказе. Он уже выхватил своё оружие и, почти не целясь, принялся стрелять в самую удобную цель, которая ему когда-либо попадалась — корпус звездолёта. Если даже на корабле и имелось какое-то оружие, то им всё равно не достать до снайперов, стрелявших почти в упор.

Всё больше и больше дыр появлялось в боку серебристой глобулы. Апачи превращали бок звездолёта в настоящее решето. Они, наверное, могли бы разрушить и весь корабль, но вот насколько глубоко внутрь проникают их смертоносные лучи, они не знали.

И тут в пробоинах промелькнуло какое-то движение. Затрещали пулемёты, комья земли и гравий полетели в лица снайперам. Так и под пулю попасть недолго! А дыра всё росла... кто-то неистово закричал... кого-то не стало...

— Они больше не успеют открыть ответный огонь, — с

холодным спокойствием Нолан пристальным взглядом окидывал сцену битвы.

Они методично продолжали уничтожать стены корабля. Теперь ему уже никогда больше не подняться в космос. Такие повреждения залатать невозможно: ни материала, ни специалистов.

— Словно ножом по маслу, — высказался Льюп, подбираясь поближе к Тревису. — Раз, раз...

— Вперёд! — Тревис повернулся налево и потащил Джил-Ли за плечо.

Тревис не знал, возможно это или нет, но он видел, как их комбинированный огонь неведомой силой пробивает в сфере пробоину за пробоиной, полосуюя стены с невиданной лёгкостью, которая так восхитила Льюпа.

Сзади кто-то предупредительно окликнул. Они все быстро попрятались обратно в траву. Тревис упал плашмя, перекатился и занял новую позицию. Над головой свистнула стрела. Красные сделали то, чего апачи боялись больше всего — подозвали на помощь монголов. У Тревиса мелькнула мысль, что им надо поскорее разделаться с кораблём и его обитателями, иначе придётся отступить под мощным натиском ничего не соображающих безвольных фанатиков.

От огня оружия инопланетников весь борт звездолёта теперь рябил чёрными провалами пробоин. Прижимая пистолет к бедру, Тревис вскочил и бросился прямо к одному из этих чёрных зияющих отверстий. Ещё одна стрела пролетела мимо самого уха, ударилась об обшивку и упала в траву неподалёку.

Тревис буквально швырнул себя в дыру. Оружие действительно оказалось мощным, оно прорвало не только внешний слой обшивки, но и внутреннюю изоляцию. Оказавшись внутри звездолёта, Тревис обратил внимание, что разветвления коридоров очень напоминают их собственный корабль. Впрочем, это и понятно, скорее всего, красные строили свой звездолёт по тем же самым планам.

Тревис прижался спиной к внутренней переборке коридора, стараясь побыстрее отдышаться, а заодно и как следует оглядеться в незнакомом месте. Откуда-то доносился гул встревоженных голосов и пронзительный звук сигнальных сирен. Главный компьютер корабля находился в рубке, и хотя красные наверняка не решатся взлететь с такими многочисленными пробоинами, апачам всё равно предстоит взять рубку с боем. Там находится сердце корабля, оттуда они управляют подвластными им людьми. Внимательно прислушиваясь к шуму, Тревис осторожно двинулся по коридору в ту сторону, где, как ему казалось, находится рубка.

Он плечом распахивал каждую дверь, попадавшуюся ему на пути, и внимательно осматривал пустые помещения. В двух кабинах он обнаружил незнакомое оборудование и разнёс его вдребезги с помощью оружия. Он совершенно не имел представления, для чего здесь стоят все эти машины, но здравый смысл и чутьё подсказывали, что их надо уничтожить.

Позади что-то клацнуло. Тревис, мгновенно обернувшись, присел и нацелил оружие, однако увидел перед собой лишь Джил-Ли и Осторожного Оленя.

— Вверх? — спросил Джил-Ли.

— ...или вниз? — добавил Осторожный Олень. — Монголы говорят, что красные вырыли бункер под звездолётом.

— Разделимся и будем действовать по одиночке, — предложил Тревис, опуская оружие.

— Добро!

Тревис помчался дальше по коридору и проскочил одну из дверей, но сразу же вернулся. Вспомнив схему своего звездолёта, он вдруг подумал, что отсюда можно попасть в двигательный отсек. Он распахнул дверь. Полная каюта оборудования, пульты компьютеров, пучки кабелей подтвердили его догадку. Тревис вскинул пистолет и выстрелил несколько раз. Тут же погас свет, замолкло завывание

сирен. Часть систем корабля, если не все, были теперь выведены из строя. Что же касается темноты, то апач чувствовал себя в ней словно рыба в воде.

Оказавшись снова в коридоре, Тревис ощупью осторожно принялся пробираться по стене. Неожиданно на звездолёте воцарилась гулкая тишина. Тревис слышал только шорох собственных шагов, биение сердца и сдержанное дыхание. Казалось, красные настолько были ошарашены таким оборотом событий, что потеряли дар речи.

Неожиданно впереди послышался странный скрипящий звук. Шорох ботинок по лестнице. Тревис крадучись отступил в проём двери каюты и спрятался в ней. Вспыхнул свет, тёмная фигура включила фонарик, выхватывая из тьмы стены коридора. Тревис вытащил из-за пояса нож, перевернул его рукоятью вверх, чтобы оглушить красного, и приготовился к броску.

Человек торопливо шёл по коридору, направляясь к двигательному отсеку. Его прерывистое дыхание послышалось совсем рядом. Пора, мелькнуло в голове Тревиса, и он отложил пистолет в сторону.

Тёмный силуэт мелькнул совсем рядом. Тревис выскочил из своего укрытия, обхватил красного за плечи и ударил его сзади рукоятью по затылку. Однако в темноте удар не получился, рукоять только скользнула, поэтому Тревису пришлось врезаться ещё раз. Противник мешком повалился на пол, фонарик, глухо стукнувшись, выпал из ослабевших рук. Тревис, осторожно обшарив человека, прихватил с собой пистолет и фонарь.

Вооружившись до зубов, Тревис направился к лестнице. Пистолет красного он запихнул под кушак, в правой руке держал оружие инопланетников, а фонариком освещал себе дорогу. Он особенно и не таился. Те, наверху, вполне могли теперь принять его за возвращавшегося своего. Но он поднимался по лестнице, время от времени останавливаясь и прислушиваясь.

Где-то внизу раздался глухой взрыв, лестница угрожающе закачалась, и даже вся машина звездолёта содрогнулась. «Что-то в бункере?» — мелькнуло у Тревиса.

Он буквально прилип к перилам лестницы, наверху послышался чей-то гортанный крик. Он поспешно вскарабкался на следующий уровень и отпрыгнул в сторону, спрятавшись за изгибом коридора. И как раз вовремя. Шахту осветили фонарём, и сверху кого-то позвали, скорее всего, того самого красного, которого он оглушил. Потом послышался оглушительный грохот выстрела. Эхо загуляло по пустым коридорам корабля.

Взбираться навстречу поджидавшему стрелку было бы полным безрассудством. Нет ли другого пути наверх? Тревис на цыпочках пробежал по коридору, заглядывая в каждое помещение. Он понял, что на этом уровне располагались жилые каюты. Теперь Тревис точно знал, что рубка должна находиться на следующей палубе.

Внезапно он припомнил, что на каждой палубе имеется аварийный люк, предназначавшийся в основном для проведения ремонтных работ. Если бы только удалось его найти...

Далеко за спиной в устье коридора мелькнул отблеск фонаря. Раздался новый выстрел. Но Тревис был уже далеко. Он включил фонарик и принялся обшаривать лучом стены. В пятне света мелькнул шов. Снова удача улыбнулась ему. Сердце апача забилось сильнее.

Он быстро вскрыл люк и посветил вверх. Над головой протянулась толстая перекладина, а дальше слабой тенью обрисовывался ребристый край следующего люка. Засунув за пояс оружие инопланетян и взяв фонарик в зубы, Тревис принялся взбираться по стальным скобам, стараясь не думать о том, что если сорвётся, то наверняка разобьётся насмерть в этой высокой шахте, уходящей до самого нижнего уровня корабля. Четыре... пять... десять скоб, и вот он уже может дотянуться до люка.

Пальцы в поисках защёлки скользнули по поверхности,

однако ничего похожего здесь не оказалось. Он размахнулся, кулаком врезал по двери и... едва не сорвался вниз, потому что та легко поддалась и распахнулась под силой его удара. Тревис тотчас нырнул во тьму.

Он на мгновение включил фонарик, осветив помещение, и увидел вокруг себя стойки с приборами связи. Тревис выхватил оружие инопланетян из-за пояса и мощным лучом полоснул по всему оборудованию, уничтожая глаза и уши звездолёта. Слева полыхнул выстрел. Плечо резко обожгло.

Его реакция была совершенно инстинктивной. Ничего не успев сообразить, он махнул в сторону нападавшего лучом, одновременно отскакивая к стене и пригибаясь, чтобы представлять собой как можно меньшую мишень. Одно дело защищать себя ножом, пистолетом, стрелой... но таким оружием!

Мгновением раньше рядом стоял человек, живой человек со своими мыслями и чувствами. Пусть он был врагом, но он, как и Тревис, происходил с Земли. А теперь, благодаря тому, что реакция мышц апача оказалась быстрее мысли, от него осталась только кучка пепла. Оружие в руках Тревиса действительно представляло собой оружие духов зла. Его нельзя давать в руки людям, какими бы прекрасными идеями они не руководствовались при этом.

Тревис тяжело дышал, стараясь взять себя в руки. Ему хотелось отбросить прочь эту страшную вещь и никогда к ней больше не прикасаться, но задача, стоявшая перед ними, ещё не выполнена. Ему предстоит сделать слишком много, и рисковать он не имеет права. И дело тут не в его жизни, а в свободе целого народа.

Тревис с трудом заставил себя распрямиться и двинуться дальше. Он шёл по коридору, открывая одну за другой каюты, попадавшие на пути, и продолжал методично уничтожать оборудование. Он должен был превратить этот корабль в мёртвые останки. Конечно, он мог бы отложить в сторону пистолет инопланетников, но от памяти не

избавишься. И упаси господи кого-нибудь испытать то, что пережил он...

Грохот барабанов, разносившийся по всей степи и взлетающий высоко к звёздному небу, заставлял глаза блестеть веселее, а мускулы напрягаться, словно рука сжимала нож или натягивала тетиву лука. Языки пламени огромного костра лизали ночь, в кроваво-красном свете монгольские воины кружили и размахивали кривыми саблями, празднуя победу. Они буквально упивались собственной свободой, обретённой наконец с таким трудом. Поодаль серебристая сфера звездолёта зияла чёрными дырами смерти, которая смела рабское прошлое для всех них.

— Что теперь? — позвякивая своими амулетами, приблизился к Тревису Менлик.

На лице шамана было написано умиротворение и спокойствие, словно избавление от ненавистного рабства вырвало его из объятий древних суеверий, снова сделав цивилизованным человеком. И вопрос, который он задал сейчас, мучил их всех.

Тревис сидел на земле, скрестив ноги, и наблюдал за танцующими монголами. Он чувствовал себя уставшим и опустошённым. Цель достигнута, горстка красных рабовладельцев уничтожена, их машины сожжены. Никакого контроля над сознанием! Люди теперь совершенно свободны и в своих мыслях, и в поступках. Как они используют эту свободу?

— Во-первых, — высказал апач навязчивую мысль, — мы обязаны вернуть это.

Все три пистолета инопланетников были зашиты в кожаный мешок и спрятаны из виду, но память то и дело напоминала о них, воскрешая картины недавнего прошлого. Пока лишь немногие видели их в действии, и следовало как можно скорее избавиться от них.

— Интересно, — принялся рассуждать Осторожный Олень, — станут ли наша потомки рассказывать, что мы

призвали молнию с небес? Но всё правильно. Мы обязаны вернуть их и объявить долину табу для всех.

— А что, если прибудет другой звездолёт, один из ваших? — проницательно спросил Менлик.

Тревис перевёл взгляд с шамана на монголов, танцующих вокруг костра. Сейчас Менлик высказал мысль, так долго терзавшую его... Что, если прибудет звездолёт с Эшем, Мэрдоком на борту. С людьми, которых он знал и уважал. С его друзьями? И как же быть тогда со знаниями, скрытыми в башнях? Не рухнет ли тогда его уверенность, что он поступает правильно? Он устало потёр ладонью вспотевший лоб и сказал:

— Отложим этот разговор. Решим когда или если всё это случится.

Но как, как поступить? Однако в нём ещё жила надежда, что этого не произойдёт, во всяком случае, на его веку. И он ощутил леденящую тяжесть груза, который придётся нести всю жизнь.

— Нравится нам или нет, — (говорит ли он это другим, или пытается убедить самого себя?) — мы не можем позволить людям узнать информацию, которая хранится в башнях, не можем позволить найти... использовать... Разве что людьми, которые более мудры, чем мы сами.

Менлик снова вытащил свой жезл и принялся рассеянно крутить его в руках, поглядывая из-под полуопущенных век на апачей с каким-то совершенно новым выражением глаз.

— Тогда я скажу вам вот что: мы должны хранить секрет вместе — наш народ и ваш. В противном случае, заподозри мой народ, что вы одни владеете тайной, начнётся зависть, ненависть, страх, раскол между нами с самого начала — война, набег... Земля велика, а нас так мало. Стоит ли начинать распрю в день, когда весь мир открыт для нас? Если эти древние сокровища столь сильно пропитаны ядом зла, давайте же охранять их, табу для всех.

Менлик был прав, в этом сомневаться не приходилось. Им следует смотреть правде в глаза. Для каждого, будь то

монгол или апач, любой прибывший звездолёт станет злом. Здесь они живут, и здесь пустят свои корни. И чем скорее они начнут думать о благе их маленькой общины, тем лучше. А предложение Менлика как раз давало точку соприкосновения для обоих народов.

— Ты хорошо сказал, — откликнулся Осторожный Олень. — Это будет наш общий секрет. Мы трое знаем. Теперь ты выбери троих, Менлик, но выбирай осторожно.

— Не опасайтесь! — отозвался монгол. — Здесь начинается новая жизнь. Возврата к прошлому нет. И как я сказал, мир велик. Мы не ссорились друг с другом, и может быть, наши два народа сольются в один. В конце концов, мы так похожи друг на друга, — и он, улыбнувшись, махнул в сторону костра, где вместе сидели апачи и монголы.

Среди теней, носившихся вокруг пламени, Тревис различил знакомую фигуру, которая то и дело, выкрикивая клич апачей, подпрыгивала, кралась, кружилась... Десклай, он веселился вместе со всеми, опьянев от победы. Апачи, монголы — и те, и другие — насздники, охотники, воины, когда возникает необходимость. Да, разница невелика. Их обманом заманили в эту ситуацию, и они не испытывали лояльности к тем, кто послал их сюда.

Возможно, племя и орда сольются, а может разойдутся в стороны. Время покажет. Но что должно оставаться неоспоримым, так это культ хранителей башни. Глубокое убеждение, что всё спящее в башнях должно спать, не просыпаясь ни при них, ни во времена их потомков.

Тревис усмехнулся своим мыслям. Новая религия. Новые жрецы с таинственными, запрещёнными знаниями. Со временем из этой ночи народится целая цивилизация, и теперь мысль о пожизненной тяжести знаний уже не так тревожила его.

Он наклонился и подобрал свёрток с пистолетами. Затем испытующе оглядел присутствующих. Тяжесть свёртка в руках и ощущение ещё большей тяжести в душе.

— Пора?!

Вернуть оружие — самое важное сейчас. Может быть

только после этого он сможет спать спокойно и будут ему сниться сны: Аризона, скачки на рассвете, голубое небо и ветер в лицо, ветер, несущий запахи сосен и тростника, ветер, который уже никогда больше не согреет ему душу и сердце, ветер, который никогда не испытают сыновья его сыновей. Он надеялся, что кошмары со временем исчезнут, уйдут, что новый мир сумеет затмить собой старый. Да, лучше так, сказал себе Тревис, пытаясь убедить самого себя. Лучше пусть будет так!

КЛЮЧ ИЗ ГЛУБИН ВРЕМЕНИ

Глава 1

Мир лотоса

Жемчужная арка неба отливала розовым; на горизонте, там, где встречались море и воздух, цвет постепенно углублялся, становясь радужным. По морю ползли ленивые океанские волны того же цвета, местами их прочерчивали алые вены — спирали водорослей. Розовый мир, купающийся в мягком солнечном свете, знающий только мягкие ветры, спокойствие и — праздность.

Росс Мэрдок перегнулся через край скального выступа и глянул вниз, на пляж — полоску бледно-розового песка, в котором сверкали хрустальные «раковины». Но на самом ли деле эти нежные бороздчатые овалы — раковины? Здесь даже волны надвигаются на берег лениво. А ветер, взъерошивающий волосы, гладящий загорелое полуобнажённое тело; кажется, такой ветер способен только ласкать, он еле шевелит местную растительность, которую земляне называют деревьями, на самом же деле это не настоящие ветви, а длинные кружевные листья, похожие на папоротник.

Гавайка — названная так в честь старого полинезийского рая — мир, внешне совершенный, единственный его недостаток — он слишком совершенный, слишком гостеприимный и ласковый. Долгие лишённые событий и перемен дни внушают забытьё, предлагают лёгкую жизнь без всяких усилий. Если бы только не эта загадка...

Ведь это совсем не та планета, которая была изображена на курсовых лентах, приведших сюда землян. Карта, указатель курса, описание — всё вместе — вот что такое древняя курсовая лента. Росс лично участвовал в операции, когда удалось раздобыть большое количество этих лент. Когда-то они служили навигационными указателями расе или расам, правившим звёздными линиями десять тысяч лет назад. Но эта цивилизация давно уже исчезла.

Ленты, которые они после случайной их находки привезли на Землю, были изучены, проверены и дешифрованы лучшими умами настоящего времени, их разделили между соперничающими земными державами, и в иссле-

дование космоса проникли старое соперничество и ненависть.

Именно такая лента привела их корабль на Гавайку, планету мелких морей и архипелагов, но никак не ожидавшихся континентов. Поселенцы заранее изучили содержание ленты, но обнаружили, что по большей части оно вовсе не соответствует действительности.

Конечно, никто не ожидал, что они найдут здесь города и цивилизацию того типа, что существовала на планете давным-давно. Однако ни одна островная группа даже приблизительно не соответствовала картам, и пока не найдено ни одного следа разумных существ, которые жили и строили на этих прекрасных погружённых в дремоту атоллах. Так что же произошло с Гавайкой, изображённой на ленте?

Росс правой рукой потёр шрамы на левой, всю жизнь они будут напоминать ему о встрече с пришельцами со звёзд в далёком прошлом его собственной планеты. Он сознательно жёг свою плоть, чтобы избавиться от контроля мысли, который они ему навязали. Тогда он победил. Но схватка оставила и другой шрам — тревогу и ужас: именно тогда Росс Мэрдок, непокорный борец и преступник по законам своего времени, Росс Мэрдок, считавший себя исключительно жёстким и крепким человеком, чья жесткость ещё более усилилась в тренировках и вылазках агента во времени, этот самый Росс Мэрдок столкнулся с силой, которую не понимал, но которую теперь ненавидел и боялся.

Он глубоко вдохнул — запах моря, аромат трав, необычный, но приятный. Так легко расслабиться, подчиниться этому мягкому ленивому миру, в котором нет пороков и недостатков, нет опасностей и раздражений. Но когда-то здесь жили те, в синих костюмах, кого он называл «лысыми». Что же произошло с ними... и потом?

Поверхность неторопливой волны разорвала чёрная голова, смуглые плечи, стройное тело. Лицо покрывала маска для плавания, в ней отражалось солнце. Руки обнажили подбородок, маленький и круглый, но реши-

тельный, затем показался твёрдый рот, который, впрочем, чаще смеётся, и большие тёмные глаза. Карара Трехерн, прямой потомок древнего гавайского бога-вождя Алии, к тому же исключительно красивая девушка.

Но Росс отчуждённо, почти враждебно смотрел на девушку, которая тем временем упрятала маску в карман своего жаберного ранца. Она остановилась под скалой на песке, слегка расставив ноги, на губах её играла озорная улыбка, она насмешливо спросила:

— А ты почему не спускаешься? Вода отличная.

— Даже слишком, как, впрочем, и всё остальное, — в его раздражённом тоне слышалось нетерпение. — Никакой удачи, как обычно?

— Как обычно, — легко согласилась Карара. — Если тут и существовала цивилизация, они исчезла так давно, что не осталось ни малейших следов. Почему бы просто не запустить временной зонд наудачу?

Росс нахмурился. «Потому что у нас только один такой зонд, — в его тоне явно слышалось раздражение. — Нам нелегко разбирать его и переносить на другое место, поэтому мы должны убедиться, что тут нечего искать».

Карара начала выжимать воду из длинных волос. «Что ж, до сих пор действительно... ничего. Идём с нами в следующий раз. Тино-рау и Тауа любят общество».

Заложив два пальца в рот, Карара лихо свистнула. В воде появились две одинаковые головы. Выступающие носы, пасти с приподнятыми вверх краями — казалось, животные постоянно улыбаются млекопитающим на берегу. Пара дельфинов, чьи предки когда-то выбрали море, мгновенно откликнулась на призыв девушки, словно эхо её свиста. Уже давно ум этих животных поражал, почти шокировал людей. Эксперименты, обучение, сотрудничество — всё это превратило водных животных в новые глаза, уши, умы человечества, способные видеть, оценивать и докладывать обо всём увиденном в среде, которая почти недоступна двуногим.

Одновременно проводились и иные исследования. Неуклюжие бронированные водолазные костюмы уже в

двадцатом столетии позволили человеку начать проникновение в подводный мир, потом оборудование для людей-лягушек помогло ещё больше углубиться в него. Теперь же жаберные ранцы, добывавшие кислород непосредственно из воды, сделали ненужными даже неуклюжие кислородные аппараты. И всё же оставались глубины, куда человек не мог погрузиться, в которых до сих пор скрываются тайны. Там действовали дельфины, и так началось сотрудничество двух равных разумов, хотя человеку трудно было признать это.

Раздражение Росса — абсолютно необоснованное, он и сам понимал это — не было вызвано Тино-рау и Тауа. Он наслаждался их обществом, часто целыми часами, надев жаберный ранец, работал вместе с этими десятифутовыми чёрно-серебристыми помощниками. Но Карара... Присутствие Карары — совсем другое дело.

Команды агентов традиционно всегда были исключительно мужскими. Двое мужчин сочетали свои способности и темпераменты, совместно проходили подготовку, становились двумя неразрывными частями единого сильного и эффективного целого. До того как его торопливо включили в Проект, Росс был законченным одиночкой — жил за пределами закона, цивилизация не могла его переварить, она для него стала слишком упорядоченной и организованной. Но в Проекте он обнаружил других подобных себе — людей, пригодных для иных времён, слишком жёстких, слишком индивидуалистичных для своей эпохи, но легко идущих опасными тропами агентов во времени.

И когда был найден первый нетронутый корабль чужаков, когда его изучили и сдублировали, агентов переключили с проникновения в прошлое на подготовку к межзвёздным путешествиям. Вначале был Росс Мэрдок, преступник. Затем — Росс Мэрдок и Гордон Эш, пара агентов во времени. А теперь Росс и Гордон снова участвуют в поиске, столь же опасном, как и предыдущие. Но на этот раз они зависят от Карары и её дельфинов.

— Завтра я пойду с вами, — Росс всё ещё не мог

оторваться от своих мыслей, он ощущал, что что-то здесь неосознанно тревожит его, как заноза в пальце.

— Хорошо! — если она и ощутила его враждебность, то не встревожилась. Снова свистнула дельфинам, помахала им рукой и направилась по берегу к лагерю. Росс пошёл туда же неровной тропой по утёсам.

Предположим, они не найдут здесь то, что ищут. Но на старых картах примерно в этом месте стоит звёздочка. Она обозначает город? Космический порт?

После неудачной операции «Топаз», когда группа добровольцев-апачей отправилась на поиски предполагаемого пункта красных, Эш вызвался добровольцем лететь на Гайвайку. Росс вспомнил несколько тяжёлых месяцев, когда только майор Кэлгаррис и, может, в меньшей степени он сам, Росс, удержали Гордона Эша в Проекте. Операцию «Топаз» признали неудачной, когда корабль с поселенцами не вернулся. И Эш чувствовал себя виноватым: он сам набирал и частично готовил пропавший отряд.

Среди отправленных в экспедицию вопреки яростным протестам Эша, был и Тревис Фокс, который вместе с Эшем и самим Россом участвовал в первом галактическом полёте на найденном в прошлом корабле. Тревис Фокс, археолог-апач, добрался ли он до Топаза? Или будет теперь со своим экипажем вечно скитаться меж звёзд? Высадились ли они на планете с враждебными формами жизни или их поджидала засада красных? Сама неопределённость их судьбы продолжала преследовать Эша.

Поэтому на этот раз он настоял, что сам отправится со второй группой поселенцев, добровольцами с Самоа и Гавайев, чтобы осуществить ещё более возбуждающее разум и опасное исследование. Как Проект исследовал прошлое Земли, так Эш и Росс попытаются определить, что скрывается в прошлом Гавайки, увидеть эту планету такой, какой она была в расцвете межзвёздной цивилизации, и тем самым узнать о своих предтечах в космосе. И загадочная картина, которую они обнаружили после высадки, только усиливала необходимость открытия... или открытий.

Их зонд, если им повезёт, может стать воротами во времени. Установка значительно усовершенствована по сравнению с тем примитивным переходом, который они использовали в первых опытах. После того как земные учёные и инженеры получили доступ к лентам межзвёздной империи, техника сделала огромный рывок вперёд. Создавались грандиозные установки, были сделаны новые открытия, и в результате возникла гибридная технология, соединившая достижения двух цивилизаций, разделённых тысячелетиями.

Когда он или Эш — или Карара со своими дельфинами — обнаружат подходящее место, двое агентов смогут установить собственное оборудование. И Росс и Эш готовы к этому. Им нужен только один кирпич, и они смогут выстроить всю стену. Но нужно найти хотя бы малейший след, остаток древнего сооружения, какое-то напоминание о прошлом, чтобы нацелить на него свой временной зонд. И хотя со времени высадки прошло уже несколько недель, ничего подобного пока не было найдено.

Росс пересёк вершину скалы, напоминавшую петушинный гребень острова, и начал спуск к посёлку. Как их и учили, полинезийские переселенцы использовали местные продукты и материалы для сооружения зданий и изготовления инструментов. Если понадобится, они вполне смогут жить только на местных продуктах, потому что на корабле не имелось достаточно места для припасов и инструментов. Когда корабль улетит, поселенцы на несколько лет окажутся предоставленными сами себе. Их корабль — серебристый шар — лежал на скальном выступе, пилот и экипаж задержались, ожидая результатов поиска Эша. Но ещё четыре дня, и они вынуждены будут улететь, даже если результаты поисков окажутся отрицательными.

Разочарование преследовало Эша, как несколько месяцев назад его преследовали гнев и чувство вины из-за операции «Топаз». Чем больше Росс думал, тем больше смысла видел в предложении Карары. Если будет больше пловцов, вероятность находки увеличится. Пока дельфи-

ны не сообщали ни о каких опасных морских животных, и следует опасаться только естественных препятствий, которые всегда ожидают пловца.

Жаберные ранцы имеются в достаточном количестве, а все поселенцы — отличные пловцы. Пока во всех работах — разгрузке корабля, сооружении посёлка, всё том, что необходимо для основания базы, — они демонстрировали энергию и энтузиазм. Только в последние несколько недель праздность, которая кажется неотъемлемой частью здешней атмосферы, подействовала и на них, и теперь жизнь островитян приобрела более медленный и ленивый ритм. Росс вспомнил, как накануне вечером Эш сравнил Гавайку с легендарным земным островом, обитатели которого питались семенами местного растения и постоянно жили в наркотическом опьянении. Гавайка быстро становится островом лотосов.

— Сюда, потом на запад... — Эш согнулся над складным столом в сборном доме. Он не взглянул на вошедшего Росса. Карара склонила всё ещё влажную голову, и её чёрные кудри, прилипшие к круглой головке, почти коснулись коротко стриженных каштановых волос Эша. Оба внимательно рассматривали карту, словно видели не линии на бумаге, а настоящие заливы и лагуны, которые представляли эти линии.

— Вы уверены, Гордон, что именно эти современные участки соответствуют изображению на древней карте? — девушка откинула волосы назад.

Эш пожал плечами. Вокруг рта его чётко обозначились напряжённые складки, которых несколько месяцев назад не было и в помине. Двигался он резко, не теми гибкими непрерывными движениями как в прежние дни, когда его спокойствие и уверенность поддерживали новичка Росса.

— Общие очертания этих двух островов как будто соответствуют вот этому мысу... — он достал вторую карту, на прозрачном пластике, и наложил на первую. Мыс большого массива суши на этой старой карте удивительно совпадал с очертаниями островов на новой. Большой остров, расколотый, разорванный, вполне мог послужить

прародиной группы атоллов и заливов, которую они сейчас исследуют.

— Но как давно? — вслух подумала Карара. — И почему?

Эш пожал плечами. «Может быть, десять тысяч лет, пять, две, — он покачал головой. — Мы понятия не имеем. Очевидно, здесь произошла катастрофа в масштабах всей планеты, только она могла так изменить контуры суши. Возможно, придётся подождать второго прилёта корабля, чтобы воспользоваться вертолётom или гидропланом для дальнейших исследований». И он провёл рукой за пределами карты, обозначая всю оставшуюся Гавайку.

— Год, может быть, два, прежде чем на это можно будет рассчитывать, — вмешался Росс. — И остаются только надеяться, что Совет признает наши исследования достаточно важными, — чувство противоречия, которое он всегда испытывал в присутствии Карары, заставило его высказать свои мысли не задумываясь. Увидев, как дёрнулся рот Эша, Росс понял свою ошибку. Гордон нуждается в поддержке, а не перечислении тех многочисленных путей, на которых экспедицию ожидает неудача.

— Послушайте! — Росс подошёл к столу и взмахнул рукой, указывая пальцем. — Мы знаем, что легко могли пропустить то, что ищем, хотя нам и помогали дельфины. Слишком большой район. И всякие признаки цивилизации скрыты под водорослями. Предположим, десять человек начнут полукругом отсюда и дойдут до этого пункта, направляясь в сторону суши. Видеокамеры здесь и здесь... мы прочедем весь этот район по дюйму, если понадобится. В конце концов времени и мужской силы у нас достаточно.

Карара негромко рассмеялась. «Мужчины, всегда мужчины, Росс? Но есть ведь и женщины. И зрение у нас острее. Но мысль неплохая, Гордон. Посмотрим, — она начала перечислять, загибая пальцы: — Пакики, Ваеоха, Хори, Лилиа, Таэма, Уи, Хоноура — они лучше всех в воде. Я... ты, Росс... Гордон! У нас десять человек с острым взглядом, и нам всегда помогут Тино-рау и Тауа. Мы захватим припасы и устроим здесь на острове лагерь. Этот остров похож на согнутый манящий палец. Да, этот палец

кажется мне обещающим что-то в будущем. Подходит такой план?»

Напряжённое лицо Эша слегка расслабилось, Росс успокоился. Именно в этом нуждается Гордон, хватит ему сидеть над картами, докладами, снова и снова пересматривая очертания суши. Эш всегда был полевым агентом; организация посёлка для него — тяжёлая, отупляющая работа.

Когда Карара ушла, Росс прилёг на койку у стены.

— Как вы думаете, что же на самом деле случилось? — отчасти его действительно интересовала эта загадка, и он постоянно размышлял над ней после высадки на Гавайке; но ему хотелось и отвлечь Эша от непосредственных забот. — Атомная война?

— Возможно. Попадают следы древней радиации. Но я думаю, эти чужаки ушли намного дальше атомной эры. Предположим, только предположим, что они могли управлять погодой, нарушать равновесие коры планеты. Мы не знаем пределов их силы, не знаем, как они ею пользовались. Когда-то у них тут была колония, иначе не было бы курсовой ленты. И это всё, в чём мы уверены.

— Предположим, — Росс перевернулся на живот, положив голову на руки, — мы откроем кое-что из их знаний...

Губы Эша дёрнулись. «Приходится идти на этот риск».

— Риск?

— Ты бы дал ребёнку оружие, которое мы нашли в вымершем корабле?

— Естественно, нет! — резко ответил Росс, уловивший намёк. — Вы считаете, что нам нельзя доверить эти знания?

Ответ ясно читался в выражении лица Эша.

— Тогда зачем вся эта операция, охота за тем, что может принести одни лишь неприятности?

— Всё та же старая дилемма. А если красные найдут раньше? Не забудь, при розыгрыше лент они получили их немало. Получаются качели: мы продвигаемся в одном месте, они в другом. Приходится участвовать в гонке,

иначе проиграем. Они, должно быть, так же яростно прочёсывают свои колонии, как и мы. Поэтому, если понадобится, мы и отправимся в прошлое.

— Да я-то вполне смог бы обойтись без знаний лысых. Но признаюсь, мне хочется узнать, что тут произошло — две, пять, десять тысяч лет назад.

Эш выпрямился и потянулся. Впервые за всё время он улыбнулся. «Знаешь, а я с удовольствием поплаваю возле этого манящего пальца Карары. Может, она права, и нам здесь повезёт».

Росс старательно сохранял невозмутимое выражение, готовя обычный ужин.

Глава 2

Логово Мано Нуи

Даже глубоко под поверхностью воды море здесь тёплое; цвета подводной странной жизни Росс ещё мог назвать, оттенки же — нет. Кораллы, животные, выглядящие как растения, растения, замаскированные под животных, — все разновидности, населяющие океаны Земли, имели здесь свои соответствия. И поселенцы давали им привычные названия, хотя крабы, рыбы, анемоны и водоросли в здешних мелких лагунах вовсе не были идентичны земным организмам. Беда в том, что слишком уж их много, огромное богатство морской жизни привлекает взгляд, удерживает внимание и потому мешает работать, искать неестественное, не природное, такое, чему здесь нет места.

Острова Гавайки оглушали чувства, зачаровывали поселенцев, но и море имело своё очарование. Росс решительно обогнул лес кружевных водорослей, слегка раскачивающихся в воде, цвет их менялся от светло-зелёного до почти чёрного и далее к таким оттенкам, которые он не смог бы определить. Среди качающихся длинных опалх таятся рыбки-призраки, настолько прозрачные, что в них можно рассмотреть недопереваренную пищу.

Земляне начали свой поиск с полчаса назад, скользнув

в воду с каноэ и направляясь теперь к контрольному пункту на конце острова-пальца. Опытные ныряльщики выстроились широкой дугой; эти мужчины и женщины в океане как дома, они смогут сделать столь необходимое Эшу открытие, если только оно действительно существует.

На Гавайке загадка громоздится на загадку, подумал Росс, отводя своим гарпунным ружьём водоросли, чтобы заглянуть за них. Туземная жизнь на планете, по-видимому, всегда в основном сосредоточивалась в воде. Поселенцы обнаружили на островах лишь несколько разновидностей небольших животных. Самое крупное из них — обитатель нор, зверёк, похожий на обезьяну, передвигающийся на задних лапах, а передние вооружены когтями, которыми животное пользуется как человек руками. Тело у него безволосое и, подобно хамелеону, способно менять окраску, сливаясь с почвой и скалами, где оно живёт. Голова сидит непосредственно на плечах, без всякой шеи; на самой макушке торчат круглые выпуклые глаза, а нос — всего лишь вертикальная щель. Широкой сильной пастью он легко справляется с панцирями существ, которыми питается. На взгляд землян, отвратительное создание. Но насколько они смогли установить, это здесь высшая форма наземной жизни. Маленькие грызуны, две разновидности бескрылых птиц и странный набор рептилий и земноводных — вот и все обитатели островов и одновременно добыча жителя нор.

Мир моря и островов, какая же разумная жизнь некогда на нём обитала? Или тут была только галактическая колония и до прибытия звёздных исследователей местной разумной жизни не было? Росс внезапно остановился и завис над тёмным углублением в виде блюдца. Края углубления заросли водорослями, но в этих очертаниях ощущалась какая-то правильность...

Росс поплыл по окружности блюдца. Если принять во внимание все эти водоросли, облепившие края и искажающие очертания... да, что-то не свойственное природе здесь есть! Углубление слишком правильное, слишком ровное. Росс решил удостовериться в этом. Чувствуя при-

лив возбуждения, он начал спускаться в чашу, стараясь найти доказательства своей догадки.

Сколько лет, веков всё это медленно зарастало морскими растениями, одни процветали, умирали, другие поселялись на их останках? И теперь с большим трудом можно разглядеть, что углубление образовалось не естественно.

Держась одной рукой за гавайский коралл, более гладкий, чем земные породы, Росс рукоятью гарпунного ружья принялся расчищать ближайшую стену блюда, пытаясь заглянуть за два больших куста водорослей. Ружье отскочило, здесь такое хрупкое орудие ему не поможет. Но, возможно, ниже будет легче рассмотреть.

Впадина оказалась глубже, чем он первоначально предположил. Стало темнее. Исчезли красные и жёлтые цвета, и Росс увидел такие оттенки синего и зелёного, которые незаметны с поверхности. Он включил фонарь, и в его свете вернулись цвета мелководья. Розовые в луче фонаря водоросли за пределами освещённого пространства становились тёмно-изумрудными, словно тоже обладали способностями хамелеона или обитателя нор.

Росса слегка отвлёк этот феномен, и поэтому он нарушил основное правило ныряльщика — никогда не увлекаться окружающим настолько, чтобы забыть об осторожности. В какой момент он понял, что внизу появилась какая-то тень? Когда неожиданно бросилась врассыпную окружавшая его стая рыб-призраков, и он повернул вслед им фонарь? И случайно краем луча осветил какую-то тень, какое-то колебание воды в глубине?

Росс повернулся спиной к стене блюда и направил луч фонаря вниз. И увидел существо, которое могло появиться только в кошмарах его родной планеты. Впоследствии Росс узнал, что это существо вовсе не так уж велико, как показалось ему вначале, в эти первые бесконечные мгновения ужаса. На самом деле оно не больше дельфинов.

Росс тренировался в населённых акулами морях Земли, его инструктировали о возможности появления опасных жителей глубин. Но такие существа могут быть только в сказках, как драконы из древних легенд. Чешуйчатая

голова с большими глазами, сверкающими в луче фонаря холодной и мрачной ненавистью; огромная, полная зубов пасть на рогатой морде; длинная извивающаяся шея, а под ней почти не видное чудовищное тело.

Ни гарпунное ружьё, ни нож на поясе не защитят его! Но повернуться спиной к этой поднимающейся голове Росс не мог. Он прижался к стене углубления. Существо, зависшее перед ним, не торопилось нападать. Оно явно его видело и двигалось неторопливо, как охотник, уверенный в исходе схватки. Но свет как будто мешал ему, и Росс продолжал направлять луч фонаря прямо в эти полные злобы глаза.

Шок от неожиданной встречи проходил; Росс сунул ласт в щель стены, чтобы прочнее удерживаться на месте, нащупал рукой коммуникатор-соник у себя на поясе и нажал кнопку тревоги: теперь дельфины смогут передать его сигнал всем пловцам. Голова дракона перестала раскачиваться и застыла на чешуйчатой неподвижной колонне шеи в центре блюдца. Ультразвуковые колебания либо обеспокоили, либо удивили охотника, заставив его настроиться.

Росс снова нажал кнопку сигнала. Всё сильнее становилось убеждение, что если он попытается уйти, то погибнет; нужно оставаться на месте. Теперь голова дракона покачивалась всего лишь в нескольких дюймах ниже уровня его ног в лапах.

Снова гибкое движение, голова поднимается, дрожь по всей длинной шее, волнение в глубине. Дракон вновь передвинулся. Росс направлял луч света непосредственно ему на голову. Чешуйки хищника, насколько он мог судить, представляли собой не просто роговые пластинки, а перекрывающие друг друга серебристые овалы, как у рыбы. Хотя нижняя часть туловища, возможно, уязвима для гарпуна. Но Росс знал, что земная акула способна выдержать удар стрелы гарпуна и выжить, и потому не торопился стрелять, продолжая выжидать.

Тут он заметил над собой и чуть левее небольшое углубление; здесь водоросли были кем-то вырваны и пока

ещё не успели отрасти. Если он сможет забраться в это углубление, там можно дожидаться помощи. Росс двинулся, используя всё своё мастерство. Рукой ухватившись за край ниши, он вывернулся и добрался до убежища как раз в тот момент, когда голова дракона устремилась вперёд. Итак, он правильно решил, что дракон нападает на движущуюся добычу. Без посторонней помощи подняться на поверхность он не сможет.

Теперь Росс стоял в щели лицом наружу и следил за головой. Он выключил фонарь, и исчезновение света удивило дракона и задержало его на несколько драгоценных секунд. Росс как можно глубже забился в расщелину, пока не прижался спиной к холодной ровной поверхности стены. И шок от этого прикосновения чуть не заставил его отскочить.

Держа ружьё перед собой правой рукой, Росс осторожно пощупал за собой левой. Пальцы скользнули по гладкой, без щелей и трещин, поверхности, с которой были сорваны водоросли. Он не смел повернуть голову и посмотреть, но был полностью уверен, что нашёл наконец доказательство: стены этого блюда созданы какими-то разумными существами.

Дракон поднялся, теперь он висел в воде непосредственно перед щелью, откинув шею назад. Стало видно всё тело, от пологих плеч до острого конца. Тело что-то смутно напоминало. Если снабдить земного тюленя головой горгоны и заменить шерсть чешуёй, получится нечто подобное. Но перед Россом в этот момент плавал явно не тюлень.

Лёгкими движениями плавников поддерживая равновесие, дракон неподвижно висел в воде перед Россом. Шею он прижал к туловищу, голову наклонил так, что рога были нацелены прямо на Росса. Землянин крепче взялся за своё ружьё. Самая уязвимая цель — глаза дракона; если существо нападёт, Росс будет стрелять в глаза.

Человек и дракон были так поглощены своей дуэлью, что не заметили колыхания воды наверху. Гладкое тёмное тело торпедой устремилось вниз, за спину дракона. Неко-

торые из поселенцев умели передавать свои чувства дельфинам, но Росс этой способностью почти не обладал.

Однако теперь даже он ощутил уверенность в помощи и предложение напасть. Дракон повернул голову, пытаясь заглянуть себе за спину, но дельфин уже превратился в быстро исчезающую полоску. А его движение нарушило равновесие, подтолкнув дракона к Россу.

Землянин выстрелил слишком поспешно, совсем не прицелившись, поэтому гарпун пролетел мимо головы. Но прикреплённая к нему нить задела за шею дракона и смутила его. Росс как можно глубже отодвинулся в своё убежище и достал нож. Против когтей дракона это почти бесполезная игрушка, но больше у него ничего не было.

И снова дельфин устремился вперёд, схватил пастью нить гарпуна, дёрнул её и тем самым ещё больше нарушил равновесие дракона, оттащив его к центру углубления.

Росс увидел, что теперь действуют два дельфина, они играли с драконом, как матадоры с быком, отвлекая чудовище своими проворными движениями. Очевидно, природная добыча этого монстра Гавайки ведёт себя не так, и дракон явно не был готов эффективно противостоять тактике быстрых уходов и уклонений. Дельфины не касались зверя, но продолжали непрерывно беспокоить его.

Но дракон, крутясь и изворачиваясь, чтобы не терять из виду своих мучителей, в то же время не оставлял уровня ниши Росса, и время от времени голова его металась к землянину: чудовище не собиралось отказываться от добычи. Один из дельфинов поднялся выше, одновременно своим коммуникатором Росс уловил его предупреждение. Где-то наверху люди. Росс торопливо простучал собственный сигнал-предупреждение.

Два дельфина снова принялись отталкивать дракона от ниши Росса, увлекая чудовище в глубь. Потом резко устремились вверх. Дракон тоже начал подниматься, но теперь сверху ему навстречу спускался светящийся шар; вместе со светом появились цвета и чёткая видимость.

Росс рукой прикрыл глаза. Последовала вспышка, виб-

рацию ощутили даже его нервы, не настолько чувствительные к ней, как окружающая его жизнь. Росс помигал под маской. Мимо вверх животом проплыла рыба. Водоросли вокруг обвисли, безжизненно покачиваясь в воде; огромное тело дракона быстро скрывалось в глубине. Оружие, разработанное на Земле для защиты от акул и барракуд, оказалось здесь эффективным и против более страшного противника.

Землянин выбрался из ниши и поплыл навстречу другому ныряльщику. Пока Эш спускался, Росс сообщил ему по коммуникатору-сонику свою новость. А дельфины устремились в глубину, вслед за туловищем погибшего противника.

— Смотрите... — Росс показал Эшу нишу, которая спасла его. Он прав! Под водорослями показалась ровная канавка, футов шести длиной, поднимающаяся строго вертикально. Эш прикоснулся к ней, потом ответил тоже по сонику:

— Металл или сплав. Нашли!

Но что они нашли? После часа поисков даже Эш с его огромным запасом знаний артефактов и древних руин всё ещё пребывал в затруднении. Потребуется огромный труд, инструменты, которых у них нет, чтобы очистить всё блюдо. Они знают только размер углубления, его форму, знают, что стены его из неизвестного вещества, которое море смогло покрыть водорослями, но не смогло разъесть — на всём протяжении серой поверхности не нашлось ни следа износа.

Внизу, в самом центре углубления, они обнаружили логово дракона — арку, поросшую водорослями. Перед ней лежало обмякшее туловище чудовища. С помощью дельфинов его оттащили в сторону, чтобы потом поднять на берег для изучения. Но сама арка... возможно, часть какой-то древней установки?

Выставив перед собой фонари, они углубились в её тень, но недоумение не рассеивалось. Тут и там попадались полоски того же серого материала. Эш порывлся рукоятью ружья в песчаном дне и обнаружил новое овальное углуб-

ление. Но что оно означает, с какой целью сделано — об этом можно только догадываться.

— Ну как, установим здесь временной зонд? — спросил Росс.

Эш медленно покачал головой в знак отрицания. «Посмотрим дальше... разойдёмся пошире», — прошёлкал соник.

Через несколько минут дельфины сообщили о новой находке — ещё два блюдца, каждое больше первого, и все они расположены на дне океана на одной линии, указывающей прямо на остров пальца. Их осторожно исследовали и обнаружили только безвредных морских обитателей; драконов больше не было.

Когда земляне поднялись на берег, чтобы поесть и отдохнуть, один из них прошёлся вдоль вытащенного на песок дракона. На берегу чудовище не стало менее страшным. И, глядя на него, неподвижного, мёртвого, Росс ещё раз удивился своей способности выжить в такой встрече, не получив ни единой царапины.

— Я думаю, он был один, — заметил Пакики. — Едок такого размера обычно бывает один в округе.

— Мано-Нуи! — девушка Таэма вздрогнула, дав чудовищу имя демона-акулы из преданий своего народа. — В этих водах может быть только один царь акул такого размера. Но почему мы раньше не замечали таких? Тино-Рау Тауа доложили бы нам...

— Может, потому что, как говорит Пакики, эти существа редки, — ответил Эш. — Хищник такого рамера должен иметь очень большую охотничью территорию, и у нас есть доказательства, что он долго прожил в своём логове. Значит, он не позволял никому вторгаться на свои охотничьи угодья.

Карара кивнула. «К тому же он может охотиться изредка, наедаться и лежать, пока пища не переварится. Большие акулы на Земле так и поступают. Росс просто оказался у него на переднем дворе, поэтому он и вышел поглядеть...»

— Отныне, — Эш проглотил четвертушку фрукта, — мы

знаем, чего опасаться, знаем и оружие против этой опасности. Не забывайте об этом!

Точные механизмы их соников уже зарегистрировали колебания воды, вызываемые приближением дракона, а глубинный шар позаботится об остальном.

— Слишком большой череп, он не соответствует туловищу по размерам, — Пакики присел на корточках возле лежащей на песке головы на конце теперь полностью вытянутой шеи.

Росс раньше обращал внимание в основном на вооружение этой головы, на клыки в мощных челюстях, на пасть на рыле. Но замечание Пакики заставило его заметить, что череп нависает над глазами, в нём очень много места для мозга. Может, это существо разумно? Карара выразила его мысли в словах:

— Первое правило? — она продолжала разглядывать туловище.

Россу не понравился этот вопрос, даже если девушка просто рассуждала вслух.

Первое правило гласит: «Всеми средствами сохранять местную жизнь. Гуманоиды — не единственная возможная форма разума».

На самой Земле есть дельфины, доказывающие истинность этого правила. Но разве Первое правило означает, что нужно дать чудовищу возможность сжевать тебя, если ты заподозришь в нём наличие разума? Пусть Карара вспомнит об этом правиле, висая в нише, когда ей в живот нацелена рогатая голова.

— Первое правило не отменяет самозащиту, — спокойно заметил Эш. — Это существо — хищник, а если тебя рассматривают как законную добычу, ты имеешь право применять всю свою технику. Если ты сильнее или по крайней мере равен — да, остановись и подумай, прежде чем нападать. Но в такой ситуации — не нужно рисковать.

— Всё равно, — настаивала Карара, — отныне мы должны не убивать, а только отпугивать.

— Гордон, — Пакики отвернулся от туши, — а что мы вообще нашли, помимо этого?

— Даже гадать не могу. Знаю только, что эти углубления

сделаны с какой-то целью и очень давно. Мы не знаем даже, сразу же они были сооружены в воде или вначале находились на суше. Но теперь мы знаем, где установить временной зонд.

— Прямо здесь? — спросил Росс. Его грызло нетерпение. Но Эш продолжал хмуриться. Он покачал головой.

— Мы должны быть уверены в месте, очень уверены. Не хочу начинать цепную реакцию по ту сторону стены времени.

Он прав, вынужден был признать Росс, вспомнив, что случилось, когда чужаки узнали о воротах времени красных, проследили их до самого двадцатого столетия и всё уничтожили. Если сравнивать технические знания, то первоначальные колонисты Гавайки по сравнению с землянами — гиганты. И если использовать временной зонд, пусть даже тайно, вблизи одного из их поселений — значит, просто напрашиваться на быструю и ужасную месть.

Глава 3

Древние моряки

Эш достал ещё одну карту и расстелил её на песке, прижав камешками.

— Здесь, здесь и здесь, — Эш указал на три точки по трём сторонам от острова-пальца. В каждом из таких мест находилось по три подводных углубления в точном соответствии с местностью; согласно древней карте, здесь когда-то находился мыс большого материка. Земляне нашли руины, если можно так назвать эти блюда, хотя их назначение и оставалось крайне загадочным.

— Установим зонд здесь? — спросил Росс. — Нам нужно всего одно сообщение из прошлого... — после такого подтверждения следует поток материалов и персонала с Земли, от руководителей Поекта.

— Установим здесь, — принял решение Эш.

Он выбрал место между двумя линиями, где риф даёт

безопасное основание. И как только решение было принято, земляне принялись за работу.

Оставалось два дня на установку зонда и пробу, и корабль улетит — с доказательствами или без них. Росс и Эш перенесли установку на риф, Уи и Карара помогали перевозить оборудование и части, дельфины постоянно кружились вокруг. Эти водные животные были так же заинтересованы, как и люди. А в воде помощь их была неоценима. Росс бегло подумал, что если бы у дельфинов были руки, они давно уже захватили бы контроль над родной планетой — или по крайней мере контроль над морями.

Все работали с привычной лёгкостью, даже в масках и под водой, устанавливая зонд, нацеливая его на контрольный пункт — выступающую на конце острова-пальца скалу. После того как Эш проделал последние приготовления, испытал каждую часть, он жестом велел всем всплывать.

Карара быстрым движением руки задала вопрос, и Эш ответил щёлканьем соника: «В сумерках».

Да, сумерки — подходящее время для испытания временного зонда. Они смогут подсмотреть, сами оставаясь в безопасности. Здесь у Эша нет для руководства никаких исторических данных. Поиск обитателей прошлого может оказаться долгим, придётся просмотреть многие столетия.

— Когда они здесь жили? — Карара на берегу распустила волосы, давая им возможность просохнуть. — На сколько сотен лет назад уйдёт зонд?

— Скорее всего, на сколько тысяч, — заметил Росс. — С чего начнём, Гордон?

Эш стряхнул песок с блокнота, который положил себе на колено, и посмотрел в сторону рифа, где установили зонд.

— Десять тысяч лет... Мы знаем, что тогда галактические корабли садились на Землю. В то время их торговля и империя — если, конечно, это была империя — далеко раскинулась в пространстве. Может, она достигла тогда зенита цивилизации, а может, уже шла к упадку. Не думаю,

чтобы это было близко к началу. Дата подходит для первой попытки не хуже других. А если ничего не найдём тогда, передвинемся ближе к нашему времени.

— Вы думаете, тут было туземное население?

— Вполне могло быть.

— Но ведь здесь нет никаких крупных животных, мы не нашли никаких следов, — возразила Карара.

Эш пожал плечами. «Можно найти объяснение. Предположим, эпидемия, которая привела к гибели целые виды. Или война, в которой использовались разрушительные силы, изменившие лицо планеты. Многое могло привести к уничтожению разумной жизни. И тогда развились такие виды, как обитатели нор и меньшие животные».

— Мы нашли на пустынной планете обезьяноподобные существа, — Росс вспомнил свой первый полёт на галактическом корабле. — Может, когда-то это были люди, но они дегенерировали. А крылатые люди не были тогда людьми, но потом развились...

— Обезьяноподобные существа... крылатые люди, — прервала Карара. — Расскажите.

Что-то повелительное прозвучало в её просьбе, тем не менее Росс начал подробно описывать свои прошлые приключения, вначале на песчаной планете с закрытыми зданиями, где корабль сделал остановку — причину этой остановки его невольные пассажиры так никогда и не узнали; потом об исследовании планеты, которая когда-то могла быть столицей огромной звёздной империи. Там они заключили договор с крылатыми людьми, жившими в огромных зданиях, затерявшихся в густых джунглях.

— Видите, — полинезийка повернулась к Эшу, когда Росс закончил, — вы нашли их, этих обезьян и крылатых людей. А здесь только драконы и обитатели нор. Начало это или конец? Хотела бы я знать...

— Почему? — спросил Эш.

— Не только из любопытства, хотя и это тоже, но потому что у нас должно быть начало и конец. Неужели мы вышли из моря, научились думать и чувствовать, только чтобы вернуться снова к началу? Если ваши крылатые люди

поднимаются, а обезьяны опускаются... — она покачала головой. — Страшно было бы держать в руках оба конца нити жизни. Разве хорошо для нас видеть подобное, Гордон?

— Люди всегда задавали себе этот вопрос, Карара. Были такие, кто отвечал «нет», пытался отвернуться, прекратить познание, заставить человечество остановиться на одной ступени лестницы. Но в нас есть что-то такое, что не даёт остановиться, как бы ни труден был подъём. Этими действиями я могу навлечь на нас всех серьёзную опасность. Но не могу остановиться. А вы?

— Да, я тоже не смогла бы, — согласилась девушка.

— Мы здесь потому, что мы из тех, кто хочет знать, — добровольцы. У нас такой темперамент, мы всегда делаем следующий шаг.

— Даже если он ведёт к падению, — негромко добавила девушка.

Эш взглянул на неё, но она смотрела на море, где кружева пены обозначали начало рифа. Слова её звучали очень обычно, но Росс распрямился, встречая взгляд Эша. Почему он ощущает мгновенное беспокойство, как будто сердце его застыло, перестало биться?

— Я знаю вас, агентов во времени, — продолжала Карара. — Нам о вас много рассказывали во время обучения.

— Могу себе представить, — рассмеялся Эш, — ещё какие байки! — но его весёлость показалась Россу вымученной.

— Может быть. Но я всё же думаю, что там много правды. И я слышала о вашем строгом правиле: вы никак не должны изменять ход истории. Но предположим, предположим, здесь можно изменить ход истории, предотвратить развернувшуюся катастрофу. Если это произойдёт, что будет с нашим поселением здесь и сейчас?

— Не знаю. Мы никогда не осмеливались на такой эксперимент и не осмелимся...

— Даже если это означает жизнь целой расы? — настаивала девушка.

— Может быть, альтернативные миры, — воображение Росса разыгралось. — Два мира в переломный момент истории, — объяснил он, заметив её изумлённый взгляд. — Один происходит от одного решения, другой — от альтернативного.

— Я слышала об этом! Но, Гордон, если бы вы оказались в нужный момент и в вашей власти было бы сказать: «Да, живи!» или «Нет, умри!» целому народу чужаков, как бы вы поступили?

— Не знаю. Но не думаю, чтобы когда-нибудь оказался в таком положении. А почему ты спрашиваешь?

Она сплетала всё ещё влажные волосы в конский хвост, пытаясь перевязать его лентой. «Потому что... потому что я чувствую... Нет, я не могу выразить это в словах, Гордон. Такое чувство, словно мы на пороге очень важного события — предчувствие, страх, возбуждение. Пожалуйста, разрешите мне пойти с вами сегодня вечером! Я хочу увидеть — не Гавайку, а другой мир, с другим названием, тот мир, который знали и видели они!»

Росс готов был резко возразить, но не успел, потому что Эш уже кивнул.

— Хорошо. Но нам, может быть, совсем не повезёт. Охота во времени — рискованное занятие, так что не будь разочарована, если мы не найдём этот другой мир. А теперь я хочу уложить свои старые кости на часок-другой. Развлекайтесь, дети, — он лёг и закрыл глаза.

Прошедшие два дня почти стёрли тени с его худого загорелого лица. Он сбросил два-три года, с благодарностью подумал Росс. Если им сегодня повезёт, Эш полностью придёт в норму.

— Как ты думаешь, что здесь случилось? — Карара теперь сидела спиной к морю, лицо её оставалось в тени.

— Откуда мне знать? Могло произойти всё, что угодно.

— А мне полагается заткнуться и оставить тебя в покое? — быстро продолжила она. — Ты хочешь в одиночестве наслаждаться возбуждением, исследовать мир за миром, верно? Мы на Гавайке Один, это для нас новый мир; но есть и Гавайка Два, удалённая не в пространстве, а во времени. И исследовать её...

— Мы, в сущности, не будем её исследовать, — возразил Росс.

— Почему? Разве вы, агенты, не проводили дни, недели, даже месяцы в прошлом Земли? Что помешает вам сделать то же самое здесь?

— Отсутствие тренировок. У нас нет нужной подготовки.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, и на Земле было всё далеко не так легко и просто, как тебе кажется, — презрительно начал он. — Мы не могли просто пройти в ворота и заняться делом, скажем, в Риме Нерона или Мехико Монтесумы. Агент должен физически и психологически соответствовать эре, которую он собирается исследовать. Тогда он тренируется, и ещё как тренируется! — Росс вспомнил бесконечные часы тренировок в пользовании бронзовым мечом, в изучении торговой техники народа горшечников, гипнотические уроки языка, мёртвого уже много столетий. — Изучаешь язык, обычаи, всё о том времени, в котором будешь. Всё должен изучить в совершенстве, пока тебя выпустят в пробный маршрут.

— А здесь у вас никаких инструкторов нет, — кивнула Карара. — Да, я понимаю, в чём трудность. Значит, вы просто будете подглядывать?

— Вероятно. Но, может быть, позже сумеем ненадолго проскользнуть в ворота. Когда накопится достаточно материала. Однако это будет строго ограниченный проект, и мы не допустим никакого риска. Может, умные головы дома обработают информацию и создадут основу для нашего проникновения.

— Но на это уйдут годы!

— Вероятно. Ведь плавать тоже начинаешь с мелких мест, верно? Не станешь сразу прыгать с утёса?

Она рассмеялась. «Верно! Однако даже простой взгляд в прошлое может разрешить большую загадку».

Росс хмыкнул и по примеру Эша лёг. Закрыв глаза, но мозг продолжал работать. Конечно, проба — это тоже хорошо, но Карара права. Хочется чего-то большего, чем

маленькое окошко в тайну, хочется принять участие в решении загадки.

Солнце садилось и из розового стало красным, оно набросило винного цвета занавес на всё небо, и море тоже стало алым. Когда Росс оглянулся на остров, тени на нем стали янтарными, а не пепельными. Три человека, два дельфина и машина на рифе, который, может быть, и не существовал в то время, которое они ищут. Эш произвёл последнюю настройку и нажал кнопку. Все смотрели на экран размером не шире двух ладоней.

Ничего, тусклое серое ничего! Вероятно, какая-то ошибка при сборке. Росс коснулся плеча Эша. Но на экране начали сгущаться тени, постепенно появилось изображение.

Они снова увидели закат солнца. Но цвета бледнее, меньше красного, чем сейчас. И они видят не остров, на который сейчас нацелена машина — они увидели неровную береговую линию, где над полоской берега высоко вздымаются крутые утёсы. А на утёсах!.. Росс даже не почувствовал, что Карара схватила его за руку, пока её пальцы не впились ему в тело. И даже тогда он не обратил внимания на боль. Потому что из утёса выросло сооружение!

Массивные стены из местного камня заканчивались башнями. И на самой высокой башне на ветру развевалось знамя. К северу уходил крутой берег, а огибали его...

— Боевые каноэ! — воскликнула Карара, но у Росса имелось другое определение:

— Драккары!

На самом деле корабли были не тем и не другим — не двойные каноэ, перевозившие воинов от одного острова Тихого океана к другому, и не увешанные щитами боевые корабли викингов. Но земляне не ошиблись в их цели: эти быстроходные с острыми носами корабли предназначены для стремительного продвижения по морю, они маневренны как оружие.

За первым шёл второй, за ним третий. Паруса их окрасило солнце, но на парусах сияли изображения, и их линии сверкали, словно металлические.

— Замок! — возглас Эша привлёк их внимание снова к суше.

На стенах замелькали тени. Последовала вспышка, рядом с первым кораблем всплеснулась вода, обрызгав его палубу.

— Они стреляют! — Карара плечом оттолкнула Росса, чтобы лучше видеть.

Корабли меняли курс, отворачивая от суши в море.

— Двигутся очень быстро для парусников, а никаких вёсел я не вижу, — Росс был изрядно удивлён. — Как это возможно...

Бомбардировка из замка продолжалась, но успеха не имела. Корабли вышли за пределы досягаемости, причём передовой корабль исчез и с экрана зонда. А потом остался только замок и закат. Эш распрямился.

— Камни! — удивленно сказал он. — Они бросают камни!

— Но ведь у этих кораблей явно какие-то двигатели. Отступая, они не пользовались парусами, — выразил своё собственное удивление Росс.

Карара переводила взгляд с одного на другого. «Вы чего-то не понимаете. Чего именно?»

— Да, это катапульты, — кивнул Эш. — Соответствуют периоду Римской империи и Средних Веков. Но ты прав, Росс, у кораблей точно стоит какой-то двигатель, который быстро увёл их от берега.

— Технически развитый народ встречается с отсталым? — предположил более молодой агент.

— Возможно. Заглянем немного вперёд, — прилив поднял уровень воды у рифа. Эшу пришлось надеть маску и погрузиться с головой, чтобы произвести необходимую регулировку.

Снова он нажал кнопку. Удивлённый возглас Росса послышался одновременно с выдохом девушки. Снова утёс, но на нём уже нет замка, только руины, всего лишь груда развалин. А над теми местами, где теперь расположены блюдца-углубления, высятся огромные пилоны из серебристого металла, согретые тёплым закатом; они тянутся в небо словно пальцы истощённой руки. Ни кораб-

лей, ни других признаков жизни. Даже растительность, которая раньше виднелась на берегу, исчезла. Атмосфера опустошения и смерти обрушилась на землян.

Росс внимательно разглядывал пилоны. Что-то в их конструкции показалось ему знакомым. Печальная планета, на которой дважды останавливался их корабль — на пути вперёд и на обратном пути. Мир металлических сооружений. Ему показалось, что он находит какое-то сходство между ними и этими пилонами. Но никакой связи с замком на скале.

Снова Эш нырнул, чтобы переналадить зонд. И в быстро тускнеющем свете они увидели третью — и последнюю — картину. Но на этот раз они словно смотрели на знакомый им остров, только без растительности, с резкими очертаниями скал, которые ныне полностью сгладились.

Может быть, пилоны — ключ к перемене, происшедшей в этом мире? Что это такое? Кто их установил? Росс считал, что на последний вопрос ответ он знает. Это, несомненно, продукт галактической империи. А замок... корабли... туземцы... поселенцы? Два различных периода, и между ними — тайна. Смогут ли они извлечь ключ к ней из глубин времени?

Они поплыли к берегу, где Уи развёл костер и где их ожидал ужин.

— Сколько лет между этими пробами? — Росс пальцами разделял жареную рыбу.

— Первая — десять тысяч лет назад, вторая, — Эш помолчал, — на две тысячи лет позже.

— Но это значит... — Росс взглянул на своего руководителя.

— Что произошла война или вторжение. Да.

— Прилетели чужаки со звёзд и захватили планету? — спросила Карара. — Но зачем? И для чего эти пилоны? Насколько позже была последняя картина?

— На пятьсот лет.

— Значит, к этому времени пилоны исчезли, — заметил Росс. — Но почему?... — повторил он вопрос Карары.

Эш взял свой блокнот, но не стал раскрывать его.

«Думаю, нам следует это узнать», — голос его прозвучал довольно мрачно.

— Поставим ворота?

И Эш нарушил все правила их службы, ответив:

— Да, ворота.

Глава 4

Угроза бури

— Мы должны узнать, — Эш прислонился спиной к ящику, который они только что опустошили. — Здесь что-то делалось пятьсот лет, потом — пустой мир.

— Ящик Пандоры, — Росс провёл рукой по лбу, смахивая пыль и мелкий песок.

Эш кивнул. «Может, мы и рискуем выпустить всех дьяволов вселенной. Но что, если этот ящик первыми откроют красные в каком-нибудь поселении на одной из своих планет?»

Всё та же старая заноза побуждает их идти на риск и безрассудство. На обоих путях ждёт опасность. Не рискуй открывать тайны галактики, но и не допускай, чтобы противник узнал их первыми. В этом деле у них в обеих руках раскалённое добела железо. И Эш прав: они наткнулись на доказательства, что вся планета была изменена с какой-то целью. А если тайну этого изменения узнают враги?

— Кто были люди с кораблей и из замка — аборигены? — вслух размышлял Росс.

— Я полагаю, что да. Или они — поселенцы, жившие здесь так долго, что развили свою цивилизацию примерно на уровень феодального общества.

— Вы так считаете из-за замка и бомбардировки камня-ми? Но как же корабли?

— Две различные стадии развития общества в войне друг с другом. Может, более агрессивная против менее технологичной. Американские боевые корабли наносят визит в Японию сёгунов, например

Росс улыбнулся. «Эти корабли, кажется, не дождались гостеприимного приёма. Когда начали падать камни, они быстро ушли в море».

— Да, но корабли хоть как-то соответствуют замку; пилоны же — нет.

— На какой период мы нацелимся вначале — на замок или на пилоны?

— Я думаю, вначале замок. Если там ничего не узнаем, можем совершить несколько прыжков вперёд. Но перед нами серьёзные трудности. Если бы только мы могли поместить анализатор где-то близко к основанию замка.

Росс не показал своего удивления. Если Эш говорит так, значит, он не просто собирается бросить взгляд из-за ворот; нет, он хочет записать образцы речи чужаков, постепенно приняв их обличие!

— Гордон! — между двумя кружевными деревьями появилась Карара. Она шла так быстро, что содержимое двух чашек в её руках даже расплескивалось. — Вы должны выслушать Хори...

Шедший за ней высокий самоанец быстро заговорил. Впервые за всё время их знакомства Росс видел его серьёзным, между бровей его образовалась морщина. «Приближается сильная буря. Наши приборы регистрируют её».

— Сколько у нас времени? — вскочил на ноги Эш.

— День... может быть, два...

Росс не видел никаких изменений в небе, в море, на островах. Все шесть недель после высадки стояла идиллическая погода, да и сейчас никаких признаков беды в этом гавайском раю.

— Буря приближается, — повторил Хори.

— Ворота почти сооружены, — вслух размышлял Эш, — слишком много собрано, мы не сможем в спешке всё разобрать.

— А если закончить сборку, — спросил Хори, — выдержат ли они бурю?

— Возможно. Они укрыты за рифом. Закончить можно быстро.

Хори согнул руки. «В таких делах мы представляем

физическую силу, а не мозг, Гордон, но мы поможем. А корабль? Он стартует по расписанию?»

— Свяжись с Рембо. А что за буря? Как тихоокеанский тайфун?

Самоанец покачал головой. «Откуда нам знать? Местных бурь мы ещё не видели».

— Острова низкие, — заметила Карара. — Вода и ветер могут...

— Да! Нужно поговорить с Рембо об убежище на всякий случай.

Ещё часом раньше посёлок мирно дремал, теперь же все его обитатели были заняты. Было решено, что колонисты укроются на корабле, если буря превратится в ураган, но до её начала следовало закончить ворота. Окончательная сборка была предоставлена Эшу и Россу, и старший агент завинчивал последние болты, когда вода за рифом уже волновалась, а небо быстро темнело. Дельфины плавали взад и вперёд в лагуне, а с ними Карара, хотя Эш дважды отсылал её на берег.

Солнце полностью скрылось, и работали теперь при свете фонарей. Эш начал последний осмотр относительно простого на вид перехода — два вертикальных стержня и пластина непрозрачного материала, которая и представляла собой ворота. Устройство лишь отдалённо напоминало переход, которым Росс пользовался в прошлом. Постоянные эксперименты породили гораздо более простую и транспортабельную модель.

В сетке были приготовлены для пробного маршрута несколько контейнеров: запасные жаберные ранцы, неприкосновенный запас продовольствия, медицинская сумка — всё самое необходимое. Но неужели Эш собирается опробовать ворота немедленно? Он активировал переход, теперь стержни слабо светились, плита также испускала призрачное голубоватое сияние. Но, конечно, Эш только проверяет, работает ли установка.

Впоследствии Росс так и не смог найти подходящих слов, чтобы описать происшедшее в этот момент. Да он ничего и не помнил ясно. Нарушение ориентации при

переходе он испытывал и раньше; но на этот раз его втянуло в водоворот, в котором он лишился своего тела, своей личности, утратил всякую связь с реальностью.

Инстинктивно он отталкивался ногами; не сознание, а рефлексy удержали его на поверхности в охваченном яростной бурей море. Свет исчез, остались только тьма и ревущая вода. Потом над головой сверкнула молния, и Росс увидел — он не поверил своим глазам, — что его несёт к берегу, но не к острову-пальцу, а к утёсу, о который с грохотом ударяются волны.

Росс понял, что его каким-то образом протащило в ворота, и что он оказался как раз против того места, где находился замок. Но теперь ему пришлось обо всём позабыть и только бороться за свою жизнь: волны пытались ударить его о скалу.

Впереди показалась неровная поверхность, Росс бросился в том направлении и ухватился за камень, сопротивляясь обратному течению уходящей волны. Ногти его попытались впиться в скалу и сразу же обломались, но тут пальцы правой руки попали в углубление, и Росс изо всех сил ухватился. Никакого предупреждения, никакого времени на подготовку, только воля и стремление выжить спасли ему жизнь.

Вода отхлынула, и Росс попытался подняться выше, чтобы уйти от следующей волны. Ему удалось встать на ноги до её прихода. Маска жаберного ранца не дала ему захлебнуться в кружащемся потоке, и он продолжал упорно цепляться за камень, не давая волнам унести себя в море.

В передышках между волнами дюйм за дюймом он поднимался выше, всё более прочно становясь на ноги. И вот он на скале, здесь до него долетают только брызги и пена. Он скорчился, истощённый и задыхающийся. Гром прибоя, гром в небе — всё это оглушало, притупляло чувства, как и испытание, через которое он прошёл. Он был доволен уже тем, что выбрался, и почти не сознавал окружения.

Наконец внимание Росса привлекли огоньки на берегу

к северу от него. Они двигались, собирались группами у воды, некоторые виднелись и на утёсе. И это не фейерверк бури. Люди. Но почему именно в такое время?

Ещё одна вспышка молнии дала ему ответ. На краю рифа, далеко вдававшегося в море, болтался корабль... два корабля... молот волн неустанно бил по ним. Крушение... значит, огни принадлежат жителям замка. Они вышли к потерпевшим крушение.

Росс на четвереньках прополз по скале, пока перед ним не оказалась разгневанная вода. Плыть сейчас невозможно. Он колебался... и тут ему в голову пришло новое соображение, заставившее забыть о своей участи.

Эш! Эш находился перед ним в воротах времени. Если Росса забросило через них в прошлое, значит, где-то в воде или на берегу находится и Гордон! Но как его найти?..

Прижавшись спиной к скале, держась за грубый камень, Росс встал и попытался хоть что-нибудь разглядеть в мешанине пены и воды. Не только морская вода — сверху лил проливной дождь, хлеща по голове и плечам. Холодный ливень заставил Росса взрогнуть.

На нём жаберный ранец, пояс с подвешенными инструментами и ножом, ласты и плавки — снаряжение, вполне достаточное для той Гавайки, которую он знал; но здесь — совсем другой мир. Посмеет ли он воспользоваться фонариком? Росс взглянул на огни на севере и решил, что они похожи на свет фонаря; можно рискнуть.

Теперь он стоял на вершине скалы, покрытой промоинами, все они до отказа заполнены водой. Слева — обрыв в кипящий бушующий котёл, из которого торчит каменный клык. Росс вздрогнул. Ну, хоть этого он избежал.

Справа, к северу, — бушующее море, узкая полоса земли и ещё один обрыв. Он измерил расстояние до этого обрыва. Оставаясь на месте, он не отыщет Эша.

Росс снял ласты и прикрепил их к поясу. Потом прыгнул и приземлился на противоположной стороне обрыва, ноги скользнули, и он ударился лицом.

Юноша сел, потирая оцарапанное колено, и увидел приближающиеся огни. А между ними шевельнулась ка-

кая-то тень, выползающая из воды на берег. Росс захромал вдоль обрыва, торопясь добраться до этой фигуры, лежавшей сейчас вне пределов досягаемости волн. Эш?

Хромая походка сменилась рысцей. Но он всё равно опоздал: другие огни, два огня добрались до фигуры раньше. Человек — вернее, тело гуманоида — лежал лицом вниз. Другие люди, трое, собрались вокруг истощённого борьбой незнакомца.

Те, что держали фонари, сами частично оставались в темноте, но третий наклонился над находкой. Росс уловил блеск металлического головного убора, влажные доспехи на спине и плечах. Наклонившийся человек быстро осматривал жертву моря.

А потом... Росс остановился, глаза его широко распахнулись. Поднялась и точным движением опустилась рука. Рука, сжимающая лезвие. И все трое сразу отвернулись от столь безжалостно убитого человека. Эш? Или спасшийся с одного из кораблей?

Росс быстро отступил к краю обрыва. Узкая полоса воды, отделявшая его от утёса, на который он выбрался из моря, уходила в пещеру в скале. Посмеет ли он забраться в неё? В маске, с жаберным ранцем он сможет продвигаться под поверхностью воды, если только волна не ударит его о стену.

Он оглянулся. Огни подобрались уже совсем близко к нему. Если отступить на вторую скалу, можно оказаться в западне, потому что уйти в кипящее море он не решится. Выбора по существу нет: оставаться и быть убитым или попробовать скрыться в пещере. Росс надел ласты и осторожно опустился в узкую полосу воды. Стены с обеих сторон защищали её от волнения, и Росс обнаружил, что двигаться здесь вовсе не трудно.

Придерживаясь за стену, он медленно плыл вперёд, часто с головой скрываясь под водой, но всё больше приближаясь ко входу в пещеру. И вот он уже внутри, в обширном пространстве, заполненном водой, но волнения здесь нет.

Заметили ли его? Росс держался за стену слева от себя,

тело его поднималось и опускалось вместе с водой. Снаружи он увидел слабый свет. Должно быть, один из охотников наклонился над обрывом и светит вниз.

Губы Росса скривились под маской в гримасе ненависти. Здесь-то преимущество будет на его стороне. Пусть только попробует, пусть все трое подойдут ко входу в пещеру...

Но если его и заметили, никто из охотников не торопился к нему. Свет исчез, и Росс погрузился в темноту. Он медленно досчитал до ста, потом до двухсот, прежде чем решился включить свой фонарь.

Несмотря на узкий вход, пещера оказалась довольно обширной. Отпустив стену, Росс поплыл и тут же обнаружил, что к ближе к задней стене дно быстро поднимается.

И вот несколько мгновений спустя Росс оказался на узком карнизе, до которого лишь изредка дотягивались небольшие волны. Он нашёл временное убежище, но опасения за будущее не оставили его. Неужели там на берегу был Эш? И почему пловца так быстро убили нашедшие его люди?

Корабли, висящие на рифе, замок на утёсе у него над головой... враги... экипажи кораблей и обитатели замка? Но жестокий поступок на берегу свидетельствует о фанатичной вражде, возможно, о межрасовом конфликте.

Пока буря не кончится, он ничего не сможет узнать. В море Эша ему не отыскать. А выйти сейчас на берег к этим неизвестным охотникам — просто смертельно рисковать, ничего не получив взамен. Нет, пока ему придётся оставаться здесь.

Росс отцепил фонарь от пояса и осветил верх пещеры. Он сидел на карнизе, который уходил в воду в виде клина. За его спиной бутрилась неровными выступами стена пещеры, на которых висели клочки водорослей. Росс снял маску и тут же почувствовал запах гнилой рыбы. Насколько он мог видеть, другого выхода, кроме того, что ведёт в море, здесь не было.

Он уловил движение в воде и тут же направил туда свет фонаря. Из воды поднялась гладкая голова. Не человек, но один из дельфинов!

Удивлённое восклицание Росса прозвучало почти криком. На мгновение показался второй дельфин, а между двумя дельфинами, под самой поверхностью, закачалось третье тело.

— Эш! — Росс понятия не имел, как дельфины прошли через ворота времени, но он не сомневался, что они спасают землянина. — Эш!

Но к карнизу, где с протянутой рукой ждал Росс, приближался вброд не Эш. Росс был так уверен, что перед ним его руководитель, что растерянно замигал, встретившись взглядом с Карарой. Она, спотыкаясь, выбралась из воды.

Он схватил её руками за плечи, чтобы поддержать, и она повисла на нём всем своим весом. Сделала слабое движение к маске, и Росс помог снять её. Лицо девушки было бледным и измождённым, глаза полузакрыты, дыхание неровное, она дрожала всем телом.

— Как ты сюда попала? — спросил Росс, усаживая её на карниз.

Она медленно качнула головой — отрицательно.

— Не знаю... мы были у самых ворот. Вспыхнул свет... потом... — в голосе её зазвучали истерические нотки... — потом... я оказалась здесь... и со мной Тауа. Появился и Тино-рау... Росс! Росс... там плыл человек... Он выбрался на берег, и его убили!

Росс крепче сжал её руку и посмотрел ей прямо в лицо.

— Это был Гордон?

Она помигала, поднесла руку ко рту и вытерла подбородок. Между её пальцами показалась тонкая красная струйка, стекая по руке.

— Гордон? — повторила она, словно никогда раньше не слышала этого имени.

— Да, они убили Гордона?

В его объятиях она покачнулась. Росс понял, что это он трясёт её, и постарался овладеть собой.

В глазах её появилось осмысленное выражение. «Нет, не Гордон. А где он?»

— Ты его не видела? — настаивал Росс, понимая, что это бесполезно.

— Нет, с тех самых пор, как мы миновали ворота... — голос её теперь звучал уверенней. — А разве ты был не с ним?

— Нет, я был один.

— Росс, где мы?

— Правильнее спросить: когда мы? — ответил он. — Мы прошли через ворота и перенеслись в прошлое. И нам нужно найти Гордона! — он не хотел даже думать о том, что произошло на берегу.

Глава 5

Потерпевшие крушение во времени

— Мы сможем вернуться? — Карара пришла в себя, голос её зазвучал резко.

— Не знаю, — правдиво ответил Росс. Сила, увлекшая их в ворота времени, была ему незнакома. Насколько он знал, раньше никогда не происходило подобного невольного перехода, и он не понимал, что означает их перенос.

Но главное — Эш тоже прошёл, и его нет теперь с ними. Если буря немного утихнет, с появлением дельфинов вероятность найти его увеличивается. Он сказал об этом Караре, девушка кивнула.

— Ты думаешь, здесь идёт война? — она прижала руки к груди, плечи её непрерывно дрожали. Влажный холод впивался в тело, и Росс понял, что он тоже может быть очень опасен.

— Может быть, — он встал и осветил стены. Возможно, эти водоросли дадут хоть какую-то защиту?

— Держи и посвети туда! — он сунул ей в руки фонарик и пошёл к стене.

Нарвав водорослей, которые пахли остро, но были лишь чуть влажны, он устроил из них на карнизе нечто вроде гнезда. В нём они хоть как-то будут защищены от холода и влаги.

Карара забралась в центр гнезда, Росс последовал за ней. Запах водорослей заполнил ноздри, он был почти

осязаем, но всё же Росс оказался прав: девушка перестала дрожать, да и сам он ощутил тепло. Росс выключил фонарь, и они тихо лежали в темноте на груди полусгнивших водорослей.

Должно быть, он уснул. Подняв голову, юноша почувствовал, что всё его тело затекло и болит. Он приподнялся на руках и заглянул за край гнезда из водорослей. В пещеру пробивался свет, бледный сероватый свет, который становился сильнее у входа. День. Значит, они могут выступать.

Росс порылся в водорослях, нащупал плечо девушки.

— Проснись! — он охрип, но в голосе прозвучали приказные нотки.

Послышался удивлённый возглас, водоросли рядом зашевелились.

— Уже день... — настаивал Росс.

— И буря... — девушка наконец встала. — Мне кажется, она кончилась.

И правда, уровень воды в пещере понизился, волны больше не плескались с прежней энергией. Утро... буря кончилась... и где-то здесь Эш!

Росс уже собирался натянуть маску, когда Карара схватила его за руку.

— Осторожней! Помни, что я видела: ночью на берегу убивали пловцов!

Росс нетерпеливо покачал головой. «Я не дурак! У нас есть ранцы, мы можем даже не подниматься на поверхность. Послушай... — у него появилась новая мысль, предлог оставить её в безопасности, снять с себя ответственность за неё. — Попробуй с помощью дельфинов отыскать ворота. Они нам понадобятся, как только я найду Эша».

— А если ты его не найдёшь сразу?

Росс колебался. Она не сказала всего. А если он вообще не найдёт Гордона? Но он должен... должен найти!

— Я вернусь сюда... — он взглянул на часы; сутки на Гавайке не совпадали с земными, но поселенцы сохранили земные меры для измерения периодов сна и бодрствования, — скажем, через два часа. К тому времени ты уже будешь

знать о воротах, а я выясню ситуацию на берегу. Но послушай... — Росс схватил её за плечо, развернул к себе лицом и гневно посмотрел ей в глаза, — ни в коем случае не показывайся из воды... — и он повторил главное правило агентов на новой территории: — Нас не должны обнаружить.

Карара кивнула, и он видел, что она поняла, вполне сознаёт важность его предупреждения. «Ты хочешь, чтобы с тобой были Тино-рау или Тауа?»

— Нет, я вначале выберусь на берег. Эш попытался бы добраться до него ночью... его, вероятно, отнесло туда же, куда и нас. И он где-то должен был выйти. И у меня есть это... — Росс коснулся соника на поясе. — Я настроил его на приём вызова Эша. Ты сделай то же самое. И если мы окажемся в пределах досягаемости, он нас услышит. Возвращайся через два часа...

— Хорошо, — Карара освободилась от водорослей и вошла в воду, где её терпеливо ожидали дельфины. Росс последовал за ней, и они вчетвером выплыли в открытое море.

Рассвет начался недавно, подумал Росс, держась одной рукой за скалу и глядя вслед уплывающим Караре и дельфинам. Потом пошёл по воде вдоль берега на север. Небо окрасилось розовым, на дальнем горизонте марево приняло тёплый серебристый оттенок. Вокруг в воде качались следы шторма, приходилось осторожно пробираться среди обломков и плавающих отбросов.

Один из потерпевших крушение на рифе кораблей совершенно исчез. Должно быть, его разбили волны, превратив в щепки. Второй ещё держался, нос его теперь высоко торчал над водой, в бортах зияли большие дыры, их них каскадами лилась вода.

На берегу валялось множество досок, ящиков, бочек, выброшенных морем. Несколько человек разглядывали их, переходя от одного обломка к другому. Несмотря на опасность обнаружения, Росс пробирался вдоль берега в поисках удобного наблюдательного пункта.

Он прижимался к камню, весь в плавающих водорослях,

когда ближайшая группа аборигенов стала ему хорошо видна.

Люди... по крайней мере, внешне похожи на людей, хотя кожа у них тёмная, а конечности кажутся непропорционально длинными и тонкими. На четверых виднелся только небольшой кусок ткани вокруг бёдер; эти четверо переворачивали обломки под присмотром двух других.

У рабочих густые волосы покрывали не только голову, но и спускались по спине и бокам вдоль худых рук и ног до локтей и колен. Волосы светло-жёлтые и очень контрастировали с тёмной кожей, подбородки резко торчат вперёд, так что нижняя часть лица смутно напоминала звериную морду.

Надсмотрщики были одеты лучше, на головах у них красовались шлемы с забралами, прикрывающими лицо, грудь и спину прикрывали доспехи из плотно прилегающих пластин. Росс решил, что пластины не металлические: они изменяли форму при движении.

Ноги плотно обтягивали брюки и башмаки — всё красное. Вооружение составляли мечи странной формы, концы их загибались, так что лезвие в целом напоминало рыболовный крючок. Мечи крепились к поясу без ножен, зажимы пояса ярко блестели на утреннем солнце, словно их украшали драгоценные камни.

Лиц надсмотрщиков Росс почти не видел, их скрывали забрала. Но кожа у них была такая же тёмная, как и у работников, руки и ноги тоже необыкновенно длинные... явно представители одной и той же расы, заключил он.

Подчиняясь приказам надсмотрщиков, работники приводили берег в порядок, сортируя отбросы на две груды. Однажды они целой группой собрались вокруг какой-то находки, и до Росса донеслась их речь — возбуждённое щёлканье.

Росс мельком увидел тело, которое оттащили двое работников. Тело! Эш... Землянин уже хотел было приблизиться, когда заметил, что тело завёрнуто в зелёный плащ. Нет, это не Гордон, просто ещё одна жертва кораблекрушения.

Чужаки постепенно приближались к Россу; вероятно, ему пора было уходить. Он уже отползал из-за своего укрытия из водорослей, когда услышал громкий крик. На мгновение ему показалось, что его заметили, но тут же реакция находившихся на берегу показала, что это не так.

Работники столпились за грудой отбросов, к которой они только что оттащили тело. Два стражника встали перед ними и извлекли мечи, отцепив их от пояса. Предупреждение или угроза? Россу мешал языковой барьер, он мог только наблюдать.

С юга по берегу приближалась ещё одна группа. В носилках покачивалась какая-то непонятная фигура — в плаще, в капюшоне, настолько закутанная в серебристо-серые ткани, что Росс не мог разглядеть даже её общие очертания. Серебристо-серый... нет, вот появились голубые тона, они быстро темнели. К тому времени когда незнакомец поравнялся со скалой, за которой скрывался Росс, его одежда приняла глубокий синий цвет и, казалось, сама собой светилась.

За ним шагал с десяток вооружённых людей с такими же клювастыми шлемами и такими же пластинами на груди и спине, но брюки и башмаки у вновь прибывших — серого цвета. У них тоже имелись загнутые мечи, но они спокойно висели на поясе, и не делалось никаких попыток снять их, несмотря на явную враждебность стражников.

Синий плащ остановился в трёх футах от стражников. Морской ветер пошевелил плащ, прижав его к телу. Но носитель плаща всё равно оставался скрытым. Из-под ткани показалась рука. Пальцы, длинные и тонкие, сжимали жезл цвета слоновой кости; жезл заканчивался утолщением-головкой. От жезла исходил непрерывный поток искр.

Росс схватился руками за свой пояс. К его полному изумлению, диск соника реагировал на эти вспышки, щёлкая в такт пучкам искр. Землянин прикрыл диск пальцами руки в шрамах, продолжая наблюдать. Может быть, обладатель жезла, в свою очередь, способен уловить кодовую передачу, обращённую к Эшу?

Рука, державшая жезл, оказалась не смуглая, она была того же цвета слоновой кости, что и сам жезл, так что Россу трудно было разглядеть, где кончается рука и начинается жезл. Одним решительным жестом человек воткнул свой жезл в песок, оставив его стоять часовым между двумя группами.

Одетые в красное стражники отступили на шаг-два назад. Но не убрали мечи. Их отношение, как решил Росс, нечто среднее между страхом и необходимостью противиться — либо по приказу, либо из застарелой ненависти.

Человек в плаще заговорил — но речь ли это? Несомненно, поток звуков имел мало общего с щёлканьем, которое Росс слышал раньше. Звуки поднимались и опускались, они напоминали песню, напев, это могло быть и приветствием, и угрозой. Воины за этим человеком стояли неподвижно, по-прежнему не прикасаясь к своим мечам.

Росс прикусил нижнюю губу. Это пение, оно проникает в сознание, подчиняет себе! Он резко помотал головой и тут же спохватился. Однако на берегу никто не смотрел в его сторону.

Пение закончилось высокой резкой нотой. За ним последовала тишина, слышались только звуки ветра и волн.

Затем один из работников схватился руками за голову и произнёс несколько щёлкающих звуков. Он и его товарищи упали на землю и принялись посыпать головы песком. Один из стражников повернулся, резко крикнул и пнул работника в рёбра.

Но тут уже закричал его товарищ. Жезл, стоявший до сих пор вертикально, начал наклоняться в сторону работавшей группы, искры из него полетели чаще, образуя единый луч. Росс изумлённо отдёргнул руку от диска соника: он ощутил острую боль.

Работники бросились бежать, вернее, ползти на животах; только удалившись на некоторое расстояние, они встали и побежали. Но стражники сохранили своё достоинство. Они тоже отступали, но медленно, пятясь, держа перед собой мечи, как люди, уступающие перед явным преимуществом.

Когда они исчезли, человек в плаще взял жезл. Держа его перед собой, он приблизился к двум грудам, которые набросали работники, и принялся внимательно рассматривать их, пока не наткнулся на тело.

По его приказу подбежали двое солдат и расправили неподвижное тело на земле. Человек в плаще кивнул, солдаты отошли. Жезл опять двинулся, только на тело в этот раз был устремлён его конец, а не рукоять.

Голова Росса откинулась. Поток света, энергии, огня — непонятно чего, — исходящий из жезла, на мгновение ослепил его. А вибрация воздуха подействовала как удар.

Когда он снова смог видеть, на песке уже ничего не оставалось от трупа, кроме стеклянистой канавки, от которой спиралями поднимался пар. Потрясённый Росс вцепился руками в скалу.

Люди с мечами... а теперь это — какая-то форма управляемой энергии, свидетельствующая о высоком развитии науки и технологии. А из замка бросали камни в корабли, которые удалялись со скоростью, говорящей о наличии неизвестного двигателя. Смесь варварства с высокими знаниями. Чтобы понять, нужно больше узнать. Эш мог бы...

Эш!

Росс вернулся к своему поиску. Жезл утих, больше от него не отлетали искры. Затих и соник на поясе Росса. Землянин отключил его. Если прибор уловил излучение жезла, возможно и противоположное.

Человек в плаще отобрал некоторые предметы, сопровождавшие его солдаты подняли указанные им ящики и одну или две небольшие фляжки. Нагрузившись, группа удалилась на юг, тем же путём, каким и пришла. Росс позволил себе облегчённо передохнуть.

Он пошёл дальше по берегу на север, наблюдая за другими группами работников и стражников. Линия стражников поднималась на холм, они передавали друг другу грузы, назначением их служил замок. Но Росс не увидел ни следа Эша, как не получил ответа и на свой вызов, который возобновил, как только незнакомцы удалились. И земля-

нин начал понимать, что его поиск безрезультатен, хотя так не хотел смириться с этим.

Но когда он возвращался к пещере, страх его уже готов был перейти в гнев, в раздражение из-за собственной беспомощности. У него нет возможности проникнуть в замок, и он не может узнать, попал ли Эш в плен. А пока не уйдут с берега работники, он не может искать и здесь.

Карара ждала его на карнизе. Дельфинов не было видно, и первое, что увидел Росс, когда выбрался из воды и снял маску, это встревоженное лицо девушки.

— Ты его не нашёл, — не вопрос, а утверждение.

— Нет.

— А я не нашла ворота...

Росс вытирался водорослями из гнезда. Но при этих словах он застыл.

— Никакого следа?...

— Только это... — она достала из-за спины запечатанный контейнер. Росс узнал в нём один из запасных контейнеров, находившихся у ворот. — Там есть и другие... разбросанные. Тауа и Тино-рау сейчас их ищут. Похоже, что всё, что было рядом с нами, тоже втянуто сюда с той стороны.

— Ты уверена, что нашла именно то место?

— Разве это не часть ворот? — девушка искала что-то на карнизе. И протянула металлический стержень, изогнутый и сломанный с одного конца, словно гигантская рука выдернула его из установки.

Росс мрачно кивнул. «Да, — голос его прозвучал хрипло, слова словно вырывались вопреки его желанию, — это боковой стержень. Ворота... должно быть, совсем сломаны».

Но даже держа в руках этот стержень, Росс не мог поверить, что ворота окончательно сломаны. Он поплыл к рифу, где к нему присоединились дельфины. Там он обнаружил ещё одну изогнутую трубу, несколько разбросанных контейнеров — и всё. Земляне потерпели крушение во времени, как корабли, прошлой ночью севшие на мель.

Росс снова направился в пещеру. Самое главное теперь — ближайшие задачи. Нужно собрать все контейнеры и спрятать их, потому что от их содержания зависела ныне жизнь трёх человек.

Он задержался у входа в пещеру, перехватывая поудобнее сетку с контейнерами. И тут случайность позволила ему узнать о вторжении.

На карнизе Карара собирала водоросли. Но сбоку от неё на уровне её головы...

Росс не посмел включить фонарь и тем самым выдать своё присутствие. Подвесив сетку к скале, он поплыл под водой вдоль стены пещеры таким маршрутом, который приведёт его к фигуре, следящей за каждым движением Карары.

Глава 6

Локет Бесполезный

Волны успешно скрывали приближение Росса, пока он не оказался совсем рядом со шпионом. Тот по-прежнему следил за Карарой. Росс, глаза которого вполне привыкли к полумгле, разглядел голову и плечи. Следующие две-три минуты будут самыми критичными для землянина — он должен выйти на открытое место на карнизе, прежде чем сможет напасть.

Карара словно прочла его мысли и помогла ему. Потому что подошла к краю карниза и свистком подозвала дельфинов. Над водой появилась гладкая голова Тино-рау, он писком ответил на призыв девушки. Карара наклонилась, и дельфин коснулся протянутой руки.

Росс услышал удивлённый выдох наблюдателя, слабый звук движения. Карара начала негромко петь — мелодичную песню своего народа, дельфин время от времени вставлял одну-две ноты. Росс и раньше слышал их пение, сейчас же оно предоставило ему отличное звуковое прикрытие. Он прыгнул.

Схватив чужака, Росс крепко сжал его запястья. Незна-

комец в страхе и удивлении вскрикнул, когда землянин сдёрнул его с места. Росс всем телом навалился на противника, прежде чем понял, что тот не сопротивляется и лежит неподвижно.

— Что это? — Карара лучом фонаря осветила их обоих. Росс увидел смуглое худое лицо, не очень отличающееся от его собственного. Широко расставленные глаза закрыты, рот раскрыт. Росс посчитал, что гавайкиец потерял сознание, тем не менее продолжал сжимать его запястья, освобождая тело. С помощью девушки он прочными водорослями связал пленника.

Тело незнакомца обтягивал тесный костюм из блестящего материала, он покрывал всё тело и ноги, но руки оставлял обнажёнными. На поясе висело множество предметов, среди которых выделялся нож с кривым концом. Росс благоразумно снял его.

— Да ведь это мальчишка, — сказала Карара. — Откуда он явился, Росс?

Землянин указал на щель в стене. «Он сидел там и следил за тобой».

Глаза ее округлились. «Почему?»

Росс подтащил пленника к стене пещеры. Вспомнив картину убийства на берегу, он не хотел думать, что привело сюда гавайкийца. Должно быть, Карара подумала о том же, потому что добавила.

— Но он даже не извлёк свой нож. Что ты с ним сделаешь, Росс?

Землянин уже думал об этом. Несомненно, самое разумное — не откладывая убить туземца. Но на такую жестокость он не способен. К тому же, если из незнакомца можно извлечь хоть какие-то сведения — об этом новом мире и его обычаях, тогда Росс будет победителем вдвойне. Возможно, эта встреча даже приведёт его к Эшу!

— Росс... его нога. Видишь? — и девушка указала на аборигена.

Плотно облегающая одежда туземца делала явным его уродство: его правая нога скорчена и искривлена. Он калека.

— Ну и что? — резко спросил Росс. Не время проявлять сочувствие.

Но Карара не стала развязывать незнакомца, чего опасался Росс. Напротив, она села, скрестив ноги, и на лице её появилось отчуждённое выражение. Россу захотелось протянуть руку и коснуться её.

— Его хромота — она может послужить мостом, — задумчиво проговорила она, к немалому удивлению Росса.

— Мостом? О чём ты?

Девушка покачала головой. «Это всего лишь чувство, не настоящая мысль. Но это важно. Смотри. Мне кажется, он приходит в себя».

Веки больших глаз дрогнули. Гавайкиец мигнул и посмотрел на них. На лице его застыло абсолютное изумление, пока он не увидел Карару. И тут он разразился потоком звуков.

Казалось, его поразило то, что он не получил ответа. И вновь он что-то заговорил умоляющим тоном.

Карара сказала Россу: «Он боится, очень боится. Но вначале, мне кажется, он был доволен... просто счастлив».

— Но почему?

Девушка покачала головой. «Не знаю, я могу только чувствовать. Подожди!» Она повелительно подняла руку. Не встала, но продвинулась на четвереньках к краю карниза. Оба дельфина высоко подняли головы над водой, их охватило необычное возбуждение.

— Росс! — громко прозвучал голос Карары. — Они его понимают. Тино-рау и Тауа понимают его!

— Понимают его язык? — Росс считал это фантастичным, как ни велики возможности дельфинов.

— Нет, мозг. Они читают в его мозгу, Росс. Он мыслит такими образами, которые они могут воспринимать и понимать. Ты знаешь, они могут это делать с некоторыми людьми, но не так. Тут более прямое и ясное понимание! Они так возбуждены!

Росс взглянул на пленника. Чужак ёрзал, пытаясь приподняться у стены. Землянин рывком посадил его, но туземец словно не заметил помощи Росса. Он с выражени-

ем ужаса и недоверия смотрел на качающиеся головы дельфинов.

— Он боится, — сообщила Карара. — Он никогда не испытывал такого общения.

— Они могут расспрашивать его? — спросил Росс. Если умственная связь между аборигеном и дельфинами действительно существует, появляется реальная возможность узнать что-то об этой планете.

— Они могут попробовать. Сейчас он испытывает только страх, и они должны прорваться сквозь него.

И последовала самая необычная четырёхсторонняя беседа, какую Росс только мог вообразить. Росс задавал вопрос Караре, та передавала его дельфинам. В свою очередь те мысленно спрашивали гавайкийца и таким же образом передавали ответ.

Потребовалось некоторое время, чтобы страх незнакомца улёгся. Но наконец он стал охотно отвечать.

— Он — сын владыки замка над нами, — дала первый полный и разумный ответ Карара. — Но по какой-то причине его там не принимают. Возможно, — добавила она от себя, — из-за того, что он калека. Его дом — море, как он говорит, и он считает меня каким-то мифическим морским существом. Он видел, как я плыла в маске с дельфинами, и уверен, что я по своему желанию могу менять обличье.

Она колебалась. «Росс, тут что-то странное. Он знает или считает, что знает, некие существа, которые могут появляться и исчезать по своей воле. И боится их силы».

— Боги и богини — это совершенно естественно.

Карара покачала головой. «Нет, это более конкретно, чем религиозное представление».

Росса охватило неожиданное вдохновение. Он торопливо описал фигуру в плаще, которая отогнала жителей замка от выброшенных морем предметов. «Спроси его об этом».

Она передала вопрос. Росс увидел, как дёрнулась голова пленника. Гавайкинец переводил взгляд с Карары на её спутника, лицо его стало задумчивым.

— Он хочет знать, почему ты спрашиваешь о фоаннах. Ты должен знать, кто это.

— Послушай... — Росс был уверен теперь, что сделал настоящее открытие, хотя об истинной важности его не мог догадаться, — скажи ему, что мы пришли из такого места, где фоанн нет. У нас есть своя сила, но мы должны знать и об их силе.

Если бы он только мог вести этот допрос непосредственно, не полагаясь на перевод дельфинов! И где взять уверенность в том, что вопрос доходит до чужака неискажённым?

Росс устало откинулся. Потом озабоченно взглянул на Карару. Если его этот разговор по кругу утомил, то она должна устать вдвойне. Плечи её опустились, говорила она усталым хриплым голосом. Он неожиданно встал.

— Достаточно — пока.

И правда. Ему нужно время для оценки, для осмысления узнанного. И в то же время он почувствовал голод, горло пересохло от жажды. У входа в пещеру он оставил канистру с припасами...

— Нам нужно поесть и напиться, — он принялся надевать маску, но Карара удержала его.

— Тауа принесёт... Подожди!

Дельфин принёс сетку с контейнерами. Росс раскрыл один, достал сосуд с пресной водой. Во втором ящике оказались сухие вафли неприкосновенного запаса.

После недолгого колебания Росс подошёл к пленнику, перерезал узы на его руках, дал ему вафлю и поднёс к губам бутылку. Гавайкиец посмотрел, как едят земляне, потом откусил вафлю и с удовольствием сжевал её. Бутылку он с интересом повертел, потом отпил.

Росс жевал механически, без всякого удовольствия, он напряжённо сопоставлял факты, чтобы представить себе картину жизни гавайкийцев того периода, в который их забросило. Конечно, картина основывалась на фактах, полученных от пленника. И вполне может быть, туземец сознательно ввёл их в заблуждение или скрыл что-нибудь существенное. Но можно ли это сделать при умственном контакте? Придётся всё воспринимать с некоторым скептицизмом.

Итак, в замке живут грабители разбитых судов, вдоль всего побережья протянулись их крепости, они извлекают прибыль из вод этого островного мира. Земляне видели их в действии вчера и сегодня. И если сведения туземца верны, не только буря загнала сюда корабли. У грабителей есть какой-то способ притягивать суда на свои рифы.

Какой-то способ притягивания... И какая-то сила втянула землян в ворота времени. Может, здесь кроется какая-то связь? Грабители кораблей на утёсе и моряки, и между ними глубокая вражда.

Эти две группы Росс понимал, он готов иметь с ними дело. Но остаются ещё фоанны. А судя по объяснениям пленника, фоанны — совсем другое дело.

Они обладают властью, которая опирается не на мечи или инструменты и оружие людей. Нет, у них неземная сила, она даёт им преимущество во всём, кроме одного — численности. И хотя у фоанн есть свои воины и слуги, как и видел Росс на берегу, сами они принадлежат к другой расе, очень старой и умирающей, и осталось их совсем немного. Сколько, никто не может сказать, потому что у фоанн нет отдельных личностей, известных остальному миру. Они появляются, отдают приказы, высказывают свои требования, противостоят или помогают, как хотят, и всегда один или двое, всегда они закутаны в свои плащи, и потому их физическая внешность остаётся загадкой. Но все знают об их силе. Росс узнал, что ни один владыка грабителей, каким бы сильным ни был он среди своего народа, сколь бы честолюбив ни был, не посмеет открыто противиться фоаннам, хотя время от времени лорды и протестуют против их требований.

По словам пленника, сила фоанн сверхъестественного происхождения. Но Росс считал, что они обладают остатками каких-то почти забытых технических знаний, наследием очень древней расы. Он попытался что-нибудь узнать о происхождении самих фоанн. Может быть, закутанные в плащ фигуры принадлежат к галактической империи? Но ответ был таков: фоанны древнее письменной истории, они жили в больших крепостях задолго до того, как

народ пленника землян поднялся из примитивного варварства.

— Что же нам теперь делать? — прервала мысли Росса Карара. Она убирала контейнеры в сетку.

— Грабители иногда захватывают рабов... Может быть, и Эш... — Росс готов был ухватиться даже за хрупкую соломинку. Приходилось. А незнакомец сказал, что если к берегу прибывает сильных людей, к тому же не раненых, их берут в плен. И прошлой ночью захватили нескольких таких.

— Локет.

Росс и Карара оглянулись. Пленник поставил бутылку с водой, одной рукой он делал жест, в значении которого невозможно было ошибиться: он указывал на себя и повторял: «Локет».

Землянин коснулся своей груди: «Росс Мэрдок».

Вероятно, туземцу, как и им самим, надоел косвенный обмен информацией, и он решил испробовать более прямой путь. Анализатор! В оборудовании у ворот находился и анализатор. Если только Росс найдёт его... тогда основная проблема была бы решена. Он быстро объяснил Караре, та энергично кивнула и подозвала Тауа, приказав принести весь остальной материал, оставшийся от ворот.

— Локет, — Росс указал на юношу. — Росс, — это он сам. — Карара, — напоследок указал на девушку.

— Россс, — имя прозвучало с непривычным щёлканьем. — Карара... — второе вышло гораздо лучше.

Росс осторожно раскрыл ящик, который принесла Тауа. Он смутно представлял себе, как работает этот прибор. Анализатор записывает чужой язык и переводит его на символы, уже знакомые агентам во времени. Но можно ли использовать его для перевода совершенно чужого языка; языка с другой планеты? Росс надеялся, что прибор не повреждён и эксперимент окончится удачно.

Поставив перед собой ящик, он объяснил, чего хочет; Карара взяла небольшой микродиск и начала медленно и внятно произносить певучие звуки, с которыми обращалась к дельфинам. Росс пощёлкал переключателями и

посмотрел на маленький экран. Символы ему понятны, он может перевести её слова. Машина работает.

Он поставил ящик перед Локетом и заставил туземца, проявившего явное нежелание, взять диск у Карары. Через дельфинов Росс передал инструкции. Сможет ли прибор перевести язык другой планеты, как делает с древними языками Земли?

Локет неохотно начал говорить в диск, вначале очень торопливо, потом, когда ничего страшного не произошло, медленнее и увереннее. На экране появились ряды символов, и некоторые из них имели смысл! Росс обрадовался.

— Спроси его: можно ли незаметно войти в замок и посмотреть на рабов?

— Зачем?

Росс был уверен, что правильно понял эти символы.

— Скажи ему: среди них один из наших.

На этот раз Локет ответил не сразу. Он серьёзно и внимательно посмотрел на Росса, потом на Карару и снова на Росса.

— Есть путь... известный только бесполезному.

Росс не обратил внимания на странное прилагательное, которое применил к себе Локет. Он продолжал расспрашивать.

— Может он показать нам этот путь?

Снова долгое молчание, потом Локет ответил. Росс обнаружил, что читает символы вслух.

— Если ты решишься, я проведу тебя.

Глава 7

Ведьмино мясо

Росс понимал, что, скорее всего, безрассудно подвергает всех опасности. Но если Эш заключён где-то в замке у них над головой, тогда стоит рискнуть и довериться Локету. Но если Росс рискует своей головой, это вовсе не значит, что должна рисковать и Карара. С помощью дельфинов, с запасами, пусть и небольшими, она вполне может переждать здесь в безопасности.

— А чего дожидаться? — негромко спросила она, когда Росс высказал ей свои соображения.

Вопрос справедливый. Ворота исчезли, и теперь земляне привязаны к этому времени, как они согласились быть связанными с Гавайкой, когда стартовал их корабль. Нельзя уйти из прошлого, которое стало их настоящим.

— Фоанны, — продолжала она, — эти грабители, моряки — и все враждуют друг с другом. Если мы присоединимся к какой-нибудь стороне, их вражда станет и нашей враждой.

Тауа ткнулась носом в карниз рядом с девушкой и запищала, привлекая внимание. Карара оглянулась на Локета.

— Он хочет знать, доверяешь ли ты ему, — девушка кивнула в сторону гавайкийца. — И он просит сказать тебе вот что: тени наделили его искалеченной ногой, поэтому для живущих в замке он не свой, он бесполезный. Росс, мне кажется, он считает, что мы обладаем такими же силами, как и фоанны, что мы сверхъестественные существа. И так как мы его не убили, а накормили, он считает себя нашим должником.

— Ритуал хлеба и соли... возможно, — конечно, глупо сравнивать обычаи чужаков с земными, но Росс подумал об очень древнем прошлом своей планеты. Если ты ешь пищу человека, ты становишься его другом или, по крайней мере, не врагом. В воинственных обществах Земли существовали строгие табу и кодексы поведения; возможно, это справедливо и для Гавайки.

— Спроси его, каково правило еды и питья между друзьями и врагами, — сказал Росс Караре. Чем больше он узнает об обычаях этого общества, тем скорее сможет ими воспользоваться. На вопрос последовал быстрый ответ:

— Дать хлеб тому, кого победил в битве, означает сделать его своим человеком. Не рабом для тяжёлого труда, а воином, который за тебя обнажает меч. Приняв твой хлеб, я принял и тебя как своего повелителя и кормильца. Между нами не может быть предательства, потому что человек не может предать своего повелителя. Я, Локет,

теперь меч в твоих руках, я у тебя на службе. И для меня это вдвойне хорошо: я бесполезный человек, и у меня никогда ещё не было повелителя. А с морской девой и её свитой, которая слушает мои мысли, я не могу обманывать.

— Он прав, — добавила Карара. — Его мозг открыт; он, даже если бы захотел, не смог бы скрыть своих мыслей от Тауа и Тино-рау.

— Хорошо, я принимаю это, — Росс взглянул на карниз. В дальнем конце грудой лежали контейнеры. Для Карары безопасней уйти отсюда. Росс сказал ей об этом.

— Куда уйти? — спросила она. — Люди из замка по-прежнему на берегу. Не думаю, чтобы кто-нибудь знал об этой пещере.

Росс кивнул на Локета. «Он ведь знал. Я не хочу, чтобы ты тут оказалась в западне. И не хочу потерять эти припасы. Содержимое контейнеров может когда-нибудь спасти всех нас».

— Можно затопить их у стены, привязав к сетке груз. Тогда, если мы решим уходить, они будут готовы. Не беспокойся, это моё дело, — она чуть насмешливо улыбнулась ему.

Росс подчинился, хотя почувствовал лёгкое раздражение. Но она права. Работа с дельфинами и морем — её дело. И он вынужден был признать справедливость ее слов.

Несмотря на искалеченную ногу, Локет проявил поразившую Росса прыткость. Когда ему развязали ноги, он поманил землянина в нишу, из которой следил за Карарой. Потом углубился в неё и сразу исчез из виду.

Росс последовал за ним и обнаружил, что из ниши вверх идёт узкая щель, напоминающая вентиляционное отверстие. И эту щель неоднократно использовали для прохода. Было темно, но абориген ощупью нашёл и показал Россу опору для рук и ступеньки. Затем он начал подниматься по этой грубой лестнице и сразу погрузился во тьму.

Трудно было оценить время и расстояние в этой тёмной трубе. Росс считал ступеньки. Его тренировка как агента во времени заставляла делать это автоматически — запоминать путь, ведущий во вражескую территорию. Он не знал,

с какой целью первоначально был сделан этот проход, но и в крепостях Земли прорывали тайные ходы, которые использовались во время осады, а Росс постепенно начал считать, что у чужаков очень много общего с людьми Земли.

Он насчитал двадцать ступенек, когда обострённые тренировкой чувства и инстинкт подсказали ему, что где-то поблизости их ждёт отверстие. Тьма оставалась такой плотной, что казалась тканью, окутавшей его потное тело. Росс чуть не вскрикнул, когда почувствовал пальцы на своём запястье. Потом подтянулся и оказался в пустом коридоре. Впереди неярким серым пятном виднелся источник света.

Росс чихнул от поднявшейся пыли. Локет ухватил его за плечи и с поразительной силой поднял землянина.

Проход, в котором они оказались, опять-таки представлял собой щель, только горизонтальную; потолок её находился высоко над головами. Щель узкая, чуть шире плеч Росса. Он не мог определить, природное ли это образование или же она вырублена в скале.

Локет уже шёл впереди, от прихрамывающей походки тело на фоне светлого пятна подпрыгивало вверх и вниз. И снова его проворство и выносливость поразили землянина. Локет калека, но он хорошо приспособился к своему физическому недостатку.

Свет усилился, и Росс заметил в стене справа от себя прорези, не шире двух пальцев. Он всмотрелся в одну из них и увидел пустое пространство, внизу слышался шум волн. Должно быть, щель проходит в утёсе, выходящем на море.

Нетерпеливый щёлкающий шёпот заставил его поторопиться и присоединиться к Локету. Перед ними начиналась лестница, очень узкая и крутая. Локет начал подниматься боком, его протянутая ладонь прижималась к камню, словно приклеивалась к нему. Впервые искалеченная нога стала явной помехой.

Росс снова начал считать — десять, пятнадцать ступенек. Они опять оказались во тьме. А потом из похожего на

колодец отверстия выбрались в круглую комнату. Неожиданный яркий свет заставил землянина заслонить глаза. Локет вставил светящийся конус в отверстие в стене, и землянин понял, что яркость света относительна на фоне тьмы прохода; на самом деле освещение было довольно слабое.

Гавайкинец всем телом налёг на дальнюю стену и надавил изо всех сил. Стена отодвинулась, медленно, неохотно — словно вес её был слишком велик для его тонких рук. А может, её медленное движение объяснялось осторожностью Локета.

Перед ними снова открылся узкий проход, и конус освещал его всего на несколько футов. Локет поманил Росса, и они вошли. Здесь в левой стене явно искусственно были прорублены многочисленные отверстия, через которые пробивался свет. Словно идёшь за прорезанным в разных местах экраном. Росс заглянул в одно отверстие и ахнул.

Он находился над самым центром замка, и картина внизу привлекла всё его внимание. Ему приходилось видеть картины жизни феодального замка. Сходство есть, но чем больше Росс смотрел, тем больше замечал различий между прошлым Земли и этим миром.

Прежде всего животные — да и животные ли? — впряжённые в повозку. У них по шесть конечностей, передвигаются они на четырёх, а две держат прижатыми к шее. Упряжь состоит из паутины ремней, закреплённых на плечам и теле. Гротескные головы покачивались на длинных шеех, туловище целиком покрыто роговыми пластинами. Росс поразился, заметив несомненное сходство между этими существами и морским драконом из будущего этого мира.

Но сейчас эти существа подчиняются людям. А вообще деятельность внизу... Россу пришлось подавить интерес и постараться сосредоточиться на своём деле. Впрочем, Локет не позволил ему смотреть слишком долго. Он снова потянул землянина за руку дальше по коридору за экраном в глубину крепости.

Вскоре открылся новый узкий проход в стене. На пол падала полоска света — не естественный свет дня, но красноватый блеск из отверстия на уровне талии. Локет неуклюже опустил на здоровое колено и предложил Россу последовать его примеру.

Внизу находился зал, блестящий варварски яркими цветами. На стенах пестрели ткани, кое-где на них поблескивало что-то вроде украшений из драгоценных камней. Через равные интервалы между тканями были развешаны овальные предметы, размером примерно с человека, с рисунками и символами в металле и краске — возможно, стилизованные изображения местных животных и растений.

Вся обстановка создавала впечатление кричащей яркости. И одежда собравшихся вполне этому соответствовала.

На помосте, на который вели две ступени, с комфортом расположились три гавайки. Одежда плотно обтягивала верхнюю часть их тела, талии опоясывали разукрашенные перевязи, ниже одежда длинными складками ниспадала на пол, завершаясь на концах складок многочисленными кисточками. Головные уборы из переплетённых полосок при каждом движении ярко сверкали. У Росса даже глаза заболели при взгляде на их пёстрые сверкающие одеяния.

Перед помостом застыли два ряда стражников. Причина этого сбора пока ещё оставалась непонятна Россу, ведь он по-прежнему не понимал щёлкающую речь.

Послышался гулкий звук, словно удар гонга. Трое на помосте выпрямились и посмотрели в дальний конец зала. Россу не нужен был жест Локета, чтобы понять, что внизу происходит нечто важное.

Внизу среди ярких красок показалось пятно более умеренного цвета. Землянин узнал серо-голубую одежду фоанн. На этот раз в такой одежде было трое: один слегка впереди, остальные двое сзади. Они приближались скользящей походкой, как будто не шли, а плыли над каменным полом. Когда они остановились перед помостом, те, что сидели на нём, встали.

Росс видел, что поднимаются они весьма неохотно. Им явно приходилось проявлять почтительность, хотя они этого не хотели. Первым заговорил стоявший в середине повелитель замка.

— Захур... — шепнул Локет на ухо Россу, указывая на говорящего.

Россу очень хотелось спросить, что здесь происходит. Он не сомневался, что эта встреча двух гавайских народов чрезвычайно важна.

Повелитель замка смолк, последовало недолгое молчание. Землянин чувствовал, как нарастает напряжение. Возможно, это решающий момент, открытое провозглашение вражды между грабителями кораблей и другой, более древней расой. А может, с помощью этой паузы искусные фоанны пытаются вывести своих более непосредственных врагов из равновесия, как борец дзюдо использует атаку противника как часть собственной защиты.

Наконец фоанн ответил потоком певучих звуков. Росс почувствовал, как вздрогнул Локет, у него самого по спине поползли мурашки. Слова — если это были слова, а не просто воздействующие на сознание звуки — прямо-таки врезались в него. Он хотел заткнуть уши, сунуть в них пальцы, чтобы не слышать, но не мог даже поднять рук.

Ему казалось, что люди на помосте раскачиваются, словно это пение — верёвка, накинутая на них. Послышался грохот: один из стражников упал на пол и теперь лежал, зажав голову руками.

С помоста раздался крик. Пение достигло такой высокой ноты, что Россу даже почудилось, что у него разрываются барабанные перепонки. Линия стражников внизу дрогнула. Часть из них поспешно отходила в дальний конец зала, сторонясь фоанн. Локет негромко вскрикнул и вцепился в руку Росса.

Происходило нечто очень важное. Для Локета или для него самого? Эш! Это связано с Эшем? Росс прижался к отверстию, пытаясь разглядеть что-нибудь там, где исчезли стражники.

Ожидание сделало его вдвойне нетерпеливым. Один из

стоящих на помосте опустил на скамью и обхватил голову руками, плечи его дрожали. Но тот, кого Локет назвал Захуром, по-прежнему стоял перед фоаннами прямо, хотя Росс и видел, каких усилий ему это стоило.

Стражники торопливо возвращались, они вели с собой троих. Двое из них — гавайкийцы, их смуглые тела легко распознаваемы. Но третий — Эш! Росс чуть не выкрикнул его имя вслух.

Землянин прихрамывал, колено стягивала перевязь. На нём были только плавки, всё оборудование, очевидно, отобрали. На левом виске багровел кровоподтёк, на плечах и спине виднелись следы хлыста.

Росс сжал кулаки. Ещё никогда в жизни ему не нужно было оружие так, как сейчас. С огромным удовольствием он полил бы собравшихся внизу дождём из пулемёта. Но сейчас у него ничего нет, кроме ножа на поясе, и он оторван от Эша так же надёжно, как если бы они находились в разных камерах одной и той же тюрьмы.

Осторожность, врождённая и приобретённая в тренировках, заставила его успокоиться. Сейчас он ничем не может помочь Эшу. Но зато теперь он знает, что Гордон жив, и что он в руках чужаков. Теперь он может планировать дальнейшие действия. Снова послышалось пение фоанны, и трое пленников пошатнулись. Гавайкийцы подошли с обеих сторон к Эшу и поддержали его. Действовали они чисто механически, словно ими управляла чужая воля. Эш разглядывал грабителей и фигуры в плащах. Росс видел, что если гавайкийцы и попали во власть фоанн, то землянин вполне успешно сопротивлялся этой власти. Но Эш не пытался избежать помощи и, хромая, двинулся вдоль стены в сопровождении фоанн.

Росс решил, что повелитель замка передал пленников фоаннам. Это означает, что Эш переходит в другое место. Землянин сразу вскочил и устремился назад, торопясь вернуться в пещеру и как можно скорее выступить вслед за Эшем.

— Ты нашёл Гордона! — воскликнула, увидев его, Карара.

— Грабители захватили его. А теперь отдали фоаннам...

— Что они с ним сделают? — спросила девушка у Локета.

Как обычно, последовала цепочка передач, и туземец прощёлкал ответ в диск анализатора.

— Фоанны потребовали выживших в кораблекрушении в качестве дани. Ваш товарищ послужит им ведьминым мясом.

— Ведьминым мясом? — не понимая, повторил Росс. Карара с ужасом перевела дыхание.

— Жертвоприношение! Росс, он, наверное, имеет в виду, что Гордона принесут в жертву.

Росс так и застыл, потом повернулся и схватил Локета за плечи. Теперь его особенно раздражала невозможность задать туземцу прямой вопрос.

— Куда они увели его? Куда? — яростно начал он, но потом овладел собой.

Карара полузакрыла глаза и откинула голову назад: она передавала вопрос дельфинам, которые должны были дальше передать его Локету.

На экране анализатора вспыхнули символы.

— У фоанн есть своя крепость. В неё лучше пробраться с моря. Есть лодка... я покажу вам, это моя тайна.

— Скажи ему — да, и как можно скорее! — прервал девушку Росс. Его охватило предчувствие, что время истекает. Ведьмино мясо... ведьмино мясо... эти слова стегали его словно хлыстом.

Глава 8

Вольные пираты

В сгустившихся сумерках трудно было разглядеть, где встречаются море и земля, море и небо. К тому же окружившая их дымка опустилась ещё до наступления сумерек.

Росс балансировал в центре скифа, который тихо покачивался на волнах внутри барьерного рифа. Ему казалось,

что угловое судёнышко слишком хрупко для трёх пассажиров и всех их запасов. Но Карара, размеренно работавшая веслом на носу, и Локет — на корме, оставались спокойны, и Росс из гордости не хотел показывать свою тревогу. Он успокаивал себя тем, что ни один агент не может усвоить всего, а народ Карары покорил весь Тихий океан в лёгких каноэ, вряд ли более надёжных, чем их нынешнее судно.

Пытаясь подавить ощущение беспомощности и гнева, землянин занялся работой. Большую часть дня они провели в пещере, прежде чем Локет согласился выйти из укрытия и двинуться на юг. Тем временем Росс с помощью анализатора и Локета овладевал местным языком.

Теперь он обладал небольшим словарём щёлкающих слов и мог понимать Локета, лишь в сложных случаях приходилось обращаться к помощи дельфинов. К тому же он получил более подробные сведения о нынешней ситуации на Гавайке.

Получил вполне достаточно, чтобы понять, что они участвуют в безумном предприятии. Крепость фоанн — явно запретная территория, причём не только для народа Локета, но и для подданных фоанн, которые живут и работают за её стенами. Росс решил, что эти туземцы — наследственные слуги и воины, родившиеся в этом статусе, а не набираемые из местного населения. И они вооружены «волшебством» своих хозяев.

— Если фоанны так могущественны, почему ты идёшь против них? — спросил Росс Локета. Его беспокоило, что приходится во всём полагаться на аборигена.

Гавайкиец взглянул на Карару. Подняв руку, он сделал пальцами знак.

— С морской девой и её волшебством я не боюсь, — он чуть помолчал, потом добавил: — Всегда говорилось обо мне — и мне самому, — что я бесполезный, могу исполнять только женские дела. Никогда ткач слов не воспоёт мои воинские подвиги в большом зале Захура. Я — родной сын Захура, но не могу владеть мечом своего повелителя. А теперь вы предложили мне участие в поиске, о котором всегда будут помнить. И я докажу, что я — мужчина, даже

если и хромаю на ходу. Фоанны не могут сделать мне хуже, чем уже сделала Тьма. Следуя за вами, я смогу встать перед Захуром в его зале и доказать, что кровь нашего рода течёт и в моих венах, хоть я и хромаю!

Яростный огонь горел не только в словах Локета, но и в его глазах, в лице, в сухом изгибе губ, и Росс поверил ему. Землянин больше не сомневался, что пария замка готов идти навстречу неведомым ужасам крепости фоанн, и не только, чтобы помочь Россу, которому поклялся быть верным, но и чтобы завоевать себе место в воинственной культуре своего народа.

Отрезанный от нормальной жизни своих соплеменников, Локет рано обратился к морю. В воде искалеченная нога не служила ему препятствием, и он с гордостью рассказывал, что стал лучшим пловцом в замке. Впрочем, подданные его отца редко выходили в море, они его рассматривали только как способ приманить к себе подлинных морских пиратов.

Риф, на котором разбивались корабли, служил чем-то вроде ловушки — вначале капризом природы, когда ветры и течения тащили сюда корабли. Но Росс изрядно подивился, когда Локет рассказал о дальнейшем усовершенствовании этой ловушки.

— ...и вот Захур вернулся с этой встречи и установил в скалах волшебство, которому его научили. Теперь множество кораблей притягивается к рифу, и Захур стал великим повелителем, и многие принесли ему клятву верности на мече.

— Что это за волшебство, — спросил Росс, — и где Захур раздобыл его?

— Оно устроено так... — Локет начертил в воздухе две вертикальные линии. — Они прямые, а не изогнуты, как меч. Цвета воды под штормовым небом, и оба стержня высотой с человека. Их установили с большой осторожностью, и сделал это человек Кликмаса.

— Человек Кликмаса?

— Кликмас — великий повелитель Иккио. Он кровный родич Захура, но Захур принёс ему клятву верности на мече

и отдал морскую добычу целого года в уплату за это волшебство.

— А где взял волшебство Кликмас? У фоанн?

Локет сделал выразительный жест отрицания. «Нет, фоанны выступили против использования этого волшебства, из-за него отношения между древними и жителями берега ещё больше ухудшились. Говорят, Кликмас увидел великое чудо в небе и пошёл за ним в горы своей страны. Там одна гора раскололась надвое, и из щели послышался голос, призывая владыку страны подойти. Когда Кликмас послушался, он услышал, что волшебство будет принадлежать ему. Потом гора снова закрылась, и он нашёл на земле множество странных предметов. И они сделали его таким же сильным, как и фоанн. Некоторые он раздал своим кровным родичам, и теперь они становятся сильными и хотят сжать в своём кулаке не только морских пиратов, но и самих фоанн. Так они считают».

— А ты нет? — спросила Карара.

— Не знаю, дева моря. Наступает время, когда им придётся доказать, что их волшебство действительно сильно. Уже собрался флот пиратов, какого никогда раньше не было. И они как будто тоже обрели своё волшебство: их корабли больше не зависят от парусов и вёсел. Между нами война. Но ты должна это знать, морская дева.

— А кто, по-твоему, я? Кто такой Росс?

— Если на земле фоанны владеют древними знаниями, которых мы не понимаем, — ответил Локет, — возможно, такие же знания скрываются в море. Я считаю, что ты из тени, но не из Тьмы. И этот воин оттуда же, просто, может, у него другой оттенок, он претворяет в действия твои желания. И поэтому, если вы выступите против фоанн, это будет схватка равных.

Хорошо быть таким уверенным в этом, подумал Росс. Но он не разделял уверенности Локета.

— Тени... Тьма, — настаивала Карара. — А что это такое, Локет?

Странное выражение появилось на лице гавайкийца. «Разве ты не знаешь этого, морская дева? Значит, ты

действительно другой породы, чем люди земли. Тени — это силы, которые могут приходить на помощь людям, если пожелают, и изменять будущее. А Тьма... Тьма — это То, Что Кончает Всё: людей, надежду, добро. Она безжалостна и ненавидит жизнь и всё живое».

— Итак, у Захура есть новое волшебство. Это дар теней или Тьмы? — Росс вернулся к теме, которая вызывала у него немалое беспокойство.

— Захур процветает, — последовал довольно неясный ответ.

— Значит, Тьма не могла дать такое волшебство? — настаивал землянин.

И прежде чем гавайкиец смог ответить, Карара добавила свой вопрос:

— Но ты всё же считаешь, что это Тьма?

— Не знаю. Но только это волшебство сделало Захура частью Кликмаса, а сам Кликмас стал частью того, что говорило из горы. Нехорошо принимать дар, который крепко привязывает тебя к другому; нужно вначале узнать, насколько крепка будет эта связь.

— Ты мудро рассуждаешь, Локет, — сказала Карара.

Но тревога Росса продолжала усиливаться. Чуждая власть, исходящая из глубины горы, переходящая от одного повелителя к другому. А с другой стороны, неожиданное волшебство у пиратов, придающее крылья их кораблям. Каким-то образом два этих факта согласуются. И на Земле тоже однажды произошёл неожиданный и необъяснимый прыжок вперёд в технических знаниях; он-то и породил весь Проект службы во времени, частью которого стал сам Росс. И этот прыжок не был результатом нормальных научных изысканий; знания происходили с галактического корабля, потерпевшего крушение в далёком прошлом.

Неужели частицы этого звёздного знания были сознательно распределены между враждующими общинами? Он расспрашивал Локета о космических исследователях. Но для гавайкинца эта концепция оказалась совершенно чуждой. Звёзды для Локета — всего лишь окна и двери

теней, и космическое путешествие он считал естественным для этих призраков, но никак не для подобных себе существ. Никаких намёков на то, что Гавайку открыто посещали галактические корабли. Впрочем, это не устраняет возможности таких посещений. Росс вспомнил, что планета крайне редко населена. Огромные внутренние пространства больших островов представляют собой совершенно дикую местность, и планета сейчас напоминает Землю бронзового века, когда одинокие племена бродили по пустыням, степям и лесам, которые раньше никогда не видели человека.

Балансируя в центре судёнышка, стараясь не думать, что только тонкая шкура морского существа, натянутая на планки, отделяет его от воды, Росс размышлял над этой проблемой. Может быть, галактические захватчики ради собственных целей начали вмешиваться здесь в дела, нарушая столь хрупкое равновесие своими инструментами и оружием. Зачем? Чтобы вызвать конфликт, в котором погибнет всё туземное население? Чтобы они без особого риска получили планету в своё распоряжение? Такая хладнокровная жестокость вполне подходит лысым, какими их помнил Росс на Земле.

Он никак не мог забыть картину, увиденную в зонде: этот самый берег, замок в развалинах, высокие пилоны, устремившиеся в небо. Неужели они присутствуют при начале процесса, который приведёт к Гавайке его времени, лишённой разумной жизни, превратившейся в пустынную сеть островов?

— Станный туман, — слова Карары заставили Росса вернуться к реальности.

Когда они выплыли из скрытого заливчика, в котором Локет держал свою лодку, туман был еле заметен, но сейчас он сильно сгустился и накатывался на них валами.

— Фоанны! — резко ответил Локет; голос его говорил об опасности. — Их волшебство, так они прячут свою крепость! Опасность приближается!

— Может, причалим к берегу? — Россу не хотелось приписывать состояние погоды козням всемогущих фо-

анн. Слишком часто репутация шамана основывалась на случайных совпадениях. Но он не сомневался, что плыть в тумане опасно.

— Нас могут провести Тауа и Тино-рау, — напомнила Карара. — Брось верёвку, Росс. То, что над водой, их не смущает.

Росс осторожно передвинулся, стараясь приспособиться к неустойчивой лодке. Свёрнутая верёвка лежала на дне, он бросил её за борт и почувствовал рывок, когда один из дельфинов подхватил её.

Теперь их тащили на буксире, хотя оба гребца продолжали погружать вёсла в воду. Занавес, опустившийся на поверхность воды, не мешал подводным пловцам, и Росс почувствовал облегчение. Он повернулся к Локету.

— Мы близко?

Туман сгустился настолько, что туземца, хоть он и сидел совсем рядом, трудно было разглядеть. Его щёлкающий ответ показался каким-то искажённым, как будто туман изменил не только его внешние очертания, но и саму личность.

— Наверное. Скоро мы должны увидеть морские ворота.

— А сможем мы их увидеть?

— Морские ворота над поверхностью воды и под ней. Те, что повинуются дёве моря и умеют передавать мысли, скажут нам, даже если мы сами их не увидим.

Но до цели они так и не сумели добраться. Карара предупредила: «Впереди корабли».

Росс знал, что ей об этом сообщили дельфины. Он в свою очередь спросил: «Что за корабли?»

— Большие, гораздо больше нашего.

Вмешался Локет: «Пираты, три корабля!»

Росс нахмурился. В данной ситуации он — калека. Остальные двое могут общаться с дельфинами, а он слеп. Он с раздражением относился к этой своей ограниченности. И потому излишне резко приказал: «К берегу — немедленно!»

На берегу, даже в тумане, он чувствовал своё превосходство в умении укрываться перед любым врагом. На воде же

он ощущал себя беспомощным и уязвимым, а это состояние Росс не переносил.

— Нет, — так же резко возразил Локет. — Здесь негде высадиться на утёсы.

— Мы сейчас между двумя кораблями, — сообщила Карара.

— Вёсла, — Росс перешёл на шёпот, — не пользуйтесь ими, держите над водой. Пусть нас тащат дельфины. В тумане, если не будем шуметь, нас могут не заметить.

— Верно! — согласилась Карара; Локет тоже одобрительно хмыкнул.

Теперь они продвигались вперёд совсем медленно. Дельфины очень сильны, они просто не решались двигаться быстрее. Росс напряжённо размышлял. Может, если понадобится, они смогут уйти морем. Он понятия не имел, почему корабли пиратов под покровом тумана приближаются к крепости фоанн. Но знание земной тактики заставляло его предположить, что фоанны это посещение предвидели, и что визит далеко не дружеский. Пираты, опытные мореходы, в обычных условиях сторонились бы тумана, значит, у них имеется весьма важная причина или средства для передвижения в тумане.

Может, оставить лодку и с помощью дельфинов довериться морю, попытаться вплавь проникнуть через морские ворота? Использовать нападение пиратов как прикрытие для собственного проникновения в крепость? Росс решил, что у них есть некоторые преимущества, и приободрился.

Он шёпотом сообщил о своём плане и начал готовить снаряжение. Лодка по-прежнему направлялась к невидимому берегу. Но теперь из-за туманных стен слышались неясные звуки, которые говорили, как они близко к пиратам: скрип, шёпот, шумы, которые Росс не мог определить, всё это хорошо разносилось над водой.

Перед началом пути они научили Локета пользоваться жаберным ранцем и заставили потренироваться в пещере. У них был запасной ранец. Теперь все трое подготовились и могли уйти в море, прежде чем ловушка захлопнется.

— Сетка с запасами... — напомнил Росс Караре. Чуть позже что-то слегка ударилось о левый борт скифа. Росс осторожно поднял сетку с контейнерами и опустил её в воду, зная, что груз подхватит один из дельфинов.

Но к тому, что произошло дальше, он оказался совершенно не готов. Лодка под ними сильно дёрнулась, сначала в одну сторону, потом в другую. Дельфины словно пытались сбросить их в море. Росс услышал оклик Карары, голос её звучал испуганно.

— Тауа! Тино-рау! Они сошли с ума! Не слушают!

Лодка зигзагом рванулась вперёд. Локет схватился за Росса, пытаясь поддержать его и одновременно не давая лодке перевернуться.

— Фоанны!.. — в тот самый момент, как Локет выкрикнул это, Карара прыгнула за борт, случайно или намеренно — Росс не знал.

И тут лодка развернулась и ударилась о тёмный борт в тумане. Росс услышал наверху крики и понял, что они столкнулись с одним из кораблей. Он попытался сохранить равновесие, но упал на дно прямо на Локета, они мешали друг другу и несколько драгоценных секунд не могли двигаться.

И тут сверху упала паутина липких лент, окутавшая их обоих. Росс испустил сдавленный крик. Ленты запутали его, прижали ко дну.

Полосы быстро затвердевали, образуя сеть. Беспомощным пленником его потащили наверх. Ногами, пока свободными от лент, он ударился о борт корабля. Потом повис над палубой, полетел вниз и с силой ударился, не в силах понять ничего, кроме того, что его захватили в плен весьма эффективным способом.

Рядом с ним упал Локет. Но Карары не было, и Росс почувствовал слабую надежду. Она вырвалась на свободу до того, как пираты бросили свою сеть. Он видел, как вокруг собираются люди. Туман искажал их очертания. Потом его прокатали по палубе и сбросили в люк. Росс, падая в глубину, на мгновение испытал дикий ужас.

Сколько времени он оставался без сознания? Не очень

долго, решил Росс, открывая глаза в темноте. Он слушал звуки корабля и лежал неподвижно, стараясь прийти в себя. Потом попробовал согнуть руки. Ленты плотно прижимали их к бокам. Теперь ленты не казались скользкими, они высохли и застыли. И от их запаха Росс почувствовал тошноту. Но как ни старался, ослабить их не смог. Он затих и лежал, тяжело дыша, зная, что лёгкого пути для бегства нет.

Глава 9

Испытание боем

Непонятная речь, крики, раздававшиеся на палубе, — всё это сбивало Росса с толку. Может, на корабль пиратов напали? Росс попытался прислушаться, отгоняя боль в голове и недоумение.

— Локет? — он хорошо помнил, что гавайкийца сбросили в тот же люк.

Единственный ответ — негромкий стон и какое-то бормотание в темноте. Росс перекатился в том направлении. Он не моряк, но почувствовал, что на корабле что-то изменилось. Раньше всё сотрясала слабая вибрация, теперь же она прекратилась. «Выключили машину» — какая-то часть мозга юноши продолжала придерживаться привычных терминов. Корабль теперь покачивается на волнах, он не двигается вперёд.

Наконец Росс наткнулся на тело.

— Локет!

— Ахххх!.. Огонь... огонь!.. — еле слышный ответ был совершенно непонятен землянину. — Он у меня в голове... огонь...

Сильный крен откатил Росса в другую часть трюма. Послышался громкий голос, по палубе затопали шаги.

— Огонь... аххх... — голос Локета перешёл в крик.

А Росс застрял между двумя распорками и, несмотря на все усилия, никак не мог освободиться. Качка стала сильнее. Вспомнив попавшие на риф корабли, Росс под-

умал, не ждёт ли и этот такая же судьба. Но та катастрофа произошла во время бури. А сейчас, если не считать тумана, стояла спокойная ночь, море гладкое.

Но тряска последних минут, должно быть, обострила его сообразительность: а что, если у фоанн есть свой способ защиты от нападения с моря, и это его результат? Дельфины... Что заставило Тино-рау и Тауа так странно повести себя? И если корабль пиратов сейчас неуправляем, это самое подходящее время для бегства.

— Локет! — Росс осмелился позвать погромче. — Локет! — он весь напрягся, пытаясь порвать высохшие ленты, которые связывали его с плеч до бедер. Но те не поддавались.

На палубе снова раздался шум. Корабль всё-таки сдвинулся с места. Землянин услышал звуки, которые не смог определить, но корабль перестал раскачиваться. Локет застонал.

Насколько мог судить Росс, они уходили в море.

— Локет! — ему так нужна информация, он должен её получить! Не знать, что происходит, — это вызывало у него крайнее раздражение. Если они теперь пленники на корабле, который уходит от острова... При этой мысли Росс вновь начал бороться с лентами, пока не упал, вымотавшийся и отдувающийся.

— Россс? — Только гавайкинец мог произнести его имя со свистом.

— Я здесь. Локет? — конечно, Локет.

— Да, я здесь, — голос гавайкийца звучал слабо, как у тяжелобольного.

— Что с тобой случилось?

— Огонь... огонь в голове... пожирает... — Локет говорил с долгими паузами между словами.

Землянин удивился. Какой огонь? Локет явно испытывал не только грубое обращение пиратов. Весь корабль испытал это. И дельфины... Но о каком огне говорит Локет?

— Я ничего не почувствовал, — сказал он скорее себе, чем гавайкийцу.

— У тебя не горит в голове? Так, что невозможно думать...

— Нет.

— Это волшебство фоанн. Огонь съедает человека, становишься ни на что не способен.

Карара! Росс вспомнил те несколько секунд, когда дельфины словно сошли с ума. Карара что-то крикнула о фоаннах. Значит, что бы это ни было, дельфины ощутили это, Карара тоже, и Локет. Но почему Росс Мэрдок ничего не почувствовал?

Карара обладает каким-то особым, неопределимым чувством, которое даёт ей возможность общаться с дельфинами. Дельфины, в свою очередь, могут читать мысли Локета. Но для Росса такое общение закрыто.

Вначале он чувствовал ощущение стыда и утраты. То, что он не обладает такой способностью, унижало его. Как будто он калека, ему приходится использовать анализатор, чтобы понять других.

Но потом Росс коротко рассмеялся. Что ж, нечувствительность тоже может стать оборонительным оружием. Так и произошло у морских ворот. Он не потерял сознания, как другие. Если бы не случай, если бы пираты не захватили его перед этим, Росс мог бы сейчас оказаться хозяином корабля. Теперь он не смеялся, только сардонически улыбнулся собственной мании величия. Нечего думать о том, что могло бы произойти; нужно просто запомнить этот факт, чтобы потом к нему вернуться.

Сверху послышался скрип: открыли люк. Стало светлее, по трапу не торопясь спустился человек и остановился перед Россом, расставив ноги для равновесия, легко и привычно покачиваясь в такт кораблю.

Так Росс впервые лицом к лицу встретился с представителем третьей силы Гавайки — с пиратом.

Моряк был высок, с мощными плечами, руки сильнее, чем у жителей суши. Как и у стражников, спину и на грудь у него прикрывали защитные пластины, но только жемчужных оттенков. Голова обнажена, только от шеи ко лбу шла широкая чешуйчатая лента, поддерживавшая гребень, какой бывает у некоторых земных рыб.

Стоя так, с кулаками, прижатыми к бёдрам, пират представлял собой внушительную фигуру, и Росс почувствовал в нём давнюю привычку к власти. Должно быть, это один из офицеров корабля.

Тёмные глаза с интересом разглядывали Росса. Свет с палубы пробивался из-за плеч пирата и хорошо освещал землянина, а Россу приходилось жмуриться. Но он старался ответить уверенным взглядом.

На Земле ему не раз спасала жизнь способность бестрепетно смотреть в глаза своим захватчикам. Может быть, здесь это не поможет, но пока это единственное оружие в его распоряжении.

— Ты, — нарушил молчание пират, — ты не фоанна... — он помолчал, словно в ожидании ответа — отрицания или протеста. Росс ничего не сказал.

— Нет, ты не фоанна, и ты не из этого берегового сброда, — снова пауза.

— Как что же попало в сеть Торгула? — он громко выкрикнул команду: — Верёвку сюда! Вытащим эту рыбу и его спутника...

Локета и Росса подняли на палубу и бросили в центре толпы моряков. Гавайкийца оставили лежать, но Росса по приказу офицера поставили на ноги. Теперь он мог хорошо разглядеть сморщенные и почерневшие ленты, которые тем не менее не поддавались никаким усилиям, когда он попытался пошевелить руками.

— Хо!.. — офицер ухмыльнулся. — Рыбе не нравится сеть! У тебя есть зубы, рыба. Используй их, разгрызи сеть.

Одобрительный гул сопровождал эту насмешку. Росс попытался ответить достойно.

— Я вижу, ты не торопишься подойти поближе к моим зубам, — он использовал самые оскорбительные слова из своего столь ограниченного гавайкийского словаря.

Наступила тишина, затем офицер резко хлопнул в ладоши.

— Хочешь попробовать свои зубы, рыба? — спросил он, и в голосе его прозвучала угроза.

Может, он и напрашивается на неприятности, но Росс

сделал следующий шаг вслепую. Часто в самых трудных ситуациях его выручал правильный выбор слов и поступков, верная догадка.

— На ком из вас? — он оскалил зубы. На мгновение ему показалось, что пираты буквально имеют в виду именно их.

— Вистур! Вистур! — слышалось несколько голосов.

Один из толпы сделал шаг вперёд. Как и Торгул, он был высок и хорошо сложен, с сильными мускулистыми руками. На предплечье белел шрам, ещё один — у челюсти. Он выглядел очень сильным борцом, закалённым и опасным.

— Хочешь доказать свои слова на Вистуре, рыба? — офицер задал вопрос формальным тоном, как будто это часть какой-то церемонии.

— Если он встретится со мною, как стоит, без оружия, — ответил Росс.

Теперь уже последовала совсем иная реакция. Некоторые насмехались, выкрикивали угрозы, но кое-кто смолк и пристально разглядывал его. И среди них Торгул.

Вистур рассмеялся. «Хорошо сказано, рыба. Пусть так и будет».

Торгул, глядя на Росса, поднял руку ладонью вверх. В руке тускло блеснул небольшой предмет, который землянин не смог разглядеть. Новое оружие? Но офицер не коснулся им Росса, только провёл рукой несколько линий в воздухе. И сказал:

— У него нет незаконного волшебства.

Вистур кивнул. «Он не фоанна. И мне не нужно опасаться жалкого колдовства берегового сброда. Я Вистур!»

Снова раздались одобрительные крики. В его словах хорошо была слышна уверенность, больше, чем в любом хвастовстве.

— А я Росс Мэрдок! — в том же тоне ответил землянин. — Но разве рыба плавает с привязанными к бокам плавниками? Или Вистур боится освободить рыбу?

Насмешка вызвала ожидаемый результат. Ленты разрезали и отбросили. Росс принялся разминать мышцы. Ленты, хотя и охватывали тело довольно плотно, кровооб-

ращение не стесняли, и он вполне был готов ко встрече с Вистуром. Землянин не сомневался, что пират — опытный борец, но у него нет подготовки агента. Росс изучил, наверное, все приёмы борьбы без оружия, известные на его родной планете. Руки и ноги его стали не менее смертоносным оружием, чем меч или пистолет, конечно, если ему удастся подобраться достаточно близко и он сможет ими воспользоваться.

Вистур снял свой оружейный пояс и шлем, под которым голову охватывала широкая лента. Должно быть, дополнительная прокладка под шлемом. Потом снял доспехи из пластин, буквально сдёрнул их, ухватив за нижний край и стянув через плечи и голову, как кожу. И встал перед землянином, одетый теперь не больше, чем тот в своих плавках.

Росс в свою очередь снял свой пояс и жаберный ранец и шагнул в круг, образованный моряками. Сверху, с одной из мачт, вниз устремился луч света. Он хорошо осветил борцов.

Приятели требовали от Вистура быстрой победы, они подбадривали его криками. Но пират обладал не только уверенностью, но и умом и осторожностью перед неизвестным. Хотя он был явно тяжелее и сильнее Росса, но не торопился расправиться с ним.

Они кружили, Росс изучал каждое движение мышц пирата, каждую перемену его позы. Он должен уловить мгновение, когда тот решится на нападение. Сам Росс решил сражаться исключительно в защите.

Наконец Вистур бросился вперёд, когда моряки вокруг стали явно выказывать нетерпение. Им хотелось увидеть, какой урок получит чужеземец. Но Росс не думал, что именно это заставило Вистура напасть. Просто гавайкиец, по-видимому, решил, что нашёл способ побыстрее покончить с противником.

Росс легко увернулся, так что сильный удар лишь слегка задел его. Напряжённая рука землянина взметнулась в приёме дзюдо. Вистур вскрикнул и упал на колени, а Росс развернулся и бросил пирата на палубу. Всё было проде-

лано мгновенно, но не сильно. Землянин не хотел убивать противника, даже не хотел лишать его способности двигаться более, чем на несколько минут. У жертвы останется несколько болезненных ушибов, а также, вероятно, почтительное уважение к новому способу борьбы. Росс вполне мог этими же ударами легко убить пирата.

— Аххххх...

Землянин, резко развернувшись, прижался к мачте. Неужели он ошибся? Неужели теперь на него набросится весь экипаж? Он рассчитывал на кодекс чести, который существует во всех примитивных земных племенах для таких схваток. Но он мог и ошибиться. Росс напряжённо ждал. Пусть только кто-нибудь возьмётся за оружие, это будет его конец.

Двое моряков помогли Вистуру встать. Пират дышал тяжело, со свистом, неуверенно прижимая руки к груди. Большинство моряков переводило взгляд с него на худого землянина, не в силах поверить своим глазам.

Торгул поднял с палубы пояс и ранец Росса. Обернул пояс вокруг руки, так что вверху оказались пустые ножны. Один из членов экипажа сунул в них длинный нож ныряльщика, который отобрали у Росса. Потом пират протянул Россу пояс и ранец. Землянин расслабился. Он выиграл эту игру; судя по их поведению, он вернул себе свободу.

— А мой оруженосец? — застёгивая пояс, он взглянул на Локета, который по-прежнему лежал связанный.

— Он клялся тебе в верности? — спросил Торгул.

— Да.

— Развяжите береговую крысу, — приказал пират. — А теперь — расскажи мне, незнакомец, что ты за человек. Может, ты всё-таки фоанна? Если у тебя есть волшебство, оно нам незнакомо: ведь Камень Путки не обнаружил его. Или ты из теней?

И пальцы его сложились в тот же знак, который делал Локет перед Карарой. Росс выдал заранее подготовленное объяснение.

— Я из моря, капитан. А фоанны мне не друзья, потому что держат в своей крепости в плену моего родича.

Торгул внимательно осматривал его с ног до головы. «Говоришь, из моря. Я пират с тех пор, как мог удержаться на палубе, по обычаям моего народа, но таких, как ты, не видел. Может быть, твой приход и принесёт зло мне и моим людям, но по Закону Битвы ты заслужил свободу на корабле. Но клянусь тебе, незнакомец, если ты принесёшь нам зло, Закон меня не удержит, и тебе придётся померяться силами своего волшебства с Силой Путки. А это, как ты узнаешь, совсем другое дело».

— Готов дать любую клятву, какую захочешь, капитан, что у меня нет никаких злых намерений по отношению к тебе и твоим людям. Я хочу только одного: освободить своего брата, прежде чем его сделают ведьминым мясом.

— Да, это задача, достойная твоего волшебства, незнакомец. Мы сегодня ночью испытали силу морских ворот. И хоть мы шли под покровом Воли Путки, нас отбросило назад. Тот, кто хочет войти в ворота, должен обладать большими силами, чем у нас.

— Значит, у вас тоже счёты с фоаннами?

— Да, у нас есть счёты с фоаннами и их волшебством, — согласился Торгул. — Три корабля — все с одного острова — исчезли, словно их никогда не было. А с ними погибли люди нашего флотского клана. Тьма широко раскинулась над морем, новая Тьма пришла в наши воды. Но сегодня мы ничего не можем сделать с этим. Нам повезло, что мы смогли уйти в море. А теперь, незнакомец, что нам для тебя сделать? Хочешь снова уйти в море? Ты ведь говоришь, что оно твой дом.

— Не здесь, — быстро возразил Росс. Он должен понять, где находится остров. Они уже далеко отошли от него. Карара и дельфины — что с ними случилось?

— Других пленников у вас нет? — решился спросить Росс.

— С тобой были и другие?

— Да, — говорить, сколько именно, не следовало.

— Мы больше никого не видели. Ну, ладно, — капитан повернулся к морякам, — все за работу! К утру мы должны быть у Кин Эдда и потребовать созыва совета.

Он отошёл, и Росс, решивший узнать как можно больше, вслед за ним прошёл в каюту на корме. Здесь он снова увидел варварское великолепие резьбы и занавесей, богатство украшений и мебели. Всё очень похоже на то, что он видел в замке грабителей кораблей. Росс остановился у входа, и Торгул оглянулся на него.

— У тебя своя жизнь и жизнь твоего слуги, незнакомец. Больше ничего не проси у меня, если только ничем не можешь подкрепить просьбу.

— Я ничего не хочу, кроме возвращения туда, где вы меня взяли, капитан.

Торгул мрачно улыбнулся. «Ты сам сказал, что ты из моря. Море широко, но это одно море. У тебя могут быть свои пути. Бери любой. Но я не стану снова рисковать своим кораблём у ворот фоанн.

— Куда же мы направляемся, капитан?

— К Кин Эдду. У тебя есть выбор, незнакомец: в море или с нами.

Решение пирата изменить не удастся, подумал Росс. И даже с ранцем он не сможет доплыть до берега. В море никаких указателей нет. Однако более тесное знакомство с Торгулом может оказаться полезным.

— Значит, Кин Эдд, капитан, — он сделал следующий шаг, чтобы доказать своё равенство с этим пиратом, и сел за стол как человек, имеющий на это полное право.

Глава 10

Смерть в Кин Эдде

И вновь близился рассвет, веки Росса отяжелели, желание спать грызло, как голод. Но какое-то непонятное беспокойство привело его на палубу, и он принялся расхаживать по ней, разглядывая корабль и экипаж.

Ему приходилось видеть корабли земных торговцев бронзового века, маленькие судёнышки, полностью зависящие от вёсел, когда наступает штиль. Они плавали только вдоль берегов, не решаясь углубиться в опасное

море, и часто на ночь причаливали к суше. Попадались и другие корабли, больше и крепче. Они смело отправлялись в неизвестное, ходили к далёким землям за морскими туманами, ими управляли люди, которым нужно было знать, что лежит за горизонтом.

Под ногами у него теперь такой же корабль, прочный, хорошо ухоженный, побольше драккаров викингов, которые Росс рассматривал в записях в библиотеке Проекта, но в целом похож на тот мореходный земной корабль. Нос судна изгибался мощным бушпритом, вырезанным в виде морского дракона, с каким Росс сражался на Гавайке в своём собственном времени. Причём в глазах чудовища через равные промежутки времени загорался огонь. Землянин не понимал его назначения. Сигнал или просто средство устроить возможного врага?

Имелись и паруса, но теперь они были свёрнуты. Корабль шёл под действием какого-то двигателя. Загадка оставалась неразрешённой. Драккар викингов с мотором? Совершенно несовместимо.

Матросы казались все на одно лицо. Всех защищали гибкие пластины, шлемы, украшенные гребнем. Впрочем, в украшениях и выборе оружия попадались индивидуальные отклонения. Большинство вооружено загнутыми мечами, шире и тяжелее, чем те, что землянин видел на берегу. Но у нескольких на поясах висели топоры с серпообразным лезвием, концы их так сильно загибались назад, что почти встречались, образуя круг.

Перед бойницами в бортах стояли какие-то ящики. Такие же ящики, только поменьше, находились на приподнятых передней и задней палубах. Их стволы, если переднюю часть этих контейнеров можно назвать стволом, располагались по обе стороны от головы дракона. Какие-то катапульты?

— Россс... — имя было произнесено со свистом, как это делает Локет, но на этот раз к Россу подошёл не юноша из замка. — Хо... твоё боевое искусство — это сильное волшебство!

Вистур потёр грудь. «У тебя сильное волшебство, па-

рень. Но ведь ты служишь деве. Твой оруженосец рассказывал нам, что ей повинуются даже большие рыбы».

— Некоторые рыбы, — поправил Росс.

— Вот такие? — Вистур показал на пенный след за кораблём.

Росс удивлённо взглянул туда. Корабль Торгула двигался в центре линии, образованной тремя кораблями; каждый оставлял за собой длинный изгибающийся след. Позади слева по борту между двумя волнами виднелся какой-то тёмный предмет. В ограниченном лунном свете Росс смог только определить, что он плывёт вслед за кораблём.

— Это рыба? — спросил Росс.

— Следи! — ответил Вистур.

Но, должно быть, гавайкинец обладал зрением более острым, чем у землянина. Действительно ли там что-то промелькнуло? Росс не был уверен.

— Что случилось? — спросил он у Вистура.

— Он выпрыгивает из воды, как салкар. Но это не салкар. Может, Росс, у тебя есть слуги, которые никогда не попадали в наши сети. Ты ведь сказал, что ты из моря.

— Дельфины! — Неужели Тино-рау или Тауа следуют за кораблями? Но Карара... Росс перегнулся через перила, напрягая зрение, пытаясь разглядеть смазанное чёрное пятно. Бесполезно, слишком большое расстояние. Он ударил кулаком по дереву, стараясь справиться со своим нетерпением. Ему хотелось ворваться в каюту Торгула, попросить капитана повернуть корабль навстречу преследователю.

— Твой? — спросил Вистур.

Росс уже овладел собой. «Не знаю. Возможно».

Может, полезно было бы также уверить пиратов, что ему подчиняется целая морская армия. В таком случае в любых переговорах к нему бы прислушались внимательней. Но мысль о дельфинах, преследующих корабли, несла в себе и надежду, и тревогу: надежду на союзников и тревогу о том, что произошло с Карарой. Как знать, вдруг она вслед за Эшем исчезла в крепости фоанн?

Светлее не становилось. Хотя туман, который окутал их накануне, рассеялся, но небо и море всё также странно сливались, ограничивая видимость. Вскоре Росс вообще не смог видеть преследователя. Даже Вистур признал, что потерял его из виду. Может, он отстал или по-прежнему упрямо режет волны за кораблём пиратов?

Росс позавтракал вместе с капитаном Торгулом — каким-то жёстким мясом с солоноватым привкусом и похлёбкой из растёртых местных овощей. Ему приходилось пробовать пищу чужаков — в захваченном космическом корабле. Тогда это означало жизнь или смерть. И сейчас происходило нечто подобное, потому что их запасы остались в сетке. Но хотя Росс опасался дурных последствий, всё обошлось. До завтрака Торгул был не очень разговорчив, теперь же он держался гораздо свободнее и сообщил, что они почти у цели — у своего порта Кин Эдд.

Землянин не знал, можно ли расспрашивать дальше, но решил, что чем больше информации, тем лучше. Торгул как будто согласился с утверждением Росса, что тот из отдалённого района моря, где совсем другие обычаи.

Проводя всю жизнь в море, пираты стали сообразительным народом, легко приспосабливались к любой обстановке. У них создалась гибкая организация из флотских кланов. Каждый клан имел остров, служивший для него базой. Там в порту корабль ремонтировали и снабжали между плаваниями. Обычно острова эти лесисты, и пираты получали с них достаточно древесины для своих кораблей. Экспедиции кланов выходили в море не на стройных быстрых кораблях, как тот, на котором плыл Росс, но на больших, с большей осадкой судах, на которых имелось много места для жилья и товаров. Этот народ жил торговлей и грабежом, лишь небольшую часть года моряки проводили на суше, собирая урожай быстрорастущего зерна на своём базовом острове и изготавливая такие изделия, которые не смогли отыскать на других, более густонаселённых островах.

Однако главным предметом торговли служило морское животное, чья гибкая хорошо обработанная шкура шла на

пластины доспехов и многие другие цели. Охоту доверяли только хорошо подготовленным и бесстрашным людям, но опасности её Торгул не стал подробно объяснять. И груз таких шкур позволял содержать в течение года целый клан средних размеров.

Иногда между кланами случались войны. Соперники пытались перехватить друг у друга охотничьи территории, выгодные пункты для набегов. Но, как узнал Росс, до недавнего времени такие стычки обычно происходили бескровно; с помощью искусного маневрирования одному клану удавалось поставить другой в невыгодную позицию, и тот предпочитал признать поражение, не вступая в бой.

Повелители замков на берегу всегда рассматривались пиратами как законная добыча, и никакой хитрости набеги на них не требовали. Они совершались с хладнокровной решимостью, и пираты старались как можно сильнее ударить по своему давнему врагу. Однако за последний год несколько столь же безжалостных нападений было совершено на базовые острова пиратов. И так как все кланы отказались признать себя виновными в этих кровавых жестокостях, пираты не знали, что и подумать: то ли нападали сухопутные грабители кораблей, внезапно изменившие характер своих действий и вышедшие в море, чтобы нанести удар по своим врагам, то ли какой-то бродячий флот по непонятной причине выступил против своих.

— А ты сам как считаешь? — спросил Росс, когда Торгул закончил свой рассказ о новых опасностях, угрожающих его народу.

Торгул рукой с длинными — паучьими, на взгляд землянина, — пальцами задумчиво потёр подбородок, прежде чем ответил:

— Трудно тому, кто давно имеет с ними дело, поверить, что береговые крысы способны отдаться на волю волн и приплыть к нам со своими мечами. Никто не станет забираться в логово салкара, чтобы пнуть его; конечно, если у него под головной лентой сохранились мозги. Что касается бродячего флота... что может заставить брата так

оз есточиться против брата, чтобы убивать женщин и детей? Набеги за жёнами, да, это у нас в обычае среди молодых. И иногда в таких набегах происходили и убийства. Но никто никогда не убивал женщин и детей! В нашем народе женщин всегда было меньше, чем мужчин, желающих привести их в свою каюту. И ни у одного клана нет достаточного количества детей, они лишь надеются, что тени пошлют им больше.

— Тогда кто же?

Когда Торгул не ответил, Росс взглянул на него и увидел в глазах капитана опасный блеск. И это настолько его поразило, что он выпалил:

— Ты думаешь, я... мы?..

— Ты сам сказал, что ты из моря, незнакомец, и у тебя есть неизвестное нам волшебство. Отвечай мне правдиво: мог бы ты убить Вистура своими ударами, если бы пожелал?

Росс решил отвечать прямо.

— Да, мог, но не стал. Мёй народ убивает так же неохотно, как и твой.

— Я знаю береговых крыс, знаю фоанн, да и свой народ тоже знаю... Но тебя я не знаю, незнакомец из моря. И повторю тебе то, что уже сказал один раз: если ты заставишь меня пожалеть, что я исполнил Закон Битвы, я быстро исправлю эту ошибку!

— Капитан!

Оклик раздался от входа в каюту, из-за спины Росса. На левом борту у узкого носа собралась группа моряков. Странная дымка, зыбким маревом висевшая над морем весь день, не давала возможности видеть далеко, но моряки показывали на какой-то предмет, качающийся на волнах.

Он оказался так близко, что даже Росс узнал в нём небольшую лодку, такую же как та, в которой они с Карарой и Локетом плыли к морским воротам фоанн.

Торгул взял в руки большую изогнутую раковину, прикреплённую к ремню на центральной мачте. Приложив узкий конец раковины к губам, он подул. Над волнами разнеслась странная гулкая нота, словно кашель морского

чудовища. Но ответа с лодки не последовало, вообще никаких признаков, что там есть люди.

— Хау, хау, хау... — сигнал Торгула подхватили на остальных двух кораблях.

— Ложись в дрейф! — приказал капитан. — Вакти, Зиммон, Йоана, за борт! Приведите лодку.

Трое моряков взобрались на борт, застыли на мгновение и одновременно нырнули в воду. Им бросили веревку, один из них поймал её конец. И они мощными гребками поплыли к лодке. Очень быстро они привязали верёвку к суденышку, и по приказу Торгула его потащили к кораблю, а моряки плыли рядом с ним. Россу хотелось узнать, почему все вокруг так напряжены. Очевидно, появление скифа озанчало для них что-то дурное.

Росс заметил в лодке тело. По следующему приказу Торгула спустили петлю, чтобы поднять пассажира лодки. Землянина оттолкнули от борта, а безжизненное тело отнесли в капитанскую каюту. Несколько моряков принялись осматривать саму лодку.

Наконец они подняли головы и взглянули на Росса. Их враждебность была так очевидна, что землянин напрягся, встречая их холодные взгляды.

Лёгкий звук сзади заставил Росса отскочить вправо, чтобы к нему не могли подобраться со спины. Неуклюжей хромой походкой к нему подбежал Локет, цепляясь за поручень. В руке он держал обнажённый меч.

— Взять убийц! — крикнул кто-то из толпы.

Росс обнажил свой нож. Потрясённый внезапным изменением отношения экипажа, он настороженно осматривался. Локет оказался теперь рядом с ним.

— Лучше туда! — крикнул он. — В море, прежде чем они тебя изрежут!

— Убить! — кричали пираты. Они двинулись по палубе к Локету и Россу. Но тут кто-то прыгнул вперёд. Вистур встал перед своими товарищами.

— Отойди... — кто-то из нападающих выбежал вперёд и попытался оттолкнуть высокого пирата вытянутой рукой.

Вистур подставил плечо, и нападавший отлетел. Упал, и ещё двое споткнулись о него и тоже упали. Вистур наступил на вытянутую руку и ногой оттолкнул меч.

— Что происходит? — голос Торгула услышали все. Моряки остановились, ещё двое упали под кулаками капитана. Потом Торгул взглянул на Росса, и в глазах его горела холодная ненависть.

— Я тебе говорил, незнакомец, что если ты станешь угрозой для меня, тебе придётся встретиться со справедливостью Путки!

— Да! — ответил Росс. — А каким образом я стал опасен, капитан?

— Кин Эдд был захвачен теми, кто не принадлежит ни к грабителям кораблей, ни к пиратам и ни к фоаннам. Его захватили неизвестные из моря!

Росс мог только в смятении смотреть на него. И тут только он полностью осознал опасность. Он понятия не имел, кто эти морские разбойники, но ему стало ясно, что он сам осудил себя. Сейчас, в нынешнем состоянии, эти люди не станут выслушивать его аргументы.

Толпа рычала, как голодный хищник. Росс теперь подумал, что совет Локета был вполне уместен. Гораздо лучше оказаться в открытом море, чем перед этой толпой.

Но время выбора кончилось. Словно ниоткуда появилась кружевная серо-белая сеть и намертво приклеила его к переборке. Росс попытался высвободиться. Повернув голову, он увидел, что Локет взобрался на поручень и хотел броситься на толпу, но хромая нога помешала ему, и он упал за борт.

— Нет! — снова приказ Торгула остановил толпу. — Он примет на себя Чёрное Проклятие, когда отправится навстречу Тьме, и только один человек может произнести это проклятие. Приведите его!

Беспомощного, сгибающегося под ударами, Росса потащили и швырнули в каюту капитана. Он увидел фигуру в кресле Торгула, укутанную покрывалами и подушками.

Женщина с лицом смерти, кожа туго обтягивает кости, но яростный внутренний огонь позволяет ей подавить

страдания тела. Она прищуренными глазами посмотрела на землянина. Одну забинтованную руку она прижимала к груди, время от времени губы её кривились, словно она не в силах была выдержать какую-то эмоцию или физическую боль.

— Тебе принадлежит право проклинать, леди Джазиа. Пусть он сам и весь его род несёт всю тяжесть проклятия за причинённую нам всем боль.

Она поднесла здоровую руку ко рту и вытерла губы, как будто пытаясь остановить их дрожь. Всё это время взгляд её не отрывался от Росса.

— Зачем вы привели ко мне этого человека? — её высокий голос звучал чрезвычайно напряженно. — Он не из тех, кто принёс Тьму в Кин Эдд.

— Что?.. — начал было Торгул, потом заставил себя продолжать спокойнее. — Они прили из моря? — теперь вопросы его звучали мягко. — Пришли с моря, и у них было оружие, от которого у нас нет защиты?

Она кивнула. «Да, и они постарались, чтобы оставались только мёртвые. Но я ходила в Храм Путки, потому что пришла моя очередь выполнять там обязанности, и Сила Путки набросила на меня тень. Поэтому я не умерла, но я видела... да, я видела!»

— Не похожи на меня? — Росс осмелился спросить прямо.

— Нет, не похожи. Их было мало... всего вот столько... — она растопырила пять пальцев. — И они были похожи друг на друга, как близнецы. На головах у них совсем нет волос, а тело у них вот такого цвета... — и она показала на одно из покрывал, которым её укрыли, — покрывало лавандово-синего цвета.

У Росса перехватило дыхание, и Торгул тут же это заметил.

— Не твоего племени, но ты их знаешь!

— Знаю, — согласился Росс. — Они мои враги!

Лысые с древнего космического корабля, абсолютно чуждая раса, с которой у него уже случилось столкновение на берегу безымянного моря в далёком прошлом его

собственной планеты. Галактические пришельцы здесь — и именно они втайне натравливают друг на друга аборигенов!

Глава 11

Оружие из глубин

Джазиа рассказывала свою историю с такими подробностями, с такими точными указаниями времени, что Росс почувствовал искреннее восхищение. Она стала свидетельницей гибели и уничтожения всего, что составляло её жизнь, и тем не менее отметила и запомнила для использования в будущем всё, что смогла увидеть.

Незнакомцы появились с моря на рассвете, они шли с полной уверенностью и без всякого страха. Стража окликнула их, они не ответили, но поднятые топоры их даже не коснулись. Отразили они и бомбардировку тяжёлыми снарядами. Они оказались неуязвимы для любого оружия пиратов. Мужчины, предпринявшие самоубийственную попытку с мечами и топорами напасть на них, падали, прежде чем смогли приблизиться, под лучами трубок, которые несли незнакомцы.

Пираты никого не боятся, их невозможно покорить, но в конце концов они бежали от пятерых пришельцев, прятались в домах, пытались добраться до стоявших у берега кораблей, но встречали только смерть. Они устроили безжалостную бойню, в живых осталась только Джазиа в своём храме на холме. Весь остаток дня она пряталась и видела, как чужаки убили нескольких беглецов, а ночью пробралась на берег, нашла лодку, стоявшую в бухточке недалеко от главной гавани и пустилась в море, надеясь встретить корабли и предупредить их.

— Они остались на острове? — спросил Росс. Это место в её рассказе особенно поразило его. Если целью нападения было вызвать вражду среди пиратов Гавайки, натравить один клан на другой, как он заключил из рассказа Торгула о предыдущих подобных нападениях, звёздные

люди должны были исчезнуть, завершив своё грязное дело, оставить мёртвых взывать к мести — но не с виновных. Им совсем не нужно, чтобы были раскрыты подлинные виновники убийств.

— Когда лодка уже плыла в море, в пиршественном зале всё ещё виднелись огни, но это не наши огни и не огни мёртвых, — медленно ответила женщина. — Чего им бояться? Их невозможно убить!

— Если они ещё там, мы можем это проверить, — мрачно ответил Торгул под одобрительный гул офицеров.

— И погибнуть всем остальным? — холодно возразил Росс. — Я встречался с ними раньше; они могут заставить человека подчиняться им. Смотрите... — он положил на стол левую руку. На загорелой коже ясно были видны рубцы. Он не знал лучшего способа показать опасность встречи со звёздными людьми, чем продемонстрировать свои шрамы. — Я держал руку на огне, чтобы боль победила их приказ, они подчиняли себе мои мысли, хотели, чтобы я сам пришёл к ним и стал лёгкой добычей.

Джазиа легко провела пальцем по его старым шрамам, глядя ему прямо в глаза.

— Это правда, — медленно проговорила она. — И меня от подчинения им удержала только боль в теле. Они стояли у зала, и я видела, как Прахад, Окун, Мосаджи сами шли к ним, словно в сетке, и были убиты. Что-то призывало и меня идти туда же, но я взмолилась Силе Путки, чтобы она спасла меня. И странным был ответ на мою мольбу: я упала и порезала руку о камень. И эта боль словно ножом разрезала сеть. И тогда я уползла в лес, и этот зов больше не приходил ко мне...

— Если ты столько о них знаешь, скажи, какое оружие на них действует, — спросил Вистур.

Росс покачал головой. «Не знаю».

— Да, — произнесла Джазиа, — всё, что живёт, рано или поздно должно умереть. И мне кажется, что у них тоже есть конец, которого они боятся. Может, мы сумеем найти его.

— Они пришли с моря... в корабле? — спросил Росс. Женщина покачала головой.

— Нет, корабля не было. Они вышли из волн, словно шли по какой-то подводной дороге.

— Подводная лодка!

— Что это? — спросил Торгул.

— Корабль, который движется под водой, а не по ней, он несёт в себе воздух, которым дышит экипаж.

Глаза Торгула сузились. Один из капитанов, приглашённых на совет, недоверчиво фыркнул.

— Таких кораблей не бывает... — начал он, но жест Торгула заставил его умолкнуть.

— Мы не знаем таких кораблей, — сказал Торгул. — Но мы не знаем и оружия, которое видела Джазиа в действии. Как можно сражаться с подводными кораблями, Росс?

Землянин в нерешительности помолчал. Ему казалось невозможным объяснить людям, понятия не имеющим о взрывчатке, классический способ использования глубинных бомб. Но он попытался.

— Мой народ умеет заключать в сосуд большую силу. Потом этот сосуд бросают рядом с лодкой...

— А как узнать, где этот корабль? — прервал его один из капитанов. — Или вы умеете видеть сквозь воду?

— Некоторым образом — не видеть, а слышать. Есть машины, которые показывают капитану надводного корабля, где лежит или движется подводная лодка, так что он может следовать за ней. И когда оказывается близко, бросает сосуд с силой, и она высвобождается — и разрушает подводный корабль.

— Но чтобы сделать такой сосуд и заключить в него силу, нужно обладать большими знаниями, — заметил Торгул. — У нас ими обладают, может быть, только фоанны. А ты? — спросил он.

— Нет, нужно много лет обучения и усилия многих людей, чтобы сделать такой сосуд или машину для подслушивания.

— К чему тогда думать о том, чего у нас нет? — решительно сказал Торгул. — А что есть?

Росс поднял голову. Он вслушивался не в то, что происходит в каюте, нет, звук доносился из иллюминатора над его головой. Вот, опять этот звук! Он вскочил на ноги.

— Что? — рука Вистура легла на рукоять топора. Росс увидел, что пират пристально смотрит на него.

— К нам подошло подкрепление! — землянин был уже на полпути к палубе.

Подбежав к поручню, он свистнул — резким призывным свистом, в котором практиковался несколько недель, с самого начала этого фантастического приключения.

Гладкое тёмное тело разорвало поверхность воды, Тино-рау дельфиной улыбкой ответил на его призыв. Хотя способность Росса общаться с дельфинами намного уступала Караре, он уловил смысл сообщения и повернулся к толпившимся за ним пиратам.

— Теперь у нас есть способ больше узнать о врагах.

— Там лодка, она движется без вёсел и парусов! — крикнул один из моряков.

Росс яростно замахал руками, но в скифе никто не откликнулся. Однако он продолжал приближаться, явно стремясь к трём кораблям.

— Карара! — выкрикнул Росс.

И тут рядом в Тино-рау в воде показались две мокрые головы, с закрытыми масками лицами — Карара и Локет.

— Бросить верёвки! — приказал Росс, как будто он, а не Торгул командовал кораблем. И сам капитан был одним из исполнивших этот приказ.

Первым поднялся на борт Локет. Он держал наготове меч и переводил взгляд с Росса на Торгула. Землянин протянул к нему пустые руки и улыбнулся.

— Никаких неприятностей.

Локет снял маску. «Морская дева сказала, что то же сообщили и эти, с плавниками. Но ведь перед этим они жаждали твоей крови. Какое волшебство тут действовало?»

— Никакое. Просто обнаружилась правда, — Росс протянул руку Караре, поднимавшейся по верёвке, и втащил её на палубу, где она стала выжимать волосы, с живым любопытством поглядывая вокруг.

— Карара, это капитан Торгул, — Росс представил капитана, который округлившимися глазами смотрел на

девушку. — Карара плавает с этими морскими существами, и они ей повинуются, — Росс указал на Тино-рау. — А скиф ведёт Тауа? — спросил он у полинезийки.

Она кивнула. «Мы следуем за вами от самых ворот. Потом появился Локет и сказал, что... что... — она помолчала и добавила: — Но, кажется, тебе вовсе не угрожает опасность. Что случилось?»

— Многое. Слушай, это важно. Там, на острове впереди, беда. Там побывали лысые, они перебили весь род этих людей. Вероятно, они добрались туда на какой-то подводной лодке. Пошли одного из дельфинов посмотреть, что там происходит и там ли они ещё...

Карара не задавала больше вопросов, она свистнула дельфину. Хлестнув хвостом, Тино-рау скрылся.

Так как они всё равно не могли составить конкретного плана действий, капитаны пиратских кораблей согласились подождать доклада Тино-рау, а пока держаться вне пределов видимости из гавани.

— У этой веры в волшебство, — заметил Росс в разговоре с Карарой, — есть одно преимущество. Аборигены совершенно спокойно отнеслись к тому, что дельфины выполняют для нас разведку.

— Они всю жизнь провели на море и должны уважать его. Вероятно, они знают, что у океана есть множество тайн, и некоторые доступны только тем, кто живёт в воде. Но даже если мы обнаружим подводную лодку лысых, что смогут с ней сделать пираты?

— Не знаю — пока, — Росс не стал объяснять, почему считает, что они смогут нанести удар по превосходящим их по силам чужакам. Просто он верил, что это возможно.

— А Эш?

Да, Эш — это проблема.

— Не знаю, — Россу было больно признаваться в этом.

— Но что на самом деле произошло у морских ворот? — спросил он у Карары. — Дельфины словно сошли с ума.

— Я думаю, на одно-два мгновения так и было. Ты ничего не почувствовал?

— Нет.

— А у меня словно огонь вспыхнул в голове. Мне кажется, это какое-то оборонительное устройство фоанн.

Мозговая защита, к которой он оказался нечувствителен. А это означает, что он может преодолеть ворота, и только он один. Но сначала надо туда добраться. Предположим, только предположим, что Торгула удастся убедить, что теперь нападение на уничтоженный Кин Эдд бесполезно. Отвезёт ли пиратский капитан его к крепости фоанн? Или попытаться вернуться в скифе с помощью дельфинов?

Росс сомневался, что сможет справиться сам. Прошедшие сутки его не покидало возбуждение. Но теперь навалилась усталость, тяжким грузом подавив тренированность и добавленные к земной пище стимуляторы, погрузив юношу в туман неопределённости. Его предупреждали о такой реакции, но и это предупреждение он сознательно отодвинул в сторону. И последнее, что он помнил, — Карара, вглядывающаяся в туман.

Где-то слышались голоса, шёл спор, но слов Росс не понимал. Он с трудом приходил в себя от тяжёлого сна без сновидений, поднял отяжелевшие веки и снова увидел Карару. Что-то укололо его в руку — или это тоже часть охватившей его нереальности.

— ...четыре — пять — шесть, — считала девушка, и Росс невольно присоединился к ней:

— ...семь — восемь — девять — десять!

При счёте «десять» он полностью пришёл в себя и понял, что он применила к нему процедуру, к которой их готовили: сделала ему укол стимулятора. Росс сел на узкой койке и увидел, что в каюте горит огонь, а в иллюминаторе темно. Торгул, Вистур, два капитана с остальных кораблей — все здесь. Джазиа тоже.

Росс спустил ноги с койки. Уже началась головная боль от укола, но она скоро пройдёт. В каюте чувствовалось напряжение. Что-то ведь заставило Карару применить укол.

— Что случилось?

Карара укладывала медицинскую сумку в небольшой переносной ящик.

— Вернулся Тино-рау. В заливе стоит подводная лодка. Она испускает энергетический луч, направленный на берег.

— Значит, они всё ещё там, — Росс без вопросов принял доклад дельфина. Ни один разведчик не допустит ошибки в таком деле. Энергетические волны, направленные на берег. Какая-то энергия для установок лысых? А если пираты сумеют перерезать этот источник энергии?

— Дева моря сказала нам, что корабль лежит на дне бухты. Если бы мы могли попасть на него... — начал Торгул.

— Да! — Вистур опустил кулак на край койки, на которой продолжал сидеть землянин. В голове у Росса даже зазвенело. — Захватить его, потом обрушиться на остальных!

На лицах всех пиратов читалось оживление. Такую игру эти гавайские моряки понимают: захватить вражеский корабль и обернуть его оружие против остальных кораблей врага. Но этот план не сработает. Росс испытывал глубокое уважение к техническим познаниям галактических пришельцев. Конечно, он, Карара, даже Локет могли бы добраться до подводной лодки. Но совершенно другое дело — пробраться внутрь.

Полинезийская девушка покачала головой. «Эти лучи — Тино-рау говорит, что они смертельны. В заливе плавают мёртвая рыба. Он получил предупреждение у самого входа. Без защиты нам до лодки не добраться».

— Можно с таким же успехом пожелать глубинную бомбу... — начал было Росс и внезапно умолк.

— Ты что-то придумал?

— Защита... — Росс повторил её слово. Дикая мысль. Возможно, никаких шансов на то, что получится. Он почти ничего не знает об источниках энергии захватчиков. Возможно ли уничтожить этот луч, который защищает лодку и, возможно, приводит в действие оружие захватчиков на берегу? Стая из рыб, щит из морских организмов... Дикая мысль, совершенно дикая, но вдруг сработает? Росс объяснил свою идею, обращаясь больше к Караре, чем к пиратам.

— Не знаю, — с сомнением ответила она. — Для этого потребуется много рыб, слишком много, чтобы их можно было гнать и направлять...

— Не рыб, — вмешался Торгул, — салкаров!

— Вы видели резьбу на носу корабля. Это салкар. Он больше сотни рыб! Если погнать салкаров... они могут даже сломать подводный корабль своим весом и гневом.

— А вы сможете найти этих салкаров поблизости? — Росс загорелся. Этот дракон, который напал на него... у него огромное тело, гораздо больше всех других морских существ. А его свирепость он и сам может подтвердить.

— Они размножаются на рифах. Мы в это время не охотимся. Салкары находят себе пару. И в это время они так легко приходят в гнев, что могут напасть даже на корабль. И убивать их сейчас невыгодно: шкура не годится. Но если их встревожить, они готовы для сражения.

— А как увести их от рифов к Кин Эдду?

— Это-то не очень трудно. Рифы находятся вот здесь, — Торгул начертил несколько линий концом меча на столе. — А Кин Эдд вот здесь. В это время салкары испытывают сильный голод. Покажи им приманку, и они последуют за тобой; особенно за плывущей приманкой.

В таком плане очень много пробелов. Маловероятно чтобы он сработал. Но пираты ухватились за него с энтузиазмом, и так и было решено.

Примерно два часа спустя Росс уже плыл к Кин Эдду. На берегу, слева от него, виднелись огни. Это посёлок пиратов. И снова землянин удивился, почему захватчики остались в нём. Может, они знают, что корабли ушли в рейд, и ждут их возвращения, чтобы уничтожить всех жителей острова.

Карара плыла справа от него, а Тауа между ними, чувства дельфина направляли и предупреждали их. Самый быстрый из кораблей ушёл, с его борта Локет переговаривался с Тино-рау в воде. Самец-дельфин должен был послужить приманкой в этой дикой рыболовной экспедиции.

— Дальше нельзя! — соник Росса уловил сигнал предупреждения. Росс отвернул от входа в бухту.

— На риф... — Карара прошёлкала указатель нового курса. Несколько мгновений спустя они выбрались из воды, хотя волны продолжали омыwać им ноги. Со скал, среди которых они скрылись, хорошо было видно тёмное пятно посёлка на берегу. Но они пока далеко от бреши в рифе, через которую, если удастся их дикий план, ворвутся салкары.

— Один шанс из миллиона! — заметил Росс, снимая маску.

— А разве весь Проект агентов во времени не основан на таких шансах? — справедливо спросила Карара. Это дело как раз для Росса. Да, агенты во времени не раз действовали при подобных шансах на удачу. Именно таковы были шансы, когда они пытались вернуться из своего путешествия на космическом корабле.

А что, если потом повторить такое нападение? Если салкары смогут преодолеть сопротивление лысых, почему бы не использовать их и против морских ворот фоанн? Может быть... Но всему своё время.

— Идут! — Карара пальцами впиалась Россу в плечо. Рука у неё сильная и жёсткая. Но он ничего не видел и не слышал. Должно быть, её предупредили дельфины. Их план действует: к гавани приближаются чудовища гавайского моря.

Глава 12

Лысые

— Оххх! — Карара схватилась за Росса, дыхание её вырывалось толчками, выдавая затаённый страх. Они не предвидели всего, к чему может привести их план, и, конечно, не ожидали подобного смятения в бухте.

Возможно, энергетический луч врага привёл и так уже возбуждённых салкаров в состояние крайней агрессивности. Вода на поверхности бухты вспенилась, животные нападали друг на друга с яростью, какой землянам не приходилось видеть.

На берегу засверкали огни: должно быть, внимание захватчиков привлёк шум сражения морских рептилий. Где-то по высотам над берегом лагуны отборная группа пиратов пробирается к противоположной стороне Кин Эдда. У них имелся строжайший приказ — до сигнала не нападать и не обнаруживать себя. И Росс больше всего волновал вопрос, смогут ли независимые морские волки выполнить этот приказ.

Тино-рау и Тауа дрейфовали в море с наружной стороны рифа, земляне сидели на самом рифе, а между ними и берегом бушевала толчея взбешённых салкаров. Росс вздрогнул. Сигнал соники, беспрерывно негромко звучащий из аппарата, внезапно прекратился. Энергетический луч с лодки перестал действовать! Время выступать, но сейчас никакой пловец не выживет в этой лагуне.

— Вдоль рифа, — предложила Карара.

Росс знал, что обходной путь будет долг, но только он теперь возможен. Он всматривался в огни на берегу. Там передвигались две-три фигуры. По-видимому, всё внимание чужаков по-прежнему привлекала битва в лагуне.

— Оставайся здесь! — приказал он девушке. Надев маску, он ушёл в воду, отплыл от рифа и повернул параллельно ему. Тино-рау плыл рядом, направляя Росса во вторую брешь в рифе и к берегу на некотором расстоянии от того места, где слышался шум сражения салкаров.

Землянин выбрался из воды, снял ласты и прикрепил их к поясу, опустил маску на грудь. Потом направился к тому месту берега, где видел чужаков. Теперь он был вооружён куда лучше, чем когда противостоял пиратам со своим единственным ножом. Он прихватил с собой ручное оружие, которое отыскал на галактическом корабле чужаков. Да и им пользоваться нужно бережно: он не знает, можно ли его перезарядить, а тайна этого луча так и не раскрыта учёными Земли.

Росс пробрался к кустарнику, откуда открывался хороший вид на берег и чужаков. Он насчитал троих — все лысые, выше и тоньше людей, лишённые волос головы отсвечивали серо-белым цветом, мощный купол черепа у

каждого нависал над лицом с заострённым подбородком. На всех поблескивали облегающие сине-пурпурно-зелёные костюмы космических путешественников. Росс уже давно знает, что эти костюмы защищают своих владельцев, они же служат средством связи друг с другом. Когда-то его самого в таком костюме проследили через многие мили дикой местности.

Для него все трое чужаков выглядели совершенно одинаково, как будто они сделаны по одному образцу. А их движения свидетельствовали о привычной натренированной точности. Все они стояли лицом к морю, нацелив свои трубки на полную салкаров лагуну. Никаких взрывов, но зелёные лучи хлестали чешуйчатые тела, показывавшиеся из воды. И под ударами этих лучей плоть салкаров начала гореть. Трое пришельцев методично очищали лагуну. Но, как заметил Росс, лучи эти постепенно стали прерываться какими-то вспышками. Один из лысых перевернул свою трубку и ударил её рукоятью по камню, как будто хотел этим привести в действие. Но оружие его отказало. Через несколько мгновений прекратилось действие оружия и у остальных. Слабые лучи упирались в песок, освещая сцену, они постепенно темнели, как гаснущие угли. Кончился заряд?

Невероятная фигура выбралась из воды и поползла по песку берега, вытянув тонкую шею, угрожающе опустив рогатую голову. Росс не знал, что салкары могут выходить из своей привычной среды, но этот дракон с диким взглядом явно собирался добраться до своих мучителей на берегу.

Одну-две секунды лысые продолжали удивлённо смотреть на салкара, как будто не могли поверить, что их оружие отказало. Потом повернулись и побежали к посёлку, который так легко захватили. Салкар полз за ними, но движения его становились всё медленнее, пока наконец он не лёг, приподняв голову и поворачивая её из стороны в сторону, раскрыв пасть с огромными клыками.

И тут на берег выбрался второй салкар. У него сразу за шеей виднелась ужасная рана, но он продолжал ползти,

шипя и свистя в боевом кличе. Он не напал на первого, а прополз мимо него, стараясь добраться до лысых.

Салкары продолжали выползать на берег, появились ещё два, третий, четвёртый, все они были изранены. Как могли далеко, они ползком взбирались на берег. И затем падали, глядя в глубину острова, шеи их извивались, рогатые головы дёргались, драконы оглушительно кричали. Росс не мог понять, что заставило их прервать битву между собой и попытаться добраться до чужаков. Может быть, им хватило ума связать с чужаками эти обжигающие лучи и ответить попыткой добраться до общего врага.

Но одно лишь желание не помогло им. Беспомощно лежа на песке, они пытались закопаться в него, их плавники дрожали в попытке продвинуть массивные тела дальше.

Росс обогнул салкаров и направился к посёлку. Длинная шея дёрнулась, голова повернулась к нему. Он ощущал едкий запах рептилий и вонь сгоревшей плоти. Должно быть, ближайшее из чудовищ учуяло землянина и попыталось перерезать ему путь. Но на песке оно было абсолютно беспомощно, и человек продолжал упрямо двигаться вперёд.

Трое лысых бежали от салкаров в этом направлении. Однако Джазиа сообщила, что из моря вышли пятеро чужаков. Двух не хватает? Где они? Остались в посёлке? Или вернулись в лодку. А сама подводная лодка — что случилось с нею? Её энергетический луч явно прервался: Росс сам видел, как отказало оружие чужаков и погасли огни на берегу. Может, лодку подверглась нападению салкаров? Впрочем, Россу не верилось, что звери могут причинить ей вред.

Землянин двигался вперёд почти на ощупь, держась, насколько возможно, укрытий, зная только, что должен идти в глубь острова. Земля у него под ногами пошла в гору; он вспомнил чертёж острова, сделанный Торгулом и Джазией. Это, должно быть, часть небольшой гряды, за которой начинается посёлок. На этой же гряде расположен храм Путки, в котором пряталась Джазиа. Посёлок пира-

тов лежал к западу, поэтому Россу нужно было свернуть налево и спускаться, чтобы добраться до бреши, через которую прошли лысые. Росс двигался с лёгкостью тренированного разведчика.

Взошла луна Гавайки, втрое больше спутника Земли, и местность ярко осветилась, чётко обрисовались тени. Свет, странный для глаз землянина, усилил ощущение ночного кошмара, а рёв салкаров превратился в дьявольский хор.

Вокруг домов пиратов располагались небольшие поля. Теперь все они были покрыты уже пригодными к жатве растениями. Зерно, если, конечно, к этому продукту Гавайки можно применить земной термин, зрело в длинных стручках, свисавших с кустов высотой Россу по плечо. И эти стручки оказались сплошь покрытыми острыми шипами, безжалостно рвущими кожу. Первая же попытка пробраться таким полем показала Россу, что это просто невозможно. Он остановился, чтобы осмотреть царапины и изучить местность.

Но если пойти по дороге, его могут увидеть из зданий. Конечно, на берегу оружие отказало лысым, но это вовсе не означает, что теперь чужаки безоружны.

Росс решил, что лучше всего повернуть на север и вернуться по руслу ручья. Он уже вышел на его берег, когда лёгкий шум заставил его застыть с оружием наготове.

— Росссс...

— Локет!

— И Торгул, и Вистур.

Это отряд, подошедший с противоположной стороны острова. Пираты хорошо использовали своё знание местности. В ярком свете луны Росс совсем не видел их, но голоса прозвучали почти рядом.

— Они там, в большом зале, — это Торгул. — Но света там больше нет.

— Что это? — их внимание привлекло чьё-то восклицание.

Свет внизу. Но не такой, какой Росс видел на берегу. Тёплый жёлто-красный свет костра, языки пламени вздымались всё выше, кто-то лихорадочно подбрасывал дрова.

Возле костра двигались три фигуры. Росс начинал думать, что на берегу действительно остались только трое чужаков. Он не увидел оружия в их руках. Впрочем, это не означает, что они не вооружены. Русло ручья проходит вблизи задней стены одного из зданий, и Росс посчитал, что у его берега вполне можно укрыться. Он сказал об этом Торгулу.

— А если их волшебство подействует, тебя повлечёт к ним, и ты будешь убит? — капитан пиратов прямо перешёл к главному.

— Придётся рискнуть. Но вспомни... волшебство фоанн у морских ворот на меня не подействовало. Может, и это не подействует. Когда-то в прошлом я его победил.

— У тебя есть ещё одна рука, чтобы положить её в огонь? — выступил вперёд Вистур. — Однако никто не имеет права мешать человеку, решившему идти в бой.

— Ты прав, — резко ответил Росс. — И меня готовили к таким действиям.

Он скользнул к ручью. Теперь строения посёлка оказались между ним и костром. Под прикрытием берега он добрался до длинной стены, встал и, крадучись, пошёл вдоль неё. И за углом увидел дикую сцену. Огромными языками вздымалось вверх пламя. Уже горела крыша одного из зданий посёлка пиратов. Росс не мог догадаться, зачем чужаки разожгли такой пожар. Сигнал на большое расстояние?

Но он не сомневался, что сделано это с какой-то важной целью. Потому что трое чужаков с лихорадочной поспешностью продолжали подтаскивать топливо, они выносили из домов пиратов связки тканей и бросали их в огонь, тащили мебель — всё, что могло гореть.

Наконец-то Росс получил некоторое преимущество. Чужаки, полностью поглощённые своей деятельностью, совсем перестали следить за окружающей местностью, только время от времени один из них подбегал к тропе, ведущей в лагуну, и вслушивался, словно ожидал приближения салкаров.

— Они... они испуганы! — Росс не мог поверить своим

глазам. Чужаки, которые в его воспоминаниях оставались практически неуязвимыми сверхсуществами, теперь вели себя как смертельно перепуганные дикари! А когда враг выведен из себя, нужно только надавить на него — и посильнее.

Росс нащупал кнопку на рукояти своего странного оружия, тщательно прицелился и выстрелил. Синяя фигура на тропе упала, и какое-то время другие чужаки этого не замечали. Потом один из них повернулся и посмотрел на неподвижно лежащее тело, второй побежал к упавшему. Росс позволил им добраться до жертвы, потом выстрелил во второй и в третий раз.

Все трое лежали неподвижно, но Росс не показывался. Он неторопливо досчитал до десяти. Потом пополз вперёд, по-прежнему стараясь не выходить из укрытия, пока не добрался до тел.

На ощупь одетое в синюю ткань плечо показалось каким-то вялым: мышцы больше не управляли движением. Росс перевернул чужаков и взглянул в ярком свете костра в широко раскрытые глаза лысых. Удивление — землянину показалось, что именно это выражение застыло в пустых зрачках, — и ещё гнев, холодный и смертоносный гнев.

— Убей!

Росс резко развернулся, стоя на одном колене, и увидел бегущего к нему пирата. В огне костра глаза гавайкийца блестели фанатической ненавистью. Он держал наготове свой крючковатый меч. Землянин подставил плечо под колено пирата, тот упал. Росс прижал его к земле, пытаясь избежать ударов лезвия.

— Локет! Вистур! — крикнул он.

Из-за здания появилось ещё множество пиратов, они побежали к неподвижным чужакам и двум борющимся. Росс узнал хромую походку Локета, который опирался при ходьбе на палку.

— Локет, сюда!

Гавайкиец преодолел последние несколько футов в прыжке, который приблизил его к Россу и пирату. «Держи его!» — приказал землянин и успел броситься между

лысыми и остальными моряками. Пираты что-то гневно выкрикивали, и Росс, зная их характер, опасался, что не сможет спасти пленных, которых пираты считали своей законной добычей. Нужно надеяться, что найдутся одна-две хладнокровные головы, которые удержат мстителей. Иначе ему придётся обездвижить и их своим оружием.

— Торгул! — яростно закричал он.

Цепь бегущих разорвалась. Вперёд вырвался огромный человек — это мог быть только Вистур. Другой, выкрикивающий приказы, — Торгул. Теперь всё зависит от того, насколько сильна власть капитана над его людьми. Росс встал на ноги. Луч он поставил на минимальную мощность. Он не убьёт, а вызовет у жертв временный паралич; но сколько будет продолжаться такое состояние, Росс не знал. На земле испытания проводили на животных, и время колебалось от нескольких дней до недель.

Вистур плоской стороной своего боевого топора сбивал с ног бежавших впереди, своим мощным телом он создал непреодолимую преграду. И приказы Торгула, кажется, в конце концов были услышаны, всё больше и больше бегущих останавливались; наконец, остались только несколько самых горячих. Двоих из них Вистур уложил кулаками.

Капитан подошёл к Россу. «Значит, они живы?» — он наклонился, осматривая лысых, которых землянин перевернул на спину.

— Да, но двигаться не могут.

— Хорошо, — Торгул кивнул. — Согласно закону они встретятся с Правосудием Путки. Я думаю, они пожалеют, что не стали жертвами гневных топоров.

— Они нам нужнее живыми, чем мёртвыми, капитан. Разве ты не хочешь узнать, почему они начали войну с вами, сколько их... и многое другое? К тому же, — Росс кивком указал на огонь, охвативший уже второе здание, — зачем они развели этот костёр? Как сигнал своим?

— Хорошо сказано. Да, нам нужно узнать всё это. И Путка не будет сердиться, он подождёт, пока мы получим ответы на свои вопросы, много ответов, — он пнул лысого

концом своего сапога. — Сколько он будет оставаться таким? Твоё волшебство кусается.

Росс улыбнулся. «Это не моё волшебство, капитан. Это оружие я захватил на одном из их кораблей. А как долго они будут в таком состоянии, я не знаю».

— Хорошо, тогда нужно принять меры предосторожности, — по приказу Торгула чужаков тщательно завернули в липкие сети, такие же, какими поймали когда-то Росса и Локета. Морская водоросль мгновенно прилипала, она связывала пленника по рукам и ногам, и он становился совершенно беспомощен.

Убедившись в этом, Торгул приказал осмотреть разрушенный Кин Эдд.

— Как ты сказал, — заметил он Россу, — этот костёр вполне может послужить сигналом другим чужакам. Думаю, в этом деле нам благоприятствовал Путка, но благо-разумный человек не может на это вечно рассчитывать. К тому же, — он осмотрелся, — мы отдали Путке и теням своих мёртвых. Для нас здесь ничего не осталось, кроме ненависти и печали. За один день мы лишились своего клана и превратились в горстку бездомных людей.

— Вы присоединитесь к какому-нибудь другому клану? — Карара вместе с Джазией остановилась у подножия колонны, на которой странная голова устремила задумчивый взгляд в сторону моря. Джазиа руководила снятием этой головы.

Услышав вопрос полинезийки, капитан долго смотрел на ужасное опустошение в долине. По-прежнему слышался рёв умирающих салкаров. Рептилии, поднявшиеся на берег, не уходили в море. Некоторые из них уже умерли, другие лежали, с трудм ворочая головами. И весь посёлок был охвачен огнём.

— Мы теперь дали клятву кровной мести, дева моря. А для таких клана нет. Есть только преследование и убийство. Может быть, с помощью Путки преследование будет недолгим, а убийство хорошим.

— Вот так... сюда... так... — Джазиа сделала шаг назад. Голову, смотревшую на море, опускали осторожно, на

широкой полосе золотистой материи, принесённой с корабля Торгула. Здоровой рукой женщина закрыла голову, оставив только глаза. Большие глубоко вырезанные овалы, в глубине которых Росс увидел сверкание. Драгоценные камни? Но у него появилось странное чувство, что в этих глазницах не просто драгоценности, что голова действительно взглянула на него, оценила и отпустила.

— Мы уходим, — Джазиа махнула рукой, и Торгул отдал приказ своим людям. Они подняли голову и пошли вниз по склону.

Карара вскрикнула, и Росс оглянулся.

Столб, на котором стояла глова, сам собой рушился, превращался в грудку камней, которые кубарем покатались по склону. Росс мигнул. Возможно, простая иллюзия. Но он слишком устал и потому только слегка удивился. Потом присоединился к процессии возвращавшихся на корабль.

Глава 13

Морские ворота фоанн

Росс поднёс к губам чашу из раковины, но едва пригубил огненный напиток. Это чисто церемониальный жест, а ему нужна трезвая голова и острый язык в предстоящем обсуждении. Торгул, Афрукта, Онгал — три капитана пиратских кораблей, Джазиа, представляющая загадочную Силу Путки, Вистур и некоторые другие офицеры, Карара и, наконец, он сам, с держащимся поблизости Локетом, — таков состав военного совета. Но против кого?

Землянин далеко отошёл от своей первоначальной цели — найти Эша в крепости фоанн. И теперь он изрядно сомневался в возможности достичь этой цели. Нападение на лысых сделало его слишком нужным пиратам, и вряд ли они теперь добровольно позволят ему заниматься своим поиском.

— Эти люди со звёзд... — опустив чашу, Росс начал говорить, стараясь выбирать наиболее подходящие слова из своего ограниченного гавайского словаря, — обла-

дают оружием и силой, которые вам и не снились, против которых у вас нет никакой защиты. В Кин Эдде нам просто повезло. Салкары напали на их подводную лодку и прервали энергетический луч. Иначе мы бы с ними не справились, хотя нас было много, а их только несколько. Теперь вы говорите о нападении на лысых на их собственной территории — в горах, где у них база. Это так же глупо, как плыть безоружным навстречу салкару.

— Так что же нам остаётся — сидеть и ждать, пока они нас проглотят? — вспыхнул Онгал. — Я говорю: лучше умереть с окровавленным мечом!

— А разве ты не хотел бы прихватить с собой хоть одного врага? — возразил Росс. — Они могут убить вас всех ещё до того, как вы к ним подойдете.

— Но у тебя ведь есть оружие, — вступил в разговор Афрукта.

— Я уже вам говорил: это оружие украдено у них. У меня только одно такое, и я не знаю, долго ли оно ещё будет мне служить. Может, у них есть против него защита. Те, против кого мы сражались, лишились защиты: им отказал луч энергии. Но слепо напасть на их базу — это поступок сумасшедшего.

— Нам открыли дорогу салкары... — заметил Торгул.

— Но разве мы можем привести стаю салкаров в горы? — разумно возразил Вистур.

Росс изучал капитанов. Землянин догадывался, что Торгул вынашивает какой-то план действий, и план этот наверняка должен быть достаточно хитроумным. Со времени первой встречи его уважение к капитану пиратов постоянно возрастало. Корабли всегда возглавлялись самыми храбрыми людьми кланов. Но Росс понимал также, что капитан корабля должен обладать незаурядной выдержкой, умом, уметь заглядывать в будущее.

Силам гавайкийцев нужен ключ, который раскроет перед ними базу лысых, как салкары открыли доступ в лагуну. И помощью им могут послужить лишь скудные сведения, полученные от пленных.

Странно, но отмычку к умам пленных предоставили

дельфины. Точно так же, как Тино-рау и Тауа образовали коммуникационный мостик между Россом и Локетом, они смогли прочесть и перевести мысли чужаков. Потому что лысые — среди своих — общались телепатически, голосом они отдавали приказы только низшим существам.

То, что их пленили эти самые «низшие существа», оказалось для них страшным шоком, а проникновение в мозг с помощью дельфинов поставило эти «сверхсущества» на грань безумия. Для них оказалось невозможным признать в животных равных себе.

Но мысли и воспоминания звёздных людей были прочитаны и доложены импровизированному совету. Пираты и земляне узнали план чужаков, согласно которому они собирались овладеть планетой. Даже дельфины не смогли понять, зачем им она; но, может быть, пленникам и самим это не объяснили.

Их план поражал своей простотой и презрением к обитателям планеты, словно галактические силы абсолютно не опасались сопротивления. Правда, за одним исключением...

Пальцы Росса сильнее сжали чашу. Может, Торгул уже пришёл к заключению, понял, что их ключ — у фоанн. Если так, они могут одновременно добиться осуществления своих столь различных целей.

— Похоже, они опасаются фоанн, — заметил он, ожидая ответа Торгула. Но на невысказанный вопрос Росса ответила Джазиа.

— У фоанн есть могучее волшебство; они могут приказывать ветру и волне, людям и животным, если захотят. И правильно, что эти убийцы боятся фоанн!

— Но теперь они выступают против них, — указал Росс, по-прежнему глядя на Торгула.

Капитан в ответ слегка улыбнулся.

— Не прямо, как ты слышал. Их план заключается в том, чтобы натравить нас друг на друга, заставить вести множество войн и истратить свои силы без всякого риска для чужаков. Они дождутся дня, когда мы будем истощены, и тогда явятся и объявят, что им нужно. Поэтому сейчас они

сеют вражду между грабителями кораблей и фоаннами, так как знают, что фоанн немного. И ещё они нападают на наши острова, чтобы мы поверили, что это дело рук грабителей или фоанн. Таким образом... — он изобразил пальцами щипцы, — они надеются зажать фоанн между грабителями и пиратами. Потому что фоанн они считают самыми опасными для себя. Нас они используют, чтобы ослабить своих главных врагов. Умный план, но он составлен людьми, которые не любят сражаться собственными мечами.

— Они хуже береговых крыс, эти трусы! — выкрикнул Онгал.

Торгул снова улыбнулся. «Они надеются, что мы так и подумаем, родич, и тем самым недооценим их. Согласно нашим обычаям, да, они трусы. Но думали ли мы о салкарах, когда использовали их для прорыва в лагуну? Нет, они всего лишь животные, наше орудие. И у чужаков такое же отношение к нам, вот только мы знаем об их намерениях. И не станем их послушным орудием. Если наш ответ — фоанны, тогда...» — он умолк, глядя на чашу, как будто мог прочесть в её глубине будущее.

— Если наш ответ — фоанны, что тогда? — настаивал Росс.

— Тогда мы должны не сражаться с фоаннами, а заключить с ними союз, предупредить их. И делать всё, что можем, пока ещё у нас есть время!

— Но как нам это сделать? — спросил Онгал. — Фоанны, которых ты хочешь предупредить и заключить с ними союз, — наши враги. Разве несколько дней назад мы не пытались прорваться сквозь их морские ворота? Теперь мы не можем заключить с ними мир. И разве существа с плавниками не предупредили нас, что эти убийцы женщин уже в армии грабителей, осаждающих крепость фоанн? Эти сыновья Тьмы собираются дать им своё оружие. Неужели нужно бросить три корабля — всё, что у нас осталось, — в эту безнадёжную схватку? Такое решение может принять только безумец.

— Возможность есть — у меня, — вмешался Росс. — В крепости фоанн заключён мой повелитель, которому при-

надлежит мой меч, и которому я поклялся служить. Мы собирались освободить его, когда ваш корабль подобрал нас в волнах. Он лучше меня умеет обращаться с неизвестными людьми, и если фоанны действительно так умны, как вы утверждаете, они уже знают, что он не просто раб, которого они забрали у лорда Захура.

Вот он наконец её и высказал — свою надежду, что Эш сумеет дать понять хозяевам крепости, какими знаниями и возможностями располагает. Он специально подготовлен для общения с чуждыми цивилизациями. И существует вероятность, что Гордон сумел уберечься от той участи, которая ожидала пленников фоанн. Если это так, то именно Эш поможет проникнуть в крепость фоанн.

— Вот что я знаю. Защита ворот, то средство, которое воспламеняет ваши головы и отбрасывает вас назад, на меня не действует. Я могу проникнуть внутрь, найти своего вождя и после этого договориться с фоаннами.

Береговые грабители — невольные соучастники происков лысых — не недооценивали силы крепости фоанн. Когда корабли пиратов под покровом ночи приблизились к ней, огни и факелы и у осаждающих, и у осаждённых отбрасывали яркие блики на небо. Только на обращённой к морю стороне крепости никакого движения не было видно. Должно быть, защита ворот всё ещё действовала.

Росс стоял на палубе, широко расставив ноги, чтобы справиться с качкой. Его предложение обсудили, с ним горячо спорили, но наконец его поддержали Торгул и Джазиа, и теперь ему предстоит попытка осуществить его. Пираты и Локет рассказали ему всё, что знали о морских воротах, но остальное зависит только от него одного. Карара, дельфины, гавайкийцы — все они чувствительны к барьеру.

В слабом свете фонаря показался Торгул. «Мы близко, действие нашей энергии подходит к концу. Если пройдем ещё дальше, нас унесёт течением».

— Значит, пора, — Росс направился к верёвочной лестнице, но тут его уже ждали. У поручня стояла Карара. Он сердито взглянул на неё.

— Ты не можешь идти со мной.

— Знаю. Но здесь мы ещё в безопасности. Росс, только потому, что на тебя не действует защита, не думай, что это легко.

Его поразило, что она может считать его таким самоуверенным.

— Я знаю своё дело.

Росс миновал девушку, спустился по верёвочной лестнице, чуть задержался на уровне воды, надевая ласты, проверил, на месте ли пояс с грузом, и наконец натянул на лицо маску. Рядом с ним послышался всплеск: это ушла под воду сетка с запасным поясом, ластами и маской. Он подхватил её. Эти приспособления помогут Эшу бежать из крепости.

Огни на берегу были ясно видны с моря. Направляясь к берегу, Росс слышал крики и множество прочих звуков. Всё говорило о том, что как раз сейчас идёт штурм крепости. Росс, без усилий продвигаясь вперёд, время от времени всплывал и осматривался. Он хорошо видел теперь пелену, поднимающуюся с поверхности моря между двумя каменными столбами, которые обозначали морские ворота.

И тут раздался громовой треск, разорвавший воздух над маленьким заливом. Росс как раз подплыл к одному из каменных столбов и остановился, ухватившись за него рукой. Пелена, поднимавшаяся с поверхности воды, становилась всё гуще. Новые и новые клубы поднимались вверх, между морем и берегом быстро возникала стена из тумана.

Над головой снова прогремело. Землянин даже невольно нырнул. Потом повернулся лицом к небу, отыскивая признаки грозы. Скорее всего, быстрое образование тумана вызвало как раз то, что исходило от башен крепости. Но если туман был серо-белого цвета, то с вершины крепости спускалась темнота. Росс не мог объяснить, чем отличается эта темнота от тьмы ночи, как он способен разглядеть её, но он её отчётливо видел — или только чувствовал? Он потряс головой, заставляя себя отвести взгляд от этого

устремлённого к нему пальца тьмы. Но только это больше не палец. Это кулак, нацеленный на звёзды, и те быстро исчезали от его ударов. Кулак, вознесённый в небо, чтобы потом обрушиться на крепость, прижать её к скалам и земле.

Туман клубился вокруг Росса, комками вываливаясь через ворота в море. Он отпустил столб, нырнул и проплыл через ворота. Теперь перед ним открылась крепость фoанн.

Где-то впереди должен быть причал: так следовало из описания Торгула. Слуги фoанн изредка отплывали отсюда в быстроходных кораблях. Росс осторожно вынырнул и обнаружил, что на уровне воды ничего не видно. Здесь туман был настолько густ и непроницаем, что Росс даже не мог определить направления. Он снова нырнул и поплыл дальше.

Эта неопределённость рождена туманом или она в его голове? Может, он тоже в конце концов реагирует на защиту ворот? Росс отогнал это сомнение, снова выныривая под влажным одеялом тумана. Он прошёл через ворота там, значит причал должен находиться... здесь!

И несколько мгновений спустя Росс убедился, что чувство направления ему не изменило. Плечи его коснулись какого-то препятствия, и он вытянутыми вперёд руками нащупал плиты причала. Юноша снова вынырнул и на этот раз услышал не гром, но пение фoанны.

Громкое пение, почти непосредственно у него над головой; но из-за тумана он не боялся, что его увидят. Певец, должно быть, находился на самом причале. А справа от себя Росс рассмотрел тёмное пятно. Должно быть, один из их кораблей. Может быть, осаждённые планируют вылазку?

И тут ночь разрезал ослепительный луч, намного выше головы Росса. Он упал на корабль и разрезал его с лёгкостью стали, пронзающей глину. Пение оборвалось на середине ноты, послышались крики удивления и тревоги. Росс, прижимаясь к камням, уловил реакцию своего соника.

Должно быть, на дне за воротами лежит подводная лодка лысых. И луч должен был упасть на стены самой крепости, а не на корабль.

Фоанна снова запел, негромко и чисто. Послышались всплески: с причала в воду что-то бросали. Что именно, Росс разглядеть не смог — тело землянина непроизвольно дёрнулось, маска заглушила возглас боли. Ноги и нижнюю часть тела, находившиеся в воде, охватил сильнейший холод, он обжигал кожу. Страх заставил Росса выбраться под устой причала. Он забился в убежище и лёг, с силой растирая заledenевшие ноги.

Чуть позже он пополз вдоль берега. Энергетический луч отыскал новую цель. Росс видел, как луч разрезал второй корабль. Если контрудар фоанн должен был отогнать противника, то он не подействовал.

Сеть, в которой находилось запасное оборудование для Эша, тянула землянина вниз, но он не оставлял её, ощупью продвигаясь вперёд. От волн внизу исходили ледяные испарения, тело дрожало от холода. И Росс знал, что пока сохраняется действие этого средства, он не может вернуться в воду.

Свет... вместе с холодом воде начала слабо фосфоресцировать, поплыли какие-то белые полосы, они тихо качались на волнах. Собираясь под устоями причала, они прилипали к камням. И с их появлением туман поредел, как будто эти полосы поглощали его. Землянин теперь видел, что добрался уже до конца причала. Он снова прицепил ласты к поясу и натянул на ноги обувь из шкуры салкара, которую дал ему Торгул.

Если не считать плавок, пояса и жаберного ранца, Росс был полностью обнажён, и ему стало совсем холодно. Но, повесив сетку через плечо, он лёг на влажный песок и прислушался.

Шум нападения, который с берега отчётливо доносился до кораблей пиратов, теперь утих. И грома больше не было слышно. Но зато пошёл сильный дождь.

Посмотрев в сторону моря, Росс больше не увидел огненных лучей. Туман начал подниматься, и Росс разгля-

дел разрезанные корабли, их носы всё ещё были пришвартованы к причалу. Там не было видно никакого движения. Неужели с причала все бежали?

Точка... тире... точка...

Росс чуть не выронил сетку. Но тут же присел под зашитой столба и на мгновение застыл, выжидая.

Точка ... тире ... точка...

Это не сигналы, вызванные излучением врага. Настоящее кодированное сообщение, пойманное соником. И он знает этот код.

Не торопись, резко сказал он себе, сохраняя спокойствие. Только два человека в этом времени и месте знают этот код. И у одного нет никаких причин использовать его. Но — вдруг ловушка? Возможно. Несмотря на свой скептицизм, он испытывал некоторые опасения перед возможностями фоанн. Может быть, его выманивают, пользуясь призывом Эша.

Росс приготовился к действиям, спрятал сетку в углублении меж камней подальше от воды. Ручное оружие чужаков он оставил Караре, не доверяя его морю. Но у него есть нож и две руки, которые с его подготовкой могут быть смертоносным оружием.

Прижав диск соника к обнажённой коже — так он чувствительней — и зажав в руке нож, Росс вышел на открытое место. Света маловато, но он был уверен, что призыв прозвучал со стороны причала.

Там что-то неясно колыхнулось. А соник? Росс должен быть уверен, полностью уверен. Звук явно становился сильнее, когда он поворачивался в том направлении. Посмеет ли он выйти на открытое место? Может, в темноте ему удалось бы освободить Эша, и они уплыли бы вместе.

Росс прошёлкал кодированный ответ. Точка... точка... точка...

Последовал быстрый и повелительный ответ: «Где?»

Никто, кроме Эша, не может так ответить! Росс больше не колебался.

— Будьте готовы к бегству.

— Нет, — и ещё повелительней: — Здесь друзья...

Правильно ли он догадался? Эш установил дружеские отношения с фоаннами? Но Росс сохранял осторожность, которая так долго служила ему оружием и защитой. Есть вопрос, на который может ответить только Эш, — из того прошлого, когда они вместе путешествовали во времени, выдавая себя за торговцев-горшечников из бронзового века. Росс начал передавать вопрос.

— Кого мы убили в Британии?

И напряжённо приготовился ждать ответа. Но ответ пришёл не посредством соника, в ночи послышался знакомый голос:

— Белого волка, — и сказано это было по-английски.

— Эш! — Росс бросился вперёд, навстречу едва различимой фигуре.

Глава 14

Фоанны

— Росс! — Эш так крепко схватил его за плечи, словно собирался никогда теперь не отпускать. — Значит, ты прошёл через...

Росс понял. Гордон Эш боялся, что он один случайно прошёл через ворота времени.

— И Карара вместе с дельфинами!

— Они здесь, сейчас? — в тёмной чаше залива крепости Эш был лишь тенью с голосом и руками.

— Нет, они на кораблях пиратов. Эш, вы знаете, что лысые на Гавайке? Они организовали все эти происшествия, нападения и беспорядки. И прямо сейчас у них в заливе подводная лодка. Они разрезали эти корабли. А пять дней назад они — впятером — уничтожили посёлок пиратов!

— Гордооон! — в отличие от свистящих звуков остальных гавайкийцев, этот голос звучал тягуче и распевно. — Это правда твой оруженосец? — появилась ещё одна тень, и Росс увидел край плаща.

— Это мой друг, — поправил его Эш. — Росс, перед тобой хранитель ворот.

— И ты пришёл с теми, кто собрался за пиршественным столом Тьмы, — продолжал фоанна. — Но на этот раз добыча мало понравится твоим пиратам...

— Нет, — Росс колебался. Как обратиться к фоанне? С Торгулом он чувствовал себя равным. Но здесь такой подход не годится; инстинкт говорил ему об этом. И он решил просто придерживаться правды. — Мы захватили троих убийц из лысых. От них мы узнали, что они собираются вначале уничтожить фоанн. Потому что считают вас, — он обращался непосредственно к фигуре в плаще, — главной угрозой себе. Мы услышали, что они заставили грабителей начать нападение, и потому...

— Так пираты пришли для этого? Не грабить? Тогда это что-то новое для них, — ответ фоанны был холоден, как морская вода в заливе.

— Добыча не прельщает тех, кто поклялся отомстить за смерть своих родичей, — ответил Росс.

— Да, и пираты верят в равновесие боли и смерти, — согласился фоанна. — А верят ли они в равновесие помощи? Над этим стоит подумать. Гордооон, похоже, мы не сможем уйти в своих кораблях. Вернёмся на совет.

Эш вёл Росса почти в полном мраке. Хотя туман, ранее затягивавший залив, рассеялся, темнота осталась, и Росс заметил, что даже огней стало меньше. А потом они оказались в тускло освещённом проходе.

Впереди двигались три фоанны, все в плащах, своей характерной скользящей походкой. Затем Эш и Росс, а замыкал процессию отряд с десятков стражников в кольчугах. Проход превратился в рампу. Росс взглянул на Эша. Он, как фоанны, был одет в серый плащ, но тот не менял цвет, как одеяние этих загадочных обитателей Гавайки. Гордон распахнул плащ, показав пластины местных доспехов.

Росс хотел задать множество вопросов. Он хотел знать — отчаянно хотел, — какое положение занимает Эш у фоанн? Что подняло Гордона с уровня простого пленника в замке Захура до близкого спутника самой страшной расы этой планеты?

В конце пути рампа упиралась в глухую стену, но перед ней неожиданно открылся поворот направо в узкий коридор. Один из фоанн сделал жест стражникам, которые с привычной точностью свернули в этот коридор. А другие фоанны подняли свои жезлы.

И в глухой стене появилось отверстие. Перемена произошла настолько быстро, что Росс вообще не заметил никакого движения.

За этой дверью оказался совсем другой мир. Чувства Росса, обострённые в наблюдениях за окружающим, не давали ему ответа, почему зрение, обоняние, слух утверждают, что этот мир более чужд, чем замки грабителей или корабли пиратов. Несомненно, фоанны совсем другого происхождения, чем остальные народы Гавайки.

Плащи, которые раньше были одновременно серебристо-серыми и тёмно-синими, вдруг поблекли, стали тоньше, прозрачнее, и перед Россом появились хорошо очерченные сверкающие фигуры.

Эш снова взял Росса за руку, и младший агент услышал шёпот: «Они хозяйки иллюзий. Не верь всему, что видишь».

Хозяйки? Это первое, что уловил Росс. Женщины. Иллюзии — да, он и так был уверен, что зрение временами подводит его. И теперь ему трудно было сказать, где кончается одежда и начинается стена, фигуры перед ним или просто тени.

Ещё одна глухая стена, снова возникающее из ничего отверстие, и из него прямо-таки ударила волна чуждости, словно сильный ветер. Не решаясь переступить порог, несмотря на подбадривающую руку Эша, Росс в то же время чувствовал, что в этой чуждости нет той холодной враждебности, которая есть в лысах. Чужаки — да. Но не враждебные его роду.

— Ты прав, младший брат.

Произнесены ли эти слова — или он услышал мысль?

Росс оказался в удивительном месте. Под ногами растекалась тёмная синева — синева земного неба в сумерках, но видны были и мигающие огоньки, не равные звёздам,

но выше их! Стены — да и были ли здесь стены? Или это меняющиеся, колеблющиеся голубые занавеси, по которым бегали серебристые линии, образуя символы и слова, и какая-то неведомая часть его мозга почти понимала их, хотя и не до конца.

Постоянное движение, ничего неподвижного, но вот наконец он оказался в месте, где эти занавеси застыли, и он теперь шёл не по голубому небу, а по мягкой поверхности, и при каждом его шаге поднималось облако острого аромата. И тут он впервые увидел фоанн.

Куда исчезли их плащи? То ли они сбросили их на ходу, то ли материя, из которой они были сшиты, растворилась сама по себе? И, глядя на на этих трёх удивительных существ, Росс вдруг понял, что видит фоанн так, как их никогда не видели даже их слуги и стражники. Но всё же, видит ли он реальность или то, что должен увидеть по их желанию?

— Ты видишь нас такими, каковы мы есть, младший брат! — снова пришедший ниоткуда ответ, и Росс опять не понял, слова это или услышанная мысль.

Формы тел у них гуманоидные, к тому же они несомненно женщины. Теперь, без плащей, они предстали в серебристых платьях без рукавов, перепоясанных на талии лентами с синими камнями. Только волосы и глаза свидетельствовали о чужеродности. Серебристые волосы, падавшие им на плечи, на руки колыхались, словно жили самостоятельной жизнью. А вот глаза... Росс только посмотрел в эти золотые глаза и на какое-то время абсолютно забылся, пока в панике не пришёл в себя, с трудом заставив глаза отвести взгляд.

Смех? Нет, он не слышал смех. Но ощутил смесь весёлости с интересом.

— Ты прав, Гордооон. Этот тоже твоего рода. Он не ведьмино мясо, — Росс уловил отвращение, какое-то несчастное чувство, окрасившее эти слова, напоминание о застарелой боли.

— Это фоанны, — знакомый голос Эша нарушил очарование момента. — Леди Инлан, леди Инграм, леди Инвалда.

Фоанны — всего три женщины?

Та, которую Эш назвал Инлан, и которая захватила глаза Росса Мэрдока и удерживала их, сделала лёгкий жест рукой цвета слоновой кости. И в этом жесте, как и в словах «ведьмино мясо», землянин ощутил то же несчастье, которое словно составляло часть этого помещения, часть загадки.

— Да, фоанн теперь только три. И уже много лет нас только три, о человек из другого мира и времени. А скоро, если враги победят, будет уже не три — ни одной не будет!

— Но... — Росс всё ещё не пришёл в себя. Он знал со слов Локета, что, по мнению грабителей, фоанн очень мало, что они представители древней вымирающей расы. Но трудно было поверить, что от всего народа остались только три женщины.

И он получил ясный и чёткий ответ на своё невысказанное удивление. «Нас может быть всего три; но у нас остаётся сила. И иногда эта сила, очищенная временем, становится ещё больше. Но сейчас, кажется, время не на нашей стороне, а на стороне наших врагов. Итак, рассказывай, почему пираты теперь выступают вместе с фоаннами. Расскажи нам, младший брат!»

И Росс рассказал обо всём, что видел сам, и что узнали от пленников, захваченных в Кин Эдде, Тино-рау и Тауа. А когда он кончил, три фоанны стояли совершенно неподвижно, взявшись за руки. И хотя они находились от Росса на расстоянии вытянутой руки, у него появилось ощущение, что они ушли очень далеко от этого времени и мира. Так, что Росс осмелился задать Эшу один из кипевших в нём вопросов.

— Кто они?

Гордон Эш покачал головой. «Не знаю. Остатки очень древней расы, которая обладала силой и знаниями, крайне отличающимися от того, во что мы верили столетиями. Мы слышали о ведьмах. Сейчас легенды о них безжалостно развенчиваются. Но фоанны оживляют эти легенды. И говорю тебе: если они выпустят на свободу свою силу, — он помолчал, — разразится такая война, какой этот мир, да и вообще никакой мир, никогда не знал».

— Это так, — фоанны вернулись со своих заоблачных высот. — Это правда, вернее, одна сторона правды. Пираты правы, когда говорят, что мы сохраняем равновесие в этом мире. Если бы нас было столько, сколько некогда, захватчики вообще ничего не могли бы сделать. Но нас теперь только три и к тому же — разве имеем мы право развязывать катастрофу, которая ударит не только по врагам, но может отозваться и на невинных? Довольно уже смертей. И мы не станем больше просить наших слуг защищать пустую скорлупу. Мы своими глазами посмотрим на этих захватчиков и проверим, на что они способны. Жизнь постоянно меняется, и если слишком застыть, раса стареет и умирает. Может, и мы слишком застыли. Но пока не увидим, в чьих руках будущее, мы не примем никакого решения.

Против такого окончательного вердикта невозможно было возразить. На этих женщин не могут повлиять слова.

— Гордооон, нам многое нужно сделать. Возьми с собой своего младшего брата и присмотри за ним. Когда всё будет готово, мы придём.

Только что Росс стоял на ковре из живого мха. И вот... он уже в обычной комнате, с четырьмя стенами, с потолком и полом, в углах стояли светящиеся стержни. Он ахнул.

— Меня тоже в первый раз это просто ошеломило, — услышал он голос Эша. — Прими немного, успокойся.

В руке он держал чашу прекрасной резьбы, розово-красную, в форме цветка. Росс дрожащими руками поднёс её к губам и одним глотком отхлебнул добрую треть содержимого. Жидкость была одновременно острая и сладкая, охлаждала рот и горло, но согревала внутренности, и это тепло мягко разливалось по всему телу.

— Как они это делают?

Эш пожал плечами. «Как делают сотни других вещей, которые я здесь видел? Нас телепортировали. Понятия не имею, как это делается. Просто часть «волшебства» фоанн, как могут сказать зрители, — он сел на стул, вытянув перед собой длинные ноги. — Другие миры, другие обычаи — они могут совершенно сбить с толку. С точки зрения

нашей науки, их волшебство не может действовать, но оно действует. Ну, ладно. Ворота времени видел? Они действуют?»

Росс поставил пустую чашку и сел рядом с Эшем. Затем как можно точнее и короче описал всё случившееся с ним, Карарой и дельфинами, после того как их втянуло в ворота. Эш не задавал вопросов, но его выражение было знакомо агенту Россу: с таким выражением Эш всегда выслушивает и взвешивает отчёты. Когда младший агент закончил, Эш произнёс только два слова:

— Возврата нет.

Столь многое произошло за короткое время, что первоначальный шок Росса от утраты ворот времени сгладился, забылся из-за постоянной необходимости напрягать все ресурсы мозга, все свои умения и силы. И даже сейчас вывод Эша казался малозначительным по сравнению с предстоящей неизбежной борьбой.

— Эш... — Росс потёр руки, стряхивая песчинки. — Помните пилоны и пустой берег за ними? Неужели лысые выиграют?

— Не знаю. Никто до сих пор не пытался изменить ход истории. Может, это вообще невозможно, даже если мы попытаемся, — Эш снова встал и принялся расхаживать взад и вперед.

— Что попытаетесь, Гордооон?

Росс повернулся, Эш остановился. Одна из фоанн стояла в комнате, волосы её на плечах шевелились, словно ими играл лёгкий ветер.

— Попытаемся изменить будущее, — объяснил Эш, принимая эту материализацию со спокойствием человека, не раз бывшего уже свидетелем таких появлений.

— Ах, да, ваши путешествия во времени. И ты думаешь, что сейчас у нашего бедного мира появился шанс? Не знаю, Гордооон, можно ли вообще изменить будущее и мудро ли пытаться это сделать. Но также... мы должны увидеть врага, прежде чем выбирать тропу. Теперь нам пора идти. Младший брат, как ты собирался покинуть это место, сделав своё дело?

— Через морские ворота. У меня под причалом спрятано запасное снаряжение для подводного плавания.

— И корабли пиратов ждут тебя в море?

— Да.

— Тогда мы пойдём твоим путём, потому что наши корабли уничтожены.

— У меня только один запасной жаберный ранец... И там ждёт подводная лодка лысых.

— Да? Тогда попробуем другой путь, хотя он временно уменьшит нашу силу, — она слегка наклонила голову, словно прислушиваясь. — Хорошо! Наши люди уже на пути к безопасности. И то, что здесь найдут ворвавшиеся, мало им поможет. Тайны фоанн останутся тайнами. Хотя они постараются, о, как они будут стараться разгадать их! Но есть знание, доступное только определённого типу ума, для остальных же оно всегда будет недостижимо. А теперь...

Она протянула руку и коснулась ею лба Росса.

— Думай о корабле пиратов, младший брат, постарайся мысленно увидеть его! Постарайся для меня увидеть всё очень ясно.

И вот он представил корабль Торгула, видел его во всех подробностях. Он и не знал, что помнит такие детали. Палуба затемнена, только на мачте горит фонарь. Палуба...

Росс сдавленно вскрикнул. Он видит её не мысленно, видит глазами! Невольно взмахнув рукой, он болезненно ударился о дерево. Он на корабле!

Сдавленное восклицание сзади, потом крик. Эш, Эш тоже здесь, а за ним три фигуры в плащах — фоанны. Они и правда прошли своим особым путём.

— Ты... Росс... — перед ним оказался Вистур, на лице его смешались изумление и страх. — Фоанны... — шёпотом произнёс он, и его шёпот подхватили остальные моряки, которые не торопились подходить ближе.

— Гордон! — Карара протиснулась между гавайкиями и подбежала к ним по палубе. Она ухватила за Эша обеими руками, чтобы убедиться, что он на самом деле здесь перед ней. Потом повернулась к трём фоаннам.

На лице полинезийской девушки появилось странное выражение, вначале страх, потом удивление. Стоявшая в центре фоанна достала из-под плаща жезл со сверкающей ручкой. Карара выпустила руку Эша, сделала шаг вперёд, потом другой. Теперь ручка жезла находилась прямо перед ней на уровне груди. Она подняла обе руки и накрыла ими ручку, непосредственно её не касаясь. Искры, забившие из этого утолщения, как будто проходили сквозь тело девушки, но Карара не замечала этого. Она ещё выше подняла руки, ладонями вместе, словно несла в них что-то, потом развела их, утратив то, что держала.

Моряки ахнули: жест Карары был уверенным, словно она знала, что делает и почему. И Росс услышал, как перевёл дыхание Эш, когда земная девушка повернулась, присоединяясь к фоаннам.

— Великие пришли с миром, — сказала она. — Они хотят, чтобы никакого вреда не было причинено кораблю и тем, кто плывет на нём.

— Чего хотят от нас великие? — Торгул приблизился, но не совсем.

— Поговорить с теми, кого вы называете своими пленниками.

— Пусть так и будет. — Капитан поклонился. — Пусть исполнится желание великих.

Глава 15

Возвращение к битве

Росс лежал, прислушиваясь к спокойному дыханию в каюте. Он только что проснулся, но как всегда мгновенно перешёл от сна к бодрствованию. Однако не шевелился. Эш ещё спал.

Эш. Он считал, что знает его, как один человек может знать другого. Эш, занявший в жизни одинокого Росса Мэрдока место семьи. Годы... уже четыре года как они партнёры.

Он повернул голову, хотя в темноте не мог разглядеть

это худое тело, спокойное волевое лицо. Эш выглядит всё так же, но... Росс ощущал глубокое чувство утраты, смешанное с гневом. Что они сделали с Гордоном, эти три женщины? Околдовали? Предания, которые земляне в течение столетий считали чистой фантазией, пришли ему в голову. Неужели и на его родной планете были свои фоанны?

Росс нахмурился. Невозможно опровергнуть их волшебство, даже если назвать его научным словом... Допустим, гипнозом... телепортацией. Они добиваются результатов, и эти результаты впечатляют. Но он вспомнил предупреждение, несколько часов назад сделанное самими фоаннами. Их возможности ограничены: они напрягают умственную и физическую энергию, и она постепенно истощается. Таким образом, у них свои пределы.

Росс снова подумал об этих ограничениях. Карара сумела понять чужаков, она обменивается с ними мыслями даже лучше, чем Эш. Способность, которая позволяла ей общаться с дельфинами, помогла и с фоаннами. Эш и Карара могут войти в их круг, но Росс Мэрдок не может. И вместе с ощущением оторванности от Эша он испытал унижение, подчинённость, и чувство это было очень неприятным.

— Легко не будет.

Итак, Эш не спит.

— Что они могут сделать? — спросил в ответ Росс.

— Не знаю. Не думаю, что они могут телепортировать целую армию на базу лысых, как надеется Торгул. Да и ничего хорошего не даст этой армии встреча с оружием лысых, даже если они туда и попадут, — размышлял Эш.

На мгновение Росс ощутил тепло и комфорт: это тон прежнего Эша. Эш изучает проблему, хочет выяснить все затруднения, как всегда делал раньше.

— Нет, открытое нападение — не ответ. Нам нужно больше знать о противнике. Одно удивляет меня: почему лысые вдруг ускорили ход своих действий.

— А почему вы так считаете?

— Согласно рассказам, которые я слышал, прошло три

или четыре года, как в местную цивилизацию начали проникать какие-то чуждые новации...

— Такие, как притягивающие устройства на рифе у замка Захура? — Росс вспомнил рассказ Локета.

— Это и кое-что другое. Двигатели на кораблях пиратов... Торгул сказал, что они распространяются среди пиратов от флота к флоту; и никто не знает, где всё началось. Лысые начинали медленно, но сейчас они вдруг стали действовать гораздо быстрее. Например, все эти недавние нападения на острова. И непонятное нападение на крепость фоанн, начавшееся буквально в одну ночь под каким-то несущественным предлогом. Почему такая перемена при медленном начале?

— Может, они решили, что теперь аборигенов легко одолеть, что у них больше нет серьёзных противников, — предположил Росс.

— Может быть. Уверенность в своих силах становится высокомерием, если не встречаешь достойного противника. А может, что-то заставляет их торопиться. Если бы мы знали, зачем им эти пилоны, мы могли бы догадаться о причине их действий.

— И вы попытаетесь изменить будущее?

— Это тоже звучит высокомерно. А можем мы это сделать, даже если захотим? На Земле мы на это никогда не решались. И риск может оказаться сильнее всех наших опасений. К тому же, не нам делать выбор.

— Я одного не понимаю, — задумчиво сказал Росс. — Почему фоанны ушли из своей крепости, оставили её беззащитной перед врагами? А как же их стражники? Они их тоже оставили? — он пытался найти хоть какой-то недостаток в чужаках.

— Большинство их людей уже ушли подземными ходами. Остальные начали уходить, когда затонули корабли, — ответил Эш. — А почему они оставили крепость, я не знаю. Решение принимали они.

Вот оно — опять между ними барьер. Но на этот раз Росс отказался смириться, он решил вернуть Эша в привычный мир теперь и здесь.

— Возможно, это приманка, самая хитроумная на планете! — мысль была высказана просто для того, чтобы привлечь внимание Эша. Но высказав её, Росс понял, что, может быть, он прав. Прекрасная приманка для лысых.

— Разве вы не видите? — Росс сел, спустив ноги с койки, и оживлённо продолжил: — Разве не видите... если лысые хотят больше узнать о фоаннах, а я готов биться на что угодно, хотят, они обязательно придут в их крепость. Не захотят опираться на сообщения из вторых и третьих рук, сообщения таких дикарей, как грабители кораблей. У них там подводная лодка. Экипаж, наверно, прямо сейчас охотится за добычей!

— Ну, многого они не найдут, — голос Эша прозвучал насмешливо. — Замки фоанн лучше ключей их врагов. Ты ведь слышал, что сказала Инлан: тайны останутся тайнами.

— Но это приманка — приманка в западне! — настаивал Росс.

— А ты прав! — к радости младшего агента, Эша охватил энтузиазм. — И лысых можно заставить поверить, что нужное им легко получить, стоит только приложить ещё немного усилий, применить необходимые инструменты...

— И западня не только для подчинённых! — с не меньшим энтузиазмом воскликнул Росс. — В операции будут участвовать все их шишки! Но как это всё организовать? Есть ли у нас время?

— Ловушку должны расставить фоанны; наша же роль начнётся, когда ловушка захлопнется, — Эш снова впал в раздумье. — Но сейчас это наш единственный ход, у которого есть хоть какая-то надежда на успех. И подействует он, только если согласятся фоанны.

— И действовать нужно быстро, — заметил Росс.

— Да, понимаю, — Эш прошёл к выходу из каюты, фигура его тёмным силуэтом мелькнула на более светлом фоне. — Если Инвалда согласится... — он вышел, и Росс за ним.

По просьбе самих фоанн, им отвели помещение на носу, где с помощью запасного паруса сделали палатку. И

пираты не приближались к ней. Эш коснулся клапана, послышался мелодичный голос:

— Ты нас ищешь, Гордооон?

— У нас важное дело.

— Да, важное, мы слышим твои мысли. Входите, братья!

Клапан поднялся, а за ним клубился... туман?.. свет?.. полосы бледного цвета? Росс так никогда и не смог описать увиденное, но там были фоанны, он различал их по движению волос, по сливающимся цветам их одежды.

— Итак, младший брат, ты думаешь, что наш дом и сокровищница теперь служат западнёй для тех, кто считает нас своими врагами?

Почему-то Росс не удивился, что они узнали об его плане ещё до того, как он сказал хотя бы слово, прежде чем Эш начал объяснения. Всеведение — только малая часть их способностей.

— Да.

— А почему ты так считаешь? Мы ручаемся, что береговых жителей ничем не заманить в определённые части крепости, как морские ворота нельзя миновать, если мы того не хотим.

— Но я-то проплыл через морские ворота, и подводная лодка уже была там, — Росс испытал... удовольствие?.. что может сказать так. Всё-таки в защите фоанн были уязвимые места.

— Это верно. В тебе, младший брат, есть нечто — одновременно и недостаток, и преимущество. И правда, что подводный корабль вошёл вслед за тобой. Может быть, в нём есть какая-то защита; может, люди со звёзд обладают каким-то щитом. Но того, что им нужно, они не достигнут, если мы сами не откроем перед ними двери. Ты считаешь, младший брат, что они попытаются сломать эти двери?

— Да. Они знают, что за ними можно что-то узнать, и попытаются пройти в них. Не посмеют оставить их в покое, — в этом Росс был совершенно уверен. Его встречи с лысыми не позволили ему вполне понять их. Но то, с какой тщательностью и безжалостностью они уничтожали станции времени красных, показывало, как они реагируют на то, что считают угрозой для себя.

От пленных, взятых в Кин Эдде, Росс знал, что лысые считают своим главным врагом на планете фоанн, хотя представители древней расы до сих пор им ничем не мешали. Отсюда следовало, что, захватив их крепость, лысые постараются проникнуть во все их тайны.

— Ловушка с хорошей наживкой...

Кто из фоанн это сказал, подумал Росс. Трудно было видеть только клубы разноцветного тумана и слышать бестелесные голоса. Часть сценических декораций, решил он, для того, чтобы укрепить свой престиж перед другими расами. Ведь они — всего три женщины, и им нужны такие подкрепления своей власти.

— Ну, младший брат, ты, кажется, начинаешь понимать нас! — смех, мягкий, но, несомненно, смех.

Росс нахмурился. Он не чувствовал умственного контакта, как с дельфинами. Но не сомневался в том, что фоаннны читают его мысли. По крайней мере, некоторые из них.

— Некоторые, — услышал он подтверждение из тумана.

— Не все. Не так, как у твоего старшего брата или девушки, их разум прямо встречается с нашим. А с тобой, младший брат, мысль здесь, мысль там, и только наша интуиция соединяет их в единое целое. Но теперь нам предстоит серьёзная разработка плана. Ты, зная врага, считаешь, что он будет искать то, что найти не сможет. Но ведь у врага есть оружие, о котором ты не знаешь, верно, младший брат? Хоть пираты и храбры, их мечи бессильны перед пламенем, а руки — перед убийцей, который поражает их на расстоянии. Что же остаётся, Гордооон? Чем мы можем воспользоваться?

— Но у вас тоже есть оружие, — ответил Эш.

— Да, есть, но уже давно оно использовалось только в одном отношении и настроено на другую расу. Разве наша защита удержала тебя, Гордооон, когда ты захотел доказать нам, что ты не тот, за кого мы тебя принимали? Разве помешала она твоему младшему брату пройти морские ворота? И мы не можем доверять этой защите: ведь у чужаков и разум чужой. Только проверка покажет, выстоит

ли наша защита, но при этом мы можем изведать горький вкус поражения. Рисковать всем и, возможно, потерять всё.

— Наверное, это правда, — согласился Эш.

— Ты имеешь в виду то, что вы видели в нашем будущем? Да, поставить на кон всё и рискнуть — не только самими собой, но и всей жизнью планеты — это серьёзное решение, Гордооон. Но ловушка многообещающая. Подумаем об этом. Посоветуйся с пиратами, если они согласны принять участие в этой отчаянной попытке.

Торгул расхаживал по палубе, подальше от палатки фоанн, но сразу посмотрел на неё, когда Росс объяснил, что возможно успешное нападение.

— Эти убийцы женщин не боятся волшебства фоанн. Конечно, они придут посмотреть. И мы сможем захватить их предводителей.

— Ты ведь слышал, что сказали пленники. Да, они будут искать, и мы сможем их захватить...

— Но с чем? — спросил Торгул. — Я не Онгал, который считает, что лучше погибнуть в схватке, но прихватить с собой хоть одного врага. Какие у нас шансы против их силы?

— Спроси у них! — Росс кивнул в сторону палатки.

И тут же появились три фоанны в плащах и скользнули на середину корабля, где собрались Торгул его офицеры, Росс и Эш.

— Мы об этом думали, — голос фоанны песней звучал на рассветном ветру. — Мы хотели бы отступить, переждать беспокойства этой земли, потому что нас мало и то, что в нас, нужно сохранить. Но теперь какая польза от этого сохранения, если нам некому будет передать сохранённое? И если ты видел правду, старший брат, — головы в капюшонах повернулись к Эшу, — ни у кого из нас нет будущего. Но наши возможности тоже ограничены. Пират, — теперь она обращалась непосредственно к Торгулу, — мы не можем перенести твоих людей в крепость по своему желанию, нам нужна помощь, которая сейчас недоступна для нас. Нет, мы сами физически должны

оказаться там... и тогда, может быть, удастся затянуть сеть...

— Провести корабль через ворота... — начал Торгул.

— Нет, не корабль, капитан. Несколько воинов в воде смогут пройти через ворота, корабль не сможет.

Вмешался Эш. «Сколько у нас жаберных ранцев?»

Росс торопливо подсчитал. «Один спрятан у причала. Есть ранцы у меня, Карары, Локета... и ещё два».

— Нам, чтобы пройти ворота, — добавили фоанны, — ваша помощь не нужна.

— Вы, — сказал Росс Эшу, — я с ранцем Карары...

— Этот ранец для Карары!

Оба землянина оглянулись. Полизинезийка стояла рядом с фоаннами, слегка улыбаясь.

— Это и моё дело, — убеждённо заговорила она. — И дело Тино-рау и Тауа. Разве я не права, дочери Алии этой планеты?

— Да, дева моря. Существует различное оружие, и не всё оно принадлежит только воинам. Не для всякого оружия нужна мужская сила. Да, это и твоё дело, сестра.

Росс не мог спорить, приходилось соглашаться с окончательным решением фоанн. Похоже, ход дела определяли эти три женщины, а не те, кто опытен в таких дела. А Эш согласен с их предводительством.

И вот странное общество пустилось в путь на рассвете. Локет крепко держался за свой ранец, он настоял, что будет одним из пловцов, и фоанны с этим согласились. Поплыли Росс, Эш, Локет и Балеку, молодой офицер с корабля Онгала, считавшийся лучшим пловцом во флоте. А также Карара и дельфины. И три тени, спокойно плывшие в воде, невозмутимо, словно они в своей палатке. Впереди резвились дельфины. Тино-рау и Тауа весело играли вокруг фоанн. Когда все оказались в море, дельфины устремились к берегу.

Может быть, подводная лодка в гавани излучает такой же смертоносный луч, как в Кин Эдде? Но если это так, дельфины предупредят.

Росс плыл легко. Сзади Эш, слева Локет, чуть позади

Балеку, а впереди Карара, напрасно пытавшаяся соперничать с дельфинами. И в стороне слева — фоанны. Очень странная группа вторжения, особенно если учесть, что ждало её впереди.

Этим утром ни туман, ни буря не скрывали берег, на котором высилась крепость фоанн. В усиливающемся свете ясно видны были устои морских ворот. Росс охватило обычное возбуждение, которое он всегда испытывал перед началом решительных действий; но теперь он ощущал и лёгкое сомнение, когда вспоминал, что ведёт их группу не Эш, а эти загадочные фоанны.

Никакого предупреждения, никаких неожиданностей. Они миновали столбы ворот. Росс прислушивался к своему соннику, но чувствительный прибор молчал. Ужасный холод, который он испытал в морской воде накануне, исчез, но кое-где плавали мёртвые морские животные и водоросли, их терзали волны.

Они уже миновали ворота, кога Росс увидел, что Локет изменил позицию и устремился вперёд. За ним выдвинулся Балеку. Они поравнялись с Карарой и обогнали её.

Росс взглянул на Эша, потом на фоанн, но не увидел никаких объяснений действиям двух гавайкийцев. И тут послышался сигнал сонника. Пришло сообщение Эша:

— Опасность... следуй за фоаннами... налево.

Карара уже сменила курс, направляясь туда. Впереди Росс по-прежнему видел Локета и Балеку, они быстро приближались к причалу и к затопленным там кораблям. Эш проплыл мимо него, и Росс неохотно выполнил приказ.

От крутой стены берега отходил мыс, в нем темнело отверстие. Фоанны без колебаний направились к нему; Эш, Карара и Росс — за ними. Несколько мгновений спустя они выбрались из воды, перед ними полого вверх уходил камень. А за ними высывались из воды головы Тино-рау и Тауа, они «говорили». Карара поторопилась им ответить.

— Локет... Балеку... — начал было Росс и тут же уловил такой смертельный гнев, что разум его похолодел. Он смотрел на фоанн, удивлённый и чуть испуганный.

— Они не придут — сейчас, — в воздухе протянулся жезл с утолщённой рукоятью и указал на подъём. — Никто не придёт их крови, если мы не победим.

— Но что случилось? — спросил Эш.

— Ты был прав, полностью прав, человек из времени! Не так-то легко справиться с этими захватчиками. Они обратили против нас одну из наших собственных защит. Локет, Балеку и все остальные из их племени — они теперь слепое орудие в руках хозяев. Теперь они принадлежат врагу.

— И мы так быстро потерпели поражение? — спросила Карара.

Снова гневный удар, почти физически ощутимый.

— Поражение? Нет, мы ещё даже не начали схватку! Ты был прав: это враг, с которым нужно сразиться, даже рискуя жизнью! А теперь мы должны сделать то, что никто из нашей расы не делал уже множество поколений, — мы должны открыть три замка, распахнуть Великую Дверь и найти Хранителя Скрытого Знания!

Из конца жезла вырвался яркий луч. Фоанны последовали за лучом, за ними трое землян... устремились в неизвестность.

Глава 16

Великая Дверь открывается

Не пустота прохода, которым явно не пользовались очень давно, действовала теперь Россу на нервы, не она заставила Карару схватить за руки двух мужчин, между которыми она шла; нет, потрясающее ощущение древности, мёртвого тяжёлого прошлого, земляне задыхались от него и даже дышали с трудом.

Выдохи Карары перешли во всхлипывания. Но она продолжала идти, не отставая от Росса и Эша. Росс и сам почти не обращал внимания на окружение, но небольшая часть его мозга продолжала задавать вопросы, на которые

не было ответов. Прежде всего: почему прошлое так обрушивается на них здесь? Он путешествовал во времени раньше, но никогда так не ощущал груз бесчисленных мёртвых и умирающих лет.

— Возвращаемся... — раздался хриплый шепот Эша; Россу показалось, что он понял.

— Ворота времени! — он с готовностью ухватился за это объяснение. Ворота времени он может понять, но то, что фоанны ими пользуются...

— Не нашего типа, — ответил Эш.

Его слова нарушили нервное оцепенение, в котором Росс тонул, как в зыбучем песке. Он начал сопротивляться с решимостью, которой не могло подавить это странное место. Но несмотря на все усилия, Росс так и не смог отчётливо разглядеть, где они находятся. Вначале они шли по поднимающейся от моря рампе, но где они теперь, куда идут, взявшись за руки, Росс не мог сказать. Он видел блеск одежд фоанн, повернув голову, видел неясные очертания товарищей, но вокруг всё было погружено во тьму.

— Ахxxx! — всхлипывания Карары уступили место шёпоту, почти стону. — Это путь богов, древних богов, богов, которые никогда не общались с людьми! Нельзя идти дорогой таких богов!

Её страх перекинулся на Росса. Но Росс встретил эмоцию так же, как уже множество раз встречал в своей жизни. Конечно, он испытывал давление страха, но это теперь уже не давление бесчисленных столетий прошлого, которого он не мог описать.

— Это не наши боги! — Росс вложил в слова упрямое сопротивление как щит против собственной слабости. — Там, где нет веры, нет и силы! — из какой полузабытой книги он это почерпнул? — Нет существа без веры! — повторил он.

К своему изумлению, он услышал смех Эша, хотя в этом звуке и слышались истерические нотки.

— Нет веры, нет силы! — повторил старший агент. — Ты поймал нужную рыбу, Росс! Не наши боги живут здесь,

Карара, и они не имеют на нас прав. Держись за это, девушка, крепче держись!

*Вы, боги моря, неба, лесов,
Гор и долин,
Вы, собрания богов,
Вы, старшие братья нынешних богов,
Вы, боги, бывшие некогда,
Вы, что шепчете. Вы, что смотрите из ночи,
Вы, показывающие ваши блестящие глаза,
Спускайтесь, просыпайтесь, шевелитесь,
Идите по этой дороге, идите по этой дороге!*

Карара запела, вначале негромко, потом всё увереннее; она пела на собственном мелодичном языке, а потом переводила на английский, словно хотела заручиться поддержкой товарищей. В голосе её зазвучало торжество, и Росс почувствовал, что он разделяет её возбуждение. «Идите по этой дороге!» — подхватил он, как требование.

Сокрушающее ощущение бесчисленных лет оставалось, оно тянулось к землянам, пыталось охватить их, овладеть ими. Но они чувствовали себя свободными. И теперь они могут видеть! Посветлело, рядом с ними тянулись обычные стены. Росс протянул руку и коснулся жёсткой поверхности камня.

И снова на них обрушилось вкрадчивое давление из пространства и времени, когда стены отошли в сторону и они оказались в обширном пространстве, границ которого не видели. Здесь вновь почувствовалось чьё-то могучее присутствие, чья-то воля давила на людей.

— Спускайтесь, просыпайтесь, шевелитесь... — мольба Карары снова перешла в шёпот, голос её звучал хрипло, как будто рот пересох, слова произносились сморщенным языком, исходили из сухого горла.

На поверхности пола появились светлые полосы, они образовали причудливые узоры, один внутри другого. Росс

оторвал взгляд от этих рисунков. В них скрывалась опасность, он знал об этом без всякого предупреждения. Карара ногтями впиалась ему в руку, и он приветствовал эту боль: она помогала ему помнить, что он — Росс Мэрдок, удерживала его от чего-то совершенно чуждого.

Рисунки и линии чётко вырисовывались на поверхности. И три фоанны, раскачиваясь, словно на неощутимом ветру, маленькими танцующими шагами принялись продвигаться по этим линиям. Земляне оставались на месте, держась друг за друга, черпая друг в друге силы.

Назад, вперёд — танец фоанн продолжался, снова плащи их исчезли, и появились ярко-серебристые фигуры, они переходили от одного танцевального па к другому. Вначале по внешнему краю, потом внутрь, по спиралям и кругам. Никакого света, кроме алых ручейков на полу, серебристых тел фоанн, движущихся вперёд и назад.

И вот неожиданно три танцовщицы остановились и прижались друг к другу на открытом пространстве между рисунками. И Росса поразило впечатление смятения, сомнения, почти отчаяния, донёсшееся до землян. Фоанны двинулись назад, держась за руки, как и земляне и теперь три женщины остановились перед тремя путешественниками во времени.

— Слишком мало... нас слишком мало... — сказала та, что стояла в середине трио. — Мы не можем открыть Великую Дверь.

— А сколько нужно? — голос Карары больше не звучал испуганно и хрипло. Она, должно быть, перешла от страха к новому состоянию спокойствия.

Почему он так считает, бегло удивился Росс. Может, потому что сам испытывает теперь то же самое?

Полинезийская девушка высвободила руки, сделала шаг навстречу фоаннам.

— Вместо трёх может быть четыре...

— Или пять, — Эш подошёл к ней. — Если мы подходим...

Гордон Эш сошёл с ума? Или стал жертвой того, что

заполняет это место сосредоточения древних сил? Но это голос Эша, спокойный, полный здравого смысла, каким и помнит его Росс. Младший агент облизал губы: теперь у него пересохло в горле. Это не его игра, он не должен в ней участвовать. Однако он набрался сил и сказал:

— Шесть...

Ответ фоанн прозвучал предупреждением:

— Чтобы помочь нам, вы должны отбросить свою защиту, позволить своим личностям слиться с нами. И, сделав это, вы, возможно, никогда не станете прежними, вы изменитесь.

— Изменитесь...

Слово запульсировало эхом, может быть, не в том пространстве, где они стоят, но в голове Росса. Такому риску он раньше никогда не подвергался. Он часто рисковал в прошлом, но опирался при этом на свой ум и силы при решении имевшихся задач. Здесь же он должен открыться силам, с которыми не хотел бы встретиться, подвергнуться опасности, которой не существует там, где победа решается оружием и силой рук.

Да и вообще, это не его борьба. Какое дело землянам до того, что десять тысяч лет назад произошло с гавайкийцами? Он глупец; они все глупцы, что позволили себе вмешаться. Лысые и их звёздная империя — даже само существование этой империи — пока всего лишь предположение — исчезли задолго до того, как земляне вышли в космос.

— Если мы вам поможем, — спросил Эш, — сможете вы победить захватчиков?

Недолгое молчание, потом фоанны ответили:

— Мы не можем сказать. Знаем только, что в прошлом, за воротами, таится сила, которую мы можем вызвать крайним напряжением воли. Но знаем мы и то, что теперь нашу планету стремится покрыть Тьма, а там, куда упала Тьма, люди перестают быть людьми, они превращаются в злые существа в человеческом облике и подчиняются, как создания, лишённые разума. Пока что Тьма невелика. Но

она увеличивается, это в природе породивших её. Они наткнулись на силу, известную нам, и исказили её. Эта сила питается волей к власти. Воспользовавшись ею однажды, они уже не могут остановиться: легко начать, но результаты будут совсем не такими, на какие рассчитывали начинающие.

Вы говорили, что вы и другие путники во времени опасаетесь изменить прошлое. Здесь были сделаны первые шаги, чтобы изменить будущее, и если мы не примем меры защиты, будущего у нас просто не станет.

— И это ваше единственное оружие? — снова спросил Эш.

— Единственное достаточно сильное, чтобы справиться с тем, что высвободилось теперь.

Линии на поверхности пола засветились ярче. И хоть Росс закрыл глаза, он всё равно видел эти горящие рисунки.

— Мы не знаем как... — решился он высказать своё слабое возражение. — Мы не можем двигаться, как вы.

— Отдельно — нет, но вместе с нами — сможете.

Серебристые фигуры снова начали раскачиваться, туман, окутывавший их волосы, медленно растекался по сторонам. Карара подняла руку, и тонкие пальцы одной из фоанн встретились со смуглыми пальцами земной девушки. И Эш сделал то же самое!

Россу показалось, что он закричал, но он не был в этом уверен. Он увидел, как голова Карары начала покачиваться в такт движениям фоанн, её чёрные волосы извивались на плечах, как серебристые волосы этих загадочных женщин. Эш сознательно подражал движениям фоанн, и они вовлекали его в свой танец по огненным линиям.

И в последнее мгновение Росс понял, что момент для отступления упущен, ему некуда отступать. Руки его взметнулись, словно не по его воле, он испытывал ужас перед дальнейшим. Но он не мог оставить своих товарищей.

Прикосновение фоанны было прохладным, но ему

показалось, что обычная плоть коснулась плоти, пальцы сжали пальцы. И тут он ахнул. Весь ужас исчез; он испытывал необыкновенный прилив энергии и знал, что может направлять и использовать эту энергию как оружие. Ноги нужно поставить так... и вот так... Может, эти указания без слов исходили от фоанны, через её пальцы прямо ему в нервы, а по ним — в мозг? Он только твёрдо знал, каким должно быть следующее движение, а потом следующее, и ещё, и его движения присоединились к общему обязательному рисунку.

Четыре шага вперёд, один назад, внутрь и наружу. Слышит ли Росс на самом деле негромкую музыку, похожую на речь фоанн, или это шум его крови? Внутрь и наружу... Он не знал, что стало с другими; осознавал только собственную тропу, руку в своей руке, серебристую фигуру рядом с собой, с которой он теперь связан крепче, чем сетью пиратов.

Огненные линии у него под ногами задымились, шупальца дыма поднимались и извивались как волосы фоанн. Дым окутывал его тело. Теперь они двигались в дымном коконе, и он становился всё гуще и гуще, и теперь Росс не мог видеть даже сопровождавшую его фоанну, только по-прежнему чувствовал пожатие её руки.

И какая-то маленькая частичка его сознания отчаянно продолжала цепляться за это последнее реальное ощущение, связь между реальным миром и тем местом, куда он уходил.

Как найти слова, чтобы описать происходившее? Росс думал об этом той упрямой частью мозга, которая всё ещё принадлежала Россу Мэрдоку, земному агенту во времени. Ему казалось, что он больше не видит глазами, не слышит ушами, что у него проснулись иные чувства, которых не может быть у человека.

Пространство... не помещение... пещера — что-то реальное. Пространство, в котором что-то содержится.

Чистая энергия? Земной мозг пытался найти название для того, у чего не может быть названия. Может, именно

эта искорка памяти и сознания и дала ему одно-единственное мгновение «Видения». Трон? И на нём мерцающая фигура? На него посмотрели, оценили... и отложили в сторону.

Раздавались вопросы, которых он не слышал, и ответы, которых не понимал. И происходило ли это вообще?

Росс скорчился на холодном полу, совершенно опустошённый. Ничего не осталось от энергии и чувства здоровья и полноты ощущений, которое появилось у него в начале этого призрачного путешествия. Вокруг по-прежнему тускло горели рисунки. И когда он смотрел на них, у него начинала тупо болеть голова. Он почти начинал понимать, но был слишком истощён, чтобы сделать последнее необходимое усилие...

— Гордон?..

Руку его больше не сжимали; он один, один между двумя мерцающими рисунками. Одиночество обрушилось на него с силой физического удара. Он поднял голову, отчаянно пытаясь разглядеть товарищей. «Гордон!» На его мольбу ответили:

— Росс?

Встав на четвереньки, Росс из последних сил пополз в том направлении, время от времени останавливаясь и закрывая глаза руками, всматриваясь в щели между пальцами в поисках Эша.

Вот и он, спокойно сидит, голова поднята, словно он к чему-то прислушивается. Щёки впали, вид у него совсем измождённый, как у человека, исчерпавшего до предела все жизненные силы. Но лицо умиротворённое. Росс подполз и положил руку на колено Эша, только чтобы убедиться, что это не иллюзия. Пальцы Эша легли на руку младшего агента и сжали их, как недавно сжимала фоанна.

— Мы это сделали, сделали вместе, — сказал Эш. — Но где?.. почему?..

Вопросы были адресованы не ему, Росс знал это. Но в тот момент молодому землянину было всё равно, где они и что сделали. Достаточно, что кончилось ужасное одиночество, что рядом с ним Эш.

По-прежнему держа Росса за руку, Эш повернул голову, и позвал в светящееся пространство: «Карара?»

Она подошла к ним, не подползла, и не шатаясь из-за истощения, а подошла вполне прямо. По плечам её по-прежнему извивались тёмные волосы — да тёмные ли они? Казалось, в них замелькали светлые огоньки, волосы Карары приобрели светлый оттенок, напоминающий серебро фоанн. И ему кажется, подумал Росс, или действительно кожа её стала светлее?

Карара улыбнулась им сверху вниз и протянула обоим руки. И когда Росс коснулся её руки, он снова испытал прилив энергии, как и в тот раз, когда следовал за фоанной туманным лабиринтом.

— Пошли! У нас много дел.

Он не мог ошибиться: в её голосе зазвучала напевность фоанн. Каким-то образом она пересекла некий барьер, стала бледным, несовершенным, но всё же подобием трёх чуждых женщин. Может, именно это они имели в виду, когда предупреждали, что те, кто последует за ними, могут измениться?

Росс беспокойно перевёл взгляд с девушки на Эша. Нет, в Гордоне он не увидел никаких внешних перемен. И в себе тоже их не почувствовал.

— Идёмте! — Караре отчасти вернулась прежняя порывистость, девушка помогла им встать на ноги и потащила за собой. Казалось, она знает, куда идти, и мужчины покорно пошли за ней.

И вот они вышли из чуждого и странного в нормальный мир, вокруг каменные стены прохода, подъём постепенно становился таким крутым, что приходилось придерживать за неровности в стенах.

— Куда мы идём? — спросил Росс.

— Очищать... — загадочно ответила Карара. Она продолжала подниматься, почти не держась за стены. — Но торопитесь!

Они закончили подъём и оказались в другом коридоре, в него сквозь щели в стене пробивались ослепительные лучи солнца. Похоже на проход в стене замка Захура.

Росс через первую же щель выглянул наружу и увидел двор. Но если двор замка Захура кипел жизнью, здесь всё было тихо. Тихо, но не пустынно. Внизу стояли люди, с оружием, в шлемах. Он узнавал форму воинов из рода грабителей кораблей, видел серые фигуры слуг фоанн. Стояли они рядами, неподвижно, не разговаривая друг с другом, как будто приготовились к какой-то игре, в которой они всего лишь безголосые, безвольные пешки.

И в этой их неподвижности было что-то пугающее. Неужели они мертвы, но продолжают стоять?

— Идёмте! — Карара говорила шёпотом, рукой она торопила мужчин.

— Что?.. — начал было Росс.

Эш покачал головой. Эти неподвижные ряды внизу, готовые двинуться по первой команде. Они не живы — в том смысле, в каком земляне понимают жизнь.

Росс оставил свой наблюдательный пункт, готовый идти за Карарой. Но он не мог позабыть картину этих неподвижных рядов, это полное отсутствие выражения, делавшее лица стоявших нечеловеческими, даже более чуждыми, чем лица фоанн.

Глава 17

Тени против Тьмы

Коридор привёл в узкую комнату, передняя стена которой представляла собой не обычный камень крепости, а сплошную плиту, похожую на стекло.

Здесь находились и фоанны, снова в плащах. Каждая держала жезл, концом наружу. Они двигались медленно, но точными и уверенными движениями, словно занятые очень важной работой; концами своих жезлов они прощупывали все углубления в плите. Вниз, вверх, вокруг... ноги их вновь двигались в танцевальном ритме, а жезлы продолжали чертить линии.

— Пора!

Жезлы опустились, указывая теперь концами в пол. Фоанны двигались на равном расстоянии друг от друга. Затем разом, как одна, они подняли жезлы вертикально и с громким звуком соединили их.

Голубые линии, которые они вычерчивали на стене, потемнели, слились. Стеклоподобная плита дрогнула, раскололась и упала беспорядочной грудой осколков. И узкая комната превратилась в балкон над большим залом.

Внизу вдоль всего зала шла платформа, и на ней были смонтированы ряды овальных зеркальных дисков. Диски были повернуты под разными углами и каждый, отражая свет, устремлял яркий луч на одну из машин, чьи металлические конструкции, ошестинившиеся антеннами, казались странно не на месте в этом зале.

Снова поднялись в воздух жезлы фоанн. На этот раз из их наконечников показались не обычные искры, а мощные лучи света, голубого света, который, удаляясь от жезлов, постепенно становился всё темнее и внизу казался почти физически ощутимым.

Когда эти лучи соприкоснулись с овалами дисков, те начали покрываться трещинами и вскоре раскололись. Осколки со звоном посыпались на платформу. В дальнем конце зала, где стояли машины, началось беспорядочное движение. Стали ясно видны фигуры. Лысые! Росс выкрикнул предупреждение, увидев, как один из звёздных людей поднял оружие и нацелился на балкон, где стояли фоанны.

Молния с треском устремилась к балкону. Копья света встретились с искрами тьмы, и последовала вспышка, ослепившая Росса, звук, расколовший мир.

Землянин раскрыл глаза, но увидел не тьму, а ослепительный свет, вспышки, разрывавшиеся над ним большими пологими арками. Ослеплённый, оглушённый, он попытался вжаться в твёрдую поверхность, на которой лежал. Но невозможно было укрыться от этой бури света и грома. Пол под ним дрожал и раскачивался, как будто сам готов был расколоться на мелкие осколки.

Вся воля и способность двигаться исчезли. Росс мог только лежать и терпеть. Он не знал, что происходит, знал только, что рядом с ним сражаются враждебные силы, пытаясь за счёт друг друга, стараясь захватить господство.

Игра лучей света напоминала фехтование с его выпадами и уклонениями. Росс закрыл рукой глаза, чтобы убрать это невыносимое сверкание. Тело его корчило в такт энергетическим схваткам. Он чувствовал себя избитым, оступевшим, как человек, много времени пролежавший под огромной тяжестью.

Как это кончилось? Одним ужасающим громовым звуком и схваткой сил? И когда кончилось... часы... дни назад? Время не имело ничего общего с этим. Росс лежал в тишине, которой так жаждало его тело. Потом ощутил прикосновение ветра к лицу, ветра с солёным запахом моря.

Он раскрыл глаза и увидел над собой затянутое облаками небо. Потрясённо приподнялся на локте. Сплошных стен больше не было, только груды обломков, как разбитые зубы в оскаленном черепе. Открытое небо, тёмные облака, дождь.

— Гордон? Карара? — голос Росса прозвучал всего лишь слабым шёпотом. Росс облизал губы и попробовал снова: — Гордон!

Послышался ли ему в ответ стон? Росс прополз между двумя обрушившимися блоками. Лужа? Нет, это плащ одной из фоанн лежал на полу бывшей комнаты. Росс увидел и Эша. Землянин плечом поддерживал фоанну.

— Инвалда! — требовательно и напряжённо звал Эш. Фоанна шевельнулась, приподняла руку в летящем рукаве плаща.

Росс опустил на корточки.

— Росс... Эш? — он повернул на голос голову. Там стояла Карара, и вот она подошла, осторожно переступая через обломки, вытянув руки, глаза её широко раскрыты, но ничего не видят. Росс приподнялся и прошёл ей навстречу, обнаружив, что недавно прочный пол покачивается под ним; и ему тоже пришлось нащупывать путь

руками. Руки его сомкнулись на плечах девушки, земляне искали поддержки друг в друге.

— Гордон?

— Он там. Как ты?

— Думаю, всё в порядке, — голос её звучал слабо. — Фоанны... Инлан... Инвалда... — держась за него, она попыталась оглядеться.

То, что вначале было узкой комнатой, а потом балконом, превратилось в узкий навес над полным хаоса пространством. Исчез зал с овальными дисками, погрузившись в провал в земле, оттуда бил пар, что-то булькало, словно под землёй кипел огромный котёл.

Карара вскрикнула, и Росс оттащил её подальше от края пропасти. Теперь в голове у него прояснилось, и он решил попытаться найти выход из этого опасного места. Остальных двух фоанн не было видно. Может, их втянуло в ад, который они сами открыли своим применением энергии против вторжения лысых.

— Росс, смотри! — воскликнула Карара, указывая рукой. Под мрачными надвигающимися грозовыми тучами поднимался шар, как пузырь поднимается к поверхности воды прежде чем лопнуть. Корабль — корабль лысых улетал из разрушенной крепости! Итак, враг всё-таки выжил в этом испытании сил!

Шар маленький, разведчик, используемый для испытательных полётов в атмосфере, решил Росс. Вначале он поднимался вертикально, потом полетел в глубь суши, обгоняя надвигавшуюся бурю, и через несколько мгновений исчез из вида. Он отступал? Или направился за подкреплениями?

— Лысые? — спросила Карара.

— Да.

Она ладонью вытерла лицо, смешав грязь и сажу на щеках. Дождь пошёл сильнее, и Росс увлёк девушку в нишу, где укрывались Эш с фоанной. Женщина в плаще сидела, сжимая в руке жезл, теперь наполовину сгоревший.

Эш посмотрел на них так, словно впервые вспомнил об их существовании.

— Корабль лысых только что улетел в глубь суши, — сказал ему Росс. — Других фоанн мы не видели.

— Они ушли делать то, что должны, — ответила спутница Эша. — Итак, кое-кто из врагов бежал. Ну, что ж, может, они усвоили урок и не будут больше вмешиваться со своими механизмами. Ахх, как много ушло такого, что больше никогда не вернётся! Никогда...

Она подняла полурасплавленный жезл, повертела его перед собой, потом отбросила. Он упал в котёл, в который превратился зал. На легко одетых землян обрушился поток холодного дождя.

Эш помог фоанне встать. Несколько мгновений она медленно поворачивалась, разглядывая руины. Потом заговорила: «Сломанные стены не имеют ценности. Беритесь за руки, мои братья и сестра, нам пора уходить отсюда».

Карара взяла Росса за правую руку, Эш — за левую, оба они в свою очередь взяли за руки с Инвалдой. И тут же оказались во дворе, где под проливным дождём лежало множество тел. Среди них расхаживали две остальные фоанны, время от времени нагибаясь и осматривая лежавших. Примерно в одном из трёх случаев они устраивали консультацию, потом проводили жезлом по некоторым частям тела. И тогда человек начинал шевелиться, стонать, снова выказывать признаки жизни.

— Росс!.. — из-за полуобрушившейся стены выполз гавайкиец, на котором не было привычного вооружения. Жаберный ранец, маску и ласты с него сняли. На лице у него краснела царапина, левую руку он прижимал к телу, поддерживая её правой.

— Балеку!

Пират приподнялся и теперь стоял, покачиваясь. Росс быстро подхватил его и не дал упасть.

— Где Локет? — спросил землянин.

— Убийцы женщин взяли его, — пират проговорил это с немалым трудом, пока Росс вёл его туда, где фоанны

собирали тех, кого им удалось оживить. — Они хотели узнать... — Балеку, очевидно, говорил с большим трудом... — откуда мы пришли... и где взяли эти ранцы.

— Итак, они о нас знают или узнают, если Локет им расскажет, — Эш с помощью Росса закреплял сломанную руку пирата. — Сколько их было, Балеку?

Голова пирата медленно повернулась из стороны в сторону. «Не знаю. Всё это... было... как сон. Я плыл через морские ворота. И вдруг оказался в другом месте, где меня ждали эти, со звёзд. Они отобрали у нас ранцы и пояса и стали спрашивать у нас, откуда это. Локет словно находился в глубоком сне, и они оставили его и стали расспрашивать меня. Потом послышался громкий шум, пол под нами задрожал, в воздухе засверкали молнии. Двое убийц женщин выбежали из комнаты, и все они были очень возбуждены. Взяли Локета и унесли его, вместе с ним ранцы и все остальные вещи. А меня оставили одного, но я не мог двигаться, как будто лежал в невидимой сети.

Потом всё больше и больше вспышек. В дверях появился один из убийц женщин. Он поднял руку, и ноги у меня освободились, но я мог только идти за ним. Мы прошли по залу и вышли во двор, где неподвижно стояли люди, хотя со стен на них начали падать камни и земля задрожала...»

Голос Балеку зазвучал резче, пират заговорил быстрее. «Тот, что вёл меня за собой по своей воле, вдруг закричал и прижал руки к голове. Побежал в одну сторону, потом в другую, сталкиваясь со стоящими, однажды наткнулся, словно слепой, на стену. А потом исчез, и я остался один. Камни продолжали падать, один ударил меня по плечу, и я упал на землю. И лежал, пока вы не пришли».

— Так мало... из многих так мало... — рядом с ними стояла одна из фоанн, по плащу её стекал дождь. — А что касается этих... — она взглянула на ряды тех, кого не удалось оживить, — для них всё кончено. Они погибли так беспомощно, словно вышли на схватку с вооружённым мечом противником, а у самих руки связаны! Здесь совершенно великое зло.

Эш покачал головой. «Да, зло, Инлан, но не вы его искали. И те, кто беспомощно погиб здесь, может быть, лишь малая доля тех, кто ещё будет принесён в жертву. Вы забыли о бойне в Кин Эдде и на других островах, где женщин и детей убивали ради цели, о которой мы даже ещё не знаем?»

— Леди, Великая... — Балеку пытался сесть, и Росс помогал ему. — Та, для которой я готовил брачную чашу, стала мясом для них в Кин Эдде, вместе со многими другими. И если к этим убийцам не приложить лезвие меча, другие острова испытают ту же участь. Эта Тьма обладает силой, которая делает человека беспомощным и влечёт его на смерть. Великая, у тебя есть сила: все знают, что ветер и волна повинуются тебе. Используй своё волшебство! Лучше пасть от известной силы, чем погибнуть от заклинаний, которыми связывают людей эти убийцы!

— Это оружие они больше никогда не смогут использовать, — ответила Инвалда со своего каменного блока. — И, может быть, это было самое опасное их оружие. Но в борьбе с ним мы и сами ослабли. Крепость этих людей не на берегу, а в глубине суши. И их предупредят те, кто бежал отсюда. Ветер и волна, да, в прошлом они не раз нам служили. Но теперь мы узнали, что наша сила не самая сильная! К тому же за это, — она жестом обвела развалины цитадели, — за это будет и расплата!

Может быть, фоанны и обладали властью над бурями, но нынешний потоп им не подчинился. Ошеломлённые и раненые, уцелевшие обитатели крепости скрывались в подземных переходах.

Никаких сведений об армиях грабителей кораблей, осаждавших крепость, кроме тех, что оказались во дворе, не было. Но в ближайшие часы постепенно начали возвращаться те, кто поколениями служили фоаннам. И сами фоанны открыли морские ворота, чтобы корабли пиратов смогли причалить в небольшой гавани под разрушенными стенами.

Не очень-то серьёзная сила, к тому же недостаточно

оснащённая, чтобы выступить против лысых. В развалинах нашли тела пятерых звёздных людей, но корабль улетел, и остальные будут предупреждены. И, по мнению Росса, преимущество всё ещё на стороне захватчиков.

Но гавайскийцы не хотели смириться с мыслью, что сила не на их стороне. Как только буря начала стихать, корабль Онгала направился на север, к островам других кланов, с которыми пираты состояли в родстве. А Афрукта с таким же поручением отплыл на юг. Некоторых из грабителей разослали с предупреждением их лордам. Но вопрос о том, какую силу можно собрать такими средствами и насколько она будет эффективной, оставался открытым, и земляне изрядно беспокоились.

Карара вместе с фоаннами исчезла во внутренних переходах под крепостью. Эш и Росс остались с Торгулом и его офицерами, пытаясь внести в окружавший их хаос хоть какой-то порядок.

— Мы должны точно узнать, где их логово, — высказал очевидную мысль Торгул. — Вы считаете, что в горах, и они оттуда могут летать в своих небесных кораблях. Что ж, — он расправил карту, — вот горы на этом острове, они идут в этом направлении. Любая армия, подходящая к ним, будет замечена с небесных кораблей. К тому же горы очень обширны. Где в них нам нужно искать? Могут потребоваться десятки дней, чтобы их найти, а они будут знать, где мы, следить за нами сверху и спокойно готовиться к нашему приходу...

И снова Росс мысленно оценил способности капитана ухватиться за самое важное.

— У тебя есть решение, капитан? — спросил Эш.

— Вот здесь река, — задумчиво сказал Торгул. — Может, я думаю прежде всего о воде, потому что я моряк. Но река протекает в нужном направлении, и мы можем по ней подняться... — он указал пальцем. — Но она протекает по территории Кликмаса, а он сейчас самый сильный из лордов грабителей, и его меч всегда был направлен против нас. Не думаю, чтобы мы смогли уговорить его...

— Кликмас! — прервал капитана Росс. Оба вопросительно посмотрели на него, и юноша повторил рассказ Локета о повелителе грабителей, который имеет дела с «силой с гор» и оттуда получил приспособления для притягивания кораблей.

— Вот оно как! — воскликнул Торгул. — И это злое дело Тьмы с гор! Нет, в таких обстоятельствах я не думаю, чтобы мы смогли уговорить Кликмаса поддержать наш поход. Ведь эти, с гор, помогли ему стать главным среди лордов. Наоборот, он, скорее, выступит против нас.

— Если не использовать корабли на реке, — Эш пальцем ударил по карте, — может, один или несколько небольших отрядов смогут пробраться вот здесь и пересечь реку в предгорьях.

Торгул мрачно разглядывал карту. «Не думаю. Даже небольшие отряды будут замечены людьми Кликмаса. Тем более, если будут направляться в глубь территории. Он не захочет делить свои тайны с другими».

— Но, допустим, отряд с фоанной.

Капитан пристально взглянул на Эша. «Тогда он не посмеет. Да, я уверен, он не посмеет вмешаться. Не настолько высоко он поднялся, чтобы обнажить против них меч. Но согласятся ли фоанны?»

— Если не фоанны, то люди в их одежде, — медленно проговорил Эш.

— Другие в такой же одежде, — повторил Торгул, нахмурившись. — Никто не согласится одеться фоанной: его за это уничтожит их сила. Если фоанны сами поведут нас, мы пойдём с радостью, зная, что их волшебство с нами.

— Вот ещё что, — вмешался Росс. — Теперь у лысых ранцы, которые они отобрали у Локета и Балеку, у них и сам Локет. Они захотят побольше узнать о нас. Мы надеялись, что цитадель привлечёт их, послужит приманкой, так и получилось. Но наш план захватить их здесь провалился. Я уверен, что если лысые узнают о нашем приближении, они не станут сразу нападать на нас,

надеясь захватить нас невредимыми. Они пойдут на такой риск.

Эш кивнул. «Согласен. Мы и есть то неизвестное, что они должны установить. И я уверен — будущее этой планеты и всех её жителей теперь зависит от нашего выбора. Надеюсь, что мы сделаем правильный выбор».

Торгул скупо улыбнулся. «Мы живём в опасное время: тени требуют наши мечи, чтобы выступить против Тьмы!»

Глава 18

Изменится ли будущее?

День стоял облачный, как и все остальные с того времени, как они начали незаметное проникновение в горную местность. Росс не мог согласиться с мыслью о том, что фоанны действительно могут распоряжаться ветром и волной, бурей и солнцем, как верили все гавайкийцы, но до сих пор погода им благоприятствовала. И теперь они достигли пункта, за которым начиналось самое сердце вражеской территории. Относительно дальнейшего пути у Росса имелись собственные соображения. И он не собирался делиться ими ни с Эшем, ни с Карарой. Но той, что ждала его, ему придётся рассказать всё.

— Ты не изменил своего решения, младший брат?

Он не повернул головы, чтобы взглянуть на фигуру в плаще. «Не изменил!» В этом Росс был твёрд.

Землянин попятился из укрытия, из которого наблюдал за каньонообразной долиной, где находился корабль лысых. Потом встал на ноги и оказался лицом к лицу с Инлад. Его собственный плащ развеялся на ветру, обнажая пластинчатые доспехи пиратов под ним.

— Ты сможешь сделать это для меня? — спросил он в свою очередь. В последние дни фоанны не раз говорили, что странная битва в крепости истощила их силы и ограничила возможности «волшебства». Прошлым вечером они обнаружили впереди силовой барьер, и телепор-

тировать через него весь отряд было просто невозможно.

— Да, но только для тебя одного. Потом на какое-то время мой жезл лишится силы. Но что ты сможешь сделать в их крепости? Ты станешь их лёгкой добычей.

— Там не может оставаться их слишком много. Корабль небольшой. Пятерых они потеряли в крепости, ещё троих взяли в плен пираты. Не видать разведочного корабля, который, как мы знаем, у них есть. Значит, на нём улетело какое-то количество. Я не встречусь с целой армией. А их оружие, вероятно, питается от установки на корабле. Тут можно принести большой ущерб. И даже если корабль поднимется... — вот тут он не знал, что в таком случае сможет сделать: дальше всё зависело от импровизации, от решений, принятых в последний момент.

— Ты собираешься отправить корабль?

— Не знаю, возможно ли это? Нет, вероятно, я смогу только отвлечь их внимание и снять силовое поле, чтобы смогли напасть и остальные.

Росс знал, что должен сделать это. Он не может оставаться простым зрителем. Чтобы сохраниться как Росс Мэрдок, он должен действовать.

Фоанна не стала с ним спорить. «Где?..» Её длинный рукав развевался, когда она указала на каньон. Всё небо затянуто тучами, но в каньоне светло... слишком светло, чтобы он смог незамеченным добраться до корабля. Идти туда означало верную гибель.

Но у Росса родилась другая, гораздо более многообещающая идея. Фоанны переместили их всех на палубу корабля пиратов, попросив мысленно представить её себе. А внешне корабль лысых перед ними был точной копией того, в котором Росс совершил фантастическое путешествие по давно исчезнувшей звёздной империи. Такой корабль он знает!

— Ты можешь перенести меня на корабль?

— Если ты его хорошо помнишь — да. Но откуда ты знаешь о таких кораблях?

— Я провёл на одном таком много дней. Если они одинаковы, я его хорошо знаю.

— Но если они неодинаковы, попытка может погубить тебя.

Пришлось принять это предупреждение. Но внешне это всё же точная копия. А ещё он исследовал разбитый корабль на родной планете за тысячи лет до того, как возникла его собственная раса. И на обоих кораблях имелось помещение, абсолютно идентичное — если не считать размеров, и именно это помещение лучше всего подходило для его целей.

— Отправь меня — туда!

Закрыв глаза, Росс представил себе рубку управления. Сидения, которые в сущности не сидения, а подвешенные перед рядами кнопок и рычагов сетки; установки, за которыми он наблюдал, пока они не стали ему знакомы, как потолок каюты над койкой, где он спал. Воспоминания очень яркие. Он почувствовал прикосновение прохладных пальцев фоанны к своему лбу. И открыл глаза...

Ветер пропал, он сам стоял непосредственно за пилотским креслом лицом к экрану и рядом приборов, как стоял много раз в галактическом корабле. Получилось! Он в рубке управления космического корабля. И он жив — слышит слабое гудение в воздухе, видит игру огоньков на контрольном щите.

Росс натянул на голову капюшон плаща фоанны. Он приучил себя к этой одежде, но иногда она всё же мешала, а не помогала. Медленно повернулся. В помещении лысых не было, но дверь, ведущая в колодец на нижние уровни, открыта и из неё слышны негромкие звуки. Корабль населён.

Не в первый раз с начала этого необычного приключения Росс пожалел об ограниченности своей информации. Несомненно, кнопки перед ним управляли установками, которые очень помогли бы ему. Но какие именно кнопки, он не знал. Однажды в такой же каюте он привёл в действие установку связи и тем самым привлёк внимание лысых к разбитому кораблю, который исследовали земляне. И лишь случайно месть лысых обрушилась только на станции красных, а не на его товарищей.

Теперь он не станет касаться кнопок, но вот эти приборы, с одной стороны щита, каким-то образом связаны с обстановкой внутри корабля, и они его чрезвычайно искушали. Однако действовать вслепую — слишком рискованно. Пора предпринять необходимые предосторожности.

Из очень знакомого ящика рядом с пилотским креслом Росс достал несколько маршрутных дисков, торопливо просмотрел их в поисках такого, на котором нашлись бы знакомые символы. Нашёл только один такой диск. Положив остальные назад в ящик, Росс нажал кнопку на контрольном щите.

И снова его догадка подтвердилась! Из узкой прорези выскользнул ещё один диск. Росс извлёк его и положил на его место тот, что только что отобрал. Теперь, если его выбор правилен, корабль, при условии, конечно, что экипаж не проведёт проверки, после взлёта направится не на базу, а на другую примитивную планету. И, может быть, недостаток топлива приведёт к тому, что корабль навсегда останется там. Он не может вывести корабль из строя, но это лучший способ добиться того, чтобы враг не вернулся с подкреплениями.

Найденный диск Росс сунул в карман, чтобы уничтожить его при первой же возможности. Потом осторожно прошёлся по каюте, заглянул в колодец и прислушался.

Стены испускали рассеянный свет. Сверху землянину видны были по крайней мере четыре уровня. Нижние два отведены под продовольствие и другие запасы. Потом помещение двигателей, над ним технические лаборатории, и непосредственно под рубкой — каюты экипажа.

Через стены корабля тело его ощущало вибрацию — это работали двигатели. Один из них приводит в действие силовое поле, окружившее корабль, а может, и оружие захватчиков.

Росс повернулся, широко взмахнув плащом фоанн. Есть прибор, который он хорошо знает. Да, панель ему знакома. Руки его устремились к ней, рычаг был передвинут в своей прорези и поставлен в крайнее положение. Росс прижался

к стене. Тот, кто поднимется по колодцу, чтобы проверить, в чём причина отказа, будет смотреть в другую сторону. Росс чуть присел, далеко на плечи откинув капюшон, чтобы освободить руки. В его позе была кошачья грация, он напоминал дикую кошку, приготовившуюся броситься на добычу.

Внизу слышался какой-то возглас, стук ног на кольцах лестницы. Губы Росса раздвинулись в кошачьей гримасе. Он был уверен, что получится! Космонавты всегда очень чувствительны к нарушениям в подаче воздуха.

Белая голова, совершенно лишённая волос, худые плечи, слегка согнутые под лавандово-синим костюмом... Голова была повернута как раз таким образом, чтобы увидеть нужный рычаг. Чужак испустил восклицание и...

Но ему так и не удалось завершить поворот и оглянуться. Росс прыгнул и резко ударил ребром ладони. Безвольная голова дёрнулась вперёд. Руки Росса уже ухватили безвольное тело, землянин поднял чужака и бросил его на стол. И уже собрался связывать его, как обнаружил, что лысый мёртв. Удар, который должен был лишь оглушить чужака, оказался слишком силён. Чуть запыхавшись, Росс сунул тело в кресло пилота и закрепил ремнями. Одним меньше — сколько же осталось?

Но времени подумать об этом у него не было, потому что прежде чем он смог добраться до колодца, снизу слышался крик, резкий и требовательный. Землянин обыскал свою жертву, но лысый был безоружным.

Снова крик. Молчание — слишком полное. Как они могли так быстро догадаться? Может, сработала умственная связь лысых... они, возможно, уже знают, что их товарищ мёртв.

Но не знают, как он умер. Росс готов был признать необычные способности лысых, но не мог себе представить, что они узнали, что произошло в рубке. Подозревают опасность, но не знают, в какой она форме. И рано или поздно кто-нибудь из них снова поднимется, чтобы передвинуть рычаг. Кто кого переждёт.

Росс присел на краю колодца, стараясь расслышать малейшие звуки и по ним догадаться, что происходит внизу. Показалось ли ему или действительно ритм вибрации изменился? Он прижал ладони к полу. Но у него не было полной уверенности. Хотя, какое-то изменение всё же произошло.

Вряд ли они смогут долго ждать, не изменяя регулировки поступления воздуха. Снова Россу мешал недостаток информации. Возможно, лысым нужно меньше кислорода, чем людям. И если это так, то в игре выживания Росс пострадает первым. Но воздух — не единственное, что он может отрезать отсюда, хотя тот и пришёл ему в голову первым. Росс колебался. Обоюдоострое оружие, может ранить обе стороны. Но он должен вынудить их действовать. Он передвинул ещё один рычаг. Рубка управления и весь корабль погрузились во тьму.

На этот раз снизу не донеслось ни звука. Росс представил себе знакомые помещения корабля. Ниже двумя уровнями помещение двигателей. Сможет ли он незаметно спутиться туда? Есть только один способ проверить — попытаться!

Он закутался в плащ фоанны и уже спустился на несколько колец, когда стены снова осветились. Запасное освещение? Росс бросился в один из радиальных боковых коридоров. Овальные двери вдоль него оказались все закрыты. За ними ни звука. Но вибрация корабля усилилась.

Теперь землянин понял, что совершил глупость. Тут он в ловушке — гораздо более опасной, чем в рубке. Выход только один — вверх или вниз по лестнице, и враг, наверное, за лестницей наблюдает. Лысым останется только пустить в ход огненный луч или парализатор, такой, какой они применили несколько дней назад к Эшу.

Росс двинулся по коридору. Сзади, со стороны лестницы, раздался негромкий звук, лёгкий звук шагов. Кто-то поднимался. Может, его обнаружили телепатически, по излучаемым мыслям поняли, что на борту чужой? Но

лысые побаиваются фоанн и захотят захватить одну из них живьём. Росс закутался в плащ, стараясь полностью скрыть свою фигуру, как это делают подлинные хозяева плаща.

Но тот, кто с трудом поднимался по лестнице, оказался не лысым. Показались тощие руки гавайкийца, худое лицо, измождённое, осунувшееся, совершенно лишённое выражения — Локет! Под таким же ужасным заклятием, что и воины во дворе крепости. Может, чужаки используют гавайкийца в качестве щита и движутся за ним?

Локет повернул голову, его пустой взгляд устремился к Россу. В глубине его что-то дрогнуло, появилась искра узнавания. Гавайкиец умоляюще протянул руку и опустил-ся на колени.

— Великая! Великая! — слова со свистом выходили из его рта. Тело расслабилось, он лёг лицом вниз, ноги задёргались, как будто он хотел убежать, но не мог.

— Фоанна! — это слово, казалось, произнесли сами стены.

— Фоанна... Мудрая знает, что перед ней, когда одна идёт во тьме, — гавайкиец говорил с трудом, с каким-то странным акцентом, но слова его были понятны.

Росс стоял неподвижно. Может, они видят его глазами Локета? Или просто услышали его возглас? Они считают его фоанной. Что ж, он сыграет эту роль.

— Фоанна! — на этот раз резче, требовательней. — Ты в наших руках. Нам достаточно щёлкнуть пальцами, и тебя не будет.

Росс вспомнил, что пела Карара в храме фоанн — не полинезийские слова, а английские, когда она переводила. Подражая голосом фоанне, Росс, импровизируя, запел:

*Вы, сорок тысяч богов,
Вы, боги моря, неба — и звёзд,
Вы, старшие боги,
Вы, боги, бывшие некогда,
Вы, что шепчете, что смотрите из ночи,
Вы, чьи глаза сверкают...*

— Фоанна! — в призыве зазвучало нетерпение. — Твои трюки не сдвинут наши горы!

— Вы, боги гор, — ответил Росс, — боги долин и теней, но не Тьмы, — он ввёл и верования этого мира. — Идите в этот мир меж звёздами! — уверенность его росла. Теперь нет необходимости оставаться запертым в коридоре. Он должен использовать шанс: они не решатся сразу убить фоанну.

Росс направился к колодцу, медленно спустился по лестнице, продолжая кутаться в плащ. На следующем уровне у входа больше простора и три дверные панели. За одной из них те, кого он ищет. Его охватила странная уверенность, вера в себя, как будто плащ придал ему силы, приписываемые фоаннам.

Он нажал на дверь справа от себя, распахнул её и вошёл, словно имел на это право.

Перед ним встали трое лысых. На взгляд землянина, они были совершенно одинаковы, но у того, что сидел в центре, на лице отражалось холодное высокомерие, безжалостная полуулыбка, и Росс пристально посмотрел на него. Землянин тосковал по жезлу фоанны и способности пустить его в ход. Если бы он мог применить энергию жезла, он подавил бы сопротивление лысых. Но теперь на него были нацелены две парализующих трубки.

— Ты пришла к нам, фоанна. Что ты можешь предложить? — спросил капитан, если действительно таков его ранг.

— Предложить? — Росс впервые заговорил. — Фоанне незачем предлагать что-либо, убийца женщин и детей. Возможно, вы пришли со звёзд, чтобы брать, но это не значит, что мы собираемся отдавать.

Он теперь ощутил попытку вмешательства в мозг, попытку подавить его волю — вероятно, самое хитрое их оружие. Однажды они почти подчинили его себе, но тогда на нём была их одежда, космический костюм, взятый с разбитого корабля. Теперь только упрямая независимость и стремление оставаться самим собой дают ему возможность сопротивляться невидимому влиянию.

— Мы предлагаем тебе жизнь, фоанна, свободу звёзд. Ничтожества, живущие на этой планете, ничто для тебя, зачем тебе поднимать оружие в их защиту? Ты не их расы.

— Вы тоже! — руки Росса под плащом двинулись, расстёгивая две скрытых пряжки. Приборы перед креслом капитана — вывести их из строя. И он рассчитывает на Инлан. Теперь пираты уже собрались у входа в каньон, ожидая, когда откажет силовое поле и они смогут пройти.

Росс напрягся, приготовившись к действиям. «У нас кое-что есть для вас, люди со звёзд, — он старался словами отвлечь их внимание, — вы ещё не знаете всей силы фоанн... они умеют распоряжаться ветром и волной. Они могут в мгновение ока перемещаться в пространстве. И ещё это — смотрите!»

Старейший в мире трюк, возможно, на любой планете. Но именно из-за его древности, вероятно, лысые о нём забыли. Потому что, когда Росс указал, все они одновременно повернули головы.

Он одним прыжком взлетел в воздух, плащ разлетелся, как крылья летучей мыши. И ударился о приборы управления. Росс попытался давлением тела одновременно прижать как можно больше кнопок и ручек. Он не мог знать, добьётся ли этим своей цели. Но знал, что у него всего несколько секунд, и намерен был использовать их как можно лучше.

Один из лысых упал на пол, второй наносил ему слабые неэффективные удары. Но третий высвободился и извлёк парализатор. Росс развернулся, увлекая за собой чужака, который в этот момент выстрелил. И хоть чужак обмяк и повис в хватке Росса, рука самого землянина отяжелела и повисла, грудь онемела, а голова упала, словно на неё обрушился удар пиратского топора. Росс покачнулся и упал, левая рука его при этом продолжала рвать приборы. И вот он лежит на полу и видит рядом с собой искажённое лицо капитана, и парализатор нацелен ему в живот.

Каждый вдох доставлял мучительную боль. Красный туман заполнил мир. Боль... Росс пытался уйти от неё, но она не отпускала. И боль всё усиливалась.

— От... пус... ти... — он хотел выкрикнуть это. А может, и крикнул, но его продолжало придавливать к полу. Потом он заставил себя открыть глаза. Эш... Эш и одна из фоанн склонились к нему. Эш руками нажимал ему на грудь, отпускал, снова нажимал.

— Хорошо... — он узнал голос Инвалды. Руки её легко легли ему на лоб, и при этом прикосновении Росс снова овладел своим телом, почувствовал прилив энергии, как и тогда, в начале странного танца.

— Как?... — начал он и тут же поправился: — Где?.. — потому что он находился не в двигательном отделении корабля. Он лежал под открытым небом, ожившие лёгкие заполнял сладкий, пропитанный дождевой влагой воздух; лёгкие теперь работали без помощи Эша.

— Всё кончено, — сказал ему Эш. — Всё кончено — пока.

Но только когда солнце несколько часов спустя осветило дно каньона и собрался совет, Росс узнал все подробности. Точно так же, как он запланировал проникновение на космический корабль, свою попытку предприняли Эш, Карара и дельфины. Река, глубоко уходившая в горы, дала возможность приблизиться дельфинам, и они проплыли под силовым полем, которое у поверхности воды кончилось.

— Лысые были настолько убеждены в своём преимуществе на этой примитивной планете, что кроме силового поля никакой охраны не выставили, — объяснил Эш. — Мы проплыли к кораблю. И тут, благодаря тебе, отключилось силовое поле.

— Так что я всё-таки немного помог, — Росс сухо улыбнулся. Но он не жалел о своей попытке. То, что он предпринял это в одиночку и добился своего, уменьшало боль. Он смотрел на Эша и вспоминал, как было когда-то. Эш может быть — всегда будет — его другом, но старое партнёрство в Проекте осталось позади, исчезло, словно ворота времени.

— А что вы будете делать с ними? — Росс кивнул в

сторону пленных, троих с корабля, ещё двоих с меньшего разведочного шара, который прилетел домой и попал в руки поджидавших врагов.

— Подождём, — ответила Инвалда, — пока соберутся пираты с кораблей. По нашим законам, они заслуживают смерти.

Пираты, присутствовавшие на совете, энергично кивнули, все, кроме Торгула и Джазии. Первой заговорила женщина с пиратского сотрова.

— На них лежит Проклятие Путки. Жить под этим проклятием хуже быстрой смерти. Послушайте, я считаю, что лучше позволить им унести это проклятие к тем, кто их послал...

Теперь кивнули фоанны. «Достаточно убийств, — сказала Инлан. — Нет, воины, мы говорим это не потому, что хотим спасти их от справедливого наказания. Но Джазиа сказала правду. Пусть улетают. Может, они сумеют убедить своих предводителей, что наш мир не похож на спелую квайу, которую легко сжать и съесть с семенами. Вы верите в свои обычаи, пираты, пусть же плоды одного из них вырастут среди звёзд!»

Росс подумал, стоит ли рассказать о подменённом диске. Нет, он не верит, что проклятие пиратов подействует на предводителей звёздных людей. Но если захватчики не вернутся на базу, их исчезновение может помешать новой экспедиции на Гавайку. А если дать время, подействует и проклятие...

Так и было решено.

— Мы победили? — спросил позже Росс у Эша.

— Ты хочешь спросить, изменили ли мы будущее? Кто может ответить? Они могут вернуться с подкреплениями. Эти пилоны по-прежнему могут стоять в будущем над пустым морем и землёй. Вероятно, мы сами никогда не узнаем.

И это тоже правда. И для них судьба подменила диски, и теперь их настоящее — это Гавайка. Росс Мэрдок, Гордон Эш, Карара Трехерн, Тино-рау, Тауа — пятеро

землян навсегда затерялись во времени, и будущее их туманно. Неужели этот мир станет пустым и лишённым жизни или превратится во что-то другое? Да — или нет. Они нашли ключ к загадкам времени, но не могут повернуть его, а ключа к закрывшимся за ними воротам у них нет. Они заключены во времени. Росс огляделся. Да, настоящее, но и оно может принести удовлетворение...

Содержание

ПАТРУЛЬ НЕ СДАЕТСЯ! 4

Перевод Лоры Гридневой

КЛЮЧ ИЗ ГЛУБИНЫ ВРЕМЕН 192

Перевод Д. Арсеньева

Андрэ Нортон
ВОЙНА ВО ВРЕМЕНИ
книга вторая

Литературно-художественное издание

Председатель редакционной коллегии
Гусейнов И.

Ответственный редактор
Голованёв М. В.

Художественный редактор
Прилипка К. В.

Технический редактор
Казачек В. Н.

Сдано в набор 05.10.93. Подписано в печать 02.11.93.
Формат 84×108 1/32. Бумага типографская.
Печать высокая. Гарнитура «Таймс». Уч.-изд. л. 20,8.
Физ. п. л. 11. Тираж 75 000 экз. Заказ № 1535. «С»—15.

Издательская лицензия ЛР № 070157 от 02.10.91.

Набор и верстка АО «Музыка сфер»

Издание подготовлено при участии ОДИГО ВФО.
Одинцово, Можайское шоссе, 77.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ордена Трудового
Красного Знамени ПО «Детская книга», Мининформпечати
РФ. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

ANDRE NORTON AGENCY

представляет права на публикацию
произведений зарубежных авторов и
художников. Тематическое и жанровое
составление, детективы, фантастика,
триллеры, ужасы, вестерны,
музыкальная литература...

Майкл МУРКОК, Глен КУК,
Джеймс УАЙТ, Сара ПАРЕЦКИ,
Тед ВУД, Джеймс ГРАНТ,
Эдвард ЛИ, Эрл МЭРФИ,
Майкл ВЕЛАН,
Родни МЭТТЬЮ и др.

Книготорговый отдел
издательства

«СИГМА-ПРЕСС»

**предлагает книжную продукцию
в ассортименте.**

*Покупая книги по нашим ценам,
Вы покупаете их у себя в городе.*

Если Вы получаете книги
в железнодорожных контейнерах,
ЗНАЙТЕ — так работали ВЧЕРА.
СЕГОДНЯ есть более оперативный
способ доставки.

**В ЛЮБОЙ ГОРОД РОССИИ
МЫ ДОСТАВИМ
КУПЛЕННЫЕ У НАС КНИГИ
В ТОЧНО ОГОВОРЕННЫЙ СРОК.**

Форма оплаты по договоренности.
Минимальная партия — 1700 пачек.

МЫ ЖДЕМ ВАС!

